

УДК 340(082)
ББК 67я43
А43

Рекомендовано
Советом юридического факультета
Белорусского государственного университета
(протокол № 1 от 17 сентября 2012 г.)

Редакционная коллегия:
*С. А. Балащенко (гл. ред.), С. А. Калинин (зам. гл. ред.),
С. М. Сивец (зам. гл. ред.), Г. А. Василевич, И. Р. Веренчиков,
В. Н. Годунов, Л. Л. Голубева, Т. А. Червякова,
О. И. Чуприс, А. В. Шидловский*

Рецензенты:
*А. Г. Тиковенко, судья Конституционного Суда Республики Беларусь,
доктор юридических наук, профессор;
С. В. Решетников, заведующий кафедрой политологии юридического
факультета БГУ, доктор политических наук, профессор*

Актуальные вопросы совершенствования правовой системы на
A43 современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., по-
священной 90-летию профессора С. Г. Дробязко. Минск, 11–12 окт.
2012 г. / редкол. : С. А. Балащенко (гл. ред.) [и др.]. – 2-е изд., испр. и
доп. – Минск : БГУ, 2012. – 307 с.

ISBN 978-985-6939-50-4

В сборник вошли доклады и тезисы выступлений ученых и практикующих юристов Республики Беларусь и зарубежных стран на Международной конференции, посвященной актуальным вопросам совершенствования правовой системы на современном этапе.

Адресуется студентам и преподавателям юридических вузов, магистрантам и аспирантам, а также юристам-практикам.

УДК 340(082)
ББК 67я43

ISBN 978-985-6939-50-4
ISBN 978-985-518-423-3

© БГУ, 2012
© БГУ, 2011

ДОКЛАДЫ

ПРАВОВЫЯ ІДЭІ АНДРЭЯ ВОЛАНА Ё КНІЗЕ «ПРА ПАЛІТЫЧНУЮ АБО ГРАМАДЗЯНСКУЮ СВАБОДУ»

Т. І. Доўнар

*Беларускі дзяржаўны
ўніверсітэт*

Сярод айчынных мысліцеляў XVI ст. вылучаецца асоба філосафа і правазнаўцы Андрэя Волана. Ён напісаў каля 30 навуковых прац палеміка-тэалагічнага, этычнага і палітыка-прававага характару, у тым ліку ў 1572 г. кнігу «Пра палітычную або грамадзянскую свабоду», у якой знайшла адлюстраванне тэарэтычная распрацоўка шматлікіх прававых пытанняў.

Так, дзяржаву і права Волан разглядае як вынік чалавечай дзейнасці, як аб'екты ўвасаблення рацыянальных пошукаў і мудрасці людзей. Ён адзначае, што сама дзяржава стваралася толькі з той мэтай, каб людзі маглі шчасліва і блаславенна праводзіць сваё жыццё. Пры вызначэнні дзяржавы, яе задач і функцый Волан гаворыць аб ёй як аб неабходным згуртаванні людзей, таварыстве, супольніцтве, падкрэсліваючы тым самым яе дагаворны характар. Ён звяртае ўвагу на неабходнасць устанавлення справядлівых грамадскіх адносін і выказвае думку, што справядлівай з'яўляецца тая дзяржава, у якой чалавек шчаслівы, задаволены жыццём і абаронены законам ад усялякіх пасягальніцтваў. Увогуле справядлівасць, на ягоную думку, заключаецца ў тым, каб «шанаваць і паважаць Бога, любіць бацькоў і айчыну, у абыходжанні з людзьмі ніколі нікога не крыўдзіць і не прыніжаць не толькі ўчынкам, але і словам». Прычым падкрэслівае, што справядлівасць у чалавечым грамадстве можа быць толькі пры ўмове, што ў ім існуюць законы, створаныя на карысць усіх грамадзян, і што ўладатрымальнікі накіроўваюць гэтыя законы на агульнае («паспалітае») дабро.

Будучы прыхільнікам манархічнай формы дзяржаўнага кіравання, Волан лічыў, што дзейнасць манарха павінна абмяжоўвацца выканаўчымі функцыямі і ажыццяўляцца ў адпаведнасці з законам. Ён адзначаў, што ніякія добрыя і гуманныя намеры правіцеля не могуць засцерагчы чалавека ад самавольства як самога правіцеля, так і яго дзяржаўна-адміністрацыйнага і судовага апарату, і даказваў, што ўсялякая ўлада непазбежна вырадзіцца ў тыранію, калі не будзе існаваць дасканалы заканадаўства, якое будзе рэгламентаваць і абмяжоўваць яе дзейнасць.

Волан адлюстравваў уласную канцэпцыю свабоды чалавека. Прырода надзяліла чалавека найвялікшымі каштоўнасцямі, сярод якіх найбольшай з'яўляецца свабода, і для дзяржавы няма нічога больш важнага і карыснага за яе, таму што свабода «нікому не чыніць зла і падтрымлівае панаванне справядлівых законаў». Сама ж дзяржава «як страж супольнай свабоды» дзеля захавання яе ўстанаўлівае законы, скіраваныя супраць усялякіх злачынстваў, якія чыняць шкоду іншым. Ён падкрэсліваў, што ва ўмовах беззаконнасці чалавечае жыццё з'яўляецца «жабрацкім і рабскім», а чалавечае грамадства не можа быць даўгавечным і трывалым. Волан перакананы, што законы, устаноўленыя насуперак правільнаму суджэнню, розуму, недаўгавечныя, бо яны пастаянна будуць выклікаць усеагульную незадаволенасць грамадзян і могуць прывесці да народнага паўстання.

З неабходнасці ўсмернай абароны свабоды чалавека Волан выводзіў натуральную функцыю права, якая заключаецца ў падаўленні ганебных інстынктаў людзей і справядлівым рэгуляванні грамадскіх адносін. У цэлым права, створанае розумам чалавека, павінна стаяць на абароне агульнай справядлівасці і адпавядаць тром прынцыпам – быць справядлівым, выступаць гарантам свабоды і роўнасці, быць разумным. З апошняга тэзіса выцякала неабходнасць пастаяннага ўдасканалення заканадаўства. Ніякае грамадства, ніякая грамадзянская супольнасць, ніякі мір і спакой паміж людзьмі не могуць існаваць без законаў, і ўвогуле «дабрадзейства свабоды залежыць ад правільнага і ўпарадкаванага заканадаўства».

Такім чынам, свабода пераважна разумелася ім як свабода прававая, як забеспячэнне законам ўсеагульнай згоды і міру ў дзяржаве, асабістай бяспекі чалавека і ягонай маёмасці. Менавіта першай умовай свабоды ён лічыў бяспеку чалавека, а гарантануючы законам абарону ягоных асабістых і маёмасных правоў – падставай жыццяздольнасці самой дзяржавы.

Адначасова Волан звяртае ўвагу, што свабода не азначае ўседазvoленасці і заўсёды мае на мэце высакародныя ўчынкі і спалучаецца са станоўчымі ладам мыслення. На ягоны погляд, свабода кожнага будзе забяспечана дастаткова, калі законы ў грамадстве прымусяць людзей жыць так, «каб ніхто нікому не шкодзіў». Таму ён падкрэсліваў, што менавіта законы прызначаны служыць апорай свабоды, бо яны «забяспечваюць цэласць і непарушнасць грамадзянскай свабоды і ствараюць умовы для агульнага дабрабыту, пры

якім кожны адчувае сябе абароненым ад ліхадзейства». Такім чынам, мы бачым, што Волан надае важную ролю закона, падкрэсліваючы, што закон як «маральнае правіла, якое дыктуецца здаровым розумам і ўхваляецца Боскімі заповятамі», з'яўляецца «падмуркам свабоды». Аднак ён выступае супраць абсалютызацыі права і літары закона і звяртае ўвагу на магчымасць адрыву апошняга ад рэальнага жыцця і такіх універсальных маральна-філасофскіх катэгорый, як ісціна, дабрачыннасць, справядлівасць, чалавечнасць і г. д. Таму падкрэслівае, што ніякая норма, якая па прыродзе сваёй не абаяецца на дабро і справядлівасць, не можа мець у чалавечым грамадстве сілу закона. Волан прама гаворыць, што «калі нейкі нарматыўны акт не адпавядае рацыянальным высновам розуму і не стасуецца з паняццямі ісціны, якія чалавек атрымаў ад Бога, то такая юрыдычная ўстава не будзе мець трывалай асновы». Пры гэтым ён звяртае ўвагу на неабходнасць належнага кантролю за выкананнем законаў.

Правасуддзе Волан лічыць «абаронцам грамадскага спакою», а важнейшым абавязкам суддзі – справядлівае і разумнае прымяненне закона. Волан падкрэслівае, што кожны суддзя павінен быць сумленным, мудрым і мужным чалавекам, звяртае ўвагу, што супярэчлівы і складаны характар рэчаіснасці абавязвае суддзяў падыходзіць да законаў не фармальна, а па сутнасці, і таму пры неабходнасці патрэбна звяртацца з прапановай іх карэктыроўкі. У сувязі з тым, што жыццёвая практыка нашмат больш багатая і разнастайная за самую дасканалую тэорыю, і пастаянна ўзнікае шмат непрадбачаных законам казусаў, якія павінны ўлічвацца суддзямі, закліканымі чыніць правасуддзе ў адпаведнасці не толькі з канкрэтнай прававой нормай, але таксама з ісцінай і справядлівасцю. Мысліцель адзначае, што многія службовыя асобы і суддзі ягонага часу ў большасці з'яўляюцца практыкамі, якія не маюць спецыяльнай адукацыі, а некаторыя пры разглядзе спраў кіруюцца безразважным і сляпым пачуццём парыву, або гневам, прагнасцю і іншымі «душэўнымі заганамі», а не вырашаюць спрэчкі на падставе закона і справядлівасці. Ён крытыкуе іх нягнуткасць, няўменне зазірнуць у сутнасць справы, нежаданне «якога б то ні было змякчэння закону на аснове справядлівасці». Адзначаючы, што на пасадзе суддзяў часам прызначаюцца людзі, увогуле не дасведчаныя ў грамадскіх справах, якія звяртаюць мала ўвагі на агульны прынцып справядлівасці права і кіруюцца толькі знешнім прадпісаннем пэўнай юрыдычнай формы, ён робіць вынік, што ўсе гэта адбываецца з прычын прававога невуцтва, няведання навукі права. Менавіта таму Волан падкрэслівае, што без прававой адукаванасці нельга спадзявацца, што для грамадзян настане дабрабыт і шчасце.

Такім чынам, Андрэй Волан імкнуўся тэарэтычна абгрунтаваць новыя палітыка-прававыя каштоўнасці, а таксама накірункі для іх рэалізацыі. У ягонай творчай спадчыне, сфармуляванай у кантэксце натуральна-прававой дактрыны, прысутнічала ідэя прававой дзяржавы, што знайшло адлюстраванне ў такіх ягоных тэзісах і палажэннях, як неабходнасць заканадаўчага забяспечання свабоды чалавека, наяўнасць у дзяржаве вяршэнства і аўтарытэту

закона; справядлівасць улады і закона; абмежаванне самавольства ўлады; падпарадкаванне закону ўсіх грамадзян, у тым ліку службовых асоб і самога кіраўніка дзяржавы; вырашэнне спрэчак у судовым парадку; устаўленне справядлівых і незалежных судаў; развіццё прававой навукі і адукацыі; выхаванне кампетэнтных, кваліфікаваных і высокамаральных юрыстаў і шмат іншае. Гэтыя думкі мысліцеля, выказаныя 440 гадоў таму, і зараз не страцілі сваёй актуальнасці.

МЕСТО И РОЛЬ ПРОГРАММНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ В БЕЛОРУССКОМ ПРАВЕ

Г. А. Василевич

*Белорусский
государственный университет*

Позитивным моментом развития национальной правовой системы является стремление законодателя упорядочить систему актов законодательства, которые среди источников права выполняют доминирующую роль. В данной публикации не будем касаться места и роли общеправовых принципов, международных договоров, судебных и административных прецедентов. Определим место и роль программных законодательных актов среди иных нормативных правовых актов.

В статье 104 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) указано на два программных закона – Об основных направлениях внутренней и внешней политики Республики Беларусь; О военной доктрине. В Основном Законе прямо не оговаривается место и роль программных законов среди иных подконституционных актов. Лишь указано, что они считаются принятыми при условии, если за них проголосовало не менее двух третей от полного состава палат Национального Собрания Республики Беларусь.

К сожалению, не сделано это и в Законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», хотя в нем и содержатся некоторые принципиальные положения, относящиеся к анализируемой проблеме. Там же закреплено, что нормативные правовые акты приводятся в единую систему путем их взаимного согласования, определения их иерархии. Что касается субординации актов, указано: кодексы имеют большую юридическую силу по отношению к другим законам, а новый нормативный правовой акт имеет большую юридическую силу по отношению к ранее принятому (изданному) по тому же вопросу нормативному правовому акту того же государственного органа (должностного лица). Выделение в Конституции среди законов программных законов, прини-

маемых к тому же квалифицированным большинством голосов, предполагает особую роль в правовой регламентации общественных отношений. Полагаем, что они определяют стратегию развития государства и общества на соответствующий период. Такие законы в настоящее время в Республике Беларусь приняты. Следует повысить их роль в повседневной реальности: они должны быть, наряду с Конституцией, основой нормотворчества и правоприменения. По юридической силе они выше кодексов и иных законов. К ним не должно применяться правило о приоритете нового закона по отношению к ранее принятому. Эти подходы должны быть закреплены в Законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь».

Наряду с программными законами высокий статус имеют директивы Главы государства. В 2007–2008 гг. автором анализировалась с правовой стороны практика издания директив. Президент Республики Беларусь издал четыре директивы. Они известны и имеют свои номера, но напомним, что 14 января 2000 г. Президент Республики Беларусь своим указом утвердил Директиву о стиле и методах работы Совета Министров Республики Беларусь по решению вопросов социально-экономического развития страны, хотя тогда не был дан «отсчет» директивам (она не имела своего номера).

На практике возникали вопросы по поводу формы данного акта и его юридического содержания. Автор в своих публикациях отмечал, что в силу статуса Президента Республики Беларусь как Главы государства и фактического главы исполнительной власти, наделенного полномочиями гаранта стабильности в государстве, правом осуществлять посредничество между органами государственной власти, выбор такой формы акта может быть и не сверхидеален, но вполне уместен. Директива – это акт, который сочетает в себе черты нормативно-программного документа и одновременно содержит ряд конкретных поручений. Исходя из текста директив, можно сделать вывод о том, что реализация их норм должна осуществляться безотлагательно, но решение тех проблем, которые в них упоминаются, является постоянным для компетентных органов (например, обеспечение охраны труда, борьба с пьянством). Таким образом, директива отражает актуальные вопросы экономического, социального и культурного развития общества и государства.

Одновременно директива – это своего рода послание народу, органам государственной власти как непосредственно подчиненным, так и иным (Парламенту, судам).

Опыт свидетельствует, что директива имеет организующее начало, а реализация ее положений осуществляется посредством принятия соответствующих актов законодательства.

Директиву можно также характеризовать и как политико-правовой документ. Здесь проявляется политическая функция Главы государства.

Конечно, в основном свои полномочия Президент Республики Беларусь реализует посредством издания указов и распоряжений, а при необходимости

– и декретов. В силу этого директиву можно считать правовым актом особой формы, содержащим положения нормативно-программного и распорядительного характера и издаваемым Главой государства в целях акцентирования внимания на вопросах, имеющих на современном этапе важное политическое, экономическое, социальное значение, и решения их государственными органами, должностными лицами, общественностью.

Таков был взгляд автора в период первых публикаций по данному вопросу, он не изменился и в настоящее время, за некоторым исключением.

Законом от 15 июля 2008 г. «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» предусмотрено определение понятия «директива», согласно которому директивой является указ программного характера, издаваемый Главой государства в целях системного решения вопросов, имеющих приоритетное политическое, социальное и экономическое значение.

Из этого можно сделать, по меньшей мере, два вывода: 1) директива утверждается указом Президента Республики Беларусь, т. е. тем видом акта, который назван в Конституции; 2) в силу программного характера указ, утверждающий (вводящий в действие) директиву, обладает более высокой юридической силой, чем иные указы, по крайней мере, при их издании следует учитывать положения директивы.

Анализируя складывающуюся практику, автор подчеркивал важное значение директив. Однако, на наш взгляд, их следовало бы утверждать не указами, а декретами, что позволило бы усилить их значение для всех ветвей власти. Ведь указ – это, как определено в законе, нормативный правовой акт Главы государства, издаваемый в целях реализации его полномочий. Утверждение директивы декретом позволило бы задействовать (в плане исполнения ее положений) Парламент.

Есть еще один важный вопрос, который следовало бы решить. Необходимо определить соотношение программных законов и директив. На данном этапе можно было бы руководствоваться правилом о приоритете более нового акта.

МАДЫФІКАВАНЫЯ КРЫНІЦЫ БЕЛАРУСКАГА ПРАВА

М. У. Сільчанка

*Гродзенскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Я. Купалы*

1. Пастановы Пленумаў Вярхоўнага Суда Рэспублікі Беларусь і Вышэйшага Гаспадарчага Суда Рэспублікі Беларусь, а таксама заключэнні Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь складаюць асобную групу і самастойную падсістэму крыніц сучаснага беларускага права ў сэнсе Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь – групу мадыфікаваных крыніц права. Гэта нарматыўныя

акты асобнага зместу і асобнага прызначэння ў сістэме крыніц нашага права. Яны з'яўляюцца, па-першае, неабходнымі дапаўненнямі да самастойных відаў крыніц сучаснага беларускага права – нарматыўнага прававага акта, дагавора нарматыўнага зместу, прававага звычая і г. д., па-другое, пэўнай «мадыфікацыяй» існуючых відаў крыніц права, без якіх немагчыма належная рэалізацыя і прымяненне самастойных відаў крыніц сучаснага беларускага права, па-трэцяе, у нарматыўных актах вышэйшых судовых інстанцый «інтэрпрэтуюцца» як крыніцы нацыянальнага і міжнароднага права, і таму яны не ўваходзяць у склад асобнай групы крыніц унутрыдзяржаўнага ці міжнароднага права, па-чацвёртае, спасылаючыся толькі на гэтыя нарматыўныя акты судовай улады, нельга наўпрост вырашыць ніводнае юрыдычнае пытанне.

2. У юрыдычным механізме рэгулявання грамадскіх адносін мадыфікавання крыніцы права ў форме пастановаў Пленумаў Вярхоўнага Суда і Вышэйшага Гаспадарчага Суда Рэспублікі Беларусь складаюць самастойнае звязно нарматыўнай асновы, галоўным прызначэннем якога з'яўляецца адаптацыя норм права, якія замацаваны ў самастойных відах крыніц права, да рэальных грамадскіх адносін без унясення змен у дзеючыя крыніцы права і без іх нарматыўнага тлумачэння.

Асабліва сці адаптацыі норм права дадзенымі судовымі інстанцыямі ў тым, што яна адбываецца на падставе абагульнення судовай практыкі і судовай статыстыкі. Судовая практыка і судовая статыстыка могуць абагульняцца і іншымі шляхамі, напрыклад, праз стварэнне самастойных відаў крыніц права – нарматыўнага прававага акта, дагавора нарматыўнага зместу і г. д., ці праз навуковыя каментарыі да дзеючых крыніц права, у іншых формах. У першым выпадку абагульненне судовай практыкі і статыстыкі праводзіцца з захаваннем працэдур і правіл, якія з'яўляюцца характэрнымі для норматворчага працэсу, ажыццяўляецца кампетэнтнымі норматворчымі структурамі, афармляецца належным чынам і выдаецца ў форме самастойных крыніц права з адпаведнай назвай. У другім выпадку абагульненне судовай практыкі і статыстыкі, па-першае, не будзе мець абавязковага нарматыўнага характару, па-другое, не выконвае ролі па адаптацыі норм права да рэальных грамадскіх адносін, па-трэцяе, не ажыццяўляецца вышэйшымі судовымі інстанцыямі краіны.

3. Памылковымі з'яўляюцца высновы аб аднясенні судовай практыкі цалкам да асобнага віду крыніц права. Судовая практыка – вельмі складанае ўтварэнне, у склад якога ўваходзяць элементы самага рознага характару, частка з якіх мае непасрэднае дачыненне да крыніц права, іншыя элементы аказваюць ускоснае ўздзеянне на фарміраванне крыніц права. Прыкладам першага роду з'яўляюцца пастановы Пленумаў вышэйшых судовых інстанцый з правапалажэннямі, у якіх замацоўваюцца вынікі абагульнення судовай практыкі і судовай статыстыкі. Судовая практыка, безумоўна, можа прывесці да фарміравання прававага звычая – агульнага правіла паводзін прававага характару, якое не знайшло свайго замацавання ў правапалажэннях пастановаў

Пленумаў Вярхоўнага Суда і Вышэйшага Гаспадарчага Суда Рэспублікі Беларусь, але выкарыстоўваецца судовымі інстанцыямі Рэспублікі Беларусь у якасці агульнаабавязковага.

4. Нарматыўныя акты вышэйшых судовых інстанцый Рэспублікі Беларусь у форме пастановаў Пленумаў «завязваюцца» на іншыя крыніцы дзеючага права, без якіх яны губляюць свой сэнс і прызначэнне. Спецыфіка гэтых нарматыўных актаў якраз і зводзіцца да таго, што яны адначасова інтэрпрэтуюць нейкія крыніцы права і абагульняюць судовую практыку і статыстыку. Гэта значыць, што яны выконваюць адначасова дзве неад'емныя для гэтых актаў функцыі – інтэрпрэтацыя іншых крыніц права на падставе абагульнення судовай практыкі і судовай статыстыкі і абагульненне апошніх шляхам інтэрпрэтацыі іншых крыніц права. Ніводная з гэтых функцый не можа быць ажыццёўлена сама па сабе, без выканання другой. Толькі адначасовае іх ажыццяўленне забяспечвае нарматыўны характар актаў Пленумаў вышэйшых судовых інстанцый, іх абавязковасць для органаў судовай улады, іншых дзяржаўных органаў (службовых асоб) і грамадзян.

5. Для абазначэння нарматыўных палажэнняў, якія фармуліруюцца ў пастановах Пленумаў Вярхоўнага Суда і Вышэйшага Гаспадарчага Суда Рэспублікі Беларусь, прымальным можна лічыць паняцце правапалажэння. Правапалажэнне, якое ствараецца Пленумаў вышэйшых судовых інстанцый, у адрозненне ад прэцэдэнта, фармулюецца не пры разглядзе канкрэтнай судовай справы і не пры прабелах у пазітыўным праве, а шляхам аналізу і абагульнення судовай практыкі па шэрагу спраў, судовай статыстыкі і на падставе дзеючых норм права ў мэтах іх «адаптацыі» да рэчаіснасці шляхам своеасаблівай дэталізацыі і канкрэтызацыі і падзяляе іх лёс пры змене ці адмене норм права. Абагульненне правапрымяняльнай, у тым ліку судовай, практыкі не можа выходзіць за межы дзеяння існуючага пазітыўнага права і робіцца на яго падставе.

6. Канстытуцыйны Суд Рэспублікі Беларусь забяспечвае вяршэнства Канстытуцыі краіны шляхам ажыццяўлення кантрольных паўнамоцтваў за адпаведнасцю ўсіх нарматыўных актаў Асноўнаму Закону краіны. Нарматыўныя акты, якія прызнаюцца Канстытуцыйным Судом не адпавядаючымі Канстытуцыі ці актам, якія валодаюць больш высокай юрыдычнай сілай, лічацца страціўшымі сілу цалкам ці ў вызначанай іх частцы. Натуральна, што размова пры гэтым ідзе не толькі аб нарматыўных прававых актах, але і аб іншых відах крыніц як нацыянальнага, так і міжнароднага права – прававых звычаях, дагаворах нарматыўнага зместу, прававых прэцэдэнтах і г. д.

Заклучэнні Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі, як і пастановы Пленумаў Вярхоўнага Суда і Вышэйшага Гаспадарчага Суда Рэспублікі Беларусь, «завязваюцца» на ўсю сістэму крыніц сучаснага беларускага права і ажыццяўляюць яе адаптацыю да рэальных грамадскіх адносін. Праўда, у іншым кірунку, чым гэта робяць акты вышэйшых судовых інстанцый судоў агульнай і гаспадарчай юрысдыкцыі. Калі пастановы Пленумаў Вярхоўнага Суда і Вышэйшага Га-

спадарчага Суда адаптуюць нормы дзеючага беларускага права да рэальных грамадскіх адносін шляхам абагульнення судовай практыкі і статыстыкі і выдання абавязковых для выканання пастаноў, то заключэнні Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь забяспечваюць гэта праз прывядзенне ў адпаведнасць Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь ўсіх крыніц сучаснага беларускага права як па зместу, так і па форме. Галоўная місія заключэнняў Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь у сістэме крыніц сучаснага беларускага права, якая наўпрост уплывае на іх прававую прыроду, зводзіцца да выканання кантрольнай функцыі ў сістэме крыніц права з мэтай забеспячэння іх сістэмнасці і ўзаемаўзгодненасці, падтрымання ўсёй сістэмы крыніц сучаснага беларускага права ў адпаведнасці з Канстытуцыяй краіны.

Заклучэнні Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь адносяцца да ліку нарматыўных актаў у сэнсе Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь і займаюць у сістэме крыніц права прамежкавае становішча паміж Канстытуцыяй Рэспублікі Беларусь і тым відам крыніц права, якія правяраюцца поўнасцю ці ў нейкай частцы на іх адпаведнасць Канстытуцыі краіны і іншым крыніцам права, якія валодаюць больш высокай юрыдычнай сілай. Толькі ў гэтай «звязцы» заключэнні Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь набываюць юрыдычную значнасць і абавязковасць для ўсіх суб'ектаў права.

7. Важнае значэнне для характарыстыкі мадыфікаваных крыніц права мае вызначэнне іх месца і юрыдычнай сілы ў сістэме крыніц права.

Месца пастаноў Пленумаў Вярхоўнага Суда і Вышэйшага Гаспадарчага Суда Рэспублікі Беларусь у сістэме крыніц сучаснага беларускага права і іх юрыдычная сіла вызначаюцца месцам і юрыдычнай сілай тых крыніц права, адносна дзеяння і прымянення якіх Пленумаў Вярхоўнага Суда і Вышэйшага Гаспадарчага Суда Рэспублікі Беларусь былі абагульнены судовая практыка і статыстыка. Юрыдычная сіла нарматыўных актаў гэтых органаў судовай улады мае «рухомы характар». У адных выпадках яна вызначаецца праз юрыдычную сілу Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, калі, напрыклад, абагульняецца судовая практыка і статыстыка непасрэднага прымянення судовымі інстанцыямі краіны пэўнай нормы Асноўнага Закона краіны. Калі ж абагульняецца судовая практыка і судовая статыстыка прымянення дэкрэта ці і ўказа Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, то наўпрост юрыдычная сіла нарматыўных актаў вышэйшых судовых інстанцый азначаецца праз юрыдычную сілу дэкрэта ці ўказа Прэзідэнта краіны. Юрыдычная сіла нарматыўных актаў вышэйшых судовых інстанцый можа вызначацца і праз юрыдычную сілу іншых крыніц сучаснага беларускага права, напрыклад, праз вызначэнне месца і юрыдычнай сілы ратыфікаванага Рэспублікай Беларусь міжнароднага дагавора.

У адрозненне ад юрыдычнай сілы пастаноў Пленумаў Вярхоўнага Суда і Вышэйшага Гаспадарчага Суда Рэспублікі Беларусь, якая з'яўляецца «рухомай», юрыдычная сіла заключэнняў Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь жорстка і адназначна акрэслена ў Канстытуцыі Рэспублікі Бела-

русь. Паколькі абсалютна ўсе крыніцы сучаснага беларускага права могуць быць правяраны Канстытуцыйным Судом на адпаведнасць Асноўнаму Закону краіны, то юрыдычная сіла заключэнняў Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь не можа быць меншай, чым юрыдычная сіла гэтых крыніц права, яна іх пераўзыходзіць, але саступае юрыдычнай сіле Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь.

8. Такім чынам, заключэнні Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь, падобна таму, як і пастановы Пленумаў Вярхоўнага Суда і Вышэйшага Гаспадарчага Суда Рэспублікі Беларусь, з'яўляюцца адной з мадыфікаваных крыніц сучаснага беларускага права. Праўда, функцыі гэтай мадыфікаванай крыніцы права ў сістэме крыніц сучаснага беларускага права адрозніваюцца ад функцый, якія выконваюць пастановы Пленумаў Вярхоўнага Суда і Вышэйшага Гаспадарчага Суда Рэспублікі Беларусь. А ўлічваючы розніцу ў характары юрыдычнай сілы паміж заключэннямі Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь і пастановамі Пленумаў Вярхоўнага Суда і Вышэйшага Гаспадарчага Суда Рэспублікі Беларусь, можна зрабіць выснову аб тым, што заключэнні Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь, магчыма, і не ўваходзяць у склад самастойнай падсістэмы нарматыўных актаў судовай улады – нарматыўных актаў вышэйшых органаў судовай улады Рэспублікі Беларусь, а складаюць толькі самастойную падгрупу мадыфікаваных крыніц сучаснага беларускага права.

НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В. Е. Чиркин

*Институт государства и права
Российской академии наук*

Концепция разделения ветвей власти (ее основатели не отрицали единства государственной власти, правда, говорили в описательных формулировках, что все ветви должны действовать «в концерте») была сформулирована более трех сотен лет тому назад. Дж. Лильборн, Дж. Локк и Ш.-Л. Монтескье называли несколько разные ветви власти, к тому же некоторые из них сами меняли названия ветвей в одних и тех же работах, но считается, что в науку и практику вошла схема Монтескье: законодательная, исполнительная и судебная власть (правда, он тоже иногда называл судебную власть исполнительной). Названные три ветви зафиксированы в конституциях России и Беларуси, как и в подавляющем большинстве других стран.

Концепция разделения властей предлагалась ее авторами для монархической формы правления, но впервые была конституционно закреплена и реализована на практике в республике – в США – с принятием Конституции 1787 г. – в условиях той системы управления, которую принято называть президентализмом (в отличие от парламентаризма). Республиканская практика разделения властей сначала в Швейцарии и США, а затем в других странах уже сама по себе вносила коррективы в монархический подход ее авторов.

За прошедшие сотни лет ситуация в обществе кардинально изменилась. Однако несомненно, что базовая ценность концепции разделения властей сохранена, она будет иметь ориентирующее значение и для обозримого будущего. Постулат о том, что государственная власть не должна быть сосредоточена у одного органа или в руках одного должностного лица, имеет непреходящую ценность.

Вместе с тем, если сами отцы-основатели не очень строго подходили к названиям ветвей власти, то значит ли это, что мы теперь должны быть «святей Папы Римского» – сохранять в неприкосновенности названия ветвей и их число? Ситуация в обществе кардинально изменилась по сравнению с XVII в., появились новые органы государственной власти и высшие должностные лица (органы конституционного контроля, прокуратура, разного рода омбудсмены, генеральные контролеры, генеральные аудиторы, избирательные комиссии и др.). Изменились отношения между ветвями власти: избрание главы государства в некоторых странах парламентами (Турция или Чехия), специально создаваемыми для этой цели временными органами (Германия и др.), возможность смещения главы государства парламентом или конституционным судом по инициативе парламента, только отлагательное (а не абсолютное) вето главы государства, фактическое формирование правительства не главой государства, как это предусматривалось и формально до сих пор по традиции предусматривается конституциями, а парламентом, институты делегированного и иного непарламентского законодательства и т. д.

В конституции очень важно учесть вызовы нашего времени. Тогда она действительно станет базой для развития современного национального законодательства, новых подходов в нем. А нередко бывает наоборот – новые явления, возникающие в реальной жизни, получают отражение в законодательстве, но конституция остается глуха к ним.

В статье невозможно рассмотреть все новеллы, связанные с концепцией разделения властей. Не будем говорить об идее и практике системы сдержек и противовесов властей, об их взаимодействии – это положения давнего времени (мы отмечали, что на необходимость взаимодействия указывали еще основатели концепции разделения властей). Остановимся только на некоторых принципиальных явлениях нашего времени.

1. *Расширение триады властей.* В дополнение к ветвям прежней триады в некоторых конституциях стран Латинской Америки названа еще одна

ветвь власти – избирательная (с соответствующими органами, поскольку в таких странах явка избирателей на выборы обязательна, неучастие в выборах влечет разные санкции, иногда до 24-часового тюремного заключения, причем это имеет место и в тех странах Латинской Америки, в конституциях которых не названа особая избирательная власть). В Венесуэле названа пятая власть – гражданская. В основе этимологии в данном случае не противопоставление военной и гражданской власти, а слово «гражданственность», т. е. отношение к своему долгу как члена общества и государства. Существуют общегосударственный Комитет по вопросам морали (буквально по-испански – Моральный комитет), местные подобные органы, они должны воспитывать трудолюбие, бережное отношение к общественному достоянию, чувство социальной справедливости, но вправе применять и меры государственного принуждения. В Конституции непризнанного государства Тайвань 1946 г. пятой властью названа контрольная (правда, с ее определенными особенностями). В Основном низаме Саудовской Аравии 1992 г. перечислены три власти, но другие: исполнительная, юридическая и организационная, источник всех их – король (ст. 44).

2. «Мягкое» разделение властей. Конституционно закрепленное разделение властей в Конституции США было жестким. Президент не имел и сейчас не имеет даже права законодательной инициативы (кроме обязанности вносить проект закона о государственном бюджете). Министры никоим образом не были ответственными перед парламентом и т. д. Так же обстояло дело и в Латинской Америке, конституции этих стран строились тогда по образцу США. На практике дело с течением времени стало обстоять несколько иначе, но принципы конституций сохранились. Существовавшие в большинстве европейских стран после принятия конституций монархии были, как правило, дуалистическими монархиями, тоже с жестким разделением властей (как это предусматривали и отцы-основатели концепции). Но постепенно власть монарха была ограничена (сложились парламентарные монархии), а президент занял иное положение (сложились парламентарные республики). Глава государства формально имел большие полномочия, но на деле действовал по указанию правительства (совета, кабинета министров), которое формировалось парламентским большинством. Акты президента или монарха в парламентарной монархии были действительными только если на них стояла подпись, контрасигнатура (т. е. одобрение) премьер-министра (иногда контрасигнатура, особенно в парламентарных монархиях, а теперь все чаще и в парламентарных республиках, имеет устный характер). Отмеченное превращение в некоторых странах произошло еще до Второй мировой войны, в других – после нее, что концепцией разделения властей не предусматривалось.

3. Появление смешанных форм правления. Это произошло в Европе уже после Второй мировой войны (впервые – во Франции и России) и продолжает происходить в некоторых странах Азии и Латинской Америки. Совмещаются

плюсы президентской и парламентской республик со свойственными им подходами к разделению властей и нивелируются их минусы. В статье нет возможности детально рассмотреть этот вопрос (его анализ в литературе уже имел место), однако можно убедиться в таком синтезе, изучая практику разделения властей в двух странах, названных выше.

4. Рационализированный парламентаризм. Он демонстрируется в частности, законодательством и практикой Германии, в том числе впервые принятым ею способом конструктивного вотума недоверия, исключающего парламентские и правительственные кризисы в парламентской республике. Теперь эта модель принята во многих республиках Европы и даже в некоторых парламентских монархиях (например, в далекой Папуа-Новой Гвинее).

5. Перемещение законодательной власти от парламента к президенту и правительству или внутренним органам парламента (специально создаваемым в нем узким секциям, решающим постоянным комитетам). Первое направление перемещения получает свое выражение в закрепленных конституциями принципах делегированного и регламентарного законодательства (акты, имеющие силу закона, но не называемые законами, могут издавать исполнительные органы, хотя затем такие акты подлежат утверждению парламента). Второе направление – законы (они так и называются) издают узкие органы внутри парламента. Законы подлежат и контролю парламента, и внутреннему контролю в секции или комитете (определенное меньшинство, обычно десятая часть комитета, может не допустить их принятия). Такой порядок не похож на идеи основателей доктрины разделения властей.

6. Принципы субсидиарности и пропорциональности в системе и действиях ветвей власти. Основатели концепции разделения властей настаивали на строгой отделенности ветвей власти при осуществлении ими своих полномочий, хотя и говорили, что они должны действовать согласованно (единое управление государством). Принцип субсидиарности, впервые сформулированный на опыте Европейского союза, допускает содействие одной ветви власти другой ветви при осуществлении полномочий последней, если это разрешает конституция и принимает другая ветвь власти (ее органы, которым оказывается содействие). Недопустимо, чтобы правительство осуществляло судебную власть, но глава государства может осуществлять регламентарную власть фактически по вопросам, для решения которых нужен закон. Принцип пропорциональности предусматривает, что действия ветвей власти, их органов, способы правового и иного регулирования должны быть адекватными сложившейся ситуации. Основатели концепции разделения властей эти проблемы не рассматривали.

Возникшие в ходе реализации концепции разделения властей новые отношения важно учитывать в нормах конституций и иных правовых актов в целях совершенствования национального законодательства с оглядкой на современную реальность.

ОСНОВЫ СОБЫТИЙНОГО ПРАВА

В. А. Витушко

Международный университет «МИТСО»

В 30-е гг. XX в. Бертран Рассел, демонстрируя философский релятивизм, писал, что до недавних пор думали о вечности и бессмертности материи. Но теперь физики имеют достаточно оснований считать атомы и электроны событийными явлениями. Точно также «...психологи полагают, что сознание не имеет тождественности единой континуальной “вещи”», но представляет собой ряд тесно связанных событий» [1, с. 194]. В XIX в. и первой половине XX в. под континуальностью понималась бесконечность и непрерывность материи. К концу XX в. понятие континуальности стало включать тождественность всех форм материи и видов энергии, их инвариантность, многофункциональность, способность взаимно трансформироваться, а также бесконечно расщепляться. Эти же свойства материи используются и при объяснении релятивизма. Таким образом, релятивизм и континуальность проявились и стали рассматриваться как две стороны всякого материального явления.

Признание материальных явлений событийными вызывает вопрос и о возможности признания такого состояния за правом. Данный вопрос не простой, так как в мировом правоведении важное место занимает правовой нормативизм, согласно которому право – это явление достаточно стабильное, а его сущность неизменна и выражается в законодательстве [2, с. 19–40]. Релятивизм права допускается только в связи с различиями социально-экономических формаций общества или особенностями различных цивилизаций, а также в рамках допустимых дискретных или синтетических его парадигм. Изменения права объясняются прагматическими соображениями необходимости совершенствования законодательства. В противовес этому подходу социологическая концепция права тяготеет к событийному его пониманию, особенно когда выделяет нормы «ad hoc».

Установлено, что право формируется разумом, включающим рациональное сознание и волю, творческое подсознание, а также чувства и веру отдельных лиц, корпораций, народов и иных социальных сил. Стабильность правотворчества и реализации права зависит в значительной мере от подсознания. Чувства и вера, как составляющие правовой культуры и правовой идеологии, приносят элементы иррационального во всякое субъективное и объективное право [3, с. 208–210]. Иррационализм права является первейшей основой его событийности. Определенность формирования и реализации того или иного проявления права зависит от времени и иных природных и социальных обстоятельств, в рамках которых формируется и реализуется право.

Другой основой событийности и релятивности права является то, что всякое право одновременно есть и обязанность [4, с. 128–154]. Любое объ-

ективное и субъективное право и обязанность имеют массу своих переходных проявлений, связывающих их в тождественность одного другому. Это происходит из свойства права и обязанности расщепляться до бесконечности, точно также, как дневной свет расщепляется на первичные семь цветов радуги, а далее на сотни оттенков. Аксиологические, ценностные составляющие права, его вечные принципы равенства, свободы, разумности, справедливости и другие есть внутренне присущая праву формальная основа его бесконечной делимости, событийности.

Событийность права проявляет себя в форме постоянно меняющихся обычаев и обыкновений, конкурентной доктрины, всегда индивидуальных судебных прецедентов, актах казуального права и др. Да и стабильность законодательства есть не более чем устойчивый миф.

Право, как и электрон, в разное время существует и не существует. Этот древний философский постулат приобрел сегодня новое подтверждение. Вечность объективного права на макроуровне, с точки зрения глобализма, в том, что оно является неизменным атрибутом социальной организации жизни в среде человека и созданной им цивилизации. А случайность объективного права в том, что оно существует только в рамках времени и пространства, в которых существует указанная социальная организация жизни. Но поскольку все, имеющее начало, является и конечным, то и человеческая цивилизация на планете Земля не вечна, а значит – случайна, событийна. Вместе с ее событийностью событийно и сформированное цивилизацией единое цивилизационное право. А если жизнь является атрибутом космоса, то присущее социальной организованной жизни право будет столь же вечным, сколь вечен космос.

На своем микроуровне всякое субъективное право всегда существует в том или ином проявлении, но одновременно оно прерывно, событийно, поскольку ограничено не только индивидуальными обстоятельствами реализации, но и временем жизни субъекта права.

Таким образом, право и вечно, и событийно. А нормативизм и социологизм, равно как психологизм, позитивизм и естественно-правовой подходы, есть лишь частные срезы в понимании права. Таких срезов может быть, да и есть уже, в теории права бесконечное множество. Все они, с точки зрения определенных критериев, отражают безграничные свойства, состояния и существо права. Единственно истинной монистической или синтетической теории права нет и быть не может.

Список использованных источников

1. *Рассел, Бертран*. Почему я не христианин : избранные атеист. произведения / Б. Рассел ; пер. с англ. – М. : Политиздат, 1987. – 334 с.
2. *Вишневский, А. Ф.* Право и законодательство: допустимо ли противопоставление? / А. Ф. Вишневский, В. А. Кучинский // Сацьяльна-економічна і правова дослідження. – 2011. – № 2. – С. 19–40.

3. Витушко, В. А. Цивилизационное право / В. А. Витушко. – Минск : ВИП-С Плюс, 2011. – 224 с.

4. Витушко, В. А. Государственное гражданско-правовое регулирование рынка / В. А. Витушко. – Минск : БГЭУ, 1996. – 176 с.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ИНСТИТУТЫ: СОДЕРЖАНИЕ, ПРИЗНАКИ, СПЕЦИФИКА

Д. М. Демичев

*Белорусский государственный
экономический университет*

Конституционно-правовые нормы как общеобязательные правила поведения участников конституционных отношений, выступая в качестве средства их правового регулирования, занимают ключевые позиции в правовом механизме конституционного права.

Важнейшим свойством конституционно-правовых норм является их системность, которая подразумевает, что данные нормы органически связаны между собой, взаимно дополняют друг друга и тесно взаимодействуют. Системность предполагает, что в соответствии со своим содержанием конституционно-правовые нормы объединяются в определенные группы. Одна группа норм регулирует вопросы гражданства (принципы, сохранение, приобретение, прекращение), другая – устанавливает правовой статус главы государства (компетенцию, порядок проведения выборов, организации и деятельности, отречения от должности и т. д.); третья определяет правовой статус политических партий, общественных объединений и др.

Подобное объединение близких по характеру, содержанию и признакам конституционно-правовых норм называется институтом. Иными словами, конституционно-правовые институты – *это совокупность однородных и взаимосвязанных правовых норм, регулирующих определенную сферу общественных отношений, составляющих сравнительно самостоятельную группу*. Такими являются, например, институты: основ конституционного строя; основ правового статуса человека и гражданина; формы правления; главы государства; парламентаризма; местного управления и самоуправления; народного представительства; избирательного права, референдума; гражданства и т. д. Конституционно-правовые институты существенно отличаются по объему регулируемых отношений, количеству правовых норм и их юридической силе.

Юридическим критерием обособления определенной совокупности норм в конкретные конституционно-правовые институты служат следующие *признаки*: 1) юридическое единство правовых норм; 2) полнота регулирования определенной совокупности государственно-правовых отношений; 3) обо-

соблюдение определенных норм, содержащихся в соответствующих разделах Конституции, законах, декретах либо указах Президента и иных нормативных правовых актах.

В юридической науке конституционно-правовые институты обычно дифференцируются на два вида: многосоставные (сложные) и односоставные (простые). К числу *многосоставных институтов* можно отнести: институт конституционного строя; институт главы государства; институт законодательной власти; институт исполнительной власти; институт судебной власти; институт местного управления и самоуправления; институт конституционно-правового статуса человека и гражданина; институт выборов и референдумов и др.

Как часть многосоставного института рассматривается *односоставный* конституционно-правовой институт. Так, многосоставный институт конституционного строя можно дифференцировать на односоставные: институт основ конституционного строя; институт принципов конституционного строя и т. п. В многосоставный институт конституционного статуса человека и гражданина можно включить односоставные институты: институт прав и свобод; институт обязанностей и др. В многосоставном институте законодательной власти обычно выделяют институт парламента, институт законодательного процесса, институт статуса депутата Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, институт члена Совета Республики Национального собрания и т. д.

Некоторые авторы подобную дифференциацию в системе комплексных конституционно-правовых институтов проводят в иной плоскости, выделяя так называемые *субинституты*: субинститут ответственности Президента или субинститут Администрации Президента – в институте президентства; субинститут местного референдума – в институте референдума и т. д.

Специфика конституционно-правовых институтов заключается в том, что их основой являются нормы Конституции и нормы иных нормативных правовых актов. К примеру, нормы института избирательного права и избирательной системы объединяют ст. 64–72 Конституции Республики Беларусь и многие статьи Избирательного кодекса.

Конституционно-правовой институт, как и правовые институты иных отраслей права, не имеют четко обозначенных границ, поскольку они зачастую условны и в то же время весьма динамичны. Одна и та же правовая норма может одновременно рассматриваться как составная часть нескольких институтов.

Конституционно-правовая норма, содержащаяся в ст. 106 Конституции Республики Беларусь (часть пятая), в соответствии с которой Премьер-министр назначается Президентом Республики Беларусь с согласия Палаты представителей, является составной частью института президентства – с одной стороны и одновременно – обязательной принадлежностью к институту законодательной власти и институту исполнительной власти.

Таким образом, системность конституционно-правовых норм, осуществляемая в форме конституционно-правовых институтов, регулируя однородную группу общественных отношений, способствует обеспечению эффективного функционирования правового механизма конституционного права, обеспечивая взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов.

ПРЕДДОГОВОРНАЯ СТАДИЯ В ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА И ПРЕДДОГОВОРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В. Н. Годунов

*Институт переподготовки
и повышения квалификации судей,
работников прокуратуры, судов
и учреждений юстиции Белорусского
государственного университета*

Заключение гражданско-правового договора имеет определенный порядок. Порядок заключения договора – это предусмотренная правовыми нормами последовательность формирования (оформления) договорных отношений, выражающаяся в соответствующих этапах или стадиях. В литературе порядок заключения договора или сразу разбивается на стадии, [1, с. 67] или сначала выделяются этапы (преддоговорный и договорный), которые подразделяются на стадии [2, с. 26].

Отметим, что в преддоговорный период стороны в основном действуют по своему усмотрению. Поэтому весьма проблематично в рамках этого периода выделить четкие стадии заключения договора. Вообще этого периода может практически и не быть.

По нашему мнению, целесообразно выделять следующие стадии заключения гражданско-правовых договоров: преддоговорная стадия, предложение заключить договор (оферта), принятие предложения о заключении договора (акцепт), разрешение преддоговорных споров. Из названных стадий преддоговорная и разрешение преддоговорных споров не являются обязательными для заключения каждого договора.

На преддоговорной стадии стороны по своему усмотрению могут решать вопросы о типе (виде) договора и способе его заключения, выборе контрагента и сборе информации о нем, разработке условий будущего договора и т. д. Например, сведения о национальных субъектах предпринимательства можно получить из Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (п. 19 Положения о Едином государственном регистре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [3]).

В некоторых случаях законодательство предусматривает необходимость осуществления преддоговорных контактов между сторонами будущего договора. Преддоговорные контакты выражаются в уточнении сторонами условий взаимоотношений перед оформлением договора. Так, при заключении договора строительного подряда, когда проведение подрядных торгов не обязательно и проект договора готовит подрядчик, заказчик направляет подрядчику предложения о существенных условиях договора (п. 7 Правил заключения и исполнения договоров строительного подряда [4]).

В качестве преддоговорных контактов можно рассматривать встречающиеся на практике соглашения (протоколы) о намерениях. Последние закрепляют желание сторон вступить в договорные отношения в будущем. Но в соглашениях о намерениях их участники не обязуются заключить соответствующий договор, не устанавливают санкции за неисполнение намерений.

Преддоговорные контакты необходимо отличать от предварительных договоров и организационных (рамочных) договоров. Речь идет о заключенных договорах. Модель предварительного договора закреплена в ст. 399 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) [5]. По предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор на условиях, предусмотренных предварительным договором.

В организационных (рамочных) договорах предмет договора составляет организация взаимоотношений сторон с целью их последующего осуществления. Конкретное обязательство по передаче товаров, выполнению работ, оказанию услуг возникает после согласования сторонами определенных условий (количество и ассортимент товара, сроки передачи и т. д.) в порядке, предусмотренном в организационном (рамочном) договоре. Примером организационного (рамочного) договора могут служить договоры об организации перевозок (ст. 752 ГК). Модель организационного (рамочного) договора следовало бы закрепить в ГК в общих положениях о договоре.

Принцип свободы договора означает, что стороны, вступившие в отношения по заключению договора, могут и не достичь соглашения. Но при этом у сторон возможны потери или убытки в связи с осуществлением преддоговорных контактов, ведением переговоров (расходы на поездки и т. д.). Не исключены и ситуации, когда одна из сторон ведет себя недобросовестно, например, специально затягивает переговоры и затем их прерывает. Возникает вопрос: возможна ли ответственность сторон вследствие не заключения договора (преддоговорная ответственность)?

В странах романо-германской системы права в настоящее время общепризнанной является концепция ответственности за вину в преддоговорных отношениях. Эта концепция именуется еще *culpa in contrahendo* (лат. – неосторожность в переговорах). Она получила закрепление и в законодательстве ряда стран. Так, в параграфе 311 Германского гражданского уложения [6] записано, что договор, содержащий обязанности согласно абзацу 2 параграфа

241, возникает также посредством: 1) вступления в переговоры о заключении договора; 2) подготовки договора, по которому одна из сторон, в расчете на соответствующие правоотношения по сделке, предоставляет другой стороне возможность влиять на свои права, правовые блага и интересы либо доверяет их ей; 3) деловых контактов. В параграфе 241 Германского гражданского уложения предусмотрено следующее правило: в соответствии с содержанием обязательства каждая из сторон может быть обязана учитывать права, правовые блага и интересы другой стороны.

В ГК Беларуси общего правила о преддоговорной ответственности нет. Такую ответственность можно видеть лишь в отдельных нормах. Согласно п. 3 ст. 418 ГК организатор открытых торгов при отказе от их проведения с нарушением установленных сроков, а при закрытом аукционе – или конкурсе, в любом случае, обязан возместить участникам понесенный ими реальный ущерб. В пункте 4 ст. 415 ГК предусматривается, что сторона, обязанная заключить договор и необоснованно уклоняющаяся от его заключения, должна возместить другой стороне причиненные этим убытки. Еще один случай преддоговорной ответственности установлен в ст. 477 ГК применительно к урегулированию разногласий при заключении договора поставки.

Вместе с тем необходимо, на наш взгляд, наличие общего механизма защиты интересов потенциальных участников договора, когда нет самого договорного отношения. Установление соответствующих норм представляется целесообразным для отношений, связанных с предпринимательской деятельностью. Не случайно в Принципах международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) [7] в ст. 2.1.15 нашли отражение следующие правила: 1) сторона свободна проводить переговоры и не несет ответственности за недостижение соглашения; 2) однако сторона, которая ведет или прерывает переговоры недобросовестно, является ответственной за потери, причиненные другой стороне; 3) недобросовестным, в частности, является вступление стороной в переговоры или их продолжение при отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной. Указанные правила могут быть взяты за основу при внесении общих положений о преддоговорной ответственности в ГК Беларуси.

Список использованных источников

1. Гражданское право : учебник : в 3 т. / Т. В. Авдеева [и др.] ; под ред. В. Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2010. Т. 2. – 960 с.
2. *Свадковская, Е. А.* Заключение гражданско-правового договора с отступлением от принципа его свободы / Е. А. Свадковская. – Минск : Беларус. навука, 2006. – 262 с.
3. О едином государственном регистре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 февр. 2009 г., № 229 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр» , Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
4. Об утверждении Правил заключения и исполнения договоров строительного подряда : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 сент. 1998 г., № 1450 //

КонсультантПлюс : Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

5. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г. // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

6. Гражданское уложение Германии : введ. Закон к Гражд. уложению ; пер. с нем. / [В. Бергман, введ., сост.] ; науч. ред. : А. Л. Маковский [и др.]. – 2-е изд., доп. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 816 с.

7. Принципы Международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология ПРОФ [Электронный ресурс] / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ И ПРИНЦИПОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРАВОСУДИИ

В. С. Каменков

*Высший Хозяйственный Суд
Республики Беларусь*

Конституция Республики Беларусь (далее – Конституция) – Основной закон нашего государства, на который должны быть сориентированы другие правовые нормы, в том числе в экономическом (хозяйственном) судопроизводстве.

Хозяйственному судопроизводству, как и любому другому виду судопроизводства, присуща строгая процессуальная форма, детальная регламентация порядка совершения процессуальных действий, обеспечивающая защиту нарушенных прав и законных интересов юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, граждан, организаций и общества в целом на всех стадиях процесса – от момента возбуждения дела в суде первой инстанции до исполнительного производства, которое, кстати, тоже отнесено к стадиям судопроизводства.

Эффективная система хозяйственного судопроизводства формируется на основе конституционных принципов, которые выполняют ориентационную, направляющую и регулятивную функции.

В первую очередь нужно обратить внимание на объективно существующую специфику правоотношений, складывающихся в хозяйственном судопроизводстве.

Особенности объясняются различными факторами, например, субъектным составом правоотношений, рассматриваемых хозяйственными судами, характерными для данного субъектного состава материально-правовыми отношениями и вытекающими из них задачами суда.

Основными субъектами обращений в хозяйственный суд в целях защиты своих прав и законных интересов являются, как известно, юридические лица и индивидуальные предприниматели, а организации, не являющиеся юридическими лицами (в том числе коллективы работников), и граждане – только в случаях, предусмотренных законодательными актами, например, ст. 6 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК). Хозяйственные суды осуществляют правосудие в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности путем разрешения хозяйственных (экономических) споров, возникающих из гражданских, административных, земельных, финансовых и иных публичных правоотношений, и рассмотрения иных дел (ст. 2 ХПК).

Чтобы понять глубину приводимых особенностей, нужно проанализировать их происхождение, природу общественных отношений, по поводу которых возникает спор в хозяйственном суде, поэтому здесь следует обратиться к дефинициям этих понятий.

Следует обратить внимание, что уже на уровне Основного Закона Республики Беларусь (Конституции) и других актов законодательства различаются понятия: «экономическая деятельность», «хозяйственная деятельность» и «предпринимательская деятельность».

Начать следует с положений Конституции Республики Беларусь. Вспомним следующие ее тезисы. «Государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности.

Государство гарантирует всем равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества; обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях» (ст. 13).

Хозяйственная деятельность определяется во многих источниках как деятельность, которая связана с производством и реализацией товаров, выполнением работ и оказанием услуг, а также с обеспечением их производителей необходимыми ресурсами.

В отношении экономической деятельности можно надеяться, что ее дефиниция найдет свое место в разрабатываемом новом общегосударственном классификаторе видов экономической деятельности. Во всяком случае, в других государствах именно так и сделано. «...Экономическая деятельность как процесс есть сочетание действий, приводящих к получению определенного перечня продукции. Это достигается тогда, когда объединяются ресурсы (оборудование, рабочая сила, технологии, сырье и материалы) и производственный процесс для создания конкретных товаров и услуг...» (см. стр. 9 методических рекомендаций Статистической комиссии ООН).

В Законе «О предпринимательстве в Республике Беларусь» содержится определение *предпринимательской деятельности* (ст. 1), перечень субъектов предпринимательства (ст. 2) и его формы (ст. 3).

Предпринимательская деятельность – самостоятельная, инициативная деятельность граждан, направленная на получение прибыли или личного дохода и осуществляемая от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность или от имени и под имущественную ответственность юридического лица (предприятия). Предпринимательская деятельность может осуществляться в виде индивидуальной трудовой деятельности, а также в различных организационно-правовых формах юридических лиц.

Субъектами предпринимательства являются: 1) физические лица, не ограниченные в правах в порядке, определяемом законодательными актами Республики Беларусь, в том числе иностранные граждане и лица без гражданства в пределах прав и обязанностей, предусмотренных действующим законодательством Республики Беларусь; 2) группы граждан (партнеров) – коллективы предпринимателей.

В Беларуси допускаются следующие формы предпринимательской деятельности: 1) частное предпринимательство, осуществляемое субъектами предпринимательства на основе своей собственности или на основе имущества, полученного и используемого на законном основании; 2) коллективное предпринимательство, осуществляемое предпринимателями на основе коллективной собственности или на основе имущества, полученного и используемого на законном основании. Предпринимательство может осуществляться с образованием юридического лица или без него, без использования наемного труда и с его использованием.

ГК (ст. 1) несколько иначе, но очень похоже определяет предпринимательскую деятельность. *Предпринимательская деятельность* – это самостоятельная деятельность юридических и физических лиц, осуществляемая ими в гражданском обороте от своего имени, на свой риск и под свою имущественную ответственность и направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи вещей, произведенных, переработанных или приобретенных указанными лицами для продажи, а также от выполнения работ или оказания услуг, если эти работы или услуги предназначаются для реализации другим лицам и не используются для собственного потребления.

В словарях можно увидеть, что коммерческая деятельность рассматривается как разновидность предпринимательской и которая предусматривает покупку сырья, материалов, комплектующих, готовых товаров и последующую их продажу с целью получения прибыли. Производственная деятельность (производственный процесс, производство) определяется, как совокупность деятельности людей и орудий труда, необходимых для изготовления основной продукции. Производство предполагает использование факторов производства (рабочей силы, технических средств, материалов, энергии, различных услуг), требует соблюдения технических условий и правил, а также учета социаль-

но-этических норм. Из этого определения однозначно усматривается, что производственная деятельность значительно шире не только коммерческой, но и предпринимательской.

Исходя из приведенных выше материально-правовых предпосылок можно понять и соответствующие хозяйственные процессуальные нормы.

Поэтому, например, отличительными (не характерными для общих судов) задачами хозяйственного судопроизводства являются: 1) содействие укреплению законности и предупреждению правонарушений в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности; 2) исполнение установленных ХПК и иными законодательными актами о судопроизводстве в хозяйственных судах судебных постановлений и актов иных органов; 3) содействие становлению и совершенствованию партнерских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота (ст. 4 ХПК). Исходя из перечисленных выше особенностей, можно говорить о том, что и в ХПК имеются отдельные главы и разделы, посвященные особенностям рассмотрения отдельных категорий дел в силу их глубокой специфики.

Ряд основополагающих принципов судопроизводства, закрепленных в Главе 6 Конституции, конкретное содержание получил в ХПК. Уместно будет сказать, что в настоящее время отечественными учеными-правоведами все больше внимания уделяется принципам права (за последние годы подготовлены две докторские диссертации на эту тему).

Подчеркивая значимость основных начал для всего хозяйственного судопроизводства, законодатель специально посвятил принципам вторую главу, которая именуется «Принципы судопроизводства в хозяйственном суде».

Положение ст. 115 Конституции, указывающее, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, конкретизируется в ст. 18 и 19 ХПК. Норма части третьей ст. 18 ХПК содержит запрет для хозяйственного суда ставить своими действиями какую-либо из сторон в преимущественное положение, равно как и умалять права одной из сторон. А часть третья ст. 19 ХПК, конкретизируя установленный Конституцией принцип состязательности сторон, предоставляет лицам, участвующим в деле, право знать об аргументах друг друга, а также устанавливает обязанность стороны, представляющей доказательство суду, дать его и другой стороне.

Положения ст. 110 Конституции, устанавливающие, что судьи при осуществлении правосудия независимы и подчиняются только закону, конкретизируются в ст. 12 ХПК. Независимость является не личной привилегией судьи хозяйственного суда как гражданина, а особенностью его должности, статуса. Этот статус предоставляется судье в интересах народа, общества и государства, от имени которого он осуществляет правосудие.

Положения ст. 113 Конституции, указывающие, что дела в судах рассматриваются коллегиально, а в предусмотренных законом случаях – единолично судьями, конкретизируются в ст. 11 ХПК. По первой инстанции, как прави-

ло, дела рассматриваются судьей единолично. При этом судья действует от имени хозяйственного суда. Единоличное рассмотрение дел судьей, наряду с обеспечением законности, объективности разрешения спора, способствует процессуальной экономии и удешевлению процесса.

Вместе с тем, учитывая ходатайства сторон, сложность дел и иные заслуживающие внимания обстоятельства, по решению председателя хозяйственного суда или его заместителя любое дело по первой инстанции может быть рассмотрено коллегиально. Принцип коллегиального рассмотрения дел является общим правилом для апелляционной, кассационной и надзорной инстанций хозяйственных судов.

Принцип законности, установленный ст. 112 Конституции говорит о том, что суды осуществляют правосудие на основе Конституции и принятых в соответствии с ней иных нормативных актов. Этому принципу в ХПК посвящены нормы ст. 14 и частично ст. 25. Законность судопроизводства в хозяйственном суде обеспечивается правильным применением законов и иных нормативных правовых актов, а также соблюдением судьями хозяйственного суда правил, установленных законодательными актами о судопроизводстве в хозяйственных судах.

В принципах хозяйственного процессуального права в концентрированной форме выражается воля законодателя по отношению к содержанию современного судопроизводства по разрешению хозяйственными судами экономических споров и рассмотрению иных дел, отнесенных к их компетенции (это отношение самого государства к системе и эффективности судебной защиты прав и законных интересов участников процессуальных правоотношений в сфере экономики, а также к перспективе ее развития и совершенствования).

Принципы хозяйственного процессуального права наиболее наглядно подчеркивают специфику данной отрасли права. В совокупности они составляют тот базис, на котором выстраивается сама отрасль права, состоящая из конкретных правовых норм, которые в свою очередь конкретизируют и детализируют принципы.

В правоприменительной практике принципы хозяйственного процесса определяют общие подходы к осуществлению правосудия, способствуют правильному пониманию и толкованию норм процессуального права.

В силу особого значения принципы хозяйственного процесса подлежат обязательному точному соблюдению при разрешении конкретных споров и рассмотрении других дел. Отступление от принципов рассматривается на практике как существенное нарушение закона и влечет определенные правовые последствия (как правило, отмену или изменение судебного постановления).

Благодаря новым взглядам на роль и значение судебной власти в обществе, принципы становятся важными предпосылками дальнейшего совершенствования и развития хозяйственного процессуального законодательства в направлении, обеспечивающем надлежащую защиту судами прав граждан

и юридических лиц независимо от того, кем эти граждане и юридические лица являются.

Применение конституционных норм и принципов при отправлении правосудия – важное условие упрочнения конституционной законности и правопорядка, обеспечения сбалансированности свободы и ответственности всех субъектов права.

В целом можно сделать вывод, что конституционные принципы находят свое отражение и конкретизацию в нормах хозяйственного (материального и процессуального) законодательства. Они трансформируются, приобретая специфические черты и особенности.

КОДИФИКАЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УКРАИНЕ: ОПЫТ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Т. Н. Кравцова

*Харьковский национальный
университет внутренних дел*

Нужен ли Украине Хозяйственный кодекс в том виде, в каком он имеет место сейчас, – вопрос дискуссионный, он рассматривается с разных точек зрения. Одни ученые защищают кодекс, приводя аргументы в пользу того, что хозяйственные отношения – это особый вид общественных отношений, которые по своей правовой природе объединяют имущественный элемент с организационным, что и отличает их от гражданских. Гражданские правоотношения основываются на диспозитивности регулирования, равноправии сторон, обуславливаются необходимостью обеспечения имущественного аспекта свобод гражданина, а для хозяйственных отношений необходимым является сохранение баланса частных интересов и потребностей общества. Другая часть ученых сводит все хозяйственные отношения к гражданским, аргументируя это тем, что основу хозяйственной деятельности составляют отношения собственности (покупка сырья, производство товара, реализация товара, оплата за товар). Нормы ГК Украины регулируют вопросы правового статуса субъектов хозяйствования, а также их отношения с другими субъектами, связанные с осуществлением хозяйственной деятельности. В результате наличие еще одного нормативного документа, регулирующего аналогичные общественные отношения, – Хозяйственного кодекса – приводит к дублированию правовых норм и созданию правовых коллизий.

Проанализировав мнения ученых и проблемы правоприменения Хозяйственного кодекса Украины, хочу согласиться с мнением экс-председателя

Высшего хозяйственного суда Украины С. Демченко, что проблемы кодификации хозяйственного права в Украине основываются на противостоянии разных научно-правовых школ, при котором забываются потребности экономики и непосредственные проблемы кодификации¹. Потребности бизнеса и экономики в целом состоят не в урегулировании отношений между субъектами хозяйствования (их можно рассмотреть на уровне договора, они полностью оговорены в ГК Украины), не в урегулировании отношений между субъектом хозяйствования и его собственником (их можно закрепить на уровне учредительных документов), не в урегулировании отношений между субъектом хозяйствования и его структурными подразделениями (их можно отразить на уровне локальных документов субъекта хозяйствования). В сфере хозяйствования интерес общества и отдельного субъекта хозяйствования состоит в необходимости регулирования 1) отношений между органами публичной власти и субъектами хозяйствования в связи с осуществлением государственного регулирования экономикой; 2) отношений, связанных с реализацией права государственной собственности уполномоченными субъектами, в том числе и в сфере хозяйствования. Именно регулирование и кодификация этих отношений позволит гарантировать реализацию принципов демократии и неприкосновенности права любой формы собственности в обществе.

По нашему мнению, для этого необходимо учитывать правовой характер указанных отношений и принцип правопорядка, изложенный в ст. 19 Конституции Украины: «Правовой порядок в Украине основывается на принципах, в соответствии с которыми никто не может быть принужден делать то, что не предусмотрено законодательством. Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны действовать только на основании, в пределах полномочий и способом, которые предусмотрены Конституцией и законами Украины».

В соответствии с этим принципом и целью ликвидации своевольного вмешательства органов публичной власти в экономические процессы в стране, а также обеспечения права на предпринимательскую деятельность, считаем необходимым объединить все правовые нормы, регулирующие порядок проведения административных процедур в сфере хозяйствования (государственная регистрация, лицензирование, стандартизация, сертификация, государственный контроль и т. д.), в единый нормативный документ – Кодекс административно-хозяйственных процедур. А правовые нормы, которые регулируют отношения в сфере государственной собственности (создание государственных предприятий, управление ими и их имуществом, аренда государственного имущества, государственный заказ и государственные контракты и т. д.), объединить в Кодекс управления государственным имуществом. При этом полностью отпадет необходимость в хозяйственном кодексе в его нынешнем виде.

¹ Експортуватимемо правовий досвід на схід // Голос України. № 178 (5178), 24 вересня 2011 р.

СУДЕБНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Н. Н. Ефремова

*Институт государства и права
Российской академии наук*

В истории объединения российского и белорусского народов за последние два с половиной столетия известны три этапа, которые реализовывались в имперский, советский и современный периоды, принимая последовательно форму империи, союзной федерации, и союзного государства. Степень централизации государственного аппарата и отдельных его элементов, в частности суда, их унификации была и есть различна, но для утверждения правопорядка в рамках единого политического и правового пространства необходима. Исторический опыт объединения полезен для современного развития Союзного Государства Беларуси и России.

Первый этап относится к концу XVIII в., когда в результате трех разделов Речи Посполитой в состав Российской империи вошли так называемые «западные губернии», в частности белорусские земли.

Последовательно проводились реформы управления новыми губерниями, которые привели к унификации административного и судебного аппарата по общеимперской модели в 1840 г., когда по указу от 25 июня 1840 г. западные губернии определялись как «издревле русские по происхождению, правам и навыкам их жителей», что обосновывало унификацию суда и администрации, законодательства. Организация правосудия на территории Белоруссии была отличной от иных национальных окраин (за исключением Малороссии), сохранивших особенности местной юстиции, сложившиеся до вхождения в Империю.

Быстрая унификация судебной системы Белоруссии с общеимперской объясняется наличием общих правовых традиций, правовой идеологии, исторических правовых корней, менталитета народов и др. Достижение этого единства способствовало утверждению общего правового пространства и порядка, зарождению начала правового равенства, т. е. было прогрессивным явлением. В ходе судебной реформы 1864–1899 гг. на белорусских землях вводилась общеимперская прогрессивная либерально-демократическая модель суда.

После распада Российской империи и обретения Белоруссией суверенитета началось строительство новой государственности, осложненное условиями Первой мировой, а позднее гражданской войны. После освобождения территории Красной Армией и провозглашения вновь Белорусской республики начался второй этап в объединении белорусского и российского народов, завершившийся вхождением БССР в СССР.

В советский период реформы государственного управления и судебной организации проходили синхронно во всех союзных республиках, включая РСФСР и БССР. Судебная реформа 1922 г. и последовавшее «районирование» обозначили этап единообразия в организации суда, в значительной мере обеспечивавшего единое юридическое пространство, порядок и режим. После распада СССР и обретения Россией и Беларусью суверенитетов начался третий этап политико-правового сближения народов. 2 апреля 1996 г. определяют как начало качественно нового объединения, создания Сообщества Беларуси и России, а 2 апреля 1997 г. уже был подписан Договор о Союзе Беларуси и России. 8 декабря 1999 г. состоялось подписание Договора о создании Союзного государства, вступившего в силу 26 января 2000 г., после ратификации Договора парламентами двух стран. На современном этапе в России и Беларуси сложились неодинаковые судебные системы, находящиеся в перманентном состоянии и развития.

Задача унификации внутригосударственного управления и суда в двух государствах, составляющих Союз, сейчас не стоит, но в Договоре о создании Союзного государства в ст. 50 декларируется создание Суда Союзного государства, призванного обеспечивать единообразное толкование и применение Договора о создании Союзного государства, нормативных правовых актов союзного государства. В его состав должны войти 9 судей, назначаемых Парламентом Союзного государства по представлению Высшего Государственного Совета. Судьи назначаются из граждан России и Беларуси, обладающих высокими профессиональными и моральными качествами. Судьи независимы и действуют в личном качестве. В состав Суда не должно входить более 5 судей, являющихся гражданами одного государства. Решения Суда имеют обязательную силу и подлежат официальному опубликованию. Создание этого Суда не изменит внутреннюю организацию судебных национальных систем, к компетенции судов которых сейчас отнесено и разрешение хозяйственных споров с участием самого Союзного государства, выступающего в качестве участника экономических правоотношений. Форсирование создания Суда Союзного государства будет способствовать сближению правопорядков государств – участников Договора и созданию единого правового пространства, для чего, в частности, предполагается и унификация законодательства.

Имеющийся положительный опыт объединения народов воли позволяет надеяться на достижение поставленной цели для блага обоих народов. Вместе с тем, вероятно, потребуется и реформирование национальных систем государственного управления, включая суды, но уже в рамках нового современного политико-правового формата.

РАЗДЕЛ I

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ИСТОРИЯ И НОВАЦИИ

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ В ИЗУЧЕНИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

С. А. Калинин

*Белорусский
государственный университет*

Государство и право выступают системной совокупностью сложных и взаимосвязанных явлений, входящих в системы более высокого уровня абстракции и обобщения. Такие системы определяют и задают исходные параметры бытия государственно-правовых феноменов, не будучи сами определяемы с позиции государства и права. Одной из таких систем является феномен цивилизации, отражающий неразрывное взаимосвязанное самоценное культурное измерение способов бытия социума, преломленное в мировоззрении, мироощущении и способах социальной активности, в том числе построения и функционирования публичной власти и общеобязательных норм. Цивилизационный подход позволяет выделять наиболее общие критерии для группировки государственно-правовых явлений, учитывать культурно-исторический контекст их бытия, а также способствует смягчению представлений об универсальности неких государственно-правовых моделей, позволяющих в силу этого характеризовать народы как «отсталые» либо «передовые».

Цивилизационный подход возникает на определенном этапе развития науки и накопления эмпирического материала и фактически представляет собой преодоление мировоззренческого дискурса «культура» и «варварство»,

признавая за «варварами» право на инаковость. Между цивилизациями и входящими в них формами государственности осуществляется взаимодействие, в том числе конфликтное и антагонистическое. При этом конфликт, происходящий внутри единой цивилизации, и конфликт, происходящий между цивилизациями, сущностно различаются. В первом случае борьба за доминирование определенных государственных образований идет в рамках единых ценностей, во втором конфликт имеет ценностную окраску.

Особую роль в мировой истории сыграла Западная (в широком понимании) цивилизация, сложившаяся при слиянии римских идей государственности и права, греческой философии и христианства в лоне романских и германских этносов. Цивилизация Запада, как и иные цивилизации, в зависимости от используемого критерия (религия, технология, культура, экономика и т. д.) может именоваться различно, например, применительно к современности ее называют «либеральной», «модерной», «инновационной», «техногенной» и т. д.

Историческим фактом, который должен учитываться при изучении государства и права, является мировоззренческая агрессивность Западной цивилизации, которая в совокупности с иными факторами (например, индустриальная капиталистическая техногенная экономика), привела к расширению ее влияния в мировом масштабе, подчинению, а зачастую исчезновению иных цивилизаций и народов, которые под воздействием таких вызовов были вынуждены с различной степенью успешности трансформироваться, модернизироваться и вестернизироваться. Таким образом, мировое развитие, в том числе политико-правовое, особенно с эпохи Модерна стало, осуществляться в логике Западной цивилизации, а ее феномены стали позиционироваться как общечеловеческие.

При этом техногенность как важная характеристика современной Западной цивилизации, требовавшая постоянного включения новых ресурсов, рынков сбыта и т. д., что в итоге породило феномен современной глобализации, была возможна лишь в рамках определенных культурных стереотипов, сложившихся в эпоху Модерна, направленных на постоянное изменение и улучшение и противопоставленных традиционным ценностям. Именно прогресс материальной культуры и связанный с ним постоянный поиск новых форм организации жизни социума позволили Западу подчинить и встроить остальной мир в собственные структуры. Это обусловило именование западных цивилизаций традиционными. При этом данное качество, несмотря на названную выше агрессивность, до определенного момента было присуще и Западной *Христианской* цивилизации.

Цивилизационный подход выступил в качестве реакции на стремление Западной цивилизации позиционировать себя в качестве универсального пути развития социума. Поддержим мнение В. С. Степина, что давление техногенной цивилизации на иные цивилизации привело к их превращению в типично техногенные общества либо к формированию гибридных образований, сохранивших многие традиционные черты [5]. Применительно к Беларуси

это означает ее гибридную природу и нахождение как в лоне техногенной цивилизации, особенно учитывая ее роль сборочного цеха СССР, так, на Пограничье Западно-Христианской (Европы Петра) и Восточно-Христианской [3] цивилизаций. Такое положение определяет специфику государственно-правового устройства Беларуси, ее развития и позиционирования в современном мире. При этом Восточно-Христианская цивилизация, центром которой признается Россия, осуществляющая, начиная с Алексея Михайловича и Петра I, догоняющую модернизацию, приобрела качества гибридной (техногенной) лишь с определенного момента. СССР, построенный на западной доктрине коммунизма, также следует считать гибридной цивилизацией (индустриализация, коллективизация и т. д.). Для гибридных цивилизаций характерен определенный внутренний конфликт техногенного и традиционных культурных стереотипов. Именно на такой конфликт, преломленный на отношения либерализма, стремящегося к освобождению от любых ограничений и мировоззренческой традиции, указывает Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (Гундяев) [4]. При этом гибридизация, т. е. восприятие основных ценностей иных цивилизаций (мы поддержим позицию Н. Я. Данилевского), не всегда безопасна [1, с. 91].

Западная цивилизация, воздействуя на иные цивилизации, вышла на глобальный уровень, распространив (с различной степенью воздействия) свое влияние на весь мир, что породило проблему пределов цивилизации в силу невозможности дальнейшего экстенсивного развития. Глобализация же в силу большей связанности, взаимозависимости мира и инновационной природы техногенной цивилизации способствовала тому, что большинство существующих проблем и противоречий приобрели всемирный характер.

В итоге можно говорить о существовании единой глобальной цивилизации, включающей в себя все существующие, построенной в логике Западной цивилизации, но Западной в силу своей глобальности не являющейся. Такой подход позволяет предлагать пути решения глобальных проблем для обеспечения выживания всего человечества. Так Н. А. Карпович обосновывает необходимость перехода к экологической цивилизации, «которая не просто имела бы целью решение задачи бережного отношения к природе, ее ресурсам и пр. <...>, но коренным образом меняла бы императив существования государства как предназначенного для сохранения природы – универсальной экосистемы, а значит, и человека» [2, с. 19].

Таким образом, при рассмотрении государства и права необходимо одновременно учитывать несколько цивилизационных срезов, а именно: ценностный срез (какие именно ценности лежат в основе цивилизации и конкретного государства); степень гибридизации цивилизации, то есть уровень восприятия ею ценностей и установок техногенной цивилизации; место государства в системе конкретной и общемировой цивилизации.

Список использованных источников

1. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский ; сост., послесл., коммент. С. А. Вайгачева. – М. : Книга, 1991. – 573 с.
2. Карпович, Н. А. Теоретические проблемы реализации экологической функции государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.06 / Н. А. Карпович ; Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – 48 с.
3. Кирилл (Гундяев), митр. Смоленский и Калининградский. Замысел Божий о человеке и свобода воли: эсхатологическая перспектива / митр. Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев) // Русская Православная Церковь : Официальный сайт Московского Патриархата [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/57597.html>. – Дата доступа : 25.05.2012.
4. Кирилл (Гундяев), митр. Смоленский и Калининградский. Норма веры как норма жизни. Проблема соотношения между традиционными и либеральными ценностями в выборе личности и общества / митр. Смоленский и Калининградский Кирилл (Гундяев) // Независимая газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.ng.ru/ideas/2000-02-16/8_norma.html. – Дата доступа : 25.05.2012.
5. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 743 с. // Философский портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/fnt/01.html>. – Дата доступа: 25.05.2012.

ОБ ОСНОВАНИЯХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЛИЧНОСТНОГО НАЧАЛА В ПРАВЕ

В. И. Павлов

*Академия МВД
Республики Беларусь*

Тема личности в праве для русскоязычной правовой науки является традиционной. Сегодня практически все учебники по общей теории права, конституции всех постсоветских республик описывают личностное измерение в праве в классических образцах. Личность, ее права и свободы признаются в качестве высшей ценности общества и государства¹. Правовая реальность указывает на несоответствия классической модели фактическому положению вещей. Гуманистический пафос личностности в праве, декларация ее в качестве высшей ценности общества и государства в наличной правовой реальности сталкиваются с проблемой распада личности, «исчезновения»

¹ Ср: «Если отнять у человека право на жизнь, свободу совести и убеждений, безопасность, развитие, уважение человеческого достоинства ... и ряд других жизненно важных социальных прав, то человеческая личность просто исчезнет» [2].

человека, утратой им личностной идентичности и конституции. Явления глобального вносят сегодня свои аспекты в правовое бытие – право уже не столько предоставляет свободу человеку, не столько регулирует отношения в социуме, сколько становится инструментом принуждения к насильственному потреблению свободы, само становится жертвой потребления. Ядро новоевропейской юридической доктрины – концепция прав человека – сегодня подвергается девальвации, политизируется, становится манипулятивным.

Эти и другие явления современной правовой реальности дают основание поставить ряд принципиальных вопросов о личности в праве, а именно: 1) какой функциональный смысл сегодня имеет присутствие личностного измерения в праве? Недостаточно ли наличия в правовом поле категорий индивида и субъекта права? 2) как реально наличие личностного элемента в праве влияет на практику правового регулирования, как и каким способом используется ресурс личности в праве? 3) что представляет собой личность в праве и является ли она реальным выражением особого, отличного от иных способов типа наличия человека в праве?

Разработка нового постклассического измерения личностности в праве наиболее продуктивна в рамках подхода, в котором максимально высвечиваются собственно предикаты антропного бытия в праве. Попытка переосмысления личностности в праве целесообразна в рамках аутентичного антропологического подхода в праве. Аутентичная антропо- или персонология права, юридическая персонология как учение о личности в праве, должна всегда основываться на реальном *при-сут[ь]/-ствии* человека в праве, наличии и выявлении в правовом антропной сути. В противоположность классическому измерению человеческого в праве как гуманистически личностного / субъектно нормативного, *новая концепция личности в праве должна быть сопряжена с выявлением живого динамичного образа человека в праве*. Основной вопрос заключается в том, каким образом осуществить выведение личности к правовому присутствию? Теоретически можно использовать различные постклассические проекты субъективности.

Человек юридический как определенная нормативная модель (субъект права) всегда основывается на некой антропной модели, присущей определенной дискурсивной формации, которая выдвигает эту модель в качестве идеальной. Важно эксплицировать тип дискурса, обусловившего речь о человеке, иначе разговор о личности в праве, ее правах и свободах можно вести с совершенно противоположных позиций. На описании антропологического дискурса, который мы предлагаем использовать в правовом анализе личности в праве, мы и остановимся в данном тексте.

В предлагаемом нами подходе мы используем антропологическую модель особого типа, основанную на неэссенциальной парадигме. В основе такого понимания человека лежит *принцип энергийности*, означающий, что дескрип-

ция антропологической реальности должна вестись в дискурсе энергии, бытия-действия. Человек это не некая предзаданная сущность (рациональный субъект), помещенная в плоскость и заданная ею, это сплав человеческих энергий совокупность антропологических проявлений, обнаруживающихся в конкретном хронотопе. Энергичность человека обеспечивается постклассическим концептом правовой субъективации.

Субъективация – это процесс становления субъекта, становящаяся субъективность. В отличие от классической концепции субъекта, которая развивается в эссенциальном дискурсе – дискурсе сущностей – рассматривает субъект как изначально завершенную, состоявшуюся и конституированную субстанцию на базе сознания-мышления (*cogito ergo sum*), субъективация представляет собой «возможный модус интенсивного существования, субличностное событие, которому всегда недостает субъекта» [3]. В субъективации нет субъекта как оконченного завершенного образования, в ней есть лишь его непрерывное становление, экзистирование.

На базе субъективации можно выделить концепт *правовой субъективации*, который целесообразно увязать с еще одним постклассическим концептом – концептом практик [1]. В совокупности следует вести речь о *практиках правовой субъективации*, под которыми мы понимаем *определенные правоповеденческие паттерны самообращения, в которых и через которые конкретный человек измеряет правовую жизнь в целом, свой правовой статус и правовое положение в частности, в том числе и конкретную юридически значимую ситуацию, в которой он оказывается*. Базируясь на практиках правосубъективации, человек «размещается» в нормативном пространстве. По сути, это и есть реальный субъект права, которого условно можно именовать *правовым человеком*.

Новая антропная модель может стать основой для иного понимания личности в праве. Главное в этой энергично-правовой модели то, что она отказывается от декларирования некой предзаданной сущности человека (*ratio* как условие истины/нормы), и в то же время дает возможность обратить внимание на реальную фактичность динамики человеческих отношений.

Список использованных источников

1. Волков, В. В. Теория практик / В. В. Волков, О. В. Хахордин. – СПб., 2008. – 298 с.
2. Рассолов, М. М. Актуальные проблемы теории государства и права : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / М. М. Рассолов, В. П. Малахов, А. А. Иванов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2011. – С. 393–394.
3. Смирнов, А. Е. Проблема идентичности и субъективации в современном обществознании / А. Е. Смирнов // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2005. – № 4. – С. 17.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

В. Н. Матарас

*Белорусский
государственный университет*

Среди множества проблем развития науки о государстве и праве одна из основных – это выбор способов (т. е. методологии) для ее дальнейшего изучения и развития. До сих пор теория государства и права рассматривалась как гуманитарная наука и как таковая отвечала не на все поставленные вопросы. Изучение системы власти или кодекса без учета всего комплекса сложных научных проблем, базирующихся на гуманитарной науке, не приводило к желаемому результату. Можно сколько угодно писать о Великой хартии вольностей 1215 г., но при этом не учитывать того факта, что ни один из баронов, заставивших короля подписать хартию, не дожил до следующего дня рождения. И только после Английской революции XVIII в. о ней вспомнили как о Хартии старых английских вольностей.

Изучение филологического текста без учета реального времени жизнедеятельности этноса не дает ответа на основной научный вопрос: что происходило на самом деле? Вера в непогрешимость источника и в его реальные действия без учета исторического фона приводит к ложным результатам.

По нашему мнению, отсутствие правильной постановки задач и, как следствие – отсутствие методов, которые помогли бы отвечать на поставленные задачи, не совместимо с современной наукой. Методы утверждения должны заменяться фактами, личные убеждения – доказательствами, а не произвольными умствованиями. Это прямой путь к теоретическому иллюзионизму и абстрактным спекулятивным построениям, не имеющим к науке никакого отношения.

Проблема заключается и в том, что лишь часть явлений, возникающих в процессе государственного строительства, можно перевести на язык теоретических понятий. Но и в этом случае уже утвердившаяся терминология переносится на явления, которые не свойственны данному факту по сути. В результате наблюдаемые новые явления с трудом подводятся под теоретические установки, а поскольку в истории государственно-правовых институтов, несмотря на внешнее сходство, нет ничего равного и тождественного, то возникает проблема их правильного понимания.

По нашему мнению, для ответа на многие возникающие вопросы необходимо пользоваться достижениями разных наук, где наряду с гуманитарными присутствовали бы и естественные науки. Естественные науки уже давно шагнули вперед, необходимо соединить естественные науки с гуманитарными, в противном случае юридическая наука будет находиться в рамках филологии на уровне науки

XIX в. Искать ответ на поставленные вопросы надо не только в области спекулятивной философии, т. е. в области теории познания и логики, как считал Г. Еллинек [3, с. 19], но и в сфере естественных наук, т. е. есть в географии и этнологии.

Характер социальных институтов (государственно-правовых), которые созданы людьми, запрограммирован обстоятельствами места (география), возраста этноса (т. е. напряжения в системе), который находится либо в динамике, либо в статическом состоянии, и временем (стадия развития человечества) [1, с. 24]. А поскольку этнос феномен природный, коррелирующий с социальной системой, то в зависимости от его возраста по-разному происходит и его взаимодействие с социальной системой. Так как этнос – система корпускулярная, то жизнедеятельность этноса проходит как живой поток, тогда как социальная система – это плод создания людей. Это рациональная деятельность, где система является жесткой, требующей при переустройстве ломки.

Поскольку этнос – это процесс адаптации к определенному ландшафту, то каждый народ живет на определенной территории не в плане границ государства, а в плане взаимодействия с природной средой. При рождении он приспособливает географический ландшафт для своей жизнедеятельности, осваивая его, давит на этот ландшафт, а тот оказывает давление на народ, в результате чего вырабатывается тип хозяйства и определенные стереотипы поведения, на базе которых создается государственный режим и власть. Например, во время зарождения и подъема в VIII в. Япония на 75 % состояла из гор, при господстве заливного рисосеяния и обилия изолирующих ландшафтов, что способствовало выработке такой формы правления, когда основная часть властных полномочий центра делегировалась на места, а функции правителя – это неподвижность.

Россия при своем рождении в XIV–XV вв. в ландшафте леса и степи, создавая возможность высокой мобильности населения и концентрацию военной мощи, нашла выход на военных путях за счет экстенсивного развития и с помощью силовых методов, что позволило адаптироваться во вмещающий ландшафт и требовало активного вмешательства власти и ее силовых качеств [2, с. 13].

Именно на этой основе вырабатывалась форма правления и структура государственного устройства, при этом возникающая этимологическая путаница не должна вводить нас в заблуждение. Император России и император Германии – это разные монархи, общее у них одно – они главы государств. Но по своей сущности, по своим параметрам, по отношению верховной власти к населению, к подведомственной территории, к окружению и общественным функциям у них все различно, в целом или в частности. Близка по смыслу и сущности только власть различных государств, находящихся только в рамках единой культуры. Они различаются на нижнем этаже культуры, а на верхнем в рамках единого ландшафтного региона система едина. Это может быть Евразия (Российский Мир), Срединная равнина (Китай), полуостров (Западная Европа). Даже если обозначение главы государства одинаково, попадая в иную этнокультурную систему, термин изменяется и приобретает иную сущность.

По нашему мнению, теория государства и права как наука не может строиться только на базе гуманитарных наук, она обязана базироваться и на естественных. Искусственно изолируя государственно-правовую реальность от жизненного потока, мы все содержание жизни сводим только к форме, т. е. к филологии. Произвольно разделив науки на гуманитарные и естественные, упрощаем научные знания о государстве и праве, а ведь к той и другой сфере человек сопричастен, поскольку является частью биосферы.

Список использованной литературы

1. Гумилев, Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия / сост. и общ. ред. А. И. Куркчи. – М. : Институт ДИ-ДИК, 1998. – 592 с.
2. Мещеряков, А. Н. Японский император и русский царь / А. Н. Мещеряков. – М. : Наталис : Рипол Классик, 2004. – 253 с.
3. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 750 с.

ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ МОДЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

А. И. Зыбайло

*Белорусский
государственный университет*

Обеспечение и защита прав человека – важнейший элемент и необходимое условие устойчивого развития. Это определяется рядом обстоятельств: 1) устойчивое развитие невозможно без обеспечения свободы и автономии личности; 2) установление партнерства между гражданином и властью способствует развитию общества; 3) права человека – главный ориентир и высшая ценность, которыми должно руководствоваться государство. Если обязанность обеспечивать права человека государством соблюдается, то общество может быть охарактеризовано как стабильное и устойчивое [1, с. 19–20].

По мере изучения глобальной проблемы обеспечения устойчивого развития возникла необходимость расширения содержания этой концепции, включения не только экологических, экономических, но и социальных факторов, определяющих процесс устойчивости. Как было заявлено еще в Декларации ООН о праве на развитие 1986 г., человек является основным субъектом процесса развития (ст. 2) [2, с. 106]. В 1990-е гг. в понимание устойчивого развития был добавлен новый аспект – социальный. Концепция устойчивого развития подразумевает, что человек должен участвовать в процессах, которые формируют сферу его жизнедеятельности, содействовать принятию и реализации решений, контролировать их исполнение.

Так, принципы 1 и 3 Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 г. определяют право людей на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой и право на развитие для настоящих и будущих поколений [3]. Права граждан и неправительственных организаций на участие в решении экологических вопросов получили воплощение в Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды 1998 г.

На специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной обзору и оценке осуществления Повестки дня на XXI век (23–28 июня 1997 г.), было признано, что неотъемлемым элементом обеспечения социально ориентированного устойчивого развития на благо человека является демократия, уважение всех прав человека и его основных свобод [4].

Это возможно при изменении системы ценностей человека, при условии, что будут сформированы приемлемые общечеловеческие ценности, отличные от ценностей индустриально-потребительского и постиндустриального общества. Если XX в. уделял внимание правам отдельного человека, то конец его и начало XXI в. показывают, что речь должна идти и о правах «глобального человечества». Е. А. Лукашева говорит о «третьем поколении прав человека». Ф. М. Рудинский считает, что «сейчас идет речь о формировании четвертого поколения прав человека... появление новых глобальных угроз может привести к появлению новых прав человека. Это, прежде всего, права, связанные с биологией, генетикой...» [5].

В Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития (далее – НСУР) Беларуси на период до 2020 г. признается, что человек является целью прогресса; а уровень человеческого развития – мера зрелости общества, государства [6]. В параллельно действующей НСУР, разработанной и одобренной Правительством страны в 1997 г., отмечено, что «Беларусь придерживается принципиальной линии на смену парадигмы общественного прогресса с переходом на новые принципы взаимодействия природы, общества и человека. Высшей целью научно-технического и социально-экономического прогресса должен стать человек, его духовное и физическое здоровье в благоприятной и безопасной среде» [7]. Правовая база устойчивого развития Беларуси должна обеспечить реформирование и совершенствование законодательства в области регламентации не только основных прав, свобод, но и ответственности перед государством и обществом каждого гражданина страны [7].

Только общество, состоящее из людей с новым мировоззрением, будет способно развиваться устойчиво. Десятилетие 2005–2014 гг. объявлено ООН Декадой образования в интересах устойчивого развития. Главной целью образования должно стать воспитание новой личности. Этому будет содействовать и повсеместное признание наряду с уважением прав человека концепции его обязанностей, которая способствует созданию равновесия между понятиями свободы и ответственности.

Список использованных источников

1. Права человека как фактор стратегии устойчивого развития / З. С. Беляева [и др.] ; отв. ред. Е. А. Лукашева. – М. : Норма, 2000. – 320 с.
2. Декларация о праве на развитие: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 41/128 от 4 дек. 1986 г. // Международные акты о правах человека : сб. док. / сост. и авт. вступ. сл. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. – М. : Норма-Инфра-М, 1998. – С. 105–108.
3. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию: резолюция 1 Конференции ООН по окружающей среде и развитию от 14 июня 1992 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://www.un.org/russian/documen/declarat/riodecl.htm>. – Дата доступа : 15.05.2012.
4. Программа действий по дальнейшему осуществлению Повестки дня на XXI век: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН S-19/2 от 28 июня 1997 г. // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – 1998. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/conferen/summit5/rs19-2.pdf>. – Дата доступа: 24.05.2012.
5. Донченко, В. Ю. Взаимосвязь экологической безопасности, устойчивого развития и прав человека в области международной охраны окружающей среды / В. Ю. Донченко [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://iphone.zelife.ru/ekoplanet/humanenvironment/5418-envirsave.html>. – Дата доступа : 16.05.2012.
6. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://www.president.gov.by/press23869.html>. – Дата доступа : 16.05.2012.
7. О национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 27 марта 1997 г. № 255 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология ПРОФ 2012 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

О ПОЗНАНИИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

И. Л. Вершок

*Белорусский
государственный университет*

Расширение предмета познания в рамках общей теории права от узко понимаемой государственно-правовой реальности до социально-правовой действительности влечет настоятельную потребность переосмысления инструментария, способствующего наиболее успешному теоретическому освоению и практическому совершенствованию отдельных элементов, входящих в предмет исследования названной дисциплины. Ученые выявили данную тенденцию и занялись анализом методологии общей теории права с учетом расширения границ предмета общетеоретической правовой дисциплины и не-

обходимостью расширения и развития инструментария по его изучению [1]. В качестве принципа, предопределяющего объективность и полноту получаемой научной информации, следует признать основанный на научно признанном и обоснованном плюрализме средств познания принцип релятивизма.

Релятивизм представляет собой философский принцип интерпретации природных, социокультурных, мировоззренческих, когнитивных объектов в их отношении друг к другу и своему окружению, который подчеркивает примат связи объектов перед их субстанциальными свойствами, приоритет целостности, системности реальности перед ее отдельными частями, развития перед сохранением. Принцип основывается на философском обосновании относительности знаний и убеждений, на понимании ограниченности знания, его незавершенности, исторической переоценке полученных результатов, зависимости знания от изменяющихся условий его производства, столкновения мировоззренческих и культурных стереотипов [2, с. 39–41]. «Нелинейное, поливариантное развитие знания включает в себя заблуждения в качестве пробных, разнонаправленных направлений целостного процесса познания, ни один из которых не имеет монополии на истину» и предполагает «право на индивидуальное своеобразие» [2, с. 40].

Предлагаемый принцип познания, включенный в методологию общей теории права, допускает несколько разнонаправленных интерпретаций: социокультурный, гносеологический и моральный релятивизм [2, с. 41].

1) *Социокультурным релятивизмом* является акцентирование моментов своеобразия и исторической изменчивости человекообразных систем, их ситуативной обусловленности, замкнутости и несоизмеримости друг с другом. Отрицается линейное развитие культуры, признается существование несоизмеримых форм жизни и мировоззрений, структурирующих мышление людей определенных эпох и культур. В данной интерпретации нужно общетеоретическое переосмысление таких общепризнанных (в качестве универсальных) европейских ценностей, как теория прав человека, гражданского общества, правового государства в поливариантном виде, с учетом специфики ранее существовавших и современных национальных правовых и политических систем со свойственным им разнообразием, традиционной культурной идентичностью.

2) *Гносеологический релятивизм* отвергает абсолютный характер философских категорий, научных законов, чувственных представлений. Признается нагруженность эмпирических данных теоретическими интерпретациями, зависимость теоретических терминов от включенности в теоретические схемы, обусловленность теорий мировоззренческими системами и социальными конвенциями. Данный инструмент познания может успешно использоваться при характеристике типов и видов правопонимания, применительно к различным эпохам и территориальным границам, вопреки общепринятой в настоящее время огульной и слишком обобщенной классификации теорий о сущности права на естественно-правовые и позитивистские.

3) *Моральный релятивизм* отрицает абсолютный характер морали, подчеркивает условность и ситуативность моральных норм. Целесообразно изучение уровня и содержания правового сознания и правовой культуры в контексте различных моральных, нравственных и религиозных социо-регулятивных систем, а также невозможность оценки правового сознания при помощи таких критериев, как «высокое или низкое» [3, с. 50].

Список использованных источников

1. *Дробязко, С. Г.* Общая теория права : учеб. пособие / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – Минск : НО ООО «БИП-С», 2003. – С. 13–15; *Калинин, С. А.* Методология общей теории права (лекция) / С. А. Калинин // Право.by. – 2011. – № 2. – С. 7–17.
2. *Касавин, И. Т.* Традиции и интерпретации: Фрагменты исторической эпистемологии / И. Т. Касавин. – М. ; СПб. : РХГИ, 2000. – 320 с.
3. Организация и эффективность правового воспитания / под ред. Д. А. Керимова, Н. Г. Кобец [и др.]. – М. : Мысль, 1983. – 285 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

Т. И. Макарова

*Белорусский
государственный университет*

Проблемы методологии юридической науки, рассматриваемой в качестве учения о методах в их единстве и разнообразии на основе определенной мировоззренческой позиции [2, с. 17–19], традиционно исследуются в рамках теории права и государства. Каждая из отраслей науки о праве, имея свой особый предмет в виде закономерностей правового обеспечения той или иной группы общественных отношений, также призвана формировать истинное научное знание о правовом регулировании. Для белорусской правовой науки (впрочем, как и правовой науки иных постсоветских государств), переломным моментом явился распад СССР в начале 90-х гг. XX в., необходимость в связи с этим самостоятельно вырабатывать доктрину права, в том числе на политическом уровне, определять место Беларуси среди иных государств, включая вхождение в ряд межгосударственных союзов (СНГ, Союзное государство).

Дополнительным аргументом в пользу исследования методологии экологического права является то обстоятельство, что по существу современные основы изучения данной отрасли правовой науки закладывались одновременно с обретением Беларусью суверенитета. В Декларации Верховного Совета Республики Беларусь от 27 июля 1990 г. «О государственном суверенитете Республики Беларусь» устанавливается, что земля, ее недра, другие природ-

ные ресурсы на территории Республики Беларусь являются собственностью белорусского народа [4].

В этот период происходит признание компонентов природной среды и природных объектов (земель, вод, лесов, растительного и животного мира) объектами гражданских правоотношений; изменение в понимании сущности их правового режима. На уровне разработки современных теоретических подходов белорусская юридическая наука до сих пор не обращалась к проблеме методологии экологического права. Представляется, что исследование методологии отраслей юридической науки должно осуществляться как на общеметодологическом, формирующем мировоззренческую позицию, так и на прикладном, позволяющем определить способы и средства познания права, уровнях. Причем на общем уровне определяется доктрина, а из содержания прикладного уровня вытекает организационный и правовой инструментарий, применяемый исследуемой отраслью правовой науки.

Обращение к проблемам методологии права окружающей среды учеными иных стран подтверждает необходимость изучения этого важнейшего аспекта науки, поскольку не существует стран с одинаковым или похожим набором природных ресурсов, как объектов, имеющих экономический потенциал, и нуждающихся в правовой охране. Такой подход был определен М. М. Бринчуком категорией «потенциал природы», рассматриваемой им в качестве методологического и правового инструмента обеспечения рационального природопользования, поддержания и восстановления благоприятного состояния природы [1]. Этот фактор указывает на объективно обусловленные различия в подходах государств к политике в области окружающей среды, предопределяет научные исследования не только в практической плоскости, но и с позиций общетеоретических, в том числе методологических, закладывающих фундамент такой отрасли юридической науки, как экологическое право.

Сложившиеся подходы к изучению правового регулирования экологических отношений как на международном, так и на национальном уровне показывают, что общеметодологическую основу науки экологического права составляет доктрина устойчивого развития [3]. Прикладной аспект методологии экологического права включает: а) имеющие самостоятельное содержание и взаимодействующие между собой механизмы охраны окружающей среды – организационный, экономический и идеологический; б) комплексность экологического права, как прикладной методологический инструмент, позволяющий обеспечивать взаимодействие экологических и иноотраслевых норм, регулирующих экологические отношения; в) выявление дефектов, свойственных правовому регулированию общественных отношений в области окружающей среды, определение различий между недостатками такого регулирования, что позволяет расширить круг возможностей по исправлению некачественных нормативных правовых актов, снижающих социальную ценность права.

Список использованных источников

1. *Бринчук, М. М.* Проблемы методологии экологического права / М. М. Бринчук ; Ин-т гос-ва и права РАН [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : – <http://www.igpran.ru/public/publiconsite/>. – Дата доступа : 16.05.2012.
2. *Дробязко, С. Г.* Общая теория права : учеб. пособие для вузов / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – 4-е изд., исправл., и доп. – Минск : Амалфея, 2010. – 500 с.
3. *Макарова, Т. И.* Теоретические и прикладные проблемы закрепления принципа устойчивого развития в законодательстве Республики Беларусь / Т. И. Макарова // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. Вып. 6 / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол. В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2011. – С. 352–356.
4. О государственном суверенитете Республики Беларусь : Декларация Верхов. Совета Респ. Беларусь, 27 июля 1990 г., № 193-XII // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. – 1991. – № 31. – Ст. 536.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

М. М. Атрушкевич

*Академия управления
при Президенте Республики Беларусь*

Глобализация является наиболее употребляемым и одним из самых непонятных терминов последних лет. Лидером глобализации выступают страны западной цивилизации. Глобализация втягивает в свою орбиту народы разных культур и уровней развития. Как отмечал И. А. Ильин, потребности «правового общения» заставляют человека «осознать общечеловеческую взаимную связь естественно-правового характера», он «вовлекается» в естественно-правовой порядок общечеловеческого братства, становится «членом единой всемирной правовой общины – «гражданином вселенной» [1, с. 90, 103]. Глобализация – процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Основным объективным следствием этого является мировое разделение труда, миграция капитала, человеческих и производственных ресурсов в масштабах всей планеты и др. Мир становится более связанным и более зависимым от субъектов. Происходит как увеличение количества общих для групп государств проблем, так и расширение числа и типов интегрирующихся субъектов [2].

Некоторые черты глобализации проявились в эпоху античности. Римская империя была одним из первых государств, которое утвердило свою гегемонию над Средиземноморьем что привело к переплетению различных культур и появлению межрегионального разделения труда. Истоки глобализации находятся в XII–XIII вв. После некоторого спада в XIV–XV вв. этот процесс продолжился в XVI–XVII вв. Экономический рост в Европе сочетался с успехами в мореплавании и географическими открытиями. Португальские и испанские торговцы

распространились по всему миру и занялись колонизацией Америки. В XVII в. Голландская Ост-Индская компания стала первой подлинной межнациональной компанией. В XIX в. быстрая индустриализация привела к росту торговли и инвестиций между европейскими державами, их колониями и США.

В первые десятилетия XX в. процессы глобализации продолжались. За период с 1815 по 1914 г. объемы совокупного экспорта стран Европы выросли в 40 раз. Но рост международной торговли продолжался и в 1920-е гг., когда произошла некоторая либерализация внешней торговли западноевропейских стран. Резкий обвал международной торговли и свертывание глобализации произошли в 1930-е гг. [3].

После Второй мировой войны глобализация возобновилась. Устранением барьеров для международной торговли с 1947 г. занималось Генеральное Соглашение по Тарифам и Торговле (ГАТТ) [4]. Но действительный прорыв в этом направлении, по мнению историка экономики П. Байроха, произошел после «Кеннеди-раунда» (1964–1967 гг.), обеспечившего действительную либерализацию торговли [5, с. 37–47]. В 1994 г. 75 участников ГАТТ образовали Всемирную торговую организацию (ВТО) [6], членами которой в настоящее время являются 153 страны.

Одновременно имеются и региональные зоны экономической интеграции. В 1992 г. ЕС стал единым экономическим пространством, в котором предусмотрены отмена таможенных пошлин, свободное движение труда и капитала, а также единая денежная система на основе евро. Менее тесная интеграция в Североамериканской зоне свободной торговли (США, Канада и Мексика). Большинство постсоветских государств вступили в СНГ, обеспечивающее элементы общего экономического пространства. Это приводит к формированию единой мировой сетевой рыночной экономики и подтверждает тезис о глобализации как следствии эволюции государственно оформленных рыночных систем [7].

Список использованных источников

1. Ильин, И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин. – Мюнхен, 1956. – 166 с.
2. Калужный, В. Г. Глобализация и устойчивое развитие современного мира / В. Г. Калужный // Власть. – 2010. – № 2. – С. 49–52.
3. Котов, А. И. История Беларуси и мировые цивилизации / А. И. Котов. – 4-е изд. – Минск : Энциклопедикс, 2006. – 177 с.
4. Генеральное Соглашение по Тарифам и Торговле (ГАТТ) 1947 г. // Всемирная торговая организация [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.wto.ru/ru/content/documents/docs/gatt47ru/doc>. – Дата доступа : 12.04.2012.
5. Василевич, Г. А. Национальное государство и право в условиях глобализации / Г. А. Василевич // Проблемы управления. – 2008. – № 1(26). – С. 12–18.
6. Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г. // Всемирная торговая организация [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.wto.ru/documents.asp?f=sogl&t=11>. – Дата доступа : 12.04.2012.
7. Мировая экономика. Экономика зарубежных стран: учебник / под ред. В. П. Колесова, М. Н. Осьмовой. – М. : Флинта, 2001. – 479 с.

ДА ПЫТАННЯ АБ ПЕРЫЯДЫЗАЦЫІ ГІСТОРЫІ ПАЛІТЫЧНАЙ І ПРАВАВОЙ ДУМКІ БЕЛАРУСІ

Л. Л. Голубева

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Адной з важных праблем навукі з'яўляецца праблема перыядызацыі гісторыка-прававога развіцця чалавечага грамадства. Перыядызацыя – гэта ўстанаўленне храналагічна паслядоўных этапаў у грамадскім развіцці, свайго роду сістэматызацыя, якая заключаецца ва ўмоўным падзеле гістарычнага працэсу на пэўныя храналагічныя перыяды. У аснову выдзялення этапаў павінны быць пакладзены рашаючыя фактары. Перыяды маюць тыя ці іншыя адметныя асаблівасці, якія вызначаюцца ў залежнасці ад выбранага крытэрыя перыядызацыі. У беларускай гістарыяграфіі існуюць два асноўныя падыходы да гістарычнай перыядызацыі нацыянальнай гісторыі: т. зв. дзяржаўніцкі і фармацыйны. Дзяржаўніцкі падыход аформіўся ў першай чвэрці XX ст. у працах В. Ю. Ластоўскага і У. М. Ігнатоўскага. У 1940–1980 гг. навукоўцы прытрымліваліся фармацыйнай канцэпцыі гістарычнай перыядызацыі. У сучасны перыяд развіцця беларускай дзяржаўнасці ў даследаваннях многіх беларускіх навукоўцаў назіраецца прысутнасць дзяржаўніцкага прынцыпу.

Сёння, на жаль, няма яшчэ адзінай, прынятай навукоўцамі перыядызацыі гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі. У розныя перыяды станаўлення і развіцця гісторыка-прававой навукі вучонымі было распрацавана мноства розных варыянтаў перыядызацыі.

Гісторык Усевалад Ігнатоўскі прапанаваў вылучаць: 1) Полацкі перыяд (X–XIII стст.); 2) Літоўска-Беларускі перыяд (XIII ст. – 1569 г.); 3) ад Люблінскай уніі і стварэння Рэчы Паспалітай (1569 г.) да яе падзелаў (1772, 1793, 1795 гг.); 4) з канца XVIII ст. (1795 г.) да 1917 г., калі Беларусь знаходзілася ў складзе Расійскай імперыі.

На думку прафесара С. Ф. Сокала, у развіцці палітычнай і прававой думкі Беларусі можна вылучыць наступныя перыяды: 1) палітычная і прававая думка Беларусі Сярэднявечча (старажытнай Беларусі) (IX–XII стст. – пачатак XIII ст.); 2) палітычная і прававая думка Беларусі ў эпоху Адраджэння і Рэфармацыі (канец XV – XVI стст. – першая палова XVII ст.). XIII–XIV стст. і большая частка XV ст. – гэта прамежак часу, які не ўключаны ні ў які перыяд перыядызацыі, таму што, як лічыць вучоны, захавалася вельмі мала крыніц, з дапамогай якіх можна было б даследаваць і адлюстравіць палітычную і прававую думку прапушчанага перыяду; 3) палітычная і прававая думка Беларусі перыяду Контррэфармацыі і феадальна-каталіцкай рэакцыі (другая палова XVII – сярэдзіна XVIII стст.); 4) палітычная і прававая думка Беларусі эпохі Асветы (Асветніцтва) (другая палова XVIII – прыкладна першая трэць XIX стст.); 5) палітычная і прававая думка Беларусі XIX ст. (больш чым дзве

трэці стагоддзя); 6) палітычная і прававая думка Беларусі пачатку XX ст., альбо перыяд беларускага адраджэння; 7) палітычная і прававая думка Савецкай Беларусі і беларускага замежжа (1919–1991 гг.); 8) сучаснасць – перыяд узнікнення і існавання незалежнай Беларусі.

Прафесар В. Ф. Шалькевіч вылучае наступныя перыяды: 1) палітычная і прававая думка Сярэднявечча (XI–XV стст.); гэты перыяд уключае два падперыяды: а) перыяд Кіеўскай Русі (XI–XIII стст.); б) перыяд Вялікага Княства Літоўскага (XIV–XV стст.); 2) палітычная і прававая думка ў эпоху Адраджэння і Рэфармацыі (XV–XVI стст.); 3) палітычная і прававая думка перыяду Контррэфармацыі і крызісу феадальна-прыгонніцкіх адносін (канец XVI–XVII стст. – сярэдзіна XVIII стст.); гэты перыяд уключае два падперыяды: а) перыяд Контррэфармацыі (канец XVI – сярэдзіна XVII стст.); б) перыяд крызісу феадальна-прыгонніцкіх адносін і панавання клерыкальнай ідэалогіі (сярэдзіна XVII – сярэдзіна XVIII стст.); 4) палітычная і прававая думка веку Асветы (другая палова XVIII ст.); 5) палітычная і прававая думка канца XVIII – пачатку XX ст. (1795–1918 гг.); 6) палітычная і прававая думка Савецкай Беларусі і беларускага замежжа (1919–1991 гг.); 7) сучасны перыяд (1991 г. – сучасны час).

На нашу думку, у развіцці палітычнай і прававой думкі Беларусі можна вылучыць наступныя асноўныя перыяды: 1) палітычная і прававая думка Беларусі ў перыяд усталёўвання дзяржаўнасці ўсходніх славян (са старажытных часоў да XIII ст.); 2) палітычная і прававая думка Беларусі ў перыяд утварэння і станаўлення ВКЛ (XIII–XVI стст.); 3) палітычная і прававая думка Беларусі ў складзе Рэчы Паспалітай абодвух народаў (канец XVI – XVIII стст.); 4) палітычная і прававая думка Беларусі ў складзе Расійскай імперыі (1795–1918 гг.); 5) палітычная і прававая думка БССР (1919–1991 гг.); 6) палітычная і прававая думка Рэспублікі Беларусь у канцы XX – пачатку XXI ст.

ФИЛОСОФИЯ ИОГАННА ГОТФРИДА ГЕРДЕРА КАК МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ОСНОВА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СЛАВЯН

Е. И. Орловская

*Белорусский
государственный университет*

Панславизм, как движение, в котором националистические элементы смешались с наднациональными, а в некоторых случаях – и с империалистическими тенденциями, был результатом политического пробуждения интеллигенции в Центральной и Восточной Европе. Это движение возникло под влиянием Великой французской революции и Наполеоновских войн, но еще более сильным было влияние немецкого романтизма и лингвистического

пангерманизма. Мощной составляющей этих течений начала XIX в. была уверенность в том, что люди, говорящие на родственных языках, объединяются в одну наднациональную семью. Эта идея легла в основу ряда движений, название которых начинается со слова «пан», что по-гречески значит «все». Панславизм провозгласил родство различных народов, несмотря на различие политических и исторических базисов, культуры и религии, исключительно на основе языкового сходства. Есть основания считать, что данная позиция сформировалась под влиянием философии Иоганна Готфрида Гердера, рассматривавшего родной язык как определяющий фактор человеческой интеллектуальной и духовной жизни.

В действительности И. Гердер сделал гораздо больше для славянско-го самосознания, чем просто определил родной язык как истинную основу культуры нации. Он провозгласил славян будущими лидерами Европы. Как ученик Руссо, он выгодно отличал славян от романо-германских народов, чья более высокая степень развития и культуры предполагала их отстранение от естественного состояния государства. И. Гердер противопоставлял немцев славянам, которым были присущи простые демократические традиции и предрасположенность к миру. Он был убежден, что XIX век станет переломным, и славяне займут достойное место наравне с другими народами. Гердер восхищался славянами, собирая их фольклор, песни, призывал славянских интеллектуалов развивать родной язык, а не отказываться от него в пользу французского или немецкого. Их культура в глазах европейцев восхвалялась и превозносилась тем, кто был учителем Гёте.

Однако только в начале XIX в. учение Гердера начинает распространяться среди славянских идеологов. Гердер настаивал на праве национального и языкового самоопределения славян уже тогда, когда еще ни у чехов, ни у словенцев, ни у болгар не было ни национального самосознания, ни представления о своем независимом будущем. Он писал, что «... у человека, особенно в меньшей степени развитого культурно, нет ничего более значимого и важного, чем язык их отцов. Все его духовное богатство традиций, истории, религии, вся полнота жизни, его сердце и душа хранится в языке народа. Лишение людей их языка или сведение его употребления к минимуму, равнозначно лишению их собственного бессмертного наследия, которое передается от отца к детям»¹.

Этот тезис был скорее обусловлен его философскими убеждениями, чем исторической реальностью. Тем не менее, он оказал большое влияние на представление поляков, чехов, болгар и других славянских народов о самих себе и о своей геополитической позиции в мире. В то время как ученые трудились над тем, чтобы обеспечить историческую основу для этих метафизических рассуждений, политики обосновывали свои претензии на единое славянское

¹ *Barnard, F. M. Herder on Nationality, Humanity, and History. – McGill-Queen's University Press, 2003. – С. 44.*

самосознание, исходя из этих выводов, что создало вторую основу для панславизма. К бесспорной близости языков была добавлена так называемая «духовная близость народов».

Таким образом, панславизм, возникший на Европейском континенте в начале XIX в., был, по уже устоявшемуся мнению исследователей, ответной реакцией славян на пангерманизм. Именно в это время под влиянием, в том числе и работ И. Гердера, славяне осознают свою историческую значимость и этноязыковое родство. Начавшийся процесс славянского национального возрождения был подвержен влиянию немецкой философии, в нем во многом учитывался и использовался опыт германского национально-освободительного движения.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВА У Н. М. КОРКУНОВА

А. А. Бочков

*Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова*

Важное место в истории политико-правовой мысли занимает творчество выдающегося дореволюционного российского юриста – Н. М. Коркунова, создателя таких работ, как «Лекции по энциклопедии права» и «Лекции по общей теории права». Автор анализирует естественное право в сопоставлении с правом позитивным. Давая оценку естественному праву (*jus naturale*), Н. М. Коркунов выводит его из воли Бога, природы людей, из присущей им потребности общения.

Критикуя школу естественного права, Н. М. Коркунов отмечает, что нельзя найти «объективную мерку для различия того, что естественно в человеке и что нет». Анализируя гипотезу естественного права как вечного и неизменного, мыслитель признает в ней много привлекательного. Эта гипотеза появляется у древних греков и получает широкое развитие у римских юристов. В Средние века естественное право отождествляется с божественными законами, в XVII–XVIII вв. рассматривается как отвлеченная система, вытекающая из разумной природы человека.

Анализируя понятие права, Н. М. Коркунов идет от нормы как правила, обусловленного определенной целью, выделяя нормы технические и нормы этические. Нормы технические – это правила осуществления отдельных целей человеческой деятельности, а этические – совместного осуществления всех человеческих целей. Правовые и нравственные нормы относятся к этическим нормам. Право определяет рамки разграничения, осуществления разнообраз-

ных интересов, а нравственность дает им оценку. Нравственность ставится выше права. Задача права – установление общего принципа для разграничения интересов [1, с.391]. Н. М. Коркунов подчеркивает принцип обязательности, формального равенства юридических норм. Право – это осуществление обусловленных друг другом прав и обязанностей, где обязанность, осуществление чужого интереса имеет преимущество. Взгляды Н. М. Коркунова на природу права совпадают с психологической теорией Л. И. Петражицкого. Юридическая обязанность сохраняется только до тех пор, пока существует чужой интерес, ради которого она установлена.

Говоря о соотношении права и нравственности, Н. М. Коркунов определяет нравственность как внутреннюю сторону поступка, где право – внешняя сторона, исходящая из обязанностей, предписаний, невыполнение которых влечет наказание. Представляет интерес трактовка соотношения права и закона. Н. М. Коркунов рассматривает закон в объективном, социальном смысле как общественную формулу, однообразие явлений, обобщенное выражение действительности. Он говорит о юридических нормах как мере долженствования, которая не может быть подведена под понятие закона, носящего объективный характер. Закон – это необходимый порядок вещей, который нельзя нарушить. Право не может осуществляться помимо воли и сознания людей, поэтому его можно нарушить. Правовая норма есть частный изменчивый элемент правового порядка.

Анализируя понятие права, Н. М. Коркунов показывает его относительность, условность. Попытка определить право по содержанию приводит к субъективному мнению. Здесь взгляды Н. М. Коркунова совпадают с взглядами Ш. Монтескье, который в своей работе «О духе законов», пишет, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными для другого народа, так как они должны соответствовать географическим, климатическим параметрам страны, образу жизни, религии, нравам, обычаям, государственному устройству, т. е. духу законов [2, с. 168]. Н. М. Коркунов отмечает, что если воля законодателя противоречит объективной необходимости, то изданный закон остается мертвой буквой без действительного исполнения. Указанное свидетельствует о сложности и многогранности понятия права, позволяет лучше уяснить многие проблемы сегодняшнего дня с позиций их исторического прошлого.

Список использованных источников

1. Лекции по общей теории права Н. М. Коркунова, профессора Санкт-Петербургского госуниверситета. – 5-е изд. – Спб., 1898. – 354 с.
2. *Монтескье, Ш.* О духе законов // Избранные произведения. – М.: Госполитиздат, 1955. – 570 с.

ПОНЯТИЕ ПРАВА В ТРУДАХ КЛАССИКОВ ЕВРАЗИЙСТВА

Б. В. Назмутдинов

*Научно-исследовательский институт
«Высшая школа экономики»*

Сегодня классическое евразийство – наиболее востребованное в современной гуманитарной науке послереволюционное течение русской эмиграции [1]. Причиной такой актуальности стала тотальность «евразийской» задачи. Евразийцы – филолог Н. С. Трубецкой, геополитик П. Н. Савицкий и юрист Н. Н. Алексеев – стремились к созданию тотальной науки и всеобъемлющего мировоззрения. По-новому ставился вопрос об уникальности России как «мира в себе», чье природное, геоэкономическое, социокультурное пространство, и соответственно – исторический путь, отличны как от Европы, так и от Азии.

Такой «мир в себе» требовал политического и правового обоснования. Политическому евразийству, посвящено множество исторических и политологических исследований, но юридических работ, посвященных политико-правовым воззрениям евразийцев не так много. Большинство из них сводятся к анализу идеократического евразийского государства [2] или посвящены некоему общевразийскому пониманию права [3]. При этом не рассматриваются различные определения понятия права, представленные в трудах Н. Н. Алексеева, Л. П. Карсавина, В. Н. Ильина и др.

Вопреки мнению Н. С. Трубецкого, идейные начала политико-правовых взглядов евразийцев основаны на воззрениях европейских философов (Э. Гуссерля, М. Шелера), правоведов (Л. Дюги) и российских юристов (Л. И. Петражицкого, П. И. Новгородцева). В силу этого дуализма ученые не смогли предложить единых политических понятий и не сформулировали общепринятого для движения определения понятия права. В связи с этим нельзя заявлять о существовании «евразийской» школы права. В. Н. Ильин, предложивший понятие правды как общего начала нравственности и права [4, с. 309–310], был близок естественно-правовым теориям. Л. П. Карсавин попытался спроецировать на область права теорию «всеединства», считая основными признаками права охранительность и принудительность [5, с. 406–407]. Н. Н. Алексеев примыкал к феноменологическим теориям права, считая элементами правовой структуры: 1) субъект; 2) ценности; 3) связь субъекта и ценностей [6, с. 60–73]. Для Н. Н. Алексеева принудительность – внешний, вторичный признак права, связанный с «законоустановлением» государства.

В силу этих противоречий евразийцы не смогли выстроить единой картины правовых воззрений движения. «Метанаучные» платформы ученых противоречили друг другу. Например, Л. П. Карсавин и Н. Н. Алексеев приводили противоположные по значению определения справедливости. Первый связывал право с низшей сферой нравственности – идеей справедливости [5,

с. 407], второй же, разделяя право и нравственность, полагал справедливость основной правовой ценностью [6, с. 114]. За принятой внешне догматикой, известным набором формул «идеократии» (власти единой идеологии) и «демократии» (подлинно «народного» правления) скрывались взрывоопасные различия, в итоге приведшие евразийство к творческой неудаче в области последовательного утверждения его политико-правовой доктрины. Немаловажную роль в этом сыграли различные понятия права, предложенные авторами.

Список использованной литературы

1. *Серио, П.* Структура и целостность. Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе / П. Серио. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 360 с.
2. *Ларюэль, М.* Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи / М. Ларюэль. – М. : Наталис, 2004. – 287 с.
3. *Вишневецкий, И. Г.* «Евразийское уклонение» в музыке 1920–1930-х годов / И. Г. Вишневецкий. – М. : Новое литературное обозрение, 2005 – 512 с.
4. *Глебов, С.* Евразийство между империей и модерном: История в документах / С. Глебов. – М. : Новое издательство, 2010. – 613 с.
5. *Крымов, А. В.* Евразийская идеократия и государственно-правовое учение В. С. Соловьева: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. В. Крымов. – Мытищи, 2009. – 186 с.
6. *Палкин, А. Г.* Концепция государства в учении евразийцев : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. Г. Палкин. – Омск, 2009. – 196 с.
7. *Исаев, И. А.* Политико-правовая утопия в России: Конец XIX – нач. XX в. / И. А. Исаев. – М.: Наука, 1991. – С. 203–233.
8. *Ахматов, А. В.* Философия права евразийства. Историко-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / А. В. Ахматов. – М., 2009. – 196 с.
9. *Ильин, В. Н.* К взаимоотношению права и нравственности / В. Н. Ильин // Евразийский временник. Кн. IV. – Берлин, 1925. – С. 306–317.
10. *Карсавин, Л. П.* Основы политики / Л. П. Карсавин // Основы евразийства. – М.: Арктогея, 2002. – С. 367–411.
11. *Алексеев, Н. Н.* Основы философии права / Н. Н. Алексеев. – СПб: Юридический институт, 1998. – 256 с.

КАНСЕРВАТЫЎНАЯ ПЛЫНЬ У ПАЛІТЫКА-ПРАВАВОЙ ДУМЦЫ БЕЛАРУСІ Ў ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ ХІХ СТАГОДДЗЯ

А. У. Шылінская

*Беларускі
дзяржаўны ўніверсітэт*

Пасля Венскага кангрэса (1814–1815), якім завяршыліся войны кааліцыі еўрапейскіх дзяржаў з напалеонаўскай Францыяй, у палітыка-прававой думцы Беларусі распачалася палеміка паміж лібераламі і кансерватарамі. Беларускае

грамадства было пазбаўлена магчымасці легальна абмяркоўваць палітычныя пытанні, таму грамадска-палітычная думка пераключылася на аналіз праблем выхавання, адукацыі, філасофіі. Ідэйным цэнтрам ліберальнай плыні ў палітыка-прававой думцы Беларусі з’яўляўся Віленскі ўніверсітэт, а цэнтрам кансерватыўнай плыні была Полацкая езуіцкая акадэмія [1, с. 184]. Першыя лічылі сябе прыхільнікамі веку Асветы, другія былі абаронцамі каталіцызму і клерыкалізму. Існаванне ў Беларусі двух праціглых тэарэтычных цэнтраў прывяло да таго, што паміж прафесарамі Віленскага ўніверсітэта і Полацкай езуіцкай акадэміі пачалася вострая ідэйная палеміка, якая вялася на старонках двух часопісаў – «Віленскага дзённіка» і «Полацкага штомесячніка».

У грамадскім жыцці Беларусі першай паловы XIX ст. кансерватызм праяўляўся перш за ўсё ў крытыцы лібералізму, у адносінах да рэлігіі і нацыянальнай ідэі. Так, у адным з артыкулаў часопіса «Віленскі дзённік» гаварылася, што заклік да роўнасці і брацтва абярнуўся ў Еўропе спусташэннем і кровапраліццем, а «слово “либеральность” посыпано пеплом пожарищ» [2, с. 59]. Мясцовая арыстакратыя, якая прытрымлівалася кансерватыўных поглядаў, поўнасю выконвала каталічныя абрады, брала прыклад з французскай эміграцыі і практычна ніякімі іншымі шляхамі не дэманстравала свае здольнасці. Надзвычай папулярнымі сярод іх былі ідэі французскага палітычнага дзеяча і філосафа, аднаго з заснавальнікаў кансерватыўнай дактрыны Ж. дэ Мэстра. Ён быў прыхільнікам рэлігійнага правідэнцыялізму і лічыў, што дзейнасць людзей як свабодных істот накіроўваецца «божественной рукой», рэлігія для яго была духоўнай зброяй супраць зла, з самага пачатку характэрнага прыродзе чалавека. Палітычнымі ідэаламі дэ Мэстра былі манархія і моцны ўрад. Тыя ж ідэі распаўсюджваліся прафесарамі Полацкай езуіцкай акадэміі.

Шырокае распаўсюджванне сярод адукаваных колаў Беларусі атрымлівае ў гэты час і ідэя рамантычнага правідэнцыяльнага нацыяналізму. Адзначым, што гэты кансерватыўны нацыяналізм авалодаў многімі розумамі Еўропы. У Германіі Фіхтэ і Гегель развівалі думку аб перавазе нямецкага нацыянальнага духу. У Італіі пра вяршыньства і перавагу сваёй нацыянальнасці сярод іншых народаў пісаў В. Джаберці. Іх погляды характарызаваліся нацыянальнай выключнасцю і культурным кансерватызмам. Рускае славянафільства той жа эпохі было не чым іншым, як такога ж роду ідэяй вяршыньства наогул усяго славянскага племені, і ў асабліва сціскай рускай яго часткі, што, у сваю чаргу, суправаджалася крытыкай заходняй цывілізацыі.

У рамках кансерватыўнага нацыяналізму аформілася і канцэпцыя афіцыйнай народнасці ў Расійскай імперыі. Згодна гэтай тэорыі, Расія – зусім асаблівая дзяржава. У ёй існуе самы лепшы парадак рэчаў у адпаведнасці з патрабаваннямі рэлігіі і палітычнай мудрасці; яна не можа не падтрымліваць прынцыпаў чыстай манархіі; рускі народ захоўвае патрыярхальныя дабрачыннасці (давер да ўлад і поўнае падпарадкаванне ім). Тыя ж прынцыпы рэлігійнага і культурнага кансерватызму з’яўляліся асновай так званай тэорыі «польскага месіянізму». Родапачынальнікам яе быў філосаф Г. Вронскі. Сутнасць яго канцэпцыі зводзілася да наступнага: прычынай праблем

сучаснага грамадства з'яўляецца барацьба паміж кансерватарамі і лібераламі, з якіх першыя – прадстаўнікі добра, а другія – прадстаўнікі праўды. Вырашэнне дадзенай праблемы ён бачыў у злучэнні добра і праўды і лічыў, што на долю польскага народа выпала вялікая справа сусветнага вызвалення. У Беларусі гэтыя ідэі распаўсюджваліся, перш за ўсё, дзякуючы А. Міцкевічу і яго сябрам, студэнтам Віленскага ўніверсітэта, асабліва членам гуртка «прамяністых». Палітычным ідэалам А. Міцкевіча была дэмакратычная рэспубліка, ён выступаў супраць манархічнай формы кіравання. Па меркаванню паэта, дэмакратычны ўрад павінен абараняць інтарэсы народа, яго волю. Такім чынам, «польскі месіянізм» меў агульную аснову з рускім славянафільствам. Яго ідэі разам з сацыяльнай нерэвалюцыйнасцю вызначылі кансерватыўную сутнасць у далейшым паўстання 1830–1831 гг., пасля паражэння якога прыхільнікамі кансерватыўных ідэй у Беларусі былі Г. Ржэўскі і К. Буйніцкі. Яны лічылі, што чалавек няздольны адкрываць новыя ісціны, усё духоўнае жыццё, як і сацыяльныя парадкі, мае сваю асновай некаторую традыцыю, якая адлюстроўвае Боскую волю. Яны разважалі пра тое, што неабходна вяртаць інтэлектуалаў да рэлігіі, трэба яднаць філасофію і каталіцызм.

Вышэйсказанае дазваляе вылучыць асноўныя прынцыпы кансерватызму: паступовасць працэсаў, натуральнасць эвалюцыі, адпаведнасць мясцовым умовам і традыцыям, пратэст супраць цэнтралізацыі, патрабаванне справядлівасці, захаванне ўласнасці і парадку. У першай палове XIX ст. у Беларусі панавалі кансерватыўныя тэндэнцыі, якія былі роднасныя рускаму славянафільству і еўрапейскаму феадальнаму рамантызму з іх увагай да рэлігійнай, нацыянальнай і культурнай праблематыкі.

Спіс выкарыстанай літаратуры

1. *Шалькевіч, В. Ф.* Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі / В. Ф. Шалькевіч. – Мінск, 2002. – 247 с.
2. *Мохнач, Н. Н.* Общественно-политическая и этическая мысль Белоруссии начала XIX века / Н. Н. Мохнач. – Минск, 1995. – 148 с.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРАВА

Е. А. Землянинова

*Белорусский
государственный университет*

Интегративность права носит сложный, многоаспектный характер и проявляется в его сущности и содержании, соотношении с иными социальными институтами, в процессе его непосредственного регулятивного воздействия

на общественные отношения. Сущность права, определяющая единство его исторически изменчивого содержания, выступает как внутренне интегрированная совокупность принципов, важнейшим из которых является принцип социальной справедливости. Общесоциальная значимость принципов права обуславливает его интегрирующую роль по отношению к иным институтам нормативного регулирования. Обладая подобным свойством, правовые нормы обеспечивают целостность, устойчивость, гармоничное равновесие, воспроизводство и самосохранение (интеграцию) всей системы общественных отношений.

Юридические нормы выполняют свою социальную миссию в том случае, если они соответствуют существующим условиям жизни общества, потребностям субъектов права и основаны на правообразующем интересе, когда в них фиксируется момент общественного согласия. В противном случае они превращаются в средство принуждения, служат дегуманизации общества вследствие экспансии экономики и политики в сферу действия иных систем нормативного регулирования, способствуют утрате ценностных смыслов социальной активности личности и в конечном счете приводят к кризису и возможному разрушению социальной системы. Примером может быть недавний опыт советского прошлого. Когда в капиталистических странах осуществлялась модернизация производства с опорой на научно-техническую интеллигенцию и в ее пользу была перераспределена часть капитала, в Советском Союзе по-прежнему сохранялась идеологическая ставка на рабочий класс, олицетворявший устаревший экстенсивный способ производства. По причине своеобразного «соревнования» социалистической и капиталистической систем советским гражданам были хорошо известны степень развития производительных сил и уровень жизни в западных странах, что еще более усугубило существовавший разрыв между объективным состоянием материального производства и пропагандируемой идеологией, а также политикой и правом [2, с. 65, 77]. Однако ставка на знание как основной фактор производства, обеспечившая современным западным государствам стратегическое преимущество, стала причиной формирования новых социальных страт – *интеллектуальной элиты*, занятой в высокотехнологичных отраслях постиндустриального производства, и *«нижнего класса»* из представителей малоквалифицированных профессий. Обе эти группы выступают своеобразными «полюсами притяжения» для прежнего «среднего класса» индустриального общества и способствуют его «размыванию» [3, с. 19–20]. Как отмечает немецкий социолог и экономист Р. Мюнх, «вознаграждение по индивидуальным заслугам <...> остается уделом модернизационных элит» [5, с. 48].

Вместе с тем именно наличие «среднего класса» является весомым свидетельством реализации интегративного потенциала права, поскольку при эконо-

мической поляризации социальных сил отсутствуют объективные предпосылки формулирования общезначимой иерархии ценностей и правообразующего интереса, невозможно достижение общественного согласия. «Средний класс» может быть сформирован только в условиях равенства и свободы участников производственных отношений, их заинтересованности в результатах своего труда, юридической гарантированности справедливого распределения и потребления произведенных благ, многоукладности экономики, надлежащей правовой защиты всех форм собственности. В политической сфере необходимо обеспечение легитимности государственной власти и реального действия механизма разделения властей, партийного плюрализма, утверждение «философии ненасилия» в виде отказа от монополии на истину, критического отношения к существующим точкам зрения, поиска общезначимых позиций, открытости политических структур и их ответственности за свои действия [1, с. 69]. Требования к интегрирующей общество идеологии обстоятельно изложены российским исследователем Н. А. Косолаповым: рациональность и прагматизм; стремление к высоким, но реальным целям; ориентированность на созидательное начало в социальных конфликтах, учет современных достижений во всех областях знания и сотрудничество со всеми социальными силами; открытость историческому опыту с отказом от претензий на априорное знание будущего и корректировка теоретических положений с учетом социальной практики [4, с. 11–14]. Существующие в морально-нравственной сфере разнообразные представления и суждения, равно как и реализуемый принцип свободы совести, должны уравниваться осознанием ценного и должного для всех членов общества.

Таким образом, реализация интегративного потенциала права возможна только на основе согласованного действия всех социальных институтов и наиболее зримо выражается в наличии уравнивающего стратификационную структуру общества устойчивого «среднего класса» как реального субъекта важнейших социальных решений.

Список использованных источников

1. *Заветный, С. А.* Социальное управление и личностное самоуправление: истоки и воздействие / С. А. Заветный. – Харьков : Фолио, 1999. – 383 с.
2. *Ильин, В. Н.* Негуманитарная социология. Новый взгляд / В. Н. Ильин. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
3. *Иноземцев, В. Л.* Социальное неравенство как проблема становления постэкономического общества / В. Л. Иноземцев // Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 17–30.
4. *Косолапов, Н. А.* Интегративная идеология для России: интеллектуальный и политический вызов / Н. А. Косолапов // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 3–24.
5. *Мюнх, Р.* Социальная интеграция в открытых пространствах / Р. Мюнх // Философские науки. – 2004. – № 2. – С. 30–58.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЕЖИ – ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В МЕЖДУНАРОДНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ «МИТСО»

Э. А. Калинина

*Международный
университет «МИТСО»*

После разрушения Советского Союза, которому способствовали субъективные и объективные факторы внутринационального и международного характера, Беларусь взяла курс на создание сильной, независимой, процветающей республики. Были приняты новая Конституция, кодексы. Страна нуждалась в кадрах, стали создаваться новые образовательные учреждения, институты: предпринимательства, современного парламентаризма и др. Возникла необходимость в создании института и у профсоюзов. Решение о создании такого института было принято Президиумом Федерации профсоюзов Беларуси в 1992 г. В этом же году институт был зарегистрирован в Минском горисполкоме 23 апреля 1992 г. и с 1993 г. началось его функционирование¹.

За двадцать лет существования институт достиг значительных успехов, обретя вскоре статус Международного университета «МИТСО», отвечающий мировым стандартам и национальным традициям.

Формирование правовой культуры молодежи на кафедре публичного права Международного университета «МИТСО» осуществляется по трем направлениям: идеологически-воспитательное, образовательное и научно-исследовательское. Работа по данным направлениям проводится в соответствии с декретами и указами Президента Республики Беларусь, постановлениями Правительства Республики Беларусь, Министерства образования Республики Беларусь и Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, в контактах с Администрацией Октябрьского района г. Минска и руководством Федерации профсоюзов Беларуси. Данное взаимодействие происходит в русле политики Республики Беларусь, а также требований, сформулированных в нормативно-правовых документах Министерства образования Республики Беларусь.

Важное значение в формировании у молодежи правовой культуры, и прежде всего ее юридического мировоззрения, имеет научно-исследовательская работа преподавателей, проводимая совместно с аспирантами, магистрантами и студентами. Она строится в рамках следующих общеуниверситетских научно-исследовательских тем:

¹ Историко-архивная справка Фонда УО Федерации профсоюзов Беларуси Белорусский «Институт трудовых и социальных отношений» (МИТСО). Фонд № 67. Том 1. Дело № 2, 24–25 л.

- «Совершенствование механизма регулирования трудовых и социальных отношений в системе социального партнерства и диалога»;
- «Перспективы развития социальных, правовых и экономических отношений».

В университете на кафедре публичного права в 2009 г. издано учебное пособие по общей теории права под авторством Э. А. Калининой, А. Л. Козика. Только в этом пособии из 80, изданных в Беларуси и России за последнее десятилетие, темы связаны с различными формами правовой жизни профсоюзов. Опубликован ряд статей в научном журнале «Труд. Профсоюзы. Общество», в которых рассматриваются проблемы, возникшие в правотворческой и правоприменительной деятельности профсоюзов Беларуси. Отметим некоторые из них: «Роль и значение категории «юридической ответственности» в деятельности Федерации профсоюзов Беларуси» (№ 2, 2011, авторы Э. А. Калинина, А. Л. Козик); «О некоторых теоретических и практических проблемах в деятельности профсоюзов в процессе правообразования в белорусском обществе» (№ 4, 2009, авторы Э. А. Калинина, А. Л. Козик); «Правовая культура: понятие и значение в деятельности профсоюзов» (№ 2, 2012, автор Э. А. Калинина) и др. В первой статье отмечено, что одной из причин нарушений законодательства, имевших место в сфере трудовых отношений, являются неточные формулировки юридических понятий, в частности, «юридической ответственности». Авторы предложили свое определение «юридической ответственности» как «меры (реакции) государства на правовое поведение субъектов, которое может быть положительным (позитивным) в случае совершения лицом активного правомерного поведения (премия, перевод на высокооплачиваемую должность и т. п.) и отрицательным (негативным) в случае совершения правонарушения (лишение свободы, штраф и т. д.)». Статья «Юридическая ответственность: иной взгляд» включена в главу 2 монографии, посвященной проблемам теории и практики юридической ответственности, подготовленной коллективом кафедры теории государства и права Академии МВД Республики Беларусь в этом году.

Свою научную деятельность коллектив кафедры публичного права осуществляет в тесном сотрудничестве с кафедрой теории и истории государства и права Белорусского государственного университета. Наши преподаватели приняли участие в международной научно-практической конференции, посвященной проблемам системных связей в праве, а также иных мероприятиях, например, в Республиканской научно-практической конференции «Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года – падмурак развіцця беларускай дзяржаўнасці і канстытуцыйналізму (да 480-годдзя прыняцця)» (Минск, 10 июня 2009 г.), международной научно-практической конференции «Концептуальные основы развития национальных правовых систем в контексте процессов глобализации и региональной интеграции: постсоветский опыт и перспективы устойчивого развития» (Минск, 7–8 октября 2011 г.) и др.

Проблемами системных связей в праве авторы занимаются с тех пор, когда заведующим кафедрой общеправовых наук (так первоначально называлась

кафедра публичного права) стал С. Г. Дробязко. Первое определение понятия «правовая система» было озвучено в 2002 г. (см. «Конституционный процесс и развитие политической системы», материалы научно-практической конференции 17–18 октября 2002 г., Минск, ФУСТ БГУ). Статья на тему «Субъекты права, как необходимый элемент правовой системы» опубликована в 2007 г. (см. «100-летний Манифест» 17 октября 2005 г., сборник статей, кафедра теории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, Минск, 2005).

Молодые ученые также вносят свой вклад в развитие учения о правовой системе Республики Беларусь. Так, проблематику роли Федерации профсоюзов Беларуси в правообразовании предлагает исследовать аспирант К. Ласточкина, старший преподаватель кафедры публичного права, необходимость соблюдения Республикой Беларусь международно-правовых обязательств в сфере защиты персональных данных рассматривает К. А. Березовский, доцент кафедры международного права. Е. А. Калабаева проводит диссертационное исследование на тему «Доступность права в условиях формирования социально-правового государства».

Активно работает школа международного права (руководитель – кандидат юридических наук, профессор кафедры международного права А. Л. Козик). В рамках направления «международное гуманитарное право» разрабатываются следующие проблемы: перспективы развития международного гуманитарного права, международно-правовое регулирование компьютерных нападений, проблематика квалификации новых типов вооруженных конфликтов. Организованы и проведены международные конференции по направлению с участием Представительства ООН в Республике Беларусь, Международного комитета Красного Креста (МККК), Министерства юстиции Республики Беларусь, Министерства обороны Республики Беларусь и других организаций и ведомств.

В «МИТСО» практикуется проведение проблемных семинаров для обсуждения диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук. В 2009 г. рассмотрена диссертация А. Е. Декайло «Международно-правовая ответственность межправительственных организаций за противоправные деяния», в 2010 г. – диссертация К. В. Истоменок «Статус дипломатического курьера и дипломатической почты в контексте правотворчества».

С этого года в университете создана специализированная кафедра международного права, курирующая в том числе развитие и функционирование школы международного права. В этой школе особенно много молодежи: студентов, магистрантов, аспирантов, молодых преподавателей. Проводятся международные научно-практические конференции, на которых присутствуют представители ближнего и дальнего зарубежья, включая представителей международных организаций (ООН, МККК). Ежегодно организуется самый большой в Восточной Европе конкурс по международному праву – Международная юридическая Олимпиада «Молодежь за мир», проводящийся на английском языке.

23 августа 2012 г. Международный университет «МИТСО» заключил соглашение о партнерстве с Magna Carta College Oxford (Великобритания). Для студентов обучение в университете «МИТСО» дает уникальную возможность получить качественное европейское образование и дипломы двух университетов одновременно.

Международный университет «МИТСО» является Национальным центром сертификации иностранных языков в рамках Европейского консорциума ECL. В феврале этого года университет получил доступ к юридической полнотекстовой базе данных «HeinOnline» – крупнейшему в мире хранилищу полных текстов юридических документов. База данных содержит более 1450 юридических журналов, документов ООН. Международный университет «МИТСО» пока единственный вуз в Беларуси, молодежь которой пользуется этой базой данных. Уже несколько лет успешно функционирует созданный ресурсный центр по международному гуманитарному праву. Ежегодно проводится курс лекций по международному праву, в котором принимают участие ведущие мировые специалисты и эксперты.

Студенты Международного университета «МИТСО» успешно принимают активнейшее участие в различных конкурсах по международному праву: имени Мартенса (Россия), имени Пикте (Швейцария), имени Телдерса (Нидерланды), имени Джессопа (США). В этом году команда «МИТСО» одержали победу в белорусском национальном раунде конкурса имени Джессопа – самом престижном конкурсе по международному праву в мире, после чего приняла участие в финальной стадии соревнования в Вашингтоне (США), успешно представив Республику Беларусь.

Все успехи, достигнутые в университете в различных сферах деятельности, обусловлены достаточно высоким уровнем правовой культуры и активности основной массы молодежи: молодых преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов при поддержке ведущих ученых-правоведов и юристов-практиков Республики Беларусь, включая коллектив Белорусского государственного университета – головного вуза Республики Беларусь.

О СИСТЕМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

И. А. Демидова

*Могилевский государственный
университет имени А. А. Кулешова*

В теории права категория правовой культуры является одной из наиболее значимых и актуальных в плане познания. Использование методологии системного исследования правовой культуры предполагает: 1) определение

сущности системного подхода; 2) выявление специфики правовой культуры как объекта исследования; 3) обозначение преимуществ данного подхода.

1. В установлении сущности системного подхода принято выделять два варианта понимания: объектно-натуралистический и методологический, теоретико-мыслительный. В первом случае системный подход определяется исходя из особенностей того объекта, на который обращена деятельность исследователя. Во втором варианте системный подход определяется не по тому объекту, который осваивается деятельностью и мышлением, а по специфике самих процедур деятельности и мышления [1, с. 72–73]. При этом само представление объекта как системы предполагает проекцию на объект соответствующего метода или процедур работы исследователя.

Многообразие представлений системы может быть сведено к пяти основным: *микроскопическое представление* системы (основано на понимании ее как множества взаимосвязанных элементов, включая связи системы); *функциональное представление* системы (связано с ее осмыслением как совокупности действий для достижения определенной цели); *макроскопическое представление* (состоит в определении системного окружения, под которым признается совокупность всех объектов, изменение свойств которых влияет на систему); *иерархическое представление* системы как упорядоченности подсистем или единиц; *процессуальное системное представление* (включает совокупность процессов развития и процессов функционирования системы) [2, с. 11–12]. Данные представления системы взаимодополняют друг друга, позволяют создать целостную картину системы и определяют логику научного поиска. Содержание принципа системности раскрывается в понятиях целостности, структурности, взаимозависимости системы и среды, иерархичности, множественности описания каждой системы и др.

2. Методология системного исследования правовой культуры основана на признании единства и системной целостности правовой культуры общества, личности, представителей отдельных социальных и профессиональных групп; описании системы правовой культуры; учете взаимозависимости внешних и внутренних факторов системы правовой культуры; использовании принципа иерархичности.

Целостность системы правовой культуры заключается в единстве различных срезов правовой культуры. Взаимозависимость системы правовой культуры и социальной среды означает, что система формирует и проявляет свои свойства в постоянном взаимодействии со средой. Установление структурности правовой культуры позволяет исследовать ее систему через раскрытие структурных связей и отношений между ее элементами. Понятие иерархичности обуславливает рассмотрение данного объекта в трех аспектах: а) как самостоятельную систему; б) как элемент системы более высокого уровня – культуры общества; в) как систему более высокого иерархического уровня по отношению к ее элементам. Множественность описания каждой

системы допускает создание различных моделей для характеристики правовой культуры. Выбор конкретных методов исследования определяется спецификой объекта, целью и задачами исследования, уровнем развития научного знания о правовой культуре. Применяются общенаучные методы познания, методы системно-структурного и структурно-функционального анализа, исторический, метод моделирования, нормативно-логический и социологический методы.

3. Объекты, представленные в виде систем, могут исследоваться и не-системными методами. Преимущества системного подхода обусловлены: а) развитием системного движения как междисциплинарного и интерпрофессионального образования; б) для методологии системного исследования характерен учет различия и множественности разных научных позиций в отношении к объекту, как следствие – работа с разными представлениями об одном и том же объекте, в том числе с разными профессиональными представлениями; в) результатом применения методологии системного исследования является создание проектов, которые проверяются не на истинность, а на реализуемость, что определяет практическую значимость использования данного подхода.

Список использованных источников

1. *Щедровицкий, Г. П.* Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. – М. : Школа Культурной Политики, 1995. – 800 с.
2. *Горохов, В. Г.* Системотехника и управление / В. Г. Горохов. – М. : Знание, 1979. – 64 с.

РАЗДЕЛ II

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ИННОВАЦИОННЫЕ НОРМЫ ПРАВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В. Г. Тихиня

*Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь*

Современное право должно, выражаясь языком международного частного права, создавать режим наибольшего благоприятствования инновационным процессам, происходящим сегодня в Беларуси.

В Китае, Южной Корее, Японии и в некоторых других государствах *наука и новые технологии с помощью закона, возведены в ранг главного национального приоритета*. Вот почему, когда в Европе еще вчера, в этих странах мира уже завтра. Перефразируя известное выражение, можно сказать, кто владеет современными технологиями, тот владеет миром. Чаще всего термин «инновация» связывают с наукой и техникой. Вместе с тем, под указанный выше термин не подпадают такие элементы инновации как *новые решения в социальной сфере, новые управленческие решения, новые решения производственного, организационного и иного характера*.

Инновации в широком смысле слова, на наш взгляд, могут быть определены как новые технологии, виды продукции или услуги, а также новые решения производственного, организационного и иного характера, используемые в практической деятельности для получения положительного эффекта. Термин

«инновационная деятельность» следует сформулировать на законодательном уровне таким образом, чтобы максимально полно можно было охватить его *объемное* содержание. Данному термину присущи следующие характерные черты:

в о - п е р ы х, объект, выступающий в качестве инновации, должен быть новым по сравнению с другими аналогичными объектами (у него по существу нет аналогов);

в о - т о р ы х, инновационные объекты могут возникать в самых различных проявлениях (это новые продукты, новые технологии, новые решения и т. п.);

в - т р е т ь и х, они могут быть реально использованы на практике (в производстве).

Инновационная деятельность сегодня имеет отношение, прямо или косвенно, ко всем сферам жизнедеятельности нашего общества. Вместе с тем, в Республике Беларусь исследований монографического характера, посвященных актуальным проблемам воздействия права на происходящие в обществе инновационные процессы, очень мало. Весной 2012 г. белорусским парламентом в первом чтении принят законопроект «Об инновационной деятельности». Указанный нормативный правовой акт должен:

- давать трактовку основополагающим понятиям, связанным с инновационной деятельностью;
- регламентировать активизацию инновационной деятельности в качестве долгосрочной основы экономической стратегии страны;
- четко определять полномочия государственных органов, реализующих инновационную политику;
- закреплять основные критерии инновационных проектов, имеющих наиболее важное значение в жизни нашего общества, при соблюдении которых возможно их финансирование из государственного бюджета;
- определять мероприятия по привлечению в Беларусь инновационных иностранных инвестиций;
- фиксировать национальные приоритеты в области развития высокотехнологичных производств;
- формулировать конкретные мероприятия, направленные на обеспечение ускоренного развития в Беларуси инновационных отраслей экономики.

Отдельные инновационные нормы сегодня имеются в ряде отраслей белорусского права. Прежде всего, такие нормы содержатся в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК). В частности, это договоры на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ.

К договорам, которые иницируют инвестиционную деятельность, в ГК можно отнести лицензионный договор и договор о создании и использовании результатов интеллектуальной деятельности (ст. 985–986 ГК). Эти договоры регламентируют отношения, возникающие в связи с передачей в установлен-

ном порядке прав на результаты интеллектуальной деятельности. Элементы инноваций содержатся также и в нормах ГК, посвященных правовой охране изобретения, полезной модели, промышленного образца (ст. 999–1002 ГК) и др.

Инновационным в Республике Беларусь может быть признан Закон о государственном бюджете на очередной финансовый год, в котором закреплены ассигнования на финансирование государством науки и научной деятельности. На наш взгляд, *сегодня государством в первую очередь должны финансироваться из государственного бюджета инновационные проекты в отраслях, относящихся к высокотехнологическим производствам*. К таким, в частности, можно отнести производства, в которых осуществляется выпуск продукции, не имеющей аналогов в мире.

На наш взгляд, *следует на законодательном уровне закрепить дополнительные налоговые льготы для субъектов хозяйствования, осуществляющих инновационную деятельность*. В частности, льготный налоговый кредит может быть предоставлен предприятию, которое намерено создать на производстве качественно новые и конкурентоспособные технологии, новые виды сырья и т. п. В отдельных случаях государством может быть применен к субъектам хозяйствования в данной сфере деятельности, образно говоря, налоговый «кнут». Например, в Германии указанный «кнут» практикуется при уплате налога на недвижимость в случае эксплуатации устаревшего оборудования: это оборудование оплачивается налогом, по законодательству Германии, исходя из его первоначальной стоимости.

В сжатом (концентрированном) виде инновационная функция белорусского права, на наш взгляд, должна включать в себя следующие основные направления:

- закрепление правовым путем налоговых льгот для субъектов, осуществляющих инновационную деятельность;
- реализация предприятиями на законодательном уровне инновационных проектов за счет средств из государственного бюджета;
- гражданско-правовая защита объектов интеллектуальной собственности;
- закрепление правовых норм, регламентирующих юридическую ответственность за нарушение прав на интеллектуальную собственность;
- закрепление правовых норм, стимулирующих внедрение прогрессивных нововведений в экономику, социальную сферу, сферу государственного управления и др.;
- формирование в стране специального законодательства, ориентированного на развитие науки и образования на инновационной основе.

С учетом изложенного можно сделать общий вывод, согласно которому инновационные нормы права могут и должны стать в современных условиях локомотивом дальнейшего развития белорусского общества.

О РЕАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНАМИ ПРАВА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ

О. А. Антонова

*Белорусский государственный
экономический университет*

Согласно ч. 1 ст. 99 Конституции Беларуси право законодательной инициативы принадлежит Президенту, депутатам Палаты представителей, Совету Республики, Правительству, а также гражданам, обладающим избирательным правом, в количестве не менее 50 тысяч человек и реализуется в Палате представителей. В Беларуси 26 ноября 2003 г. принят Закон «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь». По предмету право законодательной инициативы граждан можно разделить на: 1) общее (внесение законопроекта возможно по неопределенному кругу вопросов); 2) специальное (внесение законопроектов по определенному кругу вопросов); 3) исключительное (внесение законопроектов только по определенным вопросам и только гражданами).

По статистическим данным в Беларуси ни один принятый закон не был инициирован гражданами. Это объясняется сложностью процедуры внесения законопроекта гражданами, низкой активностью гражданских институтов в политических процессах. Народная законодательная инициатива является редко применяемым и малоэффективным институтом. Но такая инициатива «позволяет выявить реальные общественные потребности в правовом урегулировании тех или иных отношений, учесть интересы конкретных граждан, формировать их правовую активность» [1, с. 16].

В Европе в ряде случаев граждане имеют право законодательной инициативы, причем, по заключению Венецианской комиссии [2], подобная форма демократии имеет тенденцию к развитию на конституционном уровне. Гражданская законодательная инициатива предусмотрена в Албании, Андорре, Австрии, Швейцарии, Грузии, Венгрии, Италии, Латвии, Лихтенштейне, Литве, Польше, Португалии, Румынии, Словении, Испании, Македонии. Конституции этих стран закрепляют это право за гражданами государства, обладающими активным избирательным правом. Конституции Литвы, Австрии упоминают «граждан Литовской Республики» и граждан Австрийской Республики соответственно, «имеющих право голоса». Статья 118 Конституции Польши относится к «гражданам, имеющим право голосовать на выборах в Сейм (парламент)», также как в Конституциях Албании в ст. 81 и Грузии в ст. 67 используют слово «избиратели», также как Конституция Италии в ст. 71 и Венгрии в ст. 28.d [art. 69, 2]. В части 2 ст. 58 Конституции Княжества Андорра содержится термин «национальный избирательный корпус» [3]. Согласно ст. 64 Конституции Княжества Лихтенштейн законодательная инициатива принадлежит «гражданам, обладающим избирательным правом» [4]. В Испании этот вопрос решен

нечетко. «Органический закон определит формы и условия осуществления народной инициативы по представлению законодательных предложений. В любом случае требуется не менее пятисот тысяч удостоверенных подписей» [5].

Минимальное число граждан для законодательной инициативы варьируется от 1000 граждан (Лихтенштейн); 5000 граждан (Словения); 10 000 избирателей (Македония); 20 000 избирателей (Албания); 30 000 (Грузия); 50 000 граждан (Литва, Италия, Венгрия); 100 000 – Польша, Румыния; 500 000 – Испания до десятой части избирателей – Латвия и Андорра. Интересным представляется положение Конституции Португалии, в которой указывается, что законодательная инициатива принадлежит группам граждан, обладающих избирательными правами [6].

Список использованных источников

1. Кочетков, А. В. Региональный законодательный процесс : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / 12.00.01 / А. В. Кочетков. – Саратов, 1999. – 24 с.
2. Rapport sur l'initiative législative: La Commission européenne pour la démocratie par le droit (Commission de Venise), Venise, 12-13 décembre 2008 // Conseil de l'Europe. Commission de Venise [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://www.venice.coe.int/docs/2008/CDL-AD%282008%29035-F.asp?MenuL=F>. – Дата доступа: 10.06.2012.
3. Конституция Княжества Андорра, 14 марта 1993 г. // Конституции государств (стран) мира [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/archives/158>. – Дата доступа: 10.06.2012.
4. Конституция Княжества Лихтенштейн, 5 окт. 1921 г. // Конституции государств (стран) мира [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/archives/147>. – Дата доступа: 10.06.2012.
5. Конституция Испанского Королевства, 27 дек. 1978 г. // Конституции государств (стран) мира [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/archives/149>. – Дата доступа: 10.06.2012.
6. Конституция Португальской Республики, 2 апр. 1976 г. // Конституции государств (стран) мира [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/archives/141>. – Дата доступа: 10.06.2012.

НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО НАРОДА НА МЕСТНОМ УРОВНЕ В РОССИИ И БЕЛАРУСИ

А. М. Будаев

*Финансовый университет
при Правительстве РФ*

В настоящее время, когда социально-экономические преобразования, проводимые в России и Беларуси, требуют создания правовой основы для обеспечения процессов модернизации экономики и общественной жизни, становится ясно, насколько важен процесс создания нормативного правового акта, выработки его первоначальной концепции, составления и обсуждения

проекта, учет мнений и интересов различных социальных групп [1, с. 3]. По мнению Г. А. Василевича, цивилизованное законодательство – важнейшее условие создания порядка и организованности, развития демократии, охраны свободы. Законодательство должно отражать идеи добра и справедливости, равенства и свободы, уважения к достоинству личности. Условием становления правового государства является формирование уважения к праву, неукоснительное следование его нормам и принципам [2, с. 3].

В России и Беларуси конституционно закреплён такой вид правотворчества, как принятие нормативных правовых актов путем прямого, непосредственного правотворчества народа в ходе голосования: референдума или схода граждан (проводится в РФ в поселениях с численностью граждан, обладающих активным избирательным правом, не более 100 человек).

А. Н. Бодак отмечает относительную новизну референдумов, которые стали активно применяться во многих странах в период демократизации избирательного права в 20–30-х гг. XX в. Термин «референдум» происходит от латинского *referendum* (то, что должно быть сообщено) [3 с. 175–176]. С. И. Ожегов определяет референдум как всенародный опрос, голосование для решения важного государственного вопроса [4, с. 553].

Конституция РФ в ч. 3 ст. 3 устанавливает, что высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы [5]; в абз. 2 ст. 37 Конституции Беларуси закреплено, что участие граждан в управлении делами общества и государства обеспечивается проведением референдумов, обсуждением проектов законов и вопросов республиканского и местного значения. Особенностью Конституции Беларуси является наличие отдельной гл. 2 «Референдум (народное голосование)» разд. III «Избирательная система. Референдум», посвященной конституционным основам местного референдума [6].

Положения конституционных актов о местных референдумах конкретизируются национальным законодательством. В соответствии со ст. 22 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» местный референдум проводится в целях решения населением вопросов местного значения, а ст. 25 Закона устанавливает, что сход граждан осуществляет полномочия представительного органа муниципального образования. Решения, принятые на референдуме и сходе граждан и оформленные в виде правовых актов, обладают следующими свойствами: являются актами высшей юридической силы, имеют прямое действие, применяются на всей территории муниципального образования [7].

Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» в ст. 34 закрепляет, что для решения вопросов, имеющих важнейшее значение для населения соответствующих административно-территориальных единиц и отнесенных к компетенции соответствующих Советов, исполнительных и распорядительных органов, могут проводиться местные референдумы [8].

Российское и белорусское законодательство предусматривает такие формы участия населения в правотворческом процессе, как правотворческая инициатива граждан (Россия) и инициатива граждан по принятию решений совета депутатов (Беларусь). Сущность данных форм заключается в возможности местного населения влиять на содержание разрабатываемых или уже принятых и действующих актов органов местного управления и самоуправления. Общим для государств является процедура рассмотрения проекта правового акта, предусматривающая обязательное рассмотрение тем органом власти, в компетенцию которого входит принятие данного акта. Это свидетельствует о наличии в России и Беларуси института непосредственного правотворчества народа на местном уровне, имеющего конституционную основу и регламентированного в законодательстве.

Список использованных источников

1. *Нестеренко, И. А.* Правотворчество в Российской Федерации : учеб. пособие / И. А. Нестеренко. – М.: Юнити-Дана, 2011. – 271 с.
2. *Василевич, Г. А.* Источники белорусского права / Г. А. Василевич. – 2-е изд. – Минск : Тесей, 2008. – 218 с.
3. *Бодак, А. Н.* Правотворческий процесс в Республике Беларусь / А. Н. Бодак. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 220 с.
4. *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – 22-е изд. – М. : Русский язык, 1990. – 921 с.
5. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.: офиц. текст. – М. : Эксмо, 2010. – 96 с.
6. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Беларусь, 2007. – 103 с.
7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации, 6 окт. 2003 г., № 131-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
8. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 108-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 17. – 2/1660.

КОДИФИКАЦИЯ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ФОРМА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОТРАСЛЕЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

И. П. Сидорчук

*Академия управления
при Президенте Республики Беларусь*

Работы по систематизации законодательства всегда сопровождали нормотворческую деятельность, проводились практически на всех этапах государственного строительства. Российские ученые-юристы подчеркивают, что это

постоянная форма развития и упорядочения законодательства, и включают в нее четыре самостоятельных вида правовой деятельности: учет нормативных актов, инкорпорацию законодательства, консолидацию законодательства, кодификацию законодательства [1, с. 45].

Большое значение вопросы кодификации законодательства в Беларуси приобрели в 2000 г., когда началась работа над Сводом законов Беларуси, стали предприниматься активные меры по совершенствованию законодательства. В Концепции совершенствования законодательства Беларуси, утвержденной Указом Президента Беларуси от 10 апреля 2002 г. № 205 (далее – Концепция законодательства) [2], отмечается, что отрасли законодательства базируются на кодексах, за исключением отраслей, кодификация которых затруднена либо преждевременна. Такие отрасли должны основываться на комплексе консолидированных законов. Кодекс или консолидированный закон определяют основные институты конкретной отрасли законодательства, а также нормативные правовые акты, которые необходимо принять.

Инкорпорация и консолидация законодательства являются важными средствами его упорядочения и корректировки, способствуют повышению доступности правовых актов, облегчают их применение, позволяют правильно ориентироваться в законодательстве. Использование данных форм возможно до того предела в развитии законодательства, когда возникшие противоречия и иные недостатки могут быть преодолены путем внешней обработки нормативных актов. Кодификация применяется, когда в правовые решения требуется внести нормы с новым содержанием. Наиболее важными признаками кодификации являются: 1) изменение содержания правового регулирования; 2) упорядочение действующего законодательства; 3) обеспечение доступности и обзорности правовых предписаний.

В ходе кодификации совершенствуются форма и содержание правовых актов. В законодательстве протекают сложные правотворческие процессы, постоянно нарушающие целостность и непротиворечивость действующей системы законодательства. Накопление противоречий связано с отдельными нарушениями соответствия права уровню развития общественных отношений, с нарастающей внутренней диспропорцией в согласованности самих правовых предписаний. При преобладании формальных противоречий можно обойтись использованием инкорпорации и консолидации. Кодификация применяется при обновлении содержания законодательства.

Кодификационная деятельность осуществляется на основе обновления и систематизации правовых предписаний. С одной стороны, это особый вид правотворчества, а с другой – форма систематизации законодательства. Кодификация – это обусловленная потребностями развития и усложнением механизма правового регулирования деятельность нормотворческих органов по совершенствованию действующего законодательства с целью создания системных нормативных актов, обеспечивающих целостное юридическое

регулирование функционально и организационно обособленных сфер общественных отношений либо основную их часть на более высоком качественном уровне. На современном этапе важна разработка новой Концепции законодательства, в которой следует определить приоритетную роль кодификации при совершенствовании законодательства.

Список использованных источников

1. Систематизация законодательства в Российской Федерации / А. С. Пиголкин [и др.] ; под ред. А. С. Пиголкина. – СПб. : Юрид. центр. «Пресс», 2003. – 380 с.
2. О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ КАК ОСНОВА НОРМОТВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

С. Г. Василевич

*Белорусский
государственный университет*

Нормотворчество и правоприменительная практика не могут быть результатом субъективного усмотрения, и тем более не могут допускать какой-либо волюнтаризм. Нормотворческие органы, и прежде всего законодатель, который «задает тон» уровню правового регулирования, должны основывать свои юридические акты на объективно существующих критериях, в роли которых выступают принципы права. Законодательный процесс можно рассматривать как способ упорядочения и стабилизации существования самого общества, направленный на формирование социально необходимых отношений между людьми и их коллективными образованиями. Указанная цель законотворчества может быть достигнута путем принятия своевременных и качественных законов.

В настоящее время процедура создания нового закона предполагает соблюдение достаточно широкого спектра правовых принципов, суть которых состоит в том, чтобы не допустить появления в правовой системе государства некачественных, неэффективных, не отвечающих потребностям времени правовых актов. Именно правовым принципам принадлежит определяющая роль в формировании самих правовых предписаний, отражающих объективные потребности общества в правовых регуляторах. Следование принципам «помогает» законодателю избегать законотворческих ошибок, снижает вероятность создания неэффективных правовых норм.

Понятие принципов права в советской правовой доктрине существовало как теоретическое, предельно идеологизированное. Под принципами понима-

лись не столько правовые, сколько политические идеи, которым отводилась роль некоего ориентира для законодателя и правовой политики. Как отмечается в литературе, исключительно позитивистское понимание права не придавало принципам значения самостоятельных источников права, выводило их из законодательных норм, и они не могли служить критерием оценки этих норм. Закрепленные в основах отраслевого законодательства и в конституциях принципы никогда не действовали напрямую, не применялись непосредственно судами и иными органами.

Общие принципы заняли важное место в практике ряда стран, например Франции и Бельгии. В своем утверждении общие принципы претерпели определенную эволюцию. В первое время они не были концептуализированы и еще поддерживалась видимость их генетической связи с позитивным правом. Они выводились из текстов законов и регламентов, а когда этого оказывалось недостаточно, то и из неопределенного «духа законов», играли дополнительную роль и по своей силе не признавались выше закона. Судебная практика постепенно устанавливала отношение административных властей к общим принципам не как к рекомендациям или благим пожеланиям, но как к законодательным требованиям. Опираясь, например, в конкретных делах на такие конституционные принципы, как разделение властей, принцип равенства, принцип законности, суды утверждали, что они раскрывают нечто большее, чем это могло бы быть сформулировано в каждом из соответствующих положений конституционного текста.

Принципы права – это основополагающие начала, отправные положения, руководящие идеи, характеризующие сущность права, его содержание и назначение в обществе. По мнению одних авторов, они являются историческим опытом человечества и воплощают в себе представления о справедливости, гуманности, организации и порядке общественной жизнедеятельности. Другие авторы определяют принципы права как основные, исходные положения, юридически закрепляющие объективные закономерности общественной жизни, которые аккумулируют в себе наиболее характерные черты права, определяют его юридическую природу. В научной литературе изложены два основных подхода к определению значения принципов. Одни авторы считают, что принципы права действуют в сфере нормотворчества и в практике применения законодательства. Другие авторы придерживаются мнения, согласно которому принципы как основополагающие идеи должны получить официальное закрепление в нормах законодательства.

Наиболее предпочтительной представляется позиция ученых, считающих, что принципами права являются не только те идеи, которые закреплены в законодательстве и иных источниках права, но и основополагающие идеи правосознания, получившие общее признание в деятельности законодательных органов, органов правосудия, даже несмотря на отсутствие их формальной фиксации в позитивном праве.

Принципы в зависимости от области распространения делятся на общие, отраслевые и межотраслевые. Большинство правоведов полагают, что принципы права носят объективный характер, т. е. не могут быть результатом субъективных суждений. Поэтому законодательство – не результат субъективного усмотрения, а отражение объективных процессов. При этом следует иметь в виду, что «наука лишь выявляет, обосновывает, изучает и систематизирует их. Она не “придумывает”, а “открывает” заложенные в праве принципы, показывает их роль, значение, содержание и функционирование».

ПЛАНИРОВАНИЕ В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

А. Н. Арушаньянц

*Академия управления
при Президенте Республики Беларусь*

Правотворческая деятельность государственных органов характеризуется принятием многочисленных нормативных правовых актов и последующим их изменением и дополнением. Это вызвано необходимостью проведения масштабных преобразований в экономике, в сфере административных отношений, улучшения качества жизни граждан. Но большое количество нормативных правовых актов имеет свои негативные тенденции, которые выражаются в возрастании их несогласованности и бессистемности, в противоречивости их положений. Устранение таких негативных явлений возможно с помощью планирования правотворческой деятельности. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» планирование является первой стадией нормотворческого процесса [1].

Составляющими планирования правотворчества является стратегия и тактика. Стратегия планирования правотворчества включает в себя закономерности правового развития, определяет задачи и цели правовой системы [2, с. 58]. Основой стратегии планирования нормотворческой деятельности являются общепризнанные принципы и нормы международного права, Конституция Беларуси, национальное законодательство. О правовой стратегии можно говорить только тогда, когда принимаемые нормативные правовые акты подчинены единой идейной основе, предполагающей общие цели и задачи политико-правового развития. В Беларуси систематизированным актом является Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь. Тактика планирования правотворчества – это система конкретных научных положений и основанных на них рекомендаций, правил, приемов и средств по формированию и осуществлению деятельности в направлении планомерного преобразования правовой жизни общества [2, с. 58].

Достижение качества и эффективности нормативных правовых актов предполагает совершение правотворческим органом целого комплекса работ: 1) должны быть выявлены социально-экономические факторы, в которых проявляются потребности общества в правовой регламентации общественных отношений; 2) должен быть проведен анализ этих факторов; 3) необходимо определение направленности действия социальных факторов по отношению друг к другу и к цели законопроекта; 4) должны быть рассмотрены различные варианты решения проблемной ситуации.

Совокупность социальных факторов правотворческой деятельности подразделяют на две группы: 1) основные (правообразующие); 2) обеспечивающие (процессуальные). Основные факторы обуславливают возникновение проблемной ситуации и влияют на характер ее разрешения. Основными факторами являются экономический, экологический, демографический, национальный, политико-правовой, социо-культурный и др. Процессуальные факторы обеспечивают надлежащее разрешение проблемной ситуации путем издания закона или подзаконного нормативного акта. Они могут быть сведены к четырем группам: организационный, информационный, научный и программирующий факторы [3, с. 579–580].

Специфика социальных факторов состоит в их системном действии. Одна из распространенных ошибок в процессе правотворчества состоит в том, что законодатель, ориентируясь на решение какой-либо одной проблемы, принимает во внимание наиболее мощный фактор, не учитывая при этом ряд сопутствующих явлений. Многообразие взаимодействующих в ходе принятия правотворческого решения факторов не означает, что в каждом случае задействованными оказываются все без исключения основные и обеспечивающие факторы. Число вовлеченных во взаимодействие факторов зависит от характера подлежащих регламентации общественных отношений. Чем шире круг взаимодействующих факторов, тем сложнее характер влияния, которое они оказывают на содержание нормативного правового акта. В ходе правотворчества важное значение имеет выявление всей совокупности явлений и процессов, которые должны быть учтены при регламентации определенных отношений, их взаимосвязь и взаимодействие.

Планирование правотворчества совершается на основе стратегии и тактики планомерного преобразования механизма правового регулирования и совершенствования правовых средств, правовой политики, является реальным фактором повышения качества жизни человека и общества.

Список использованных источников

1. О нормативных правовых актах Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 02.07.2009 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 7. – № 2/136.

2. Калинин, А. Ю. Стратегия правотворческой политики современной России / А. Ю. Калинин // Человек : преступление и наказание. – 2009. – № 3. – С. 56–59.

3. Марченко, М. Н. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / под ред. М. Н. Марченко. – М. : ЮРИСТЪ, 2001. – 656 с. – Режим доступа : <http://www.kursach.com/biblio>. – Дата доступа : 25.02.2012.

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ

П. И. Левко

*Белорусский
государственный университет*

Государственные программы реализуют программно-целевые методы планирования и управления производственно-экономической, социальной и экологической сферами жизнедеятельности общества на основе законодательного регулирования в общегосударственном масштабе. В данном случае программно-целевое управление по существу является практическим приложением методологии системного подхода и теории принятия решений.

Научная трактовка системного подхода является более широкой, чем требуется для законодательного регулирования общественных процессов, происходящих в обществе. Отсюда в литературе достаточно часто встречается абстрактная интерпретация этой методологии, делающая основной упор на решении проблем организации путем устранения расхождений между желаемым и фактическим состоянием системы с жесткой привязкой к целям организации. Организация здесь понимается в широком смысле как объединение отдельных лиц, общественных групп или государств, имеющее четкую структуру и определенные задачи, программу действий, так и какое-либо государственное учреждение. Это объясняется в первую очередь достаточной шириной охвата проблем, решаемых программно-целевыми методами управления, так что их можно применять наряду с решением государственных задач и для управления фирмами или общественными организациями и объединениями. Однако в каждом из этих случаев необходимо учитывать специфику применения программно-целевых методов управления, что зачастую упускается из вида. Научного осмысления также требует вопрос степени общности понятий «*социальное проектирование*» и «*программно-целевое управление*». Ответ на этот и другие вопросы следует искать в том, как осуществляется механизм управления в системе: на основе государственного регулирования или саморегулирования.

Идеолог концепции саморегулирования на основе менеджмента Питер Друкер отмечает, что менеджерам приходится «пытаться прогнозировать бу-

дущее и пытаться повлиять на него, а также обеспечивать баланс кратко- и долгосрочных целей организации, так как у них нет другого выбора» [1, с. 195]. Отметим, что понятие *«программно-целевое управление»* в теории менеджмента практически не используется, хотя применение термина «программа» является традиционным. Термин «программа» здесь ассоциируется с перечнем действий, выполняемых коллективом, которые объединены общей целью или вносят вклад в достижение цели. В определенном смысле он рассматривается как синоним терминов «исполнение», «функция», «операция», «вид деятельности», «план процедуры», «вид коллективной деятельности» [2, с. 151].

Близким по смыслу к понятию «программно-целевое управление» является понятие «стратегическое планирование». Под стратегическим планированием понимается непрерывный процесс принятия текущих предпринимательских решений (связанных с высокими рисками) на систематической основе и с максимальным пониманием их вероятного будущего. Этот процесс базируется на необходимости воплощения принятых решений в жизнь, для чего организуется систематическая обратная связь, позволяющая производить оценку результатов этих решений по сравнению с исходными ожиданиями [1, с. 200].

С позиций менеджмента стратегическое планирование не является прогнозированием, так как прогнозирование рассчитано на то, чтобы найти наиболее вероятный путь развития событий, или, в лучшем случае, набор таких вероятностей. «Однако каждая предпринимательская задача является уникальным событием; мир предпринимательства – это не физический, а социальный мир. Основным вкладом предпринимательства, который, собственно, и вознаграждается прибылью, является уникальное событие или инновация, способные изменить экономическую, социальную и политическую ситуацию» [1, с. 198].

Отсюда мы можем выделить отличительную черту саморегулирования на основе предпринимательской деятельности – это получение результата, который вознаграждается прибылью, хотя в остальном мы видим сходство с целевой направленностью процесса социального проектирования на основе государственного регулирования при решении социально-экономических проблем. В отличие от стратегического планирования программно-целевое управление, по мнению ряда авторов, является способом решения проблемы и в качестве итога данной деятельности должен достигаться социально значимый результат. Программно-целевой метод во многом дополняет системный подход к изучению и прогнозированию развития социальных процессов, позволяет осуществлять разработку социальных технологий и оптимизацию социального управления, обеспечивает решение проблемы определения и соединения целей с возможностью их достижения [2, с. 151].

Социально-экономические программы являются вариантом практической реализации программно-целевого метода решения социальных задач. Используя приоритет социально-экономических программ, можно обеспечить

экономическую и социальную безопасность для большинства населения, а значит устранить угрозу экономической и социальной составляющей жизни всей страны.

Список использованных источников

1. Друкер, Питер Ф. Менеджмент / Питер Ф. Друкер, Джозеф А. Макьярелло. – М. : И. Д. Вильямс, 2010. – 704 с.
2. Кикоть, В. Я. Социальное управление: теория, методология, практика: монография / В. Я. Кикоть, Д. И. Грядовой. – М. : ЮНИТИ-ДИАНА, 2010. – 311 с.
3. Франчук, В. И. Современные основы социального регулирования / В. И. Франчук ; Междунар. Акад. организационных наук ; Ин-т организационных систем. – М., 1997. – 96 с.

ВЫСШИЕ СУДЕБНЫЕ ИНСТАНЦИИ ОБЩЕЙ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЮРИСДИКЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК СУБЪЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ

Т. В. Иванова

*Полоцкий
государственный университет*

Положения ч. 11 ст. 2 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» дают основание полагать, что судебные органы общей и хозяйственной юрисдикции осуществляют правотворчество [1]. Сама трактовка термина «нормативный правовой акт» подразумевает наличие в данном официальном документе норм права [2, с. 10–11]. Статья 4 Закона указывает, что действие Закона не распространяется на акты Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. Акты Пленумов – особого рода правовые акты. Их нормативность спорна, следовательно, возникает необходимость расширения способов участия высших судебных инстанций в правотворчестве. Анализ содержания актов Пленумов высших судебных инстанций Беларуси позволяет утверждать, что это акты толкования. Предмет толкования ограничивается нормативными правовыми актами, затрагивающими сферу судебной деятельности. Акты Пленумов разъясняют нормы отраслевого законодательства, а порой просто определяют порядок применения норм, цитируя их.

В зарубежных национальных правовых системах отсутствует подобная практика дачи разъяснений законодательства в форме общеобязательных правовых актов. Толкование законодательства осуществляется в ином виде: по итогам разрешения конкретных дел органами судебной власти в решениях

по делу, по итогам рассмотрения конституционных дел органами конституционного контроля в принимаемых ими правовых актах [3].

В Беларуси встречаются постановления Пленумов, где высшие судебные инстанции устанавливают либо санкционируют новые правила регулирования отношений, так как нижестоящие суды выявили пробел в законодательстве и либо не знали, как его урегулировать, либо разрешали ситуацию по своему усмотрению. Они создали новые правила регулирования отношений. Пленумы могут учесть это и перенести такое правило поведения в текст постановления, придав ему общеобязательный характер, фактически санкционируя судебный прецедент. Акты Пленумов не являются прецедентами ни по содержанию, ни по своей структуре [4]. Законодатель отводит Пленумам роль «толкователей», а не «творцов» права.

Следует законодательно разграничить деятельность высших судебных инстанций по толкованию права и их правотворческую деятельность; скорректировать формулировку абзаца одиннадцатого ст. 2 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь»: целесообразно исключить акты Пленумов Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда Беларуси из перечня видов нормативных правовых актов, поскольку данные акты толкования имеют рекомендательный характер.

При обнаружении пробелов и необходимости создания норм права будет целесообразным наделить Верховный Суд и Высший Хозяйственный Суд Республики Беларусь правом законодательной инициативы. В часть 1 ст. 99 Конституции Республики Беларусь следует внести дополнения путем расширения перечня субъектов, обладающих правом законодательной инициативы [5]. В статьи 46 и 69 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей [6] следует включить норму о праве Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда выступать с законодательной инициативой, что позволит повысить качество законодательства.

Список использованных источников

1. О нормативных правовых актах Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З : с изм. и доп. по состоянию на 2 июля 2009 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2009. – № 161. – 2/1583.
2. Бахрах, Д. Н. Признаки нормативного правового акта / Д. Н. Бахрах / Очерки теории российского права. – М. : Норма, 2008. – С. 26–37.
3. Судебные системы европейских стран. Справочник / пер. с фр. Д. И. Васильева ; пер. с англ. О. Ю. Кобыкова. – М. : Междунар. отношения, 2002. – 336 с.
4. Интернет-сайт Верховного Суда Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://www.suprcourt.by>. – Дата доступа : 12.05.2011.
5. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.

6. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей Республики Беларусь: принят Палатой представителей 31 мая 2006 г. : одобр. Советом Респ. 16 июня 2006 г. : с изм. и доп. по состоянию на 2 мая 2012 г., № 354-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2012. – № 52. – 2/1906.

РЕГЛАМЕНТИРОВАННОСТЬ КАК ПРИНЦИП ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. В. Дмитриев

*Белорусский
государственный университет*

Правотворческая деятельность обладает имманентно присущим свойством управляемости, в силу чего управление процессами и правовыми механизмами, которые происходят в рамках правотворческой деятельности, осуществляется путем нормативной регламентации. В исследованиях, посвященных проблемам регламентации правотворческой деятельности, основное внимание уделяется вопросам совершенствования правового регулирования отношений, складывающихся в этой сфере человеческой деятельности. При этом упускается факт, что правотворчество как сложное и многогранное социально-правовое явление регламентируется не только правовыми предписаниями. Изучение природы и характера норм, регулирующих правотворческую деятельность, приводит к выводу, что помимо собственно юридических предписаний правотворческие отношения упорядочиваются социальными нормами нравственного, религиозного, политического и научного порядка. Перед теорией правотворчества открытыми остаются вопросы значимости каждого из видов указанных норм в регулировании правотворческих отношений.

Рассматривая роль и значение нравственных норм в регулировании правотворческих отношений, особое внимание следует обратить на нормы корпоративной этики субъектов правотворчества. Наблюдается тенденция формализованного выражения этических норм, относящихся к различным группам государственных служащих, в том числе и членов представительных органов, осуществляющих законодательную деятельность. Кодексы парламентской этики существуют в Великобритании, Польше, Казахстане, Беларуси и иных государствах. Нормы корпоративной этики могут быть выражены в отдельном документе или включены в правовые акты, регламентирующие деятельность представительных органов.

Сфера правотворчества испытывает влияние политических факторов. Правотворчество стоит рассматривать как важную составляющую часть политической жизни общества, как одну из организованных правовых форм реализации политической власти. Реализация политических программ, установок и принципов во многом связана со сферой правотворческих отношений. Правила политического поведения становятся неотъемлемой частью регулятивной системы правотворческой деятельности. Примером, свидетельствующим о влиянии политических норм и принципов на правотворческий процесс, является опыт регламентации сферы правотворческих отношений советского прошлого. Такое же влияние на правотворческую сферу имеют политические нормы и принципы в современных государствах, реализующих идеи правовой государственности.

Религиозные нормы не имеют такого значения в регулировании правотворческой деятельности, которое им было присуще когда-то. Пренебрегая этим значением, нельзя будет в достаточной степени понять смысл многих исторических государственных и правовых институтов. Значение религиозных норм для правовой регламентации, в том числе правотворческих отношений сохраняется и в современном мире.

Соотношение норм разных социальных регуляторов, регламентирующих правотворческие отношения, своеобразно для каждой правовой системы. Для каждой из них обязательным и необходимым условием является наличие в числе регламентирующих правотворчество норм юридических предписаний. Итогом всей правотворческой работы является создание правовой нормы, регулирующей определенный круг общественных отношений, определяющей права и обязанности сторон, устанавливающей ответственность за ее нарушение. Процесс создания правовых норм имеет юридический характер. Отсутствие правовых норм в этой системе ничем нельзя заменить, поэтому правотворческая деятельность без них не представляется возможной. Содержание принципа регламентированности раскрывает зависимость правотворческой деятельности от наличия нормативных регуляторов, ее обеспечивающих, важная роль среди которых принадлежит нормам права.

Правовым нормам, регулирующим правотворческую деятельность, характерно разнообразие форм внешнего выражения. Источниками правового регулирования правотворческих отношений являются правовые акты, прецеденты, правовые обычаи, нормативные договоры. Различное сочетание указанных источников правового регулирования создает многообразие моделей правотворческого процесса, обусловленное историческими условиями развития. Каждый из перечисленных источников права имеет значение для обеспечения полноценного формирования правовых основ правотворческой деятельности.

О ПРАВОВОМ МОНИТОРИНГЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е. П. Гуйда

*Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь*

1. Анализ отечественного законодательства в сфере организации и проведения правового мониторинга позволяет сделать вывод о несформированности на данный момент единой системы его организации и проведения, отсутствии концепции правового мониторинга и, как следствие, нет единой методологии и методики его проведения. Беларуси следует обеспечить надлежащее нормативное оформление системы правового мониторинга, так как в настоящее время данная работа ведется разрозненно и бессистемно каждым органом в рамках своих полномочий. Осуществляется мониторинг мероприятий по реализации конкретных задач, а не мониторинг законодательства и практики его применения. Правовой мониторинг является способом повышения эффективности законодательства.

Правовой мониторинг может быть системно внедрен следующими путями: 1) принятие Закона о правовом мониторинге (в Законе должны быть закреплены основы правового мониторинга, цели, задачи, принципы, субъекты, объекты, статус результатов правового мониторинга); 2) актами законодательства (указом Президента или постановлением Правительства) должны быть конкретизированы процедурные вопросы; 3) закрепление в заключительных положениях каждого принимаемого закона обязательности его мониторинга соответствующими органами; 4) создание единой системы научно-методического обеспечения правового мониторинга; 5) выработка оптимальной системы взаимодействия государственных органов и средств массовой информации, обеспечивающей информационную открытость результатов правового мониторинга, обратную связь государства и общества.

Организация системы правового мониторинга в Беларуси на законодательном уровне будет способствовать повышению эффективности законодательного процесса и правореализационной процедуры, выработке прогнозов о последствиях принятия законов, повышению открытости принятия нормотворческих решений, информированности граждан и общественности о состоянии правовой системы, повышению уровня правосознания и правовой культуры общества в целом. Одним из важных вопросов организации правового мониторинга является определение четкого перечня субъектов его осуществления, компетенции и пределов полномочий.

Следует обеспечить связанность результатов мониторинга с нормотворческой деятельностью. Устранение в законодательстве недостатков, выявляемых

с помощью мониторинговых механизмов, будет способствовать созданию правовых условий для устойчивого социального развития, гарантий безопасности личности, обеспечения принятия эффективных и инновационных законов.

Юриспруденция должна разработать теоретическую и методологическую основу правового мониторинга, предложить механизм правового мониторинга как самостоятельного, регулярного, непрерывного вида деятельности уполномоченных субъектов. Для формирования механизма правового мониторинга нужно: 1) разработать технико-юридические критерии и индикаторы мониторинга; 2) установить формат коммуникации между различными субъектами мониторинга. Внедрение правового мониторинга возможно сочетанием следующих способов: а) введение такой деятельности в качестве обязательной для всех государственных структур с созданием соответствующих структурных подразделений; б) создание системы кадрового обеспечения мониторинга.

2. Одним из перспективных направлений является проведение мониторинга Конституции как основы правовой системы. В литературе отмечается, что базой для правового мониторинга и его основной целью может стать системный мониторинг Конституции (Н. Н. Черногор [1], Н. Н. Гашина [2]). Это поддерживается белорусскими исследователями [3; 4].

Создание системы мониторинга Конституции может стать одним из эффективных инструментов, служащих обеспечению реальности и стабильности Конституции, воплощению ее принципов и норм в жизнь общества и государства. Выделение мониторинга Конституции как приоритетного нового вида государственной деятельности предоставит возможность значительно полнее раскрыть потенциал Конституции страны.

3. Актуальным является проведение мониторинга реализации международно-правовых актов межгосударственных объединений СНГ, ЕврАзЭС, Таможенного союза (далее – ТС) и Единого экономического пространства (далее – ЕЭП) [5], однако данный вопрос является практически не исследованным. Необходимо определить, что следует относить к предмету вопроса, его субъектам и источникам; разработать организационную модель, включая вопросы взаимодействия органов государств-участников по организации и проведению правового мониторинга. Мониторинг правовых актов названных межгосударственных объединений может осуществляться на международном и внутригосударственном уровнях. Такой мониторинг должен способствовать как решению вопросов, связанных с построением интеграции, так и повышению ее эффективности.

Список использованных источников

1. Черногор, Н. Н. Мониторинг Конституции : постановка проблемы / Н. Н. Черногор // Законодательство и экономика. – 2008. – № 11. – С. 49–52.
2. Гашина, Н. Н. Мониторинг конституционного законодательства и его роль в обеспечении правового пространства Российской Федерации / Н. Н. Гашина // Право и политика. – 2010. – № 12 (132). – С. 2152–2156.

3. Миклашевич, П. П. Конституция Республики Беларусь – ориентир совершенствования правовой системы и конституционного контроля / П. П. Миклашевич // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. – 2009. – № 1. – С. 97–115.

4. Сатолина, М. Н. Мониторинг Конституции Республики Беларусь как фактор создания единого информационно-правового пространства государства / М. Н. Сатолина // Право.by. – 2011. – № 1. – С. 8–15.

5. Современные проблемы содержания и организации правового мониторинга международно-правовых актов СНГ, ЕврАзЭС, Таможенного союза и Единого экономического пространства в их взаимодействии с национальным законодательством. – Минск : Бизнесофсет, 2011. – 35 с.

РОЛЬ ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Н. А. Полящук

*Научно-практический центр проблем
укрепления законности
и правопорядка Генеральной
прокуратуры Республики Беларусь*

Проблемы, связанные с качеством и эффективностью законодательства, актуальны для любого государства, поскольку, какими бы стабильными не были его система права и система законодательства, рано или поздно определенный массив нормативных правовых актов нуждается в совершенствовании, учитывая, что жизнь динамична и общество также постоянно развивается; вместе с тем возникают и формируются и общественные отношения, нуждающиеся в правовом регулировании. В этой связи представляется, что одним из инструментов совершенствования законодательства в складывающейся ситуации может выступать правовой мониторинг.

Учитывая, что правовой мониторинг является относительно новым видом юридической деятельности, или разновидностью юридических технологий, как его еще определяют некоторые авторы [1], констатируем как отсутствие единого подхода к его определению, так и отсутствие терминологического единства при исследовании этого явления. Так, наряду с правовым мониторингом употребляются термины «мониторинг закона», «мониторинг правового пространства», «мониторинг правового поля», «мониторинг правовой системы», «мониторинг нормативных актов», «мониторинг законодательства и правоприменительной практики, «мониторинг правоприменения» и др. При этом сущность названных терминов понимается идентично как оценка качества нормативно-правовой основы регулирования общественных от-

ношений и ее практической реализации в ходе правоприменительной деятельности с целью установления соотношения заложенных целей правового регулирования и достигнутых результатов. Однако следует заметить, что в определенной степени правовой мониторинг занимает ведущее место и в процессе правотворческой (нормотворческой) деятельности. В этой связи правовой мониторинг можно определить как методически обоснованную комплексную систематическую деятельность уполномоченных субъектов по наблюдению, анализу, оценке качества правовых норм и практики их применения на предмет достижения заложенных в них целей и планируемых результатов правового регулирования общественных отношений, а также по прогнозированию путей совершенствования нормотворческой и правоприменительной деятельности.

Опираясь на такое понимание правового мониторинга, можно утверждать, что он действительно выступает одним из инструментов повышения качества законодательства, поскольку посредством правового мониторинга реально можно совершенствовать нормативные правовые акты как на стадии их принятия, так и в процессе правоприменения, устраняя недостатки, связанные с пробелами, противоречиями и коллизиями, с дублированием норм права, выявлением и устранением в дальнейшем неэффективных, в том числе устаревших норм права. Правовой мониторинг способствует и выявлению рисков криминогенного характера, присутствующих в действующих нормативных правовых актах, а также в проектах тех нормативных правовых актов, в отношении которых не осуществлялась криминологическая экспертиза. Кроме того, мониторинг служит систематизации законодательства, поскольку при его проведении осуществляется комплексный анализ законодательства определенной сферы общественных отношений, что, в свою очередь, способствует приведению его в единую, упорядоченную и согласованную систему.

По сравнению с другими государствами в Беларуси на сегодняшний день проблемы, связанные с правовым мониторингом, остаются недостаточно изученными и раскрытыми [2; 3]. Это обуславливает отсутствие нормативно-правового регулирования организации и проведения мониторинга.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что нормативное обеспечение правового мониторинга в национальном законодательстве, к сожалению, пока не состоялось, поэтому на данном этапе приходится говорить только о проблемах его становления. Однако необходимо принимать во внимание, что регламентация и качественное проведение правового мониторинга, несомненно, будут способствовать совершенствованию законодательства и практики его применения с учетом современных требований, их адекватности изменяющимся условиям развития общества, что в целом будет являться важным фактором стабильности и правопорядка.

Список использованных источников

1. Миронов, А. Н. Юридическая технология подготовки нормативных правовых актов / А. Н. Миронов. – М. : ИД «ФОРУМ»; ИНФРА-М, 2010. – 352 с.
2. Кичигин, Н. В. Третья Международная школа-практикум молодых ученых и специалистов по юриспруденции на тему «Эффективность законодательства и современные юридические технологии» / Н. В. Кичигин, Н. Е. Егорова, О. А. Иванюк // Журн. рос. права. – 2008. – № 7. – С. 145–163.
3. Гуйда, Е. П. Теоретические аспекты правового мониторинга / Е. П. Гуйда // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. Вып. 6 / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь; редкол. : В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2011. – С. 24–32.
4. Шабайлов, В. И. Мониторинг как функция правотворчества и правоприменения / В. И. Шабайлов // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. Вып. 6 / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь; редкол. : В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2011. – С. 71–80.

ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

А. А. Ханевский

*Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь*

Проблема эффективности законодательства и дальнейшего его совершенствования актуальна для Беларуси как с позиций дальнейшего улучшения юридической техники создания нормативных правовых актов, так и с точки зрения определения их концептуальной основы. Особое место среди механизмов по повышению эффективности законодательства и профилактики технико-юридических ошибок отводится экспертизе нормативных правовых актов и их проектов. Целью экспертизы проекта нормативного правового акта является улучшение его качества, выявление недостатков и противоречий, подготовка такого правового документа, который отвечал бы потребностям общественного развития [1, ст. 49]. Законодательством Беларуси закреплено два вида обязательной экспертизы: юридическая и криминологическая. Остальные виды экспертизы могут проводиться по решению уполномоченных органов. Однако общество нельзя оставлять за пределами процесса принятия решений, которые в итоге оказывают влияние на жизнь граждан. Конституция Беларуси предусматривает необходимость обеспечения законного права граждан на участие в управлении делами государства. В настоящее время представляется актуальным привлечение институтов гражданского общества к участию в законодательном процессе для повышения его эффективности и качества.

Ранее в Беларуси на законодательном уровне была предусмотрена только государственная экспертиза. В настоящее время предпринимаются первые шаги по привлечению институтов гражданского общества к законодательному процессу. Создаются общественные консультативные советы при различных государственных органах по вопросам предпринимательства [2]. Основной задачей Совета при Минюсте Республики Беларусь является проведение общественного обсуждения проектов законодательных и иных нормативных правовых актов по вопросам осуществления предпринимательской деятельности. Решения данного органа оформляются протоколами, значение и юридическая сила которых законодательством не определены.

По данному вопросу представляет интерес опыт отдельных стран. В России предусмотрено производство государственной, общественной и независимой экспертизы [3]. Институты гражданского общества и граждане могут за счет собственных средств проводить независимую экспертизу. Установлены единый порядок и условия аккредитации экспертов по проведению независимой экспертизы и правовые последствия проведения экспертизы. В качестве института гражданского общества по проведению экспертизы нормативных правовых актов отметим деятельность Общественной палаты РФ.

Легитимность нормативного правового акта напрямую зависит от общественного мнения, если большинство поддерживает законопроект – он будет применяться. Однако возникает вопрос, как привлечь граждан к законодательной деятельности, чтобы и они несли часть ответственности за принимаемые решения. Дальнейшее развитие института общественной экспертизы позволит выйти на новый уровень взаимоотношений между государством и гражданским обществом. Участие граждан в законодательном процессе позволит получить определенную поддержку со стороны тех или иных групп населения, ускорить процесс легитимации акта. Введение общественной экспертизы, принятие единых правил ее проведения позволит повысить качественный уровень проектов нормативных правовых актов.

Список использованных источников

1. *Василевич, Г. А.* Научно-практический комментарий к Закону «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» / Г. А. Василевич // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ЮрСпектр. – Минск, 2012.
2. О некоторых вопросах организации общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов по развитию предпринимательства и внесении дополнений в постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 31 дек. 2008 г. № 2070: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 20 марта 2012 г. № 247// Консультант Плюс : Беларусь. Версия Проф. [Электронный ресурс] / ЮрСпектр. – Минск, 2012.
3. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : Федер. закон Российской Федерации, 17 июля 2009 г., № 172-ФЗ // Консультант Плюс : Версия Проф [Электронный ресурс] / ЮрСпектр. – М., 2012.

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ, НАПРАВЛЕННЫХ НА РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

А. Н. Данисевич

*Научно-практический центр проблем
укрепления законности
и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь*

В подпункте 3.2 п. 3 Государственной программы по усилению борьбы с коррупцией на 2002–2006 гг., утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 2 октября 2002 г. № 500, предусматривалось внедрение криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов, направленных на регулирование правовых отношений в финансово-экономической сфере [1]. Согласно п.п. 1.1.1 п. 1 Указа Президента Республики Беларусь 6 июня 2011 г. № 230 «О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы», с 1 января 2012 г. криминологическая экспертиза проводится в отношении: проектов правовых актов Правительства Республики Беларусь, относящихся в соответствии с Единым правовым классификатором Республики Беларусь, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 4 января 1999 г. № 1, к гражданскому, гражданскому процессуальному, хозяйственному процессуальному законодательству, законодательству о финансово-кредитной системе, предпринимательской, хозяйственной (экономической) деятельности; проектов правовых актов Комитета государственного контроля, Национального банка, Управления делами Президента Республики Беларусь, Следственного комитета [2]. Для проведения криминологических экспертиз нормативных правовых актов в финансово-экономической сфере должны привлекаться эксперты, обладающие знаниями и опытом работы в соответствующей области.

В рамках проведения экспертизы проекта нормативного акта на предмет выявления рисков криминогенного характера в финансово-экономической сфере, следует последовательно анализировать такой акт по следующим направлениям: 1) сфера действия и объекты, на которые распространяется действие акта; 2) информация о разработчике нормативного акта; 3) содержание основных предлагаемых изменений; 4) связь рассматриваемого проекта нормативного акта с другими актами, действующими в финансово-экономической сфере; 5) ключевые обязательства, требования, предъявляемые в акте к объектам регулирования; 6) полномочия государственных органов в финансово-экономической сфере, конечные цели регулирования, задачи регулирования.

Нормативные правовые акты в публично-правовой сфере имеют достаточно высокий коррупционный потенциал. Бизнес-коррупция концентрируется в местах принятия важных экономических решений, в сфере государственного регулирования экономических процессов при взаимодействии чиновников и предпринимателей. Она возникает потому, что для государственного служащего существует возможность распоряжаться государственными ресурсами и принимать решения не в интересах государства и общества, а исходя из корыстных побуждений. В финансово-экономической сфере наиболее вероятными источниками коррупции являются: 1) антимонопольное законодательство; 2) налоговое законодательство; 3) законодательство о банкротстве; 4) законодательство, регулирующее импортно-экспортные операции; 5) законодательство о валютном контроле [3, с. 51].

Такие свойства нормативного правового акта, как затрудненный или неравный доступ хозяйствующих субъектов к информации, касающейся нормы, или механизма ее исполнения, а также непрозрачность процедуры определения объекта, ситуации, действия или санкции гарантом нормы могут привести к созданию дискриминационного режима в отношении отдельных хозяйствующих субъектов.

Список использованных источников

1. Об утверждении Государственной программы по усилению борьбы с коррупцией на 2002–2006 годы : Указ Президента Респ. Беларусь, 2 окт. 2002 г., № 500 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ЮрСпект, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

2. О мерах по совершенствованию криминологической экспертизы : Указ Президента Респ. Беларусь, 6 июня 2011 г., № 230 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

3. Памятка эксперту по первичному анализу коррупционности законодательного акта / М. А. Краснов [и др.] ; под общ. ред. В. Н. Южакова. – М. : Статут, 2004. – 71 с.

ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПРОЕКТОВ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Н. Я. Янкив

*Белорусский
государственный университет*

Национальным законодательством предусмотрена возможность принятия (издания) правового акта уполномоченным на то органом (должностным лицом) на белорусском и (или) русском языках. Мы согласимся с Г. А. Василе-

вичем, что допускаемый ст. 54 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [1] альтернативный порядок принятия (издания) нормативных правовых актов на белорусском или русском языках, противоречит Конституции Беларуси [2], в которой прямо закреплены в качестве государственных оба указанных языка [3]. При наличии нескольких государственных языков, нормативные правовые акты на всех государственных языках имеют равную юридическую силу. Введение в Беларуси правила об обязательном принятии (издании) нормативных правовых актов на двух государственных языках породит необходимость уделить особое внимание проверке тождества белорусского и русского вариантов нормативного правового акта. Поскольку правовая норма никакими иными средствами, кроме языковых, выражена вовне быть не может, то фактически будет применяться именно то, что выражено от имени законодателя, а не то, что он стремился выразить. Чем совершеннее текст нормативного правового акта, тем меньше возникнет затруднений при его реализации.

При создании текста нормативного правового акта на двух языках законодатель сталкивается с проблемой «эквивалентности» текста. Перевод формальный (лингвистический) к юридическим текстам не применим, поэтому в рамках права допустим лишь коммуникативный (прагматический) перевод, так как оба текста должны иметь абсолютно идентичное значение.

Тождество текстов, их эквивалентность возможны до определенной степени и потому всегда относительны. Значения языковых знаков и способы их сочетания не совпадают во всем объеме. Абсолютного соответствия между двумя очень близкими языками быть не может. Дополнительно следует учитывать, что язык права обладает собственной определенной спецификой на уровне грамматики и на уровне лексико-грамматических средств связи элементов текста. Особую проблему представляет собой перевод терминологии. Для устранения противоречий и разночтений, возникает необходимость в разработке тематических словарей, которые позволили бы исключить вариативность при создании нормативных правовых актов на двух языках.

Несмотря на близкое родство белорусского и русского языков и их терминологии, полностью исключить возможность противоречия в конечных значениях текстов может только эксперт-лингвист. К экспертизе прибегают в тех случаях, когда требуются специальные знания и ответ на поставленный вопрос не является очевидным. Проблемы языковой эквивалентности известны не каждому юристу, поэтому заключение о тождестве двух вариантов текста одного и того же нормативного акта могут дать только владеющие двумя языками эксперты-лингвисты с очень узкой специализацией в области права.

В случаях подготовки и принятия правовых актов на двух государственных языках проведение лингвистической экспертизы является обязательным. Это требует уточнения проекта закона «О правовых актах» [4], представленного Советом Министров Республики Беларусь путем дополнения статьи 39 по-

ложением об обязательном проведении лингвистической экспертизы при подготовке проектов нормативных актов на белорусском и русском языках.

Для качественного проведения лингвистической экспертизы необходимо развивать такой раздел науки, как юридическая, правовая лингвистика (*legal linguistics*), что потребует создания системы подготовки лингвистов, специализирующихся на работе с юридическими текстами, и юристов-специалистов в области законопроектной деятельности. Необходимость в унификации белорусско-русского перевода следует решать путем разработки четкой методологии создания нормативных правовых актов на двух языках.

Список использованных источников

1. О нормативных правовых актах Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ЮрСпектр, Нац центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
2. *Василевич, Г. А.* Комментарий к закону «О нормативных правовых актах» // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.
4. О правовых актах Республики Беларусь : проект Закона Респ. Беларусь ; внесен Советом Министров Республики Беларусь в Палату представителей 27 дек. 2011 г. // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3941&p0=2012001001>. – Дата доступа : 14.06.2012.

ОЦЕНОЧНЫЕ ПОНЯТИЯ В НОРМОТВОРЧЕСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Н. В. Касияненко

*Институт парламентаризма
и предпринимательства*

Возникновение новых форм социального взаимодействия ставит проблему возможности регулирования действительности лишь с помощью абсолютно-определенных норм. Ранее других проблему неопределенности в праве поднимали ученые и философы эпохи Возрождения. Выход на предельный уровень абстракции ряда правовых норм дал сильный импульс развитию всего законодательства, вызвав массу нареканий насчет «каучуковости» права из-за применения оценочных понятий [1, с. 116].

Современная правовая действительность не может существовать обособленно от прошлого и будущего. Поэтому для выявления закономерностей и

определения тенденций использования оценочных понятий в современном белорусском законодательстве необходимо исследовать данную проблему ретроспективно.

Использование оценочных понятий было известно праву с самых ранних этапов его развития. Первые нормы с оценочными понятиями можно встретить уже в Законах Хаммурапи. Законы XII таблиц закрепляли такие оценочные понятия, как: «*бесхозяйственный гражданин*», «*исключительное уродство*», «*злая песня*» [2, с. 5, 6, 10]. Можно сказать, что в римском праве естественное право проникало в позитивное через оценочные понятия. Народы Западной Европы до рецепции римского права управлялись своеобразными франко-германскими юридическими началами. В текстах Салической правды, Саксонской, Алеманнской и правды Бургундов оценочные понятия и термины не встречаются, за исключением положения главы 1 Салической правды: «если же кто, вызвавши другого на суд, сам не явится и если его не задержит *какое-либо законное препятствие*» [3, с. 240].

Развитие белорусского законодательства в ракурсе использования оценочных понятий и терминов имеет глубокие корни. Нормативным правовым актам у древних славян была присуща та же детальность регулирования, что и в других странах мира. Это было связано с тем, что возникновение права было обусловлено развитием системы социального регулирования, в процессе которого правила поведения возводились в общеобязательные юридические нормы. По мере развития законодательства на белорусских землях периода Средневековья, можно проследить увеличение числа вводимых в правовые документы оценочных понятий и терминов. Судебник Казимира 1468 г. и Статуты ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг. служат тому подтверждением.

В Новое время происходят важные изменения всех сфер жизни общества. Вместе с правом совершенствуются и приемы юридической техники. Закрепление норм, содержащих оценочные понятия, переходит на конституционный уровень (например, разд. 1 ст. 3 Конституции США 1787 г. – «вести себя *безупречно*»). Начиная со второй половины XX в. наметилось увеличение числа норм, содержащих оценочные понятия во всех отраслях права. Наблюдается наличие тенденции к расширению использования оценочных понятий в регулятивной сфере и к сужению относительно-определенных норм в охранительных отраслях современного права.

Использование оценочных понятий в правовом регулировании объективно предопределено и необходимо. При соответствующих условиях они придают определенную степень стабильности, являются своеобразной связкой нормативно-правового формализма и практической жизни.

Список использованных источников

1. Волков, А. В. Формализм против субъективизма в гражданском праве / А. В. Волков // Аграрное и земельное право. – 2010. – № 5. – С. 116–121.

2. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. – М. : Зерцало, 1997. – 607 с.

3. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права : в 2 т. / сост. К. И. Батыр [и др.] ; под ред. К. И. Батыра, Е. В. Поликарповой. – М. : Юрист, 2000. – Т. 1: Документы Древнего мира и Средних веков. – 392 с.

ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТЬ КАК КАЧЕСТВО СИСТЕМАТИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Е. В. Гарбузова

*Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова*

Систематизация законодательства – особый инструмент повышения качества законодательства, позволяющий усовершенствовать формальную сторону системы нормативных правовых актов, ее содержательный аспект. Каждый вид систематизации может рассматриваться в качестве отдельного инструмента, выступающего предпосылкой для использования иных инструментов. Систематизация коррелирует с классификацией нормативных правовых актов, которая наряду с ревизией законодательства является основой проведения инкорпорации, а та, в свою очередь, может стать основой консолидации и кодификации в соответствующей отрасли законодательства. Кодификация и инкорпорация во многом определяют построение Свода законов и возможного создания Свода законодательства.

По нашему мнению, кодификация законодательства используется в Беларуси недостаточно эффективно. Частое внесение изменений и дополнений в действующие кодексы говорит о том, что при их подготовке не был проведен необходимый анализ состояния и тенденций развития общественных отношений, подпадающих под регулирование данными актами, было неудовлетворительным прогнозирование последствий принятия кодекса. Процессу кодификации должно предшествовать проведение правового мониторинга с целью оценки готовности актов определенной отрасли к проведению их систематизации, выявление оптимальных для данной отрасли классификационных единиц. Цели систематизации могут быть достигнуты посредством кодификации и в результате использования иных форм упорядочения нормативных правовых актов. Иногда достаточно провести ревизию актов в определенной отрасли законодательства и «очистить» законодательство от устаревших, дублирующих друг друга норм. Одним из инструментов одновременной ревизии и новации законодательства следует считать декретное нормотворчество, позволяющее оперативно реагировать на изменяющиеся социальные потребности. Объективно нестабильность содержания кодексов обусловлена динамикой развития общественных отношений и необходимостью актуализации нормативного

массива. К субъективным факторам можно отнести недостатки проведения предкодификационных мероприятий, в том числе названные выше.

Практика частого внесения изменений и дополнений в действующие кодексы говорит о том, что в Беларуси существует расхождение между теоретическим и практическим подходами к кодексам. Согласно научному подходу кодекс – это акт, обеспечивающий *полное системное* регулирование общественных отношений в определенной сфере, в связи с этим кодекс должен отвечать требованию *стабильности*. Практический подход показывает определенный уклон в сторону требования *динамизма* в ущерб стабильности, что вызывает критику со стороны научного сообщества. Названное требует установления баланса между данными подходами, отказа от абсолютизации какого-либо из требований и обеспечения их гармоничного сочетания в соответствии с потребностями белорусского общества и государства на современном этапе.

Представляется необходимым комплексное использование таких инструментов, как планирование нормотворческой деятельности, прогнозирование развития законодательства и последствий его изменения, а также систематизация нормативных правовых актов и их более четкая и однозначная классификация. Это поможет предупредить проявления нестабильности содержания кодексов, призванных обеспечить полное системное регулирование в конкретных областях общественных отношений, и, соответственно, нестабильности всего нормативного массива и неоправданного увеличения его объема.

Для более эффективной нормотворческой деятельности необходимо комплексное, системное, целенаправленное использование различных нормотворческих средств, основанное на системе получения и анализа разнообразной информации (социальной, экономической, политической и т. д.), постоянное совершенствование этих средств на пути повышения их функциональности.

АДАПТИВНЫЙ СПОРТ В СИСТЕМЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Т. В. Журавлева

*Белорусский государственный
университет физической культуры*

Социальное развитие характеризует усложнение общественных отношений и образование их комплексов, объединенных определенной сферой, которые зачастую являются объектом правового регулирования. К числу таких сфер относится сфера физической культуры и спорта (далее – сфера спорта), правовое регулирование которой повлекло формирование спортивного права как отрасли законодательства, представляющей собой совокупность норм, регулирующих комплекс взаимосвязанных разнородных общественных отношений, объединенных сферой спорта. Отрасли законодательства наряду с отраслями права являются основными структурными элементами права как

системы и включают в себя все ее структуры – подотрасли, институты, субинституты, нормы [1, с. 14–15], формирование которых способствует системному, всестороннему, глубокому подходу ко всему нормативно-правовому массиву.

На наш взгляд, следует активизировать формирование подотрасли адаптивного спорта (далее – АС) спортивного права, которая представляет совокупность норм в составе спортивного права, регулирующих комплекс взаимосвязанных разнородных общественных отношений, объединенных сферой АС. В Беларуси АС включает три основных направления: паралимпийский спорт (для лиц с ограниченными возможностями функций зрения, опорно-двигательного аппарата), дефлимпийский спорт (для лиц с ограниченными возможностями функций слуха) и специальный олимпийский спорт (для лиц с ограниченными возможностями функций интеллекта).

Выделяют две группы институтов спортивного права: 1) уникальные, не свойственные другим отраслям права и отраслям законодательства; 2) известные в системе права, но в спортивном праве имеющие значительную специфику, обусловленную своеобразием общественных отношений в сфере спорта [2]. К первой группе относятся институты единой спортивной классификации, спортивных соревнований, спортивного судейства и др., ко второй – институты государственного и общественного управления, финансирования, юридической ответственности и др. Часть перечисленных институтов являются институтами права, часть – институтами законодательства. Все институты спортивного права являются институтами подотрасли АС.

Особенностью подотрасли АС является объект правового регулирования – человек с ограниченными возможностями здоровья [3, с. 20]. Основой правового регулирования в сфере АС должны стать определенные принципы [4, с. 60]: социально-правовые (общечеловеческая справедливость, юридическое равенство всех перед правовым законом, гуманизм и др.) и собственно правовые (формальная определенность юридических норм, системность в правовом регулировании, точность в определении круга субъектов права и др.), а также закономерности права.

Первоочередными задачами формирования подотрасли АС являются: создание норм-дефиниций, закрепляющих определения основных терминов АС, совершенствование ряда институтов подотрасли АС, единой спортивной классификации, общественного управления. Формирование подотрасли АС будет способствовать созданию «благоприятных юридических условий для проявления социально-полезной активности человека» [3, с. 16], обделенной судьбой, построению социальной правовой системы, совершенствованию спортивного права.

Список использованных источников

1. Дробязко, С. Г. Отрасли права и отрасли законодательства в правовой системе Республики Беларусь и их совершенствование / С. Г. Дробязко // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. Вып. 5. – Минск: Право и экономика, 2010. – С. 11–22.

2. *Сердюков, А. В.* Спортивное право как комплексная отрасль законодательства / А. В. Сердюков [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://www.dissercat.com/content/sportivnoe-pravo-kak-kompleksnaya-otrasl-zakonodatelstva/>. – Дата доступа : 10.03.2012.

3. *Дробязко, С. Г.* Предмет, сфера, объект правового регулирования в условиях формирования социального правового государства и правового гражданского общества / С. Г. Дробязко // Выбранные научные работы Белорусского государственного университета : у 7 т. – Минск : БДУ, 2001. – Т. III: Юриспруденция. Экономика. Международные отношения. – С. 9–24.

4. *Дробязко, С. Г.* Общая теория права : учеб. пособие для вузов / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Амалфея, 2007. – 480 с.

О СТРУКТУРНОМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В. Ю. Вечорко

*Белорусский
государственный университет*

В современном мире динамика нормотворческой деятельности порождает определенные проблемы при классификации актов законодательства. Классификация как метод группировки явлений направлена на достижение следующих взаимосвязанных целей: установление иерархических связей отраслевых нормативных правовых актов; обеспечение субъектов права актуальной информацией в правовом регулировании в конкретной сфере; обеспечение процесса реализации права; создание условий для применения иных инструментов совершенствования законодательства и др.

Официальным источником классификации законодательства в Республике Беларусь является Единый правовой классификатор (далее – ЕПК). Как справедливо отмечает Н. В. Сильченко, содержание классификатора не вполне отвечает его названию, так как рассматриваемый классификатор представляет собой систему классификации нормативных правовых актов, а не всех источников права Республики Беларусь (в этом случае не оправдывает себя название ЕПК как «единого»). Белорусскими учеными (С. А. Балашенко, Г. А. Василевичем, Н. В. Сильченко, С. А. Калинин) обоснована идея о создании прогнозного классификатора, действующего наряду с ЕПК, и разработана его предполагаемая структура. Считаем, что необходимость использования двух классификаторов нормативных правовых актов на сегодняшний день определяется двумя причинами: требованием обеспечения удобства практического применения нормативных предписаний, поиска правовой информации; необходимостью отслеживать тенденции в изменении правовой системы в целом, в системе законодательства, а также необходимостью (в связи с развитием общественных отношений) осуществлять комплексное реформирование структуры законодательства. Для этого следует использовать систему таких инструментов,

как правовой мониторинг, прогнозирование, планирование нормотворческой деятельности, применение «пакетного» принципа разработки законопроектов.

Одним из проявлений классификации нормативных правовых актов является установление их иерархии, определяемой в первую очередь по юридической силе конкретного акта. Это классифицирует правовые акты в конкретном правовом массиве «по вертикали»: кодекс – специальные законы – декреты и т. д. Данный вид классификации может модифицироваться с учетом деления нормативных правовых актов на законодательные акты и иные акты законодательства. Иерархия нормативных правовых актов и правила определения приоритета между ними (соответствие всех нормативных правовых актов нормам Конституции, особенности определения соотношения декретов Президента с законами, соотношение законодательных актов и иных актов законодательства, соотношение актов органов, относящихся к исполнительной власти и др.) определены Законом Республики Беларусь от 10 января 2000 г. «О нормативных правовых актах Республики Беларусь». Однако ряд проблем в данной области еще не решен. Так, существует проблема определения иерархии одноуровневых правовых актов. Особый интерес представляет соотношение указов нормативного характера и директив Президента, отнесенных законодательством к указам программного характера.

Таким образом, можно выделить следующие проблемы классификации нормативных правовых актов Беларуси: 1) отсутствие четкой и однозначной иерархии нормативных правовых актов; 2) отсутствие единообразия в построении отраслевой и институциональной системы актов; 3) отсутствие такой формы классификации нормативных актов, которая позволила бы комплексно прогнозировать развитие системы права и системы законодательства. Считаю, что названные проблемы должны найти свое разрешение в новом Законе «О правовых актах Республики Беларусь».

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И СПОСОБЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ОРГАНОВ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

И. В. Саблин

*Белорусский
государственный университет*

Многовековое проживание на белорусской территории различных национальных, религиозных и языковых групп не стало полем многообразных конфликтов. Каждая социокультурная группа осталась верна обычаям, ценностным ориентациям, мировоззренческим комплексам [1]. Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь

отмечает, что на протяжении последних лет (2007–2010 гг.), по мнению абсолютного большинства населения (92 %), межконфессиональные отношения в Беларуси носят стабильный характер. В стране отсутствуют нарушения прав и свобод граждан со стороны представителей деструктивных культов, что подтверждают практически все опрошенные респонденты (96 %). Более половины жителей страны (54,5 %) исключают возможность конфликтов на религиозной почве, а каждый третий (33 %) считает такой вариант развития событий маловероятным. В соответствии с результатами социологического опроса 2010 г. большинство населения Республики Беларусь (92 %) относит себя к различным конфессиям: православию – 78 %, католицизму – 12 %, другим не более 2 %. 6 % респондентов не считают себя приверженцами никаких религиозных конфессий [2].

Взаимодействие воинских формирований с Белорусской Православной Церковью (далее – БПЦ) вызвано возникновением осознанного понимания, что одной из главных задач современных Вооруженных Сил является духовно-нравственное возрождение [3]. По состоянию на 1 января 2012 г. в вооруженных формированиях Республики Беларусь военнослужащие по отношению к вероисповеданию идентифицируют себя как православные – 86,5 %, католики – 9,4 %, атеисты и неверующие – 3,7 %, представители иных вероисповеданий – 0,4 %.

Динамический анализ результатов исследований граждан, призванных на срочную военную службу в период 2008–2011 гг. (4 года – 8 призывов), показывает, что по отношению к вероисповеданию военнослужащие идентифицируют себя: 1) в Вооруженных Силах Республики Беларусь как православные – 83,7 %, католики – 9,1 %, протестанты – 0,3 %, атеисты и неверующие – 6,8 %, представители иных вероисповеданий – 0,1 % [4]; 2) в органах пограничной службы Республики Беларусь как православные – 87,3 %, католики – 9,7 %, протестанты – 0,04 %, атеисты и неверующие (не относящие себя ни к каким религиозным конфессиям) – 2,8 %, представители иных вероисповеданий (старообрядцы, мусульмане, баптисты, евангелисты, адвентисты) – 0,06 % [5]; 3) во внутренних войсках Министерства внутренних дел (далее – МВД) Республики Беларусь как православные – 88,6 %, католики – 9,4 %, протестанты – 0,3 %, атеисты и неверующие (не относящие себя ни к каким религиозным конфессиям) – 1,5 %, представители иных вероисповеданий (иудеи, баптисты, евангелисты) – 0,1 % [6].

Руководствуясь Соглашением о сотрудничестве между Республикой Беларусь и БПЦ от 12 июня 2003 г., а также подписанными в 2004 г. Соглашениями о сотрудничестве Министерства обороны, Государственного пограничного комитета, МВД Республики Беларусь с БПЦ, выстраивается взаимодействие органов военного управления и соответствующих епархий. Взаимодействие между «силовыми» структурами Республики Беларусь и БПЦ выстраивается по разработанному и утвержденному программ.

Взаимодействие и сотрудничество осуществляется по административно-территориальному принципу. По состоянию на 1 января 2012 г. с органами военного управления Республики Беларусь взаимодействуют 77 священнослужителей. В вооруженных формированиях в рамках сотрудничества на территориях воинских частей или в непосредственной близости действуют более 60 объектов для удовлетворения военнослужащими духовных потребностей, из них 13 храмов, 4 часовни, 7 молитвенных комнат, 37 молитвенных уголков [7].

По сведениям Отдела по взаимодействию с Вооруженными Силами Белорусского Экзархата, на протяжении последнего десятилетия (2001–2011 гг.) произошло значительное увеличение числа военнослужащих, открыто исповедующих христианское вероучение. Заметным стало участие в церковных таинствах курсантов и офицеров, проходящих обучение в учреждении образования «Военная академия Республики Беларусь» (далее – Военная академия). Лейтенанты-выпускники в честь окончания обучения заказывают благодарственные молебны в храмах г. Минска. Офицеры-выпускники командно-штабного факультета установили традицию – ежегодно, начиная с 2008 г., заказывать и проводить в одном из храмов прихода в честь Всех Святых г. Минска благодарственный молебен в день выпуска из академии, непосредственно после торжественного построения.

Священнослужители БПЦ принимают самое активное участие в торжественных мероприятиях, проходящих в воинских коллективах: принятие присяги; освящение техники; освящение боевых знамен; празднование значительных дат воинских частей и т. д. Во всех воинских частях регулярно проводятся профилактические беседы с военнослужащими различных призывов, что позволяет уменьшить число неуставных отношений и правонарушений. В основу этой работы положено разъяснение нравственного закона, понятия о грехе и искушениях, о необходимости покаяния. Помимо общих бесед, значительное время отводится индивидуальной работе с военнослужащими, склонными к совершению каких-либо правонарушений, таких, как пьянство, неуставные отношения, самовольные отлучки и т. д. Большое значение в индивидуальной работе отводится профилактике суицида. На основании анализа мероприятий, проведенных во взаимодействии и сотрудничестве с командованиями военных частей, можно сделать вывод, что значительно улучшилась дисциплина, меньше стало неуставных взаимоотношений.

Взаимодействие органов военного управления Республики Беларусь с религиозными организациями не оказывает негативного влияния на ценностные ориентации военнослужащих, их отношение к выполнению своих служебных обязанностей и поведение в коллективе. Наоборот, в настоящее время, когда духовный мир военнослужащего подвергается коммерциализации, либерализации и переориентации в целом, наиболее активную и позитивную роль в сохранении и укреплении духовного потенциала может выполнить институт военных священников или военно-церковная служба.

Таким образом, взаимодействие органов военного управления с религиозными организациями осуществляется по административно-территориальному принципу, в зависимости от места дислокации воинских частей и подразделений и применительно к 11 епархиям БПЦ, и развивается по пути расширения и углубления сотрудничества в области патриотического и духовно-нравственного воспитания личного состава, духовного окормления, просвещения и социальной защиты военнослужащих и членов их семей, реализации их религиозных потребностей и строительства новых православных храмов и часовен.

Взаимодействие и сотрудничество будут в дальнейшем служить обогащению духовной и нравственной жизни воинских коллективов, способствовать воспитанию военнослужащих в духе любви к Отечеству, готовности к его защите, веротерпимости, гражданской ответственности и патриотизма. Современные вызовы и угрозы в сторону внутренних детерминант жизни белорусского общества отчетливо заявляют о необходимости законодательного закрепления права военнослужащего на духовное обслуживание (окормление) с введением в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях института военных священников или военно-церковной службы.

Список использованных источников

1. *Кутузова, Н. А.* Государство и религия : опыт взаимодействия в Беларуси / Н. А. Кутузова // [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : http://csr.ucoz.ru/publ/kutuzova_n_a_gosudarstvo_i_religija_opyt_vzaimodejstviya_v_belarusi/1-1-0-17. – Дата доступа : 16.10.2011.
2. Общественное мнение о проблемах в национальной сфере (декабрь 2010 г.): информационно-аналитический материал / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Респ. Беларусь // Текущий архив Минского областного исполнительного комитета. – Минск, 2011. – 12 с.
3. *Саблин, И. В.* Правовое регулирование взаимодействия органов военного управления Республики Беларусь и религиозных организаций / И. В. Саблин // Идеологические аспекты военной безопасности : науч.-практ. прилож. к журн. «Армия». – 2010. – № 1. – С. 25–27.
4. Сведения о результатах изучения вновь прибывшего пополнения в Вооруженные Силы Республики Беларусь / Центр психологических и социологических исследований Вооруженных Сил Респ. Беларусь (ЦПСИ) // Текущий архив ЦПСИ. – Сведения за 2008–2011 гг. – П. 15.
5. Сведения о результатах изучения военнослужащих, призванных на срочную военную службу в органы пограничной службы Республики Беларусь / Главное управление идеологической работы и кадрового обеспечения Гос. погран. комитета Респ. Беларусь (ГУИР и КО ГПК) // Текущий архив ГУИР и КО ГПК. – Сведения за 2008–2011 гг. – П. 9.
6. Анализ социально-демографических показателей (СДП) военнослужащих, призванных на срочную военную службу во внутренние войска Министерства внутренних дел Республики Беларусь / Научно-исследовательская лаборатория факультета вну-

тренних войск учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь» (НИЛ ФВВ) // Текущий архив НИЛ ФВВ. – Анализ СДП за 2008–2011 гг. – П. 12.

7. Кузьменков, С. Отчет отдела Белорусского Экзархата по взаимодействию с Вооруженными Силами Республики Беларусь за 2011 год / Протоиерей Сергей Кузьменков // Текущий архив отдела Белорус. Экзархата по взаимодействию с Вооруженными Силами Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – 10 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

М. К. Скоробогатая

*Национальный центр правовой
информации Республики Беларусь*

Правовые акты, включаемые в информационный массив автоматизированных систем правовой информации, проходят процесс внешней юридической обработки: 1) приведение текстов правовых актов в контрольное состояние; 2) установление междокументных связей; 3) индексирование с использованием Единого правового классификатора Республики Беларусь (далее – ЕПК), иных тематических классификаторов; 4) индексирование в части выбора ключевых слов; 5) формирование иных элементов поискового образа документа по мере необходимости.

Индексирование правового акта представляет собой выборку ключевых слов из текста правового акта и проставление соответствующих рубрик ЕПК, выступает в роли инкорпорации в электронном виде, объединяя правовые акты по характеру регулируемых правовых отношений. *Качество юридической обработки правовых актов* выходит за рамки эффективной реализации поисковой функции автоматизированных систем правовой информации, что в определенной мере оказывает влияние на систематизацию законодательства в целом.

При индексировании правовых актов с использованием ЕПК возможно возникновение следующих проблем: 1) индексирование рубриками ЕПК в неполном объеме; 2) избыточность индексирования рубриками ЕПК; 3) ошибочное индексирование; 4) возникновение проблем, связанных с необходимостью реформирования ЕПК как инструмента объективного отражения системы законодательства [1].

Наиболее типичными проблемами, с которыми могут столкнуться специалисты при индексировании правовых актов в части выбора ключевых слов, являются: 1) использование при индексировании одного и того же ключевого слова для большого массива правовых актов; 2) избыточность ключевых слов; 3) недостаточное использование при индексировании правового акта ключевых слов; 4) ошибочный выбор ключевых слов.

В качестве мер по предупреждению изложенных проблем и совершенствованию юридической обработки правовой информации можно выделить следующие направления: 1) подготовка программ обучения и повышения квалификации специалистов, разработка специальных учебно-методических комплексов. Необходимость в проведении данных мероприятий связана с тем, что факторами, влияющими на процесс индексирования, являются уровень квалификации лица, производящего юридическую обработку правового акта, а также высокая степень субъективизма [2]; 2) частичная автоматизация процесса юридической обработки, заключающаяся в создании специальных программных средств. При этом данные средства должны оказывать необходимую помощь, но не заменять специалистов, так как обработка правового акта является интеллектуальной деятельностью; 3) реформирование и актуализация ЕПК, так как действующая редакция классификатора не может в полной мере отразить произошедшие преобразования в законодательстве. Национальным центром правовой информации Республики Беларусь на 2014–2015 гг. запланирована НИР по созданию проекта новой редакции ЕПК.

Список использованных источников

1. *Гриневич, М. Г.* О роли Единого правового классификатора Республики Беларусь в формировании национальной системы законодательства / М. Г. Гриневич // *Право* by. – 2010. – № 1. – С. 8–12.
2. *Язык закона* / под ред. А. С. Пиголкина. – М. : Юрид. лит., 1990. – 192 с.

О СИСТЕМАХ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Д. А. Гончарова

*Национальный центр правовой
информации Республики Беларусь*

В соответствии с современными воззрениями информационным считает-ся общество, в котором производство и потребление информации являются важнейшими видами деятельности. В таком обществе информация универсального характера должна быть доступна пользователю независимо от места его проживания или работы.

Одной из характерных черт развития многих государств на современном этапе является активное протворчество. Ориентированность в огромном массиве правовых актов, обеспечение их доступности, поиск и эффективность их применения базируются на систематизации законодательства. Проведение этой работы основывается на знаниях о системе права и информационных технологиях.

Систематизация законодательства включает в себя кодификацию, инкорпорацию и консолидацию. В основу инкорпорации положен принцип сбора, объединения нормативных правовых актов по признаку регулирования ими определенной области общественных отношений. Основным условием упорядочения и формирования массивов правовой информации являются системный анализ и юридическая обработка правовых актов. От того, как осуществлен анализ правового акта и как проведена его юридическая обработка, зависит возможность его быстрого поиска в базах данных правовой информации.

На практике все государства создают государственные институты, которые создают информационные базы данных базовой правовой информации. В России при Минюсте ведется Федеральный регистр нормативных правовых актов субъектов РФ. Предоставление сведений, содержащихся в федеральном регистре, обеспечивают Федеральное государственное учреждение «Научный центр правовой информации при Минюсте России», главные управления Минюста России по субъектам РФ и управления Минюста России по субъектам РФ. Сведения, содержащиеся в федеральном регистре, предоставляются в документальном и электронном виде, а также через официальный интернет-сайт Минюста РФ [1; 2].

Такая же ситуация в странах СНГ. Вследствие отсутствия государственных информационных разработок и государственных информационно-правовых инфраструктур, потребители информации пользуются информационно-правовыми продуктами, производимыми коммерческими компаниями: в Казахстане – компания «ЮрИнфо», в Кыргызстане – Информационный центр «Токтом», в Украине – частная коммерческая компания Информационно-аналитический центр «Лига».

В дальнем зарубежье существует иная практика распространения правовой информации. В наиболее экономически и политически развитых странах вопросы обеспечения и распространения правовой информации, внедрения информационных и телекоммуникационных технологий в правовую сферу являются предметом государственной политики. В США для решения вопросов обеспечения правовой информацией создаются специализированные государственные учреждения, такие, например, как управление правительственной печати США (U.S. Government Printing Office/GPO). Созданное более 140 лет назад GPO производит и распространяет информационные продукты Федерального Правительства, Конгресса и других федеральных ведомств США [3].

Протекающие процессы правовой информатизации в мире схожи с белорусскими реалиями. Это позволяет говорить о некоторой близости позиций в определении основных направлений развития правовой информатизации, а также в выборе методов ее реализации.

Список использованных источников

1. Об утверждении Положения о порядке ведения Федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации, 29 ноября 2000 г., № 904 : в редакции постановления

Правительства РФ от 20.02.2010 № 72 [Электронный ресурс]. – 2005–2007. – Режим доступа : http://www.jurisconsult.info/index.php?option=com_dbase&task=view_doc&id=1478. – Дата доступа: 16.04.2012.

2. Об утверждении и введении в действие разъяснений по применению Положения о порядке ведения Федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 12 января 2004 г. № 5 [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа : http://www.gomanovaa.ru/r5_4/. – Дата доступа: 15.05.2012.

3. Office of Authentications [Electronic resource]. – The Hague, 2011. – Mode of access: <http://www.state.gov/m/a/auth/>. – Date of access : 04.05.2012.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

А. Н. Фионов

*Белорусский
государственный университет*

Правовая культура является атрибутом, составной частью правовой жизни общества и находится в неразрывной связи с правом. Как право немислимо без правовой культуры, так и правовая культура немислива без права и правовой системы. Правовая культура выступает формой осознания права как специфического явления социальной действительности.

В современных общеправовых исследованиях анализу правовой культуры и ее структурных элементов уделяется недостаточное внимание. Авторы ограничиваются общей характеристикой правовой культуры. Правовая культура личности рассматривается как своеобразная проекция правовой культуры общества. Методологическим истоком такого подхода является слияние правовой культуры с правосознанием, фактическое отождествление индивидуального и общественного правосознания, сознательное игнорирование качественного различия между ними. Учет различий между индивидуальными и общественными формами и проявлениями индивидуального правового сознания, между категориями правовая культура и правосознание – залог успешной, плодотворной теоретической и практической правовой деятельности. Индивидуальное правовое сознание – это сознание индивида, личности, находящейся в фокусе бесконечного многообразия пересекающихся социальных и правовых явлений. Их ассимиляция личностью выражает единство объективного и субъективного в процессе формирования правосознания.

Правовое сознание различных социальных групп и общества в целом, хотя и складывается из правового сознания множества отдельных личностей

и формируется на его основе, не может быть сведено к нему. На уровне общественных форм в правовом сознании отражаются условия не только индивидуальной жизнедеятельности, но и общественное бытие в целом. Выяснение действительной взаимосвязи индивидуального и общественного правосознания в их единстве, взаимообусловленности помогает раскрыть структуру правовой культуры, тенденции и закономерности ее развития.

Правосознание, являясь *важнейшим структурным элементом* правовой культуры, определяет не только ее гносеологический, но аксиологический статус. Правовая культура может рассматриваться в качестве своеобразной проекции культурно-исторического развития общества. Она представляет собой одно из величайших достижений человечества. Правовая культура характеризует достигнутый уровень в правовой организации – как на уровне отдельной личности, так и общества в целом. Она охватывает все ценности, созданные деятельностью людей в области права: правосознание, степень развития законодательства, прогрессивность юридической практики, культуру правового общения.

Правовая культура пронизывает право, правосознание, правовые отношения, складывающийся правопорядок, правовой менталитет нации в целом и отдельных групп населения. В таком понимании правовая культура есть качественное состояние правовой жизни общества. Правовая культура выступает как следствие и показатель зрелости всей правовой системы. Уважительное отношение к праву, правовая информированность о содержании правовых норм, знание, понимание и следование праву – таковы слагаемые, которые позволят искоренить правовой нигилизм в его многообразных проявлениях и формах на уровне всех ветвей государственной власти и отдельной личности. Степень зрелости правовой культуры – важнейший показатель не только правовой, но и социально-нравственной ориентации личности и общества.

Вышеизложенное позволяет сделать выводы: 1) правосознание как социокультурный феномен является формой осознания и познания права как специфической сферы социальной действительности; 2) в системе категорий теории права правосознание выполняет три важнейшие функции: гносеологическую, оценочную и регулятивную; 3) правосознание – важная сфера правовой культуры, показатель развития правовой жизни общества; 4) правовая культура – важнейшее средство в искоренении правового нигилизма; 5) процесс формирования научно-теоретического правосознания и правовой культуры в целом требует системного, целенаправленного и в то же время дифференцированного подхода к правовому всеобучу.

РАЗДЕЛ III

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

IMPACTS OF THE DEVELOPMENT OF URBAN AGGLOMERATIONS ON CHINESE LEGISLATIVE SYSTEM

Chen Guang

*Dalian University
of Technology of China*

Аннотация. Несмотря на то что экономические реформы, прошедшие в Китае за последние 30 лет, весьма значительны, структура органов власти почти не претерпела значительных изменений. Элемент централизации правотворческого процесса неоправданно силен, в связи с чем подавляющее большинство местных органов власти (за исключением собраний народных представителей ряда крупных городов) не имеют сколько-нибудь реально значимой роли в правовом регулировании. Для дальнейшего равномерного развития страны представляется необходимым предоставить местным собраниям народных представителей в городах гораздо более широкие полномочия в нормотворческом процессе.

Introduction. The building and developing of urban agglomerations have been speeding up these years, especially from 2008, more than ten city agglomerations development plans obtained the approval of the State Council which is the highest administrative organ of China. It brings about great impacts on Chinese traditional institutions and social development. Some measures should be taken and some changes must take place in order to get with the development of urban agglomerations. However, things are not so simple. In the article I will discuss the impacts of the development of urban agglomerations on Chinese legislative

system. Maybe from this question, we will become more aware of the difficulty and complexity of Chinese reforms.

1. Basic reasons of urban agglomerations development plans' appearance.

Since 1949, a set of planning system was built up in China. From state power structure to people's ideas, all were adjusted to serve the system. Although economic development became the core task of the state since the reform and open policy was implemented in 1978, and *what has been changed are mainly the government functions rather than state power structure*. In this case, market economy has huge development, but political system or power structure still keeps the planning system model. The powers of government still almost exist in everywhere. In order to get better economic development, all the local governments take the various efforts or measures. They even conduct local protectionism in their policies or legislation. Repeated construction and closed development phenomena are very serious. This development pattern is called *Administrative Division Economy* by some Chinese scholars, which obviously is not helpful for the healthy development of market economy. The appearance of urban agglomerations can be considered as a try to transform the traditional development pattern.

2. Impacts on the Legislative system of China. The development of urban agglomerations can have an important impact on local political system and the traditional power operation mode, because the former needs equal participation and cooperation. As a part of state powers, the legislative power will also be affected, and then the legislative system ought to alter.

There are two types of legislation in China, which are central legislation and local legislation. Each type contains both National People's Congress's legislation and administrative legislation. But not all the local People's congresses (PC) and governments have local legislative powers. Only the provincial and the Large City level PCs and governments have local legislative powers. In each urban agglomeration, only one or two cities belong to the class of Large City, others have no legislative powers. Then the demands of law in the development of urban agglomerations are mainly supplied by central or provincial legislation. The cities that make up each urban agglomeration can do little. It's not a good choice for urban agglomerations' development, because the better is to let all the cities participate or even decide the related legislation actively. *Furthermore, autonomous legislation by urban agglomerations which is based on the cooperation of cities is needed*. But according to current legislative system, almost all cities have no legislative power. Then changes must be made.

In order to obtain better development, urban agglomerations need more autonomy, including some independent legislative powers. But according to current legislative system, central legislative organs have huge legislative powers and local legislative organs nearly have no independent legislative powers. It's necessary to re-allocate legislative powers between central and local legislative organs. Besides, it is also very important to cut state powers and expand public participations during the development process of urban agglomerations.

3. How to make the changes? If we still rely on the traditional legislative system, that is to say, all the needs of law by the development of urban agglomerations are supplied by central and provincial legislation, the urban agglomerations will never gain the autonomous and healthy development. Too large state power is not a good news to the development of urban agglomerations because the latter should take market-oriented economic development pattern. If the state power structure is not changed, the development of urban agglomeration will repeat or continue the low-efficiency and low-participation development path. Possible changes may be to give more autonomy to the cities in order to let them carry out the legislative cooperation, as well as to make the national authority should keep away from some social affairs and allow the public to participate in the cooperation legislation among the cities. We should also try to seek collaboration between the city governments and social organizations and allow the latter to provide some public services. For these things, state legislation had better not intervened directly or only provide legal support or security.

Although the advice may look very wonderful, it is difficult to be carried out. Firstly, all the urban agglomeration plans are worked out by the governments. That means the governments will still play a key role in the urban agglomerations' development. It is very difficult to keep the state organs including the legislative power away. Secondly, the re-allocation of legislative powers is difficult to realize separately because the legislative power is one part of the state power structure in China. The re-allocation of legislative powers cannot come true without the change of state power structure. Thirdly, because of this, the collaboration between the governments and social organizations is hard to do in a short time. The public will still have not enough interest to participate in the development of urban agglomerations besides the legislation as the development or legislation do not have much direct business with them. Finally, we cannot find one way to solve the problems in the development process of urban agglomerations. In other words, things are not so simple and our rationality is limited.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СИСТЕМЫ СОБРАНИЙ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В КНР¹

Лиу Игонг

*Даляньский
государственный университет*

В соответствии с действующей Конституцией КНР система собраний народных представителей является основой политико-государственного устройства современного Китая. Органы государственного управления, органы,

¹ Перевод с китайского языка осуществлен С. Ю. Артемьевым.

осуществляющие правосудие, органы государственного контроля и надзора учреждаются собраниями народных представителей, несут перед ними ответственность и находятся под их контролем. Данная система зародилась в период Второй гражданской революционной войны в Китае (1927–1937 гг.) под влиянием системы Советов, сложившейся к тому времени в СССР, когда в ноябре 1931 г. на территории, контролируемой временным правительством Китайской Советской Республики, было создано первое представительное собрание данного типа на территории современного Китая. С принятием формально первой Конституции КНР в 1954 г. данная система была закреплена и гарантирована в Основном Законе КНР того времени.

Любая система имеет время зарождения, период развития и требует постоянного совершенствования для своего существования. Система собраний народных представителей в КНР не является исключением из данного правила. В течение более 50 лет данная уникальная система положительно зарекомендовала себя, но все же вследствие требований углубленного развития принципов социалистической демократии, необходимости совершенствования государственного строительства на основе принципов правового государства и в условиях все возрастающей политической активности граждан КНР данная система нуждается в совершенствовании. Считаю, что следующие предложения могут способствовать обеспечению более высокого качества законодательной работы:

1. *Необходимость увеличения периода сессионной работы собраний народных представителей.* В соответствии со статистическими данными Межпарламентского союза, полученными на основе анализа данных, представленных 48 государствами мира, количество рабочих дней в течение одной сессии варьируется от 25 до 125 дней. Количество же сессионных дней Всекитайского собрания народных представителей (далее – ВСНП) в среднем равно 10 дням. Самая короткая сессия ВСНП длилась 5 дней, самая продолжительная – 26 дней. Очевидно, с точки зрения продолжительности сессионной формы работы высшего законодательного органа Китай принадлежит к группе стран с наиболее коротким периодом работы [1].

2. *Необходимость сокращения числа народных представителей в целях повышения эффективности работы.* Среднее количество членов законодательных собраний в абсолютном большинстве стран мира не превышает 300 человек. Из 16 стран, в которых количество членов национальных законодательных органов превышает 500 человек, 13 принадлежат к числу стран с бикамеральным устройством органа коллегиальной представительной власти. Число членов ВСНП составляет около 3000 человек. Если принять во внимание действующую в КНР оригинальную систему Lianghui, «два собрания», ВСНП и Народный политический консультативный совет Китая, – то число

людей, участвующих в выработке ключевых политических решений, фактически увеличивается до 6000 человек. Эти цифры негативно сказываются на качестве дискуссии и обсуждения законопроектов (вплоть до их частого фактического отсутствия в ходе заседания ВСНП).

3. *Необходимость перехода к деятельности депутатов ВСНП на профессиональной основе.* Законодательная деятельность является во многом рутинной работой, требующей концентрации и определенного уровня постоянно поддерживаемых знаний и навыков, что нельзя обеспечить, если депутат не занимается депутатской деятельностью на постоянной основе. Данный переход может способствовать увеличению среди депутатов числа лиц, имеющих юридическое образование (в настоящее время только 11 депутатов ВСНП имеют высшее юридическое образование). С данным вопросом очень тесно связана проблема практического становления системы собраний народных представителей: усиливающаяся тенденция увеличения количества партийного и государственного руководства в составе ВСНП. Учитывая контрольные функции ВСНП и во избежание конфликта интересов, по мнению ряда конституционалистов, необходимо ввести юридический запрет в отношении возможности совмещения ряда должностей и членства в ВСНП [6].

4. *Необходимость перехода к прямым выборам депутатов всех уровней.* Проблемным элементом конституционно-правового статуса собраний народных представителей в КНР является ограниченность использования механизма прямых выборов (в первом акте конституционного характера Нового Китая в 1949 г., кстати, закреплялось повсеместное использование механизма прямых выборов собраний всех уровней). Отчасти переход к прямым выборам постепенно находит сторонников в Китае, так ожидается использование механизма прямых выборов к 2020 г. при формировании законодательного органа Сянган.

Полагаю, что реализация данных предложений может привести к исчезновению политического феномена функционирования органов народного представительства в КНР, когда некоторые депутаты публично выражали радость в связи с тем, что они никогда не голосовали против представленных на голосование проектов решений.

Список использованных источников

1. *Li, Lin.* Jianchi he wanmei quanguo rendade huiqi zhidu // Biejing lianhe daxue xuebao. – 2005. – № 3. – С. 5–11.
2. *Cai, Dingjian.* Renmin daibaio dahui zhidu gaige yu xianzheng fazhan [Digital resource] // Mode of access : <http://www.chinainnovations.org/Item.aspx?id=28111>. – Date of access : 20.04.2012.

МЕХАНИЗМЫ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОГО ПОРЯДКА

А. Н. Пугачев

*Полоцкий
государственный университет*

Основной Закон можно считать базой текущего законодательства, так как в нем заложены различные механизмы, предусматривающие возможность и необходимость развития конституционных положений. В Конституции Беларуси (далее – Конституция) упоминается около 100 иных нормативных актах и ссылок на них, а инициирование правового регулирования достигается разными приемами и способами.

1. Часто Конституция прямо указывает виды законов, требуемых для детального регулирования определенных вопросов. Это законы о статусе города Минска (ст. 20), о чрезвычайном и военном положении (ст. 41), о порядке проведения выборов (ст. 71) и др. Эти законы в зарубежных странах получили название конституционных либо органических. Ряд законов, предусмотренных Конституцией, не принят до сего времени (2012 г.). Один из таких законов должен регулировать «порядок прохождения воинской службы, основания и условия освобождения от воинской службы либо замену ее альтернативной» (ст. 57). Первым законом, принятым в развитие Конституции 1994 года, был Закон «О Конституционном Суде Республики Беларусь».

2. Нередко в Конституции содержится указание на то, что определенные общественные отношения регулируются законом, но при этом ничего не говорится о его наименовании либо содержании. В статье 50 предусмотрено, что «оскорбление национального достоинства преследуется согласно закону».

3. Реже говорится о необходимости дополнительного регулирования общественных отношений либо закрепления гарантий для их участников в акте текущего законодательства, оставляя на последующее разрешение вопроса о виде акта и принимающем его органе. Так, согласно ч. 3 ст. 9 «Административно-территориальное деление государства определяется законодательством».

4. В Конституции могут содержаться формулировки статей, из которых очевидна обязательность последующего нормативного регулирования, обеспечивающего реализацию конституционной нормы. Согласно ст. 23 «ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц». Применение этой нормы без специального закона невозможно.

5. Конституция говорит о том, что права и интересы граждан гарантируются либо охраняются законом, а соответствующие действия органов и

должностных лиц регулируются законом. Статья 22 гласит: «Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов». Имеется в виду не отдельный акт в виде закона, а любой нормативный акт действующей системы законодательства. Такая норма нуждается именно в расширительном толковании. Становится понятным, почему Конституцию называют «ядром правовой системы государства», ведь ее принципы и нормы играют направляющую роль для всей системы права и законодательства. Конституция определяет сам процесс правотворчества – устанавливает, какие основные акты принимают различные органы, каковы их наименования, юридическая сила, порядок и процедура принятия [1, с. 70]. Не случайно принятие новой Конституции влечет изменение и обновление всего законодательства.

Практически во всех случаях конституционное регулирование сопровождается воздействием комплекса правовых норм, относящихся к различным отраслям права, однако «Конституция не должна утрачивать ведущей роли в этом общем потоке правового регулирования, <...> именно она формирует основу нормативной модели общественных отношений <...>. Это своего рода несущая конструкция, на которой строится практически все законодательство» [2, с. 79]. Нормы всех актов, принятых на основе и в развитие конституции, должны конкретизировать конституционные положения, чтобы создать дополнительные условия их реализации.

В современных условиях вырабатывается новое понимание того, как и за счет чего должна развиваться база текущего законодательства на основе Конституции. Следует учитывать не только правотворчество «традиционных» нормотворческих органов (парламента, президента, правительства). С развитием в Европе и постсоветских республиках судебного конституционного контроля нормы и принципы Конституции стали активнее внедряться в отраслевое законодательство при помощи нормоконтрольной и интерпретационной деятельности органов конституционного правосудия. Большое значение для нормотворческой деятельности и гармонизации законодательства имеют «правовые позиции», формулируемые конституционными судами по самым существенным конституционным вопросам.

Отсутствие у Конституционного Суда Республики Беларусь официального полномочия по нормативному толкованию Конституции «обедняет» его потенциал. Такое полномочие и соответствующий богатый опыт имеют конституционные суды Австрии, Германии, Польши, России. Удручает и тот факт, что с 2007 г. Конституционный Суд Беларуси не вынес ни одного заключения в рамках осуществления своей основной функции – нормоконтроля, хотя ежегодно к этому имелось немало оснований.

Проблема соотношения Конституции и текущего законодательства не имеет однозначного решения, многое зависит не только от юридических, но и иных факторов и состояний: политической воли ведущих субъектов,

объема компетенции и степени его реализации государственными органами, правовой культуры общества, социально-экономических условий, уровня интегрированности в европейское правовое и политическое пространство. Насколько Конституция выступает базой текущего законодательства, настолько она является «живым», реально действующим, а не фиктивным документом, содержащим в себе набор красивых лозунгов и деклараций.

Список использованных источников

1. Козлова, Е. И. Конституционное право России : учебник / Е. И. Козлова, О. Е. Куцафин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : ТК Велби; Проспект, 2007. – 608 с.
2. Лучин, В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации / В. О. Лучин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.

ИСТОЧНИКИ СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА: К ПРОБЛЕМЕ КОНВЕРГЕНЦИИ

В. В. Сажина

*Академия управления при Президенте
Республики Беларусь*

Категория «источник права» является одной из фундаментальных в правовой науке, что объясняет отсутствие единого подхода к ее определению. Г. Ф. Шершеневич указывал, что под источником права могут подразумеваться а) силы, творящие право; б) материальные силы, положенные в основу законодательства; в) исторические памятники, имевшие когда-то силу действующего права; г) средства познания действующего права [1, с. 368]. По мнению С. Ф. Кечежяна, «источник права – это не более как образ, который должен скорее помочь пониманию, чем дать понимание того, что обозначается этим выражением» [2, с. 5]. С. И. Вильянский одним из первых в советской правовой науке выделил источники права в материальном и формальном смысле, подразумевая под первыми условия жизни общества, а под вторыми – нормы права [3, с. 64]. С. С. Алексеев, указывая на целесообразность использования понятия «источник права», писал, что «юридический источник права, взятый в содержательно-документальном ракурсе, то есть как носитель юридических норм, и есть форма существования права» [4, с. 213]. С. Л. Зивс отмечал, что споры среди представителей общей теории права не затронули отраслевых юридических наук. Их представители, анализируя систему нормативных актов конкретной отрасли права, используют термин «источники права». Упомянутый термин обладает тем преимуществом, что, являясь термином специальным

и условным, не претендует на предельную точность, но является удобным в употреблении [5, с. 21].

В литературе, посвященной анализу источников права отдельных отраслей, не дается общего определения понятия, зато позитивно излагается вопрос о нормативных правовых актах, обычаях и прочих явлениях, относимых к источникам права – в силу традиции, установившейся еще со времен Тита Ливия, назвавшего Законы XII таблиц «источником всего римского права». Не является исключением и право конституционное, не имеющее универсального определения отраслевых источников права. В силу этого в различных странах к источникам конституционного права относят широкий круг правовых явлений.

При всей условности перечня основных источников конституционного права в рамках континентальной правовой семьи и семьи общего права его можно представить в обобщенном виде: конституции, конституционные законы, органические законы, референдарные законы, обычные законы, делегированные законы, нормативные акты глав государств, акты муниципального нормотворчества, конституционные соглашения (обычаи), судебные прецеденты, акты толкования норм конституций и законов, нормы религиозного (канонического, мусульманского) права, доктрина. В России источники конституционного права – это Конституция, законы (федеральные и субъектов федерации), договоры (в том числе международные), соглашения, декларации, подзаконные акты (в том числе акты президента), акты Конституционного суда, акты органов местного управления и самоуправления, судебные решения.

В Беларуси, по мнению Г. А. Василевича, к таковым можно отнести Конституцию, конституционные законы, включая акты о толковании Конституции (ст. 140 Конституции), международные договоры, ставшие обязательными для Республики Беларусь (ст. 8, 116 Конституции), программные законы (к ним следовало бы отнести и закон о бюджете), кодексы, обычные законы, декреты, указы Президента, постановления Правительства, заключения Конституционного Суда, акты министерств, исходя из их компетенции, акты органов местного управления и самоуправления [6, с. 16].

Проблема источниковедения заключается не только и не столько в расширении или сужении перечня источников конституционного права конкретной страны. Она предполагает решение вопроса о конвергенции тех или иных источников в изначально «чуждую» им культурно-правовую среду. Это касается такого источника, как судебная практика, о которой в последнее время много говорят в юридических сообществах разных стран континентальной Европы, в том числе и в нашей стране. Распространено мнение о том, что как только высшие суды в отдельных странах получили право толкования норм Конституции и законов, они *de facto* перешли к постепенному признанию судебной практики в качестве источника права.

Не вызывает сомнений то, что судебный прецедент в его классическом определении пока не является источником конституционного права в боль-

шинстве стран континентальной Европы. Вместе с тем движение по пути становления прецедентного права в «нетипичных» странах – выделение судебных решений в целом (Россия) или заключений Конституционного Суда (Беларусь) в частности как источников права – оправданно и своевременно. Это обусловлено тем, что выработка единообразных принципов влияния позиций высших судов на все расширяющуюся сферу регулируемых ими социальных отношений как нельзя актуальна в наши дни.

Список использованных источников

1. *Шершеневич, Г. Ф.* Общая теория права (по изд. 1911 г.) / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Норма, 2004. – 512 с.
2. *Кечекьян, С. Ф.* О понятии источника права // Ученые записки МГУ : труды юридического факультета / С. Ф. Кечекьян. – 1946. – Вып. 116. – С. 3–25.
3. *Вильнянский, С. И.* К вопросу об источниках советского права // Проблемы социалистического права / С. И. Вильнянский. – 1939. – № 4–5. – С. 63–65.
4. *Алексеев, С. С.* Общая теория права: в 2 т. / С. С. Алексеев – М. : Юридическая литература, 1981. – Т. 2. – 360 с.
5. *Зивс, С. Л.* Источники права / С. Л. Зивс. – М. : Наука, 1981. – 230 с.
6. *Василевич, Г. А.* Конституционное право Республики Беларусь : учебник / Г. А. Василевич. – Минск : Книжный Дом ; Интерпрессервис, 2003. – 832 с.

О ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. В. Шавцова

*Белорусский
государственный университет*

Изменение и развитие белорусского общества, совершенствование институтов прямой и представительной демократии, подлинная реализация власти народом Беларуси должны быть основой формирования и развития эффективной модели организации государственной власти, проведения социально-ориентированной государственной политики, совершенствования правовой системы, последовательного и стабильного процветания Беларуси и белорусского народа. Важным направлением развития современной белорусской правовой науки является теоретическое исследование понятия «гражданское общество», его содержания, признаков и институтов, определение основных тенденций и перспектив развития гражданского общества как важнейшего компонента и вместе с тем инструмента формирования и совершенствования демократии, ее видов и форм реализации. Исследования позволяют сделать следующие выводы:

1) в современной правовой науке отсутствует комплексное межотраслевое исследование, направленное на выработку единого понимания правовой природы гражданского общества, основных тенденций его развития;

2) в литературе понятие «гражданское общество» и его содержание, в первую очередь, являются предметом исследования общей теории права и конституционного права;

3) белорусская правовая наука в настоящее время формирует представления о природе и содержании гражданского общества, в литературе ведется активная дискуссия преимущественно относительно самого понятия «гражданское общество» и его содержания, а также его элементов и их влияния на политическую систему, функционирования институтов прямой и представительной демократии;

4) в национальном законодательстве отсутствует комплексное правовое регулирование гражданского общества, его элементов, институтов, основных направлений развития и совершенствования, а также механизма функционирования, влияния на политическую систему и взаимодействия с ней;

5) тесная взаимосвязь политической системы, ее элементов и гражданского общества, его институтов позволяют законодателю осуществлять их общее правовое регулирование в законодательстве, вместе с тем основные институты гражданского общества следует рассматривать как самостоятельные, обладающие специфическими признаками и чертами, что позволяет выделить их в отдельный предмет и требует их правового закрепления, регулирования, обеспечения;

6) с целью дальнейшего развития гражданского общества и его элементов целесообразно разработать и принять Закон «О гражданском обществе в Республике Беларусь»;

7) ведущие отечественные ученые, например С. Г. Дробязко и В. С. Козлов, указывают на необходимость более четкого разграничения гражданского общества, основанного на свободе каждого члена общества, равенстве его с другими, самостоятельности каждого гражданина как члена общества и государства как области публичной власти;

8) важным направлением исследования является изучение институтов, субъектов гражданского общества, его многоуровневого, многокомпонентного характера, при этом ученые обращают внимание не только на условия взаимодействия и взаимовлияния человека, общества и государства, но в большей степени на субъектов гражданского общества, его участников, элементы, а также характер их влияния на общественно-политические отношения. Большая часть ученых стремится определить круг участников гражданского общества, вместе с тем почти все авторы подчеркивают, что приоритетным направлением развития общества и государства должен быть человек, его права и свободы;

9) в определении гражданского общества нередко уточняется, конкретизируется область общественных отношений, в которых функционируют элементы и институты гражданского общества. С. Г. Дробязко и В. С. Козлов подчеркивают, что в гражданском обществе реализуется свободная воля личности; ее частные интересы во всех областях жизни и деятельности, но прежде всего и главным образом в определяющей сфере – экономической¹. А. В. Демин определяет сферу влияния гражданского общества как систему независимых от государства экономических, социальных, культурологических лично-индивидуальных отношений; О. Самородний утверждает, что понятие «гражданское общество» включает всю совокупность общественных отношений вне рамок политической структуры государства: экономических, национальных, религиозных, духовно-нравственных, семейных, культурных и т. д. А. В. Одинцова определяет гражданское общество как совокупность общественных отношений (экономических, социальных, политических) формальных и неформальных структур, в рамках которых имеет место удовлетворение многообразных исторически обусловленных потребностей и реализация интересов индивидов и их групп;

10) исследование признаков, сущностных черт гражданского общества наиболее близко по своему характеру и содержанию к явлениям демократии;

11) в правовой науке имеет место расхождение в характеристике основных признаков и черт гражданского общества. С. Г. Дробязко и В. С. Козлов не только называют, но и раскрывают их, делая акцент на наиболее важный признак – верховенство права, закона.

Таким образом, проведенные исследования позволяют сделать вывод о необходимости комплексного, системного анализа понятия, содержания, элементов, субъектов гражданского общества, совершенствования их правовой регламентации, а также механизмов взаимодействия и влияния на политическую систему и организацию и функционирование государственной власти. В этой связи представляется весьма удачным вывод С. Г. Дробязко и В. С. Козлова о том, что «три основных критерия предопределяют наличие гражданского общества – политический, юридический, социально-экономический. Политическим показателем гражданского общества является наличие демократического режима осуществления государственной власти, юридическим – правового законодательства, социально-экономическим – среднего класса»².

¹ Дробязко С. Г., Козлов В. С. Общая теория права : учеб. пособие для вузов. 4-е изд., испр. и доп. Минск : Амалфея, 2010. С. 141.

² Дробязко С. Г., Козлов В. С. Общая теория права : учеб. пособие для вузов. 4-е изд., испр. и доп. Минск : Амалфея, 2010. С. 144.

О КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СОДЕРЖАНИЕ И ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Н. М. Кондратович

Белорусский
государственный университет

Как свидетельствует мировой опыт, абсолютно неизменяемых конституций в мире не существует. Самые стабильные и старейшие конституции в мире – Конституция США 1787 г. и Конституция Норвегии 1814 г. – подвергались изменениям не единожды, но все они не затрагивали базисных конституционных принципов. Политическая Конституция Мексиканских Соединенных Штатов 1917 г. в разделе 9 провозглашает *нерушимость Конституции* (ст. 136), «даже если ее действие нарушено восстанием», но и она изменялась неоднократно, только ст. 123 изменялась более 50 раз [1]. Стабильность не означает неизменности конституции. Как справедливо было отмечено еще в Конституции Франции 1793 г.: «Народ всегда сохраняет за собой право пересмотра, преобразования и изменения своей конституции. Ни одно поколение не может подчинить своим законам поколение будущее». Благодаря диалектическому единству стабильности и подвижности конституция сохраняет реальность [2, с. 61].

Следует различать крупномасштабные конституционные реформы, затрагивающие фундаментальные положения основного закона, связанные с изменением ключевых характеристик общественного и государственного строя, и реформы, развивающие базисные положения конституции, уточняющие их смысл и содержание. Такого рода реформы, обусловленные крушением социалистической системы, были проведены в странах Центральной и Восточной Европы, на постсоветском пространстве в конце 80–90-х гг. XX в. В новых конституциях нашли закрепление принципиальные позиции: отказ от социалистической модели общественного развития; признание идеологического и политического плюрализма; признание концепции разделения властей как условия построения правового государства; формирование новой модели социально-экономического развития; защита прав и свобод человека и гражданина, взаимная ответственность личности и государства и ряд иных важных положений.

Стартовые возможности у всех республик, входивших в состав СССР, были практически одинаковые, а пути решения – разные. Возрождение национальной государственности имело свои особенности в каждой стране. В России в период с 1990 по 1992 г. в Конституцию РСФСР 1978 г. было внесено более 500 поправок. Большинство из них были редакционными, но были и принципиальные поправки, исключившие руководящую роль коммунистической партии, изменившие систему органов власти, установившие новые

принципы экономической деятельности и др. В результате по существу была создана иная Конституция, прежняя конституционная стабильность отвергнута, а в 1993 г. принята новая Конституция [3, с. 10]. Грузия до принятия новой Конституции в 1995 г. приостановила действие Конституции Грузинской ССР 1978 г. и восстановила действие Конституции досоветского периода 1921 г. После обретения независимости в 1991 г. Латвия восстановила действие своей первой Конституции 1922 г., в отличие от Литвы и Эстонии, которые приняли в 1992 г. новые конституции. В 1994 и 1996 гг. в Конституцию Латвии 1922 г. был внесен ряд изменений, а в октябре 1998 г. Сейм дополнил Конституцию новым разделом, содержащим нормы о правах человека и положения о латышском языке как единственном государственном.

Конституция Кыргызстана 1993 г. изменялась и дополнялась 7 раз – в 1994, 1996, 1998, 2003, 2006, в январе и октябре 2007 г. Все эти изменения были связаны с правовым регулированием полномочий и взаимоотношений между президентом и парламентом. Анализируя эти реформы, можно сказать, что отмененные сначала многие положения были восстановлены позднее. Новая Конституция Кыргызстана от 27 июня 2010 г. кардинально изменила систему организации высшей власти в этой стране на систему, приближенную к парламентарной республике, но «сохранила угрозу противостояния между парламентом и всенародно избранным президентом» [4, с. 76].

Конституция Туркменистана 1992 г. претерпела изменения и дополнения в 1995, 1999, 2003, 2005–2006 гг., новая редакция конституции была принята 26 сентября 2008 г. Основным лейтмотивом данной реформы является перераспределение компетенции между органами исполнительной и законодательной власти в пользу расширения полномочий парламента. В статье 116 новой редакции Конституции провозглашено, что «положения конституции о государственном правлении в форме президентской республики не могут быть изменены».

Парламент Грузии 15 октября 2010 г. принял Закон «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Грузии», согласно которому с 2013 г. президентская модель государственного управления будет заменена парламентарной. Этот путь был уже избран Кыргызстаном и Молдовой.

Закон «О внесении изменений в Конституцию Украины» (о политической реформе), принятый Верховной Радой 8 декабря 2004 г., предусматривал переход от президентско-парламентарной к парламентско-президентской форме правления. Реформа Конституции Украины в 2004 г. была во многом формой компромисса во время «оранжевой революции». Конституционный суд Украины в своем решении от 30 сентября 2010 г. № 20-РП признал незаконной конституционную реформу 2004 г. и обязал органы государственной власти в неотложном порядке привести нормативно-правовые акты в соответствие с Конституцией Украины в предыдущей редакции 1996 г. В феврале 2011 г. Президент Украины поддержал инициативу о создании Конституционной ассамблеи для подготовки изменений в Конституцию.

Наиболее стабильна на этом фоне Конституция РФ 1993 г. Поправки в нее вносились лишь единожды, они не затронули основ конституционного строя. По инициативе Президента РФ в ноябре 2008 г. были инициированы поправки к Конституции об изменении сроков полномочий Президента (с 4 лет до 6) и Государственной Думы (с 4 лет до 5), а также о контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства РФ.

Многие конституционные реформы, проводимые в последние годы, направлены как на достижение сиюминутных политических целей, так и на расширение демократических норм. Интенсивность конституционных реформ в постсоветских республиках свидетельствует о том, что в большинстве стран данного региона не сформировались необходимые внутривластные и социально-экономические условия для воплощения в жизнь принципиальных демократических конституционных основ. Многочисленные конституционные преобразования подрывают авторитет права, снижают его престиж. Стабильность любой конституции обеспечивается во многом устойчивостью власти, ее общественной поддержкой, поступательным развитием экономики, совпадением требований конституции и ожиданий общества.

Список использованных источников

1. Конституции государств Америки : в 3 т. / под ред. Т. Я. Хабриевой. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2006. – Т. 1 : Северная и Центральная Америка. – 832 с.
2. Государственное право Российской Федерации / под ред. О. Е. Кутафина. – М., 1996. – 261 с.
3. *Хабриева, Т. Я.* Стабильность Конституции Российской Федерации и реформы : доклад на научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции РФ. Москва. Кремль. 12 декабря 2008 г. / Т. Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2008. – Вып. 4 (№ 15). – С. 10–13.
4. *Искакова, Г. Т.* Влияние изменений Конституции в Кыргызстане на правовое регулирование взаимоотношений между президентом и парламентом / Г. Т. Искакова // Государство и право. – 2011. – № 8. – С. 67–76.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А. М. Боголейко

*Белорусский
государственный университет*

Проблема реализации конституционно-правовой ответственности чрезвычайно важна. Благодаря действию процессуальных норм исполняются предписания норм материальных. Недостаточное развитие процессуальных форм

реализации конституционно-правовой ответственности является одной из причин ее неэффективности и непопулярности. От четкой регламентации процедуры реализации юридической ответственности зависит действие принципа законности.

Процедура привлечения к конституционно-правовой ответственности представляет собой определенный порядок возбуждения и разрешения вопроса об ответственности виновных субъектов конституционных правоотношений, предусмотренный законодательством и осуществляемый уполномоченными на то правоприменительными субъектами.

Характерным для конституционно-правовой ответственности является отсутствие единого порядка применения ее санкций, в отличие от иных отраслевых видов юридической ответственности. Порядок привлечения к ответственности специфичен для каждого субъекта и различается в зависимости от меры ответственности за совершенное правонарушение.

Анализ законодательства Республики Беларусь показывает, что существует несколько способов привлечения к конституционно-правовой ответственности: 1) судебный (либо квазисудебный) порядок. В этом порядке осуществляется смещение Президента с должности, ликвидируются политические партии, общественные объединения и иные организации, принимается решение о приостановлении их деятельности, прекращается выпуск средства массовой информации; 2) привлечение к ответственности компетентным государственным органом или должностным лицом (несудебный (административный) порядок). Это наиболее распространенная процедура, которая применяется в отношении палат Парламента, Правительства, местных Советов депутатов и органов территориального общественного самоуправления, участников избирательного процесса, при освобождении от должности судей, иных государственных служащих, отзыве членов Совета Республики. В таком порядке производится принятие решений о привлечении к конституционно-правовой ответственности физических лиц; 3) использование форм непосредственной демократии (например, при отзыве депутата Палаты представителей или местного Совета депутатов, прекращении полномочий органа территориального общественного самоуправления или его члена). Последний способ присущ только конституционно-правовой ответственности, что красноречиво указывает на ее уникальную особенность. К слову, только в некоторых странах предусмотрена возможность решения на референдуме вопроса об ответственности главы государства (Австрия, Исландия, Румыния) или о роспуске парламента (Австрия, Латвия, Лихтенштейн). Однако такой порядок сопряжен с некоторыми трудностями, поскольку избиратели как инстанция ответственности не всегда в состоянии дать квалифицированную юридическую оценку нарушению правовых норм и могут основываться только на совсем субъективном отношении к субъекту правонарушения.

Субъектами, обладающими инициативой возбуждения вопроса о привлечении к конституционно-правовой ответственности, могут выступать различные органы и должностные лица, которые, как правило, и выступают инстанцией ответственности (например, в избирательных правоотношениях или в производстве по вопросам гражданства). В случае их несовпадения определение инициаторов – субъектов, наделенных правом ставить вопрос о применении конституционно-правовых санкций, – может соотноситься с принципом разделения властей или принципом народовластия.

Полагаем, заслуживает внимания вопрос о расширении компетенции Конституционного Суда и наделении его функциями по участию в процедуре привлечения к конституционно-правовой ответственности на этапе расследования обстоятельств дела. Например, предусмотреть в качестве обязательного условия до принятия окончательного решения вопроса об ответственности мнения Конституционного Суда по факту нарушения Конституции отдельными субъектами конституционных правоотношений (членами Правительства, членами Центральной комиссии, депутатами, членами Совета Республики до начала процедуры их отзыва, судьями). Также считаем целесообразным предоставление Конституционному Суду права давать оценку деятельности политической партии, общественного объединения, иной организации, как преследующей антиконституционные цели, или установлению экстремистского характера такой деятельности до их ликвидации (прекращения деятельности) Верховным Судом.

Существенным недостатком абсолютного большинства процедур привлечения субъектов к конституционно-правовой ответственности, предусмотренных действующим законодательством, является отсутствие процессуальных сроков. Как правило, не определены, как временные рамки каждой из стадий реализации ответственности, так и сроки, в течение которых в отношении субъекта можно применить конституционно-правовые санкции. В этой связи можно предложить установить общий срок на принятие решения в течение одного месяца, который согласуется со сроками, имеющимися при принятии решений по делам в отношении политических партий, общественных объединений и иных организаций, а также сроком рассмотрения обращений граждан и юридических лиц при необходимости проведения дополнительной проверки.

Также целесообразно закрепить не только продолжительность стадий привлечения к ответственности, применительно к каждой имеющейся процедуре, но и установить срок давности, в течение которого субъекта можно привлечь к ответственности после совершения им правонарушения или установления факта нарушения, устанавливающегося с учетом статуса субъекта, тяжести совершенного правонарушения и его последствий.

СТАНОВЛЕНИЕ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В УКРАИНЕ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ БИКАМЕРАЛИЗМА

Л. И. Балыкина

Университет
экономики и права «КРОК»

Введение. В мировой истории парламентаризма зафиксированы единичные случаи многопалатных парламентов (в союзной скупщине Социалистической Федеративной Республики Югославии – шесть палат, в парламенте Южно-Африканской Республики – три). При этом тенденцией является устойчивый процесс формирования двухпалатных парламентов, как в федеративных, так и в унитарных государствах. Реформирование структуры законодательного органа в Украине, создание двух палат, продолжается с момента провозглашения независимости. Формирование двухпалатной Верховной Рады Украины является одной из составляющих назревшей конституционной реформы. Этот фактор непосредственно будет иметь влияние на развитие парламентаризма в нашей стране. А. Любченко отмечает, что бикамерализм обуславливается в Украине, такими факторами: «1) необходимостью кардинального реформирования властных структур с целью улучшения качества решений законодателя, 2) необходимостью конституционных изменений как противовеса политическому произволу и бизнес-лоббизма, 3) необходимостью регионального представительства в парламентских структурах с целью преодоления раскола общества» [1].

Исследуя политический режим Республики Беларусь, И. Недокус отмечал важность понимания белорусских политических процессов, так как это является отражением процессов и в других постсоветских государствах. «Противоречивый и дискуссионный белорусский опыт политических и социально-экономических трансформаций может также послужить «экспериментальным полем» поиска дальнейших путей проведения назревших реформ в странах бывшего СССР. Немалое значение перспективы реформирования политического режима Республики Беларусь имеют и для мировых и европейских интеграционных процессов, системы безопасности, геополитической стабильности на постсоветском пространстве» [2, с. 1–2]. Важно отметить, что учитывать зарубежный опыт необходимо, но политический прогресс в Украине и Республике Беларусь должен иметь национальный характер.

Основная часть. Вопрос об оптимальной структуре парламента в Украине возник с момента провозглашения независимости государства. Автор считает, что необходимо уделить внимание оптимальной структуре Верховной Рады Украины, анализируя опыт Беларуси. Модель Национального собрания Бела-

руси имеет бикамеральную структуру, более удачную форму парламента, по мнению автора. Идея двухпалатного парламента в Украине впервые возникла еще в проекте Конституции 1992 г. (как альтернатива монокамерной) [3]. С тех пор такой вопрос возникает как составная конституционной реформы в общественном мнении, политических инициативах.

Возникновение профессионального двухпалатного парламента и его распространение в мире связывают с Англией. Формирование бикамерального законодательного органа в этой стране связано с поиском социальных компромиссов, более справедливой и равноправной репрезентации в парламенте интересов разных социальных слоев общества и групп. Несмотря на эффективную работу парламента Великобритании, выделяют как положительные, так и отрицательные стороны бикамерализма. Минг Минг Лиу в своей статье «Анализ бикамерализма, включая за и против» выделяет следующие характеристики двухпалатного законодательного органа.

В пользу бикамерального парламента приводятся такие аргументы. Во-первых, такая структура законодательного органа помогает сбалансировать государственные вопросы с вопросами местного значения. Верхняя палата представляет такой спектр граждан, особое внимание которых обращено к определенному кругу вопросов. Нижняя палата представляет собой узкий круг граждан, что помогает сосредоточиться на местных проблемах.

Во-вторых, такая структура законодательной власти может сбалансировать интересы большинства и права меньшинства, в сущности, препятствуя тирании большинства, поскольку нижняя палата представляет собой узкий круг людей, что облегчает меньшинству избрание своих представителей. Если бы была только верхняя палата, меньшинству было бы трудно собрать достаточно сил, чтобы завоевать большинство и быть избранными. Таким образом, представители могут специализироваться на вопросах избирателей. Наличие верхней палаты может помочь справиться с более широким кругом вопросов, с которыми сталкивается население в целом. Нижняя палата будет иметь трудности с вопросами более широкого значения, потому что она «страдает» от представительства разных интересов. Бикамеральный парламент также помогает стабилизировать политический заказ. С помощью бикамерализма законодательный орган не всевластен, его деятельность может быть ограничена исполнительной ветвью власти посредством права «вето».

Минг Минг Лиу отмечает также и ряд побочных эффектов в функционировании двухпалатного законодательного органа. В первую очередь отмечается неэффективность. Наличие двух палат осложняет достижение консенсуса в принятии единого решения. Это делает законодательный процесс крайне медленным и трудоемким. Голосование по определенному закону, как правило, требует месяцы обсуждения, чтобы пройти процедуру принятия.

Негативным отличием бикамерализма является то, что в современном виде бикамерализм уничтожает идею всеобщего избирательного права. От-

дельные группы имеют большее влияние на законодательный процесс, чем другие. В США в Сенат избирается по два представителя от штата. Проблема заключается в том, что густота населения в каждом штате разная, и количество избирателей на одного представителя соответственно разнится. Также бикамеральный законодательный орган более дорогой в обслуживании. Вторая палата значительно увеличивает общие расходы на законодательный орган. Тем не менее для промышленно развитых стран эта сумма незначительна по сравнению с общим бюджетом. Фактор стоимости не может быть значительным для национальных правительств, но он может играть более заметную роль для местных органов власти [4].

Несмотря на приведенные выше отдельные отрицательные последствия бикамерализма, создание второй палаты отображает больше положительных результатов в деятельности законодательной власти и, как следствие, развитие демократии в странах, чей опыт был отмечен ранее.

В. Герье в работе «О конституции и парламентаризме в России» 1906 г. отметил, что еще Монтескье «мотивировал нужду особой верхней палаты необходимостью предоставить меньшинству гарантии против деспотизма большинства избирателей; такие же гарантии необходимы партиям против деспотизма господствующей партии, которая часто сама держится только партийным деспотизмом над своими членами. Даже сама палата представителей при единодушии нуждается в гарантиях против собственной опрометчивости в случае слишком быстро проведенных, а иногда и случайных постановлений. Недаром вожди либеральной оппозиции при июльской монархии, Тьер и Одильон Барро, говорили: “Одна палата – деспотизм, две палаты – свобода”. Барро утверждал, что только существование противовеса и постоянная критика может спасти демократию “от самого себя”» [5, с. 16].

Обосновывая необходимость внедрения двухпалатного парламента в Украине, целесообразно вспомнить, что законодательное закрепление бикамеральной структуры Верховной Рады, которая состояла из Палаты депутатов и Сената, имело место и в проекте Конституции Украины. Однако при рассмотрении проекта Конституции Украины в первом чтении, Верховной Радой было принято решение об однопалатном парламенте. Обсуждение бикамеральной структуры парламента вновь возобновились на Всеукраинском референдуме 2000 г., один из вопросов которого был посвящен оценке целесообразности формирования двухпалатности. Вопрос формулировался в следующей редакции: «Поддерживаете ли Вы необходимость формирования двухпалатного парламента в Украине, одна из палат которого представляла бы интересы регионов Украины и способствовала бы их реализации, и внесение соответствующих изменений в Конституцию Украины и избирательное законодательство?» За поддержку этого вопроса проголосовало около 82 % избирателей, но на практике внедрение результатов Всеукраинского референдума, имплементация их в нормативно-правовые акты не состоялась.

В условиях современной Беларуси в институциональном плане наиболее оправданной является двухпалатная система законодательного органа. В статье 90 Конституции Республики Беларусь закреплено, что Парламент состоит из двух палат – Палаты представителей и Совета Республики [6]. Палата представителей представляет интересы всех граждан Беларуси. Совет Республики является палатой территориального представительства. Деятельность Совета Республики направлена на обеспечение принятия более качественных, тщательно проработанных законов. Приоритетное направление совершенствования этого института в Беларуси – увеличение реального объема его полномочий, превращения трибуны парламента в настоящий форум для разработки и обсуждения стратегии развития страны, всех ключевых составляющих внутренней и внешней политики государства. Чрезвычайную важность имеет расширение функций контроля Парламента государственными институтами и вообще всей исполнительной властью. Существенное значение приобретает влияние парламента на исполнительную власть. В первую очередь логично возникает вопрос о праве парламента, с четко очерченными механизмами, регулярно заслушивать доклады и отчеты представителей исполнительной власти об их программах. Следующий элемент – реальная возможность создавать специальные комиссии и проводить расследования деятельности высших должностных лиц. Важнейший шаг – передача Парламенту права назначать главу Национального Банка. Контрольные функции Парламента существенно расширились бы при переходе к нему права назначения председателя Государственного контроля и Генерального прокурора. Желательно, чтобы назначение Совета Министров происходило после согласования с высшим законодательным органом. В результате были бы в наибольшей степени достигнуты необходимые обществу стабильность и согласованность внутренней и внешней политики государства. Перечисленные выше вопросы, с которыми сталкивается Национальное собрание Республики Беларусь, не умаляют эффективности двухпалатного законодательного органа в становлении правового и демократического государства.

Однако есть и противники бикамеральной структуры парламента в Беларуси. А. Фадеев считает, что главным недостатком политического устройства Беларуси является наличие двухпалатного парламента. «Национальное собрание Республики Беларусь, как известно, состоит из двух палат – Совета Республики и Палаты представителей, однако двухпалатная конструкция законодательных органов больше подходит для больших стран (или межправительственных организаций) с федеративным устройством, где субъекты федерации (республики, штаты, заморские территории, кантоны и пр.) имеют возможность представлять собственные интересы через своих представителей в верхней палате. В 143-ти млн. России, например, эта важнейшая функция возложена на Совет Федерации, члены которого представляют 21 республику (от Адыгеи до Чувашии), 6 краев, 50 областей (включая одну автономную), а также

10 автономных округов. В случае с Беларусью, которая является унитарным государством, Совет Республики, состоящий из 56 депутатов, делегированных туда местными советами базового и областного территориальных уровней, и 8 депутатов, назначенных лично Президентом, выступает в качестве парламентской надстройки с непонятными полномочиями и функциями. Кроме жесткого очерчивания национального суверенитета, Конституция Республики Беларусь не допускает делимости верховной государственной власти как во внешнеполитической деятельности, так и в сфере внутренней политики. Делимость характерна для стран с федеративным устройством, в которых субъекты федерации сохраняют (пусть и ограниченный “сверху”) суверенитет» [7].

По мнению автора, для Беларуси наиболее оправданна бикамеральная структура законодательной власти. Палата представителей, или Нижняя палата, формируется на основе прямого представительства, т. е. напрямую избирается гражданами страны. Верхняя палата формируется на основе косвенного представительства, через лимитированное количество мест для представителей крупных профессиональных сообществ, территорий или других категорий граждан страны. Миссия Верхней палаты заключается в том, чтобы уравнивать и смягчать некоторые законодательные инициативы Палаты представителей, которая наиболее подпадает под чрезмерное влияние общественного мнения, сильно колеблется, иногда не учитывая долгосрочных, стратегических результатов законодательных решений. В Парламенте Беларуси есть свои недостатки и ряд проблем, которые необходимо решать. Однако, учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что двухпалатная структура законодательного органа имеет более демократическое направление, чем однопалатная. «В своей организационной структуре и Палата представителей, и Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь демонстрируют преемственность, зрелость и эффективность, достаточную для выполнения своих функций» [8, с. 158].

Е. Яценко в эссе «Напряжение цивилизации, или неизбежность двухпалатного парламента» заметил, что в Украине «возможности однопалатного парламента уже исчерпаны <...> у нас нет законодательного органа, устроенного так, чтобы он мог взвешивать приоритетность, степень актуальности и законности интересов противоположных групп населения, противоположных по своим психологическим установкам и политическим ориентациям» [9, с. 13]. Отметим, что становление демократического, социального, правового государства, как закреплено в ст. 1 Конституции Украины [10], невозможно без законодательного органа, который бы принимал законы, учитывая интересы всего населения, а это возможно осуществить только при наличии двух палат в парламенте.

Т. Француз-Яковец делает вывод о том, что аргументы в пользу бикамерализма, являются, по сути, аргументами обеспечения более широкого представительства, что позволит учесть интересы большего количества общественных

групп, позволит своевременно видеть и постоянно держать в поле зрения дестабилизирующие социальные процессы, эффективно влиять и предупреждать нежелательные последствия, исключить в повседневной деятельности при принятии решений поспешность, непрофессионализм, лоббирование и отстаивание интересов определенных олигархических групп, клановость, заполитизированность, обеспечение стабильной работы правительства и т. п. [11, с. 33–34] С этими утверждениями невозможно не согласиться.

Заключение

1. Понимание белорусских политических процессов имеет большое значение, так как они являются отражением процессов и в других постсоветских государствах, в частности в Украине.

2. Двухпалатная форма парламентов существует во многих странах, что обусловлено историческими, политическими, демографическими и другими причинами. Целесообразность бикамерализма как в федеративных, так и в унитарных странах, доказывает мировой опыт. Структура Национального собрания Республики Беларусь демонстрирует преемственность, зрелость и эффективность законодательного органа, что следует учесть при проведении конституционной реформы в Украине.

3. В Украине необходимость создания двухпалатного парламента обусловлена рядом причин. Бикамерализм Верховной Рады Украины откроет перед ней больше возможностей и будет способствовать процессу становления демократического, социального и правового государства.

Список использованных источников

1. Любченко, А. В. Шляхи удосконалення парламентаризму в Україні (в аспекті проблеми двопалатності) / А. В. Любченко // Національна академія державного управління при Президентові України (Електронне наукове фахове видання) [Електронний ресурс]. – 2010. – № 1. – Режим доступу : <http://www.academy.gov.ua/ej/ej11/txts/10lavapd.pdf>. – Дата доступу : 28.05.2012.

2. Недокус, І. С. Еволюція політичного режиму Республіки Білорусь : автореф. дис. ... канд. політ. наук: спец. 23.00.02 / І. С. Недокус ; Чернівецький національний ун-т ім. Юрія Федьковича. – Чернівці, 2007. – 20 с.

3. Про проект нової Конституції: Постанова Верховної Ради України, 1 липня 1992 року // Відомості Верховної Ради України. – 1992. – № 37. – Ст. 550.

4. Analysis of Bicameralism including Pros and Cons [Електронний ресурс] / Ming Ming Liu. – Режим доступу : <http://www.oocities.org/eaglemap/bicameralism.html>. – Дата доступу : 28.05.2012.

5. Герье, В. И. О конституции и парламентаризме в России / В. И. Герье. – М. : Типография «Русского Голоса» (Н. Л. Казецкого) Масляницкая, д. № 20. – 1906. – 31 с.

6. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2007. – 48 с.

7. *Фадеев, А.* Законодательное безвластие / А. Фадеев // Сайт «Хартия'97 – Новости Беларуси» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://admin.charter97.org/bel/news/2003/11/11/zakon>. – Дата доступа : 28.05.2012.

8. Парламентаризм в Беларуси : монография / В. А. Божанов [и др.] ; под ред. В. А. Божанова, А. В. Горелика; Част. учреждение образования «Ин-т парламентаризма и предпринимательства», Каф. политологии и гуманитар. дисциплин. – Минск: Иппокрена, 2010. – 230 с.

9. *Яценко, Е. Г.* Напряжение цивилизации, или Неизбежность двухпалатного парламента : эссе / Е. Г. Яценко. – Коростень : [б. и.], 2003. – 31 с.

10. Конституція України, 28 червня 1996 року // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 30. – Ст. 141.

11. *Француз-Яковець, Т. А.* Ідея бікамералізму в Україні, мотиви, рушії, історичні аспекти / Т. А. Француз-Яковець // Правничий вісник Університету «КРОК». Вип. 6. – Київ, 2010. – Т. 1. – С. 31–34.

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ВЕКТОРОВ ПРОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

С. М. Сивец

*Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь*

Принятие Декларации Верховного Совета Республики Беларусь от 27 июля 1990 г. «О государственном суверенитете Республики Беларусь» ознаменовало собой начало нового исторического этапа формирования белорусской государственности и дало толчок к проведению конституционно-правовой реформы, направленной в том числе и на создание национальной правовой системы. Согласно ст. 4 Декларации «Республика охраняет честь, здоровье, права и законные интересы своих граждан, обеспечивает их социальную защищенность» [1].

Дальнейшая реализация данного положения нашла свое воплощение в ст. 45 Конституции Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями), согласно которой «гражданам Республики Беларусь гарантируется право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения. Государство создает условия доступного для всех граждан медицинского обслуживания» [2]. Из этого конституционного положения можно сделать два важных вывода: 1) бесплатная медицинская помощь гарантированно оказывается гражданам Беларуси лишь в государственных учреждениях здравоохранения; 2) Конституция закрепила обязан-

ность государства обеспечить доступность медицинского обслуживания для всех граждан.

Базовым законодательным актом, регулирующим отношения в области здравоохранения, является Закон Республики Беларусь «О здравоохранении» от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ (в редакции от 7 января 2012 г.) [3]. Основными задачами, которые должны быть решены в системе здравоохранения в 2012 г., являются: 1) дальнейшее обеспечение граждан доступной и качественной медицинской помощью на всех уровнях ее оказания с использованием новых современных методов диагностики и лечения; 2) снижение предотвратимой смертности населения, в том числе в трудоспособном возрасте; 3) улучшение качества жизни людей с хроническими заболеваниями и инвалидов путем создания условий для их реабилитации и социализации; 4) создание условий для рождения здоровых детей, уменьшения инвалидности с детства, разработка стратегии страны по укреплению репродуктивного здоровья населения; 5) активное формирование политики по защите среды обитания и здоровья человека, обеспечивающей контроль за воздействием вредных факторов на состояние здоровья населения и эффективное предупреждение их вредного влияния; 6) развитие импортозамещения, наращивание объемов экспорта медицинских услуг; 7) рациональное использование кадровых, финансовых и материальных ресурсов [4].

Согласно положениям Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг., утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 11 апреля 2011 г. № 136, главной составляющей развития человеческого потенциала сегодня является здоровье. Предполагается, что задача укрепления здоровья населения будет решаться на основе повышения качества медицинских услуг, гарантированного обеспечения единых социальных стандартов медицинской помощи каждому человеку независимо от места жительства. В этих целях предусматривается: 1) создание единой системы мониторинга здоровья населения на основе информационных технологий; 2) развитие современной инфраструктуры медицинских услуг; 3) организация дифференцированной диспансеризации населения с учетом возраста и факторов риска; 4) обеспечение доступности медицинской помощи; 5) внедрение в медицинскую практику новых эффективных методов профилактики, диагностики и лечения заболеваний на основе передовых отечественных и зарубежных научных медицинских разработок, системы консультирования с использованием информационно-коммуникационных технологий; 6) укомплектование медицинскими кадрами первичного звена, повышение уровня укомплектованности врачами и средним медицинским персоналом до 100 %; 7) организация серии теле- и радиопередач, выпуска литературы и видеопродукции, посвященных проблемам формирования здорового образа жизни [5].

Практическая реализация указанных задач будет зависеть как от экономического, так и от нормативного обеспечения функционирования системы здравоохранения. В этой связи вопрос, связанный с комплексным характером нормативного регулирования общественных отношений в области здравоохранения, будет являться одним из основополагающих в части реализации социальной политики государства.

Список использованных источников

1. О государственном суверенитете Республики Беларусь : Декларация Верховного Совета Респ. Беларусь, 27 июля 1990 г., № 193-ХІІ // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ЮрСпектр. – Минск, 2012.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями) // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ЮрСпектр. – Минск, 2012.
3. О здравоохранении : Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХІІ: в ред. Закона Респ. Беларусь от 7 янв. 2012 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ЮрСпектр. – Минск, 2012.
4. Сайт Министерства здравоохранения Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : http://minzdrav.gov.by/ru/static/activities/Plan_raboty. – Дата доступа : 26.07.2012.
5. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы : Указ Президента Респ. Беларусь, 11 апр. 2011 г., № 136 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ЮрСпектр. – Минск, 2012.

О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УКРАИНЕ

Е. И. Григоренко

*Харьковский национальный
университет имени В. Н. Каразина*

На Вооруженные Силы Украины возлагается первостепенная задача, состоящая в выполнении важнейших конституционных предписаний. Но реальное состояние в этой сфере свидетельствует о том, что им не всегда удается это сделать. Численность Вооруженных Сил Украины во много раз меньше, чем численность работников органов внутренних дел (по официальным данным около 295 тысяч [1]). Безусловно, вопрос не в том, что количественное соотношение должно быть в пользу Вооруженных Сил, а не органов внутренних дел. Динамика изменения количественного состава украинской армии свидетельствует о том, что нельзя настолько радикально сокращать численность Вооруженных Сил Украины. Такое положение указывает на наличие конститу-

ционного риска. Он выражается в усилении социального напряжения в обществе, пополнении уволенными военнослужащими незаконных вооруженных формирований, уменьшении престижа военной службы и др. Ставится под вопрос реализация целой совокупности конституционных предписаний (ст. 1, 2, 3, 17 и другие Конституции Украины). Ускоренная политика сокращений такого сложного государственного организма, как Вооруженные Силы ослабляет и уменьшает регулятивный потенциал важнейших конституционных регуляторов, отражаясь на авторитете государства в целом. Вопрос в том, что Конституция Украины заложила идеальную модель функционирования общества и государства, отклонение от которой отражается на стабильности и устойчивости Украины.

Не все меры осуществляются надлежащим образом и достигают положительного результата, что негативно влияет на процесс прохождения военной службы и на выполнение тех задач, которые перед ней стоят. Среди наиболее негативных обстоятельств можно назвать неуставные отношения между военнослужащими, унижение их достоинства, а также недостаточное финансирование Военной организации. Все эти аспекты являются значимыми не только в контексте обеспечения боеспособности Вооруженных Сил Украины и других военных формирований, но и обеспечения прав и свобод военнослужащих, обеспечения социальной стабильности как на текущий год, так и на много лет вперед.

Проблемой функционирования Военной организации в современных условиях развития Украины является неприменение реальных мер относительно перехода на контрактную основу прохождения военной службы. В октябре-ноябре 2011 г. в соответствии с постановлением Кабинета Министров Украины от 3 августа 2011 г. № 818 устанавливается численность граждан, которые подлежат призыву на срочную военную службу в количестве 26 600, а также объем расходов для проведения такого призыва в сумме 1 715 700 гривен. Сумма средств, необходимых для подготовки и проведения призыва на срочную военную службу одного призывника, составляет 64 гривны 50 копеек.

Вопрос относительно финансирования Вооруженных Сил Украины в целом, выделение средств на разрешение вопросов социальной защиты военнослужащих выглядит критическим. Закон Украины «О Государственном бюджете Украины на 2011 год» [2] предусматривает расходы на руководство и военное управление Вооруженными Силами Украины в размере 214 тысяч гривен, на содержание личного состава Вооруженных Сил в размере 9 млн гривен, на обеспечение Вооруженных Сил средствами связи, создание и развитие командных пунктов и автоматизированных систем управления в размере 148 тысяч гривен, на медицинское лечение, реабилитацию и санаторное обеспечение личного состава в размере 900 тысяч гривен, на проведение мобилизационной работы и призыву в Вооруженные Силы Украины и другие военные формирования в размере 10 тысяч гривен, на реформирование и раз-

витие Вооруженных Сил Украины в размере 313 тысяч гривен, на закупку и модернизацию вооружения и военной техники для Вооруженных Сил Украины в размере 570 тысяч гривен, на строительство (приобретение) жилья для военнослужащих в размере 535 тысяч гривен, на обеспечение живучести и взрывопожаробезопасности арсеналов, баз и складов вооружения ракет и боеприпасов Вооруженных Сил Украины в размере 62 тысячи гривен. Эти показатели свидетельствуют о системных проблемах в украинской армии, о недостаточном количестве средств на реформирование армии и выведении ее из кризисного состояния.

Список использованных источников

1. В Міністерстві внутрішніх справ України за участю начальника Департаменту кадрового забезпечення МВС відбувся брифінг // <http://www.mvs.gov.ua/mvs/control/main/uk/publish/article/497611>.

2. Про Державний бюджет України на 2011 рік : Закон України від 23 грудня 2010 року № 2857-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2011. – № 7–8. – Ст. 52.

СУЩНОСТЬ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ТРУД

Е. П. Орехова

Юридический колледж БГУ

Право на труд является одним из первых нормативно закрепленных социально-экономических прав. Оно провозглашалось в советских конституциях. В настоящее время право на труд провозглашается международно-правовыми актами, регулируется национальным законодательством. В статье 41 Конституции Беларуси труд провозглашен в качестве наиболее достойного способа самоутверждения человека. Незанятость не может служить основанием для привлечения гражданина к какой-либо юридической ответственности. Конституционное право на труд включает право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей.

Право на труд носит универсальный характер, что предполагает и различные формы его реализации. Наиболее важные формы реализации права на труд указаны в Конституции Беларуси: работа по найму (ст. 41, ч. 1 ст. 42); занятие предпринимательской и иной, не запрещенной законом экономической деятельностью (ч. 4 ст. 13); художественное, научное, техническое творчество и преподавание (ч. 2 ст. 51). По общепринятым международным стандартам не считается принудительным трудом: 1) военная служба; 2) работа в условиях чрезвычайных обстоятельств; 3) работа на основании вступившего в законную силу приговора суда и выполняемая под надзором государственных органов, ответственных за соблюдение законности при исполнении судебных приговоров.

В Конституции Беларуси (ст. 42) провозглашается гарантия справедливой доли вознаграждения в экономических результатах труда в соответствии с его количеством, качеством и общественным значением. Трудовым кодексом Республики Беларусь предусмотрены формы, системы и размеры труда работников. Мужчины и женщины получают равную оплату за равный труд. Заработная плата работникам моложе 18 лет при сокращенной продолжительности ежедневной работы выплачивается в таком же размере, как работникам соответствующих категорий при полной продолжительности ежедневной работы. Трудовым законодательством предусматривается необходимость формирования резервного фонда заработной платы.

Право на отдых, провозглашенное ст. 43 Конституции, относится к числу основных прав человека. Конституция предусматривает, что установленные в законодательстве о труде продолжительность рабочего времени, дни еженедельного отдыха, ежегодный оплачиваемый отпуск гарантируются не всем лицам, занимающимся той или иной деятельностью, а только работающим по найму. При занятости по договору подряда право на отдых не гарантируется Конституцией.

Право граждан на объединение в профсоюзы подробно регламентируется Законом Республики Беларусь «О профессиональных союзах». Профсоюз является добровольной общественной организацией, объединяющей граждан, в том числе обучающихся в высших, средних специальных и профессионально-технических учебных заведениях, связанных общими интересами по роду деятельности как в производственной, так и непроизводственной сферах, для защиты трудовых, социально-экономических прав и интересов, вытекающих из общепризнанных принципов международного права и установленных Всеобщей декларацией прав человека, Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, Международным пактом о гражданских и политических правах, конвенциями МОТ и иными ратифицированными в установленном порядке международными договорами Республики Беларусь (ст. 1 названного Закона).

Из анализа ч. 3 ст. 41 Конституции защищать свои интересы могут только граждане, в то время как на территории Республики Беларусь работают также иностранные граждане и лица без гражданства. Согласно ч. 4 ст. 23 Всеобщей Декларации прав человека, п. а) ч. 1 ст. 8 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, ст. 14 Конвенции СНГ «О правах и основных свободах человека», каждый человек имеет право создавать профессиональные союзы и входить в профессиональные союзы для защиты своих интересов. В Законе «О профессиональных объединениях» следует предусмотреть возможность трудящихся иностранных граждан и лиц без гражданства стать членами профсоюза с целью защиты своих экономических и социальных интересов, связанных с работой по найму.

Трудовые права, провозглашенные Конституцией, относятся к группе прав граждан и группе прав человека и соответствуют международно-правовым договорам, ратифицированным Республикой Беларусь.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АССОЦИАЦИЙ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ

А. А. Григорьев

*Академия управления
при Президенте Республики Беларусь*

Законом Республики Беларусь от 4 января 2010 г. «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» предусмотрена новая форма юридических некоммерческих организаций – ассоциации местных Советов депутатов. Данный вид организаций еще не имеет четкой правовой регламентации, однако ее оформлению может способствовать понимание того, для чего должны создаваться данные организации. Данный вопрос еще не нашел своей детальной теоретической проработки в национальной правовой науке, что обусловлено минимальной практикой создания таких организаций в Беларуси. В Германии, Нидерландах, Франции, Швеции и ряде других стран существует развернутая структура ассоциаций органов местного самоуправления. Правовой режим их деятельности, порядок взаимодействия с государственными органами в этих странах неодинаков. В Испании введены ограничения на создание отдельных видов ассоциативных структур, что обусловлено угрозами сепаратизма и создания очагов межнациональной напряженности. В королевстве созданы благоприятные условия для развития ряда иных ассоциаций. Опыт существования ассоциаций в странах ближнего зарубежья (Россия, Украина, Кыргызстан, Польша, Литва) весьма разнообразен.

Потребность создания таких ассоциаций вытекает из необходимости совместного решения ряда однородных проблем, стоящих перед органами местного самоуправления. Согласно ст. 117 Конституции Беларуси местное управление и самоуправление осуществляется гражданами, в том числе через местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы, органы территориального общественного самоуправления, местные референдумы, собрания и другие формы прямого участия в государственных и общественных делах. Местные Советы депутатов, максимально приближенные к интересам простых граждан, составляют основу местной демократии в Беларуси. Их компетенция не связана с решениями вопросов большой политики и непосредственно затрагивает основополагающие вопросы жизни и деятельности граждан. Разработка вопросов совершенствования деятельности данных органов относится к актуальным направлениям правовой науки.

Допустимые направления деятельности ассоциаций местных Советов депутатов определены ст. 7 Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», согласно которой местные Советы депутатов вправе создавать объединения в форме ассоциаций Советов. В Беларуси представля-

ется оправданным уделять особое внимание следующим вопросам, которые бы могли способствовать развитию таких ассоциаций: 1) развитие регионов исходя из приоритетных интересов местного населения и формирование независимого канала получения государственными органами информации о проблемах местной жизни; 2) оказание содействия формированию финансовой базы местного самоуправления; 3) взаимодействие с органами власти, устранение дублирующих систем взаимодействия, организация подбора кадров в органы местного управления и самоуправления; 4) организация надлежащей работы с обращениями граждан и организаций.

Учитывая опыт европейских ассоциаций, представляется, что оказание высококвалифицированной правовой и экономической помощи по основным вопросам деятельности органов местного управления, содействие формированию права в сфере компетенции органов местного управления и самоуправления, решение актуальных проблем охраны окружающей природной среды и т. п., оказание научно-методической и иной помощи в этой сфере может стать доминирующим для создаваемых ассоциаций. Исходя из национальных особенностей наиболее перспективным вопросом деятельности ассоциаций местных Советов может стать дальнейшая реализация на местном уровне директив Президента Республики Беларусь от 14 июня 2007 г. № 3 «Экономия и бережливость – главные факторы экономической безопасности государства», от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь», включая вопросы энергосбережения, защиты и рационального использования окружающей природной среды, развития предпринимательской деятельности, в том числе в сферах развития агротуризма и туризма в целом.

О ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

С. Ю. Артемьев

*Белорусский
государственный университет*

Термины «форма правления», «политический и государственный режим», «государственный строй», «конституционный строй» выражают важнейшие проблемные понятия белорусской конституционно-правовой науки. Проблемность терминов во многом обусловлена тем, что они представляют особую важность для политологии, что неминуемо приводит к конвергенции понятий с отрицательными последствиями для возможного уяснения. В данной публикации, отчасти под феноменологическим углом зрения, приводятся мысли автора по поводу государственно-правового режима в Беларуси.

Конвенционально принято считать, что, например, суть опыта британского государственно-правового бытия можно выразить термином парламентаризм, современного французского – смешанная республика, в Китае – система собраний народных представителей. Вся сложность политико-правовых отношений данного уровня можно лапидарно выразить в противопоставлении таких явлений, как парламентаризм и министерализм, конгрессионная система и президентская республика.

Реальная политическая жизнь страны и объективное конституционное право различаются. Вряд ли к конституционным нормам применим абсолютный ригористический интерпретационный подход. Несмотря на то, что конституционная модель государственного строя любого государства (как она задумывалась авторами изначально) может быть отличной от способов и средств, используемых государством для реализации власти, для того чтобы дискуссия о конституционности (соответствия конституции) тех или иных политических явлений не потеряла смысл, важно помнить, что уяснение реально существующих рамок конституционности определяются уровнем правосознания. То есть триадное понимание феномена права С. Г. Дробязко исключительно важно при оценке конституционно-правовых явлений.

Какой же термин лучше всего подходит для обозначения базовых и специфических властно-правовых явлений в современной Беларуси? Ответить на этот вопрос можно, взглянув на особенности государственного строя, закреплённого в Основном Законе Республики Беларусь. С момента учреждения должности Президента в Беларуси дискуссия о государственном режиме получила новый объективный конституционно-правовой фон. Традиционно вопрос ставится как выбор одной из предлагаемых альтернатив между смешанной и президентской республикой; также вводятся в оборот разноплановые термины «суперпрезидентская республика», «гиперпрезидентская республика». Интересной особенностью белорусской конституционно-правовой дискуссии также является то, что из нее не исчезает термин «парламентаризм», классически понимаемый как феномен, сопутствующий парламентской республике.

Парламентаризм и президентская республика. Национальное собрание Республики Беларусь в качестве параллельного названия использует слово «парламент». Таким образом, можно уже просто из формальных оснований говорить о феномене белорусского парламентаризма. С одной стороны, термин «парламент» и «парламентаризм» получили четкое семантическое значение задолго до появления первого белорусского парламента. Полисемичность и устойчивость данного термина ясно показаны в любой юридической энциклопедии. Исходя из предположения, что все элементы текста действующей Конституции обладают такими важными атрибутами права, как обязательность и нормативность (или более конкретно исходя из предположения, что название раздела Конституции содержит дефинитивную норму), возникает вопрос: можно ли использовать данное предположение при толковании не

вполне однозначно трактуемых положений Конституции. Полагаю возможным с точки зрения уточнения воли законодателя (в данном случае народа Беларуси) использовать данный элемент статуса в качестве нормы, которая бы де факто оправдывала расширение полномочий Парламента.

Проблематика представительной власти в Беларуси. Думается, что назрела необходимость рассмотреть конституционно-правовой институт Президента Республики Беларусь с точки зрения отнесения его к органам представительной власти (и только) и говорить о новом взгляде на белорусскую модель использования идеи разделения властей: представительная власть (включающая в себя законодательную в том числе), исполнительная, судебная. В данном случае система органов представительной власти включает в себя кроме Президента Республики Беларусь также Парламент Республики Беларусь, местные Советы депутатов и Всебелорусское народное собрание. Речь не идет об изменении положений Основного Закона, а о необходимости нового взгляда на систему конституционных правовых институтов.

Полагаю, что конституционная модель государственно-правового строя в Беларуси является *моделью доминирования представительной ветви власти над всеми остальными ветвями власти*, что не отменяет равенства между органами, осуществляющими законодательную (которая является только частью представительной власти), исполнительную и судебную власть. Особенностью конституционной модели функционирования представительной власти в Беларуси является *президентализм*, то есть классическая дискуссия об использовании принципов единоначалия и коллегиальности для государственного строительства в Беларуси была решена в пользу первого.

РАЗДЕЛ IV

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО, ЭКОЛОГИЧЕСКОГО, ФИНАНСОВОГО И НАЛОГОВОГО ПРАВА

РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

З. А. Охрименко

*Национальный центр
правовой информации
Республики Беларусь*

Использование современных технологий сбора, обработки и передачи информации стало одним из главных факторов в повышении эффективности процесса управления. Результатом этих тенденций стало появление новой концепции государственного управления – концепции электронного правительства, которая призвана не только повысить эффективность работы государственного аппарата, но и изменить отношения государства и граждан в условиях глобального Информационного общества.

Термин «электронное правительство» является русскоязычным эквивалентом английского термина «Electronic Government», или «e-Government» [3, с. 5]. Сущность данного понятия заключается в использовании правительственными структурами разных уровней современных информационных технологий для непосредственного предоставления информации и оказания информационных услуг различным группам пользователей [3, с. 6]. Электронное правительство представляет собой систему электронного документооборота государственного управления.

Основными целями создания электронного правительства являются оптимизация предоставления правительственных услуг населению и бизнесу, поддержка и расширение возможностей самообслуживания граждан. Данные

цели могут быть реализованы по мере взаимодействия государства, граждан и организаций следующими путями: 1) между государством и гражданами (G2C, Government-to-Citizen); 2) между государством и бизнесом (G2B, Government-to-Business); 3) между различными ветвями государственной власти (G2G, Government-to-Government); 4) между государством и государственными служащими (G2E, Government-to-Employees); 5) между гражданами и государством (C2G, Citizens-to-Government).

Следует рассматривать развитие правительственных веб-сайтов, а также создание объединенных баз данных по стране. Важным аспектом в вопросе формирования электронного правительства является мировая тенденция рассмотрения электронного правительства, нашедшая свое отражение в термине «электронная демократия».

9 августа 2010 г. постановлением Совета Министров № 1174 была принята «Стратегия развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года», предусматривающая создание системы «Электронное правительство» [1]. Документ свидетельствует о том, что информатизация с акцентом на ее технократических аспектах остается основой стратегического планирования электронного правительства. Правительство Беларуси утвердило план поэтапного перехода к предоставлению электронных услуг посредством Единого портала электронных услуг (постановление Совета Министров от 10 февраля 2012 г. № 138 «О базовых электронных услугах»). Переход к предоставлению электронных услуг будет происходить в три этапа: 1) 2012 г. – размещение документации в электронном виде с возможностью ее сохранения пользователем, а также информации о планируемых к предоставлению электронных услугах; 2) 2013 г. – обеспечение возможности заполнения онлайн-форм документов, необходимых для получения электронных услуг посредством Единого портала электронных услуг, а также возможности проведения онлайн-платежей за предоставление возмездных электронных услуг через Общегосударственную автоматизированную информационную систему (ОАИС); 3) 2014 г. – выполнение электронных услуг в виде электронного документа.

2 марта 2012 г. Департамент ООН по экономическим и социальным вопросам опубликовал статистический сборник «Электронное правительство. Обзор 2012» [4]. Беларусь сегодня занимает 61 место в авторитетном мировом *e-Gov*-рейтинге ООН – *E-government development index*, EGDI [4]. Данный рейтинг состоит из трех параметров – индексов онлайн-сервисов, телекоммуникационной инфраструктуры и человеческого капитала страны. Если по человеческому капиталу ООН ставит Беларусь в самый верхний эшелон, а в развитии телекоммуникации страна занимает прочные средние позиции, то самый маленький индекс выставлен за развитие электронного правительства. Беларусь занимает 96 строку из 194 стран мира, а состояние белорусского *e-government* находится на уровне Вьетнама и Боливии [4].

На данном этапе развития информационного общества и информатизации в Беларуси одной из главных проблем функционирования электронного правительства видится формирование адекватной концептуальной и правовой базы для организации процессов электронного взаимодействия граждан и государственных органов. С целью обеспечения нормативной базы, соответствующей ориентированной на граждан концепции электронного правительства, следует нормативно закрепить термины «электронное правительство» и «государственная услуга»; разработать проект закона об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов; подписать Конвенцию Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных».

Список использованных источников

1. О Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года и плане первоочередных мер по реализации Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на 2010 год : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 9 авг. 2010 г., № 1174 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

2. Бехманн, Г. Концепции информационного общества и социальная роль информации // Политическая наука : сборник научных трудов / Г. Бехманн ; под ред. Д. В. Ефременко. – М. : ИНИОН РАН, 2008. – № 2. – С. 10–28.

3 Reddick, C. Comparative E-Government / Integrated Series in Information Systems / C. Reddick. – Springer, 2010. – P. 3–23.

4. United Nations E-Government Survey 2012. E-Government for the People. – United Nations Organization official web [Electronic resource] / Department of Economic and Social Affairs. United Nations, New York, 2012. – Mode of access : <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan048065.pdf>. – Date of access : 23.05.2012.

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДЧИНЕННОСТИ, ПОДКОНТРОЛЬНОСТИ И ПОДОТЧЕТНОСТИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

М. В. Тимошенко

*Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины*

Районный исполнительный комитет (далее – райисполком) является частью централизованной системы органов местного управления, состоящей из трех территориальных уровней: областного, базового и первичного. Он относится к базовому территориальному уровню и представляет собой основное его звено. Исполкомы областного уровня являются вышестоящими по

отношению к райисполкомам, райисполкомы – вышестоящими по отношению к исполнительным и распорядительным органам первичного уровня.

Уровни системы органов местного управления связаны путем подчинения нижестоящих исполкомов вышестоящим. Подчиненность – это система отношений, которые предполагают право областных исполнительных комитетов вмешиваться в повседневную исполнительно-распорядительную деятельность райисполкомов путем прямых обязывающих указаний и обязанность последних выполнять эти указания. Аналогичными правами обладает и райисполком в отношении подчиненных ему исполкомов. Система местных органов управления имеет одну линию подчиненности – по вертикали.

Райисполкомы подотчетны и подконтрольны, что также недостаточно освещено в литературе. Согласно Закону «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» райисполком подотчетен и подконтролен Президенту Республики Беларусь и облисполкому. Райисполком подотчетен районному Совету по вопросам, отнесенным к его компетенции. Ни практика, ни законодательство не делают различий в содержании «подотчетности» и «подконтрольности» исполнительных комитетов Президенту и облисполкому. Не установлен ни перечень вопросов, по которым райисполком обязан отчитываться, ни форма, в которой осуществляется «подотчетность» и «подконтрольность», ни их периодичность.

Подконтрольность представляет собой нахождение под наблюдением с целью проверки, возможность осуществления проверки райисполкома со стороны контролирующих органов. По вертикали контроль может осуществляться в форме проверок, проводимых по инициативе компетентных контролирующих органов по отношению к райисполкому, и по инициативе райисполкома, например, путем согласования назначения на должности его членов. По результатам проверок или рассмотрения предоставленных документов могут приниматься обязывающие решения, предписания, указания.

Если подконтрольность райисполкома существует только по вертикали, то подотчетность осуществляется как по вертикали, так и по горизонтали. Подотчетность выражает собой обязанность отчитываться перед соответствующим органом, должностным лицом, предоставлять информацию, делать сообщения и доклады о работе и осуществляется в форме отчета, доклада по вопросам руководства хозяйственным, социально-культурным строительством, проведения кадровой политики, выполнения указаний и решений вышестоящих органов по различным направлениям работы.

Отчет Президенту или облисполкому может быть сделан по любому вопросу, входящему в компетенцию райисполкома. Отчет районному Совету депутатов делается по вопросам, входящим в компетенцию последнего, и осуществляется в форме отчета председателя райисполкома о деятельности исполкома, который делается не реже одного раза в год на сессии. Районные Советы заслушивают отчет об исполнении бюджета, региональных программ,

концепций по вопросам местного значения. Райисполкомы информируют граждан о состоянии дел на соответствующей территории по вопросам местного значения. Информация доводится до сведения на собраниях трудовых коллективов, посредством местных СМИ, что является одной из форм подотчетности по горизонтали.

В итоге, объем подотчетности райисполкома вышестоящему исполкому и Президенту по сравнению с подотчетностью Совету неодинаков. Подотчетность по горизонтали необходима, так как и Совет, и население должны быть проинформированы о деятельности райисполкома, о его работе, решаемых задачах, о состоянии дел в различных сферах жизни района.

ОБ ОСНОВАНИЯХ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ ЛИЦЕНЗИИ

Т. А. Червякова

*Белорусский
государственный университет*

Законодательство Беларуси о лицензировании в качестве одной из мер принуждения, применяемых в отношении лицензиата, предусматривает приостановление действия лицензии, которое заключается во временном запрете на осуществление лицензируемой деятельности. Единый перечень оснований для этого отсутствует. Так, для лицензий на осуществление банковской деятельности применяются положения ст. 97 Банковского кодекса Республики Беларусь [1], деятельности, связанной со специфическими товарами (работами, услугами), – п. 75 Положения о порядке лицензирования видов деятельности, связанных со специфическими товарами (работами, услугами) [2], внешнеэкономической деятельности по ввозу и (или) вывозу отдельных товаров – п. 10 ст. 3 Соглашения о правилах лицензирования в сфере внешней торговли товарами от 9 июня 2009 г. [3], ввоза и вывоза специфических товаров (работ, услуг) – п. 17 Положения о порядке лицензирования в Республике Беларусь ввоза и вывоза специфических товаров (работ, услуг) [4]. Во всех остальных случаях действует п. 76 Положения о лицензировании отдельных видов деятельности, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 [5].

Отметим, что в отношении лицензирования в сфере внешней торговли товарами действует единый перечень оснований как для приостановления, так и для прекращения действия лицензии [3, п. 10 ст. 3], что, на наш взгляд, является неприемлемым, поскольку предоставляет возможность правоприменителю по своему выбору применять столь разные по своим правовым последствиям меры принуждения по одному и тому же основанию.

Среди оснований приостановления действия лицензий можно выделить общие (применяются для всех видов лицензий) и специальные. При этом законодатель к их числу относит как противоправные деяния лицензиата (неустранение в установленный срок нарушения, указанного в требовании (предписании), непредставление в лицензирующий или другой контролирующей (надзорный) орган письменного уведомления об устранении выявленных нарушений и т. п.), так и обстоятельства, не являющиеся таковыми (для лицензий на введение Советом Безопасности ООН санкций в отношении страны назначения (конечного пользователя) специфических товаров (работ, услуг) [4, п. 17]). В отношении лицензий на осуществление банковской деятельности допускается приостановление их действия на основании предположения о возможности наступления неблагоприятных последствий для третьих лиц в будущем (неудовлетворительное финансовое положение банка, которое может повлечь неисполнение им своих обязательств перед вкладчиками и иными кредиторами [1, ст. 97]).

Правовая природа приостановления действия лицензии имеет двойственный характер и зависит от используемого правоприменителем основания. Приостановление действия лицензии используется, как правило, для прекращения противоправного деяния лицензиата. В этом случае оно является мерой административного пресечения. Вместе с тем, в случаях, когда основанием для ее применения выступает предположение о возможности наступления неблагоприятных последствий в будущем, приостановление действия лицензии необходимо рассматривать в качестве административно-предупредительной меры.

Представляется, что перечни оснований для приостановления действия лицензий, установленные законодательством о лицензировании, являются неполными. В частности, в соответствии со ст. 31 ГК Беларусь [6] предпринимательская деятельность лицензиата – индивидуального предпринимателя может быть ограничена в судебном порядке на срок до трех лет. Полагаем, что в данном случае с момента вступления в законную силу решения суда и до истечения срока ограничения действие лицензии должно быть приостановлено.

Список использованных источников

1. Банковский кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 25 окт. 2000 г., № 441-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.06.2010 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ЮрСпектр, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
2. Положение о порядке лицензирования видов деятельности, связанных со специфическими товарами (работами, услугами) : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 16 февр. 2012 г. № 71 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ЮрСпектр, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
3. Соглашение о правилах лицензирования в сфере внешней торговли товарами : [заключено в г. Москве 9 июня 2009 г.] : в ред. Решения Комиссии Тамож. союза от

22.06.2011 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ЮрСпектр, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

4. Положение о порядке лицензирования в Республике Беларусь ввоза и вывоза специфических товаров (работ, услуг) : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 17 июля 2006 г., № 460 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 27.06.2011 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ЮрСпектр, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

5. Положение о лицензировании отдельных видов деятельности : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 1 сент. 2010 г., № 450 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 21.06.2012 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ЮрСпектр, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

6. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.07.2011 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ЮрСпектр, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

НАДЗОР И КОНТРОЛЬ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ: НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Е. Н. Дуля

*Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы*

Указом Президента Республики Беларусь от 5 мая 2010 г. № 236 «О создании Департамента “Белсельхознадзор” и внесении дополнений и изменений в некоторые указы Президента Республики Беларусь» [1] создан Департамент «Белсельхознадзор» Минсельхозпрода, который Указом Президента Республики Беларусь от 28 февраля 2011 г. № 79 «О некоторых вопросах осуществления ветеринарного надзора» [2] переименован в Департамент ветеринарного и продовольственного надзора Минсельхозпрода (далее – Департамент). Департамент является структурным подразделением центрального аппарата Минсельхозпрода Республики Беларусь с правом юридического лица, наделенного государственно-властными полномочиями. Для выполнения возложенных на него задач взаимодействует с республиканскими органами управления, местными исполнительными и распорядительными органами, со структурными подразделениями облисполкомов и Минского горисполкома, иными организациями по вопросам, отнесенным к их компетенции. Основные задачи Департамента – осуществление государственного контроля и надзора в области обеспечения качества продовольственного сырья и пищевых продуктов, ветеринарии, семеноводства, карантина и защиты растений, участие в реализации единой государственной политики в сфере производства и переработки продукции сельского хозяйства.

Результатом работы Департамента должно стать обеспечение выпуска предприятиями республики качественных и безопасных для здоровья человека пищевых продуктов, недопущение возникновения и распространения особо опасных болезней, защита территории Беларуси от проникновения и распространения карантинных объектов. Департаменту подчинены такие учреждения, как Белорусское управление государственного надзора на границе и транспорте, Белорусский государственный ветеринарный центр, Ветеринарный надзор, Главная государственная инспекция по семеноводству, карантину и защите растений, Государственная хлебная инспекция. В состав Департамента входят государственная продовольственная инспекция по качеству и стандартизации, государственная ветеринарная инспекция и ряд других служб.

Указом Президента Республики Беларусь от 28 февраля 2011 г. № 79 государственные инспекторы наделены более широкими полномочиями. Им предоставлено право контроля и надзора за такими отраслями, как животноводство, птицеводство, рыбоводство, пчеловодство, растениеводство и кормопроизводство. Департамент контролирует производство и ввоз продовольственного сырья, продуктов питания, кормов и кормовых добавок, диагностических, профилактических и лечебных средств для ветеринарии.

Департамент вправе инициировать приостановку работы того или иного предприятия вплоть до его закрытия, а при выявлении особо тяжких нарушений материалы направляются в правоохранительные органы для привлечения виновных к уголовной ответственности. В случае несогласия с решением Департамента его действия можно обжаловать в вышестоящей организации, то есть в Министерстве сельского хозяйства и продовольствия, или оспорить решение в судебном порядке. Должностные лица Департамента и учреждений, подконтрольных Департаменту, несут установленную законодательством ответственность за невыполнение или ненадлежащее выполнение возложенных на них задач, их решения могут быть обжалованы в порядке, установленном законом. Создание единого и независимого контролирующего органа – Департамента, напрямую подчиненного Министру сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, обеспечило самостоятельность Департамента в принятии решений.

Список использованных источников

1. О создании Департамента «Белсельхознадзор» и внесении дополнения и изменений в некоторые указы Президента Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 5 мая 2010 г., № 236 : в ред. Указа от 28 февраля 2012 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 118. – 1/11622.
2. О некоторых вопросах осуществления ветеринарного надзора : Указ Президента Респ. Беларусь, 28 февраля 2011 г., № 79 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 27. – 1/12386.

КОНТРОЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. А. Квятович

*Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь*

Таможенные органы Республики Беларусь выполняют многочисленные и разнообразные функции, закрепленные в Таможенном кодексе Республики Беларусь (далее – ТК) [1], в том числе и контрольные.

В соответствии со ст. 65 ТК таможенное оформление производится таможенным органом, в зоне оперативной деятельности которого находятся товары, если иное не установлено ТК Республики Беларусь. При проведении таможенного контроля таможенные органы исходят из принципа выборочности и ограничиваются теми формами таможенного контроля, которые достаточны для обеспечения соблюдения таможенного законодательства [2]. Все товары, перемещаемые через таможенную границу Республики Беларусь, обязательно подлежат таможенному контролю и оформлению, т. е. товар должен быть помещен под тот или иной таможенный режим. По нашему мнению, таможенный режим можно определить как совокупность таможенных прав, обязанностей и правил, устанавливающих границы прав лиц в отношении товаров и транспортных средств, перемещаемых через таможенную границу Республики Беларусь.

Правовая природа таможенного режима характеризуется тем, что «сочетает в себе элементы административно-правового и финансово-правового регулирования» [3, с. 19]. От правильного определения таможенного режима зависит последующее осуществление таможенных формальностей. В современных условиях все страны применяют широкий комплекс способов защиты внутреннего рынка от конкуренции, содержащий тарифные и нетарифные методы поддержки отечественных производителей, валютные и кредитные средства и др. Использование большинства этих способов регламентируется международными правилами, закрепленными в различных межгосударственных соглашениях. Например, о ратификации Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Финляндской Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах [4].

Важную роль в системе валютного контроля играют таможенные органы. В международных отношениях значительная часть всех валютных операций связана с перемещением через таможенные границы стран материальных и нематериальных объектов [5, с. 3]. Валютный контроль является составной частью валютного регулирования и направлен на соблюдение валютного законодательства. Данный контроль осуществляется в соответствии с международными соглашениями. Таможенные органы распространяют технологии валютного контроля на все таможенные режимы, заявляемые при ввозе и вывозе товаров по внешнеэкономическим договорам, предусматривающим расчеты, а также проводят проверки нарушений валютного законодательства при проведении расчетов в валюте Республики Беларусь. Так, таможенные органы вправе не производить выпуск товаров, если документы, необходимые для валютного контроля, неправильно оформлены; требовать и получать у экспортера и банков дополнительные сведения и информацию об осуществлении ими валютных операций, связанных с перемещением через таможенную границу товаров, и др.

Меры по урегулированию внешнеэкономических связей должны соответствовать изменениям в социально-экономическом и международном положении страны. Необходимо применять наиболее эффективные и рациональные пути решения задач, стоящих перед таможенными органами в области осуществления внешней торговли. Только при таких условиях могут результативно решаться задачи государственного регулирования внешнеэкономических связей в интересах государства.

Список использованных источников

1. Таможенный Кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 7 дек. 2006 г. : одобрен Советом Респ. 20 дек. 2006 г. : с изм. и доп. по состоянию на 15 июля 2009 г. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

2. О ратификации Соглашения о порядке таможенного оформления и таможенного контроля в государствах – участниках таможенного союза : Закон Респ. Беларусь, 28 дек. 2009 г. № 86 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

3. *Козырин, А. Н.* Таможенные режимы : учебник / А. Н. Козырин. – М. : Статут, 2000. – 159 с.

4. О ратификации Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Финляндской Республики о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах : Закон Респ. Беларусь, 2 нояб. 2010 г., № 185 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

5. *Волков, Р. А.* Таможенные органы в системе валютного контроля : автореф. ... дис. канд. экон. наук: 08.00.05 / Р. А. Волков ; Рос. экон. акад. – М., 2003. – 24 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

М. П. Короткевич

*Академия управления
при Президенте Республики Беларусь*

В Беларуси проводится государственная политика, направленная на ограничение монополистической деятельности и создание условий для развития здоровой конкуренции. Учитывая происходящие в стране процессы, направленные на экономическую концентрацию, большую роль играют меры, принимаемые для выявления нарушений антимонопольного законодательства, а также установление дифференцированных санкций за нарушение антимонопольного законодательства. В целях усиления мер государственного антимонопольного регулирования и контроля, стабилизации ценовой ситуации Главой государства подписан Указ от 27 февраля 2012 г. № 114 «О некоторых мерах по усилению государственного антимонопольного регулирования и контроля» (далее – Указ № 114).

Указом № 114 установлена повышенная ответственность субъектов хозяйствования, должностных лиц за соблюдение антимонопольного законодательства. Предусматривается административная ответственность за совершение юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем деяния, являющегося злоупотреблением доминирующим положением (подп. 1.2 Указа № 114). Данным актом установлена административная ответственность за совершение действий, являющихся в соответствии с антимонопольным законодательством недобросовестной конкуренцией, за заключение и исполнение соглашений, осуществление согласованных действий, а равно договоренность осуществлять или осуществление других видов координированной деятельности, ограничивающих конкуренцию (подп. 1.4 Указа № 114).

Обратим внимание на норму подп. 1.4 Указа № 114, которая устанавливает аналогичный размер санкций за правонарушения, выражающиеся в совершении действий, относящихся к актам недобросовестной конкуренции, за заключение и исполнение соглашений, осуществление согласованных действий, договоренность осуществлять или осуществление других видов координированной деятельности, ограничивающих конкуренцию, которые относятся к проявлениям монополистической деятельности (ст. 6 Закона от 10 декабря 1992 г. «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон). В соответствии с положениями Закона монополистическая деятельность – противоречащие данному Закону действия (бездействие) хозяйствующих субъектов, государственных органов, направленные на недопущение, ограничение или устранение конкуренции, а также причиняющие

вред правам, свободам и законным интересам потребителей. Одним из негативных проявлений монополистической деятельности является недопущение, ограничение или устранение конкуренции. В отличие от монополистической деятельности, недобросовестная конкуренция направлена на приобретение преимуществ в предпринимательской деятельности хозяйствующих субъектов, при этом хозяйствующие субъекты совершают действия, которые противоречат Закону, требованиям добросовестности и разумности и могут причинить или причинили убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо нанести ущерб их деловой репутации. Согласимся с мнением, что сущность монополистической деятельности заключается в уничтожении и подавлении свободной конкуренции, а сущность недобросовестной конкуренции состоит в ненадлежащих (нечестных) способах ведения конкурентной борьбы, противоречащих общепринятой практике и обычаям делового оборота¹.

Системный анализ норм Указа № 114 показывает, что в подп. 1.4 устанавливается ответственность за совершение действий, являющихся недобросовестной конкуренцией, а также за проявление одного из видов монополистической деятельности. Исходя из различной степени общественной опасности данных деяний, видится целесообразным разграничить составы правонарушений при наличии в действиях субъекта хозяйствования проявлений недобросовестной конкуренции либо монополистической деятельности, установив различные санкции за совершение данных деяний. При внесении соответствующих изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (п. 3 Указа № 114) следует закрепить административную ответственность за использование стандартных условий сделок или отнесение отдельных условий сделок к числу стандартных, в случаях, когда это запрещено полностью или частично, т. е. при наличии в действиях (бездействии) хозяйствующих субъектов еще одного из основных видов проявления монополистической деятельности (ст. 7 Закона).

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ И ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ АБОНЕНТОВ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ

Н. А. Самбор

*Управление МВД Украины
в Черниговской области*

Эффективность законодательных норм обуславливается не только внутри-правовыми средствами, но и социальной ценностью такой нормы, тем как она реализуется участниками правовых отношений по отношению к конкретным

¹ Ермакович, С. Л. Монополистическая деятельность и ее виды : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. – Минск, 2006. – С. 18.

благам, каким образом обеспечивается баланс интересов участников правоотношений, насколько качественно (реально, а не формально) обеспечиваются возможности реализации законодательно закрепленных прав, свобод и интересов человека и гражданина, а также насколько действенны механизмы гарантий и защиты этих прав, свобод и интересов.

Современное развитие общества, технических норм способствует внедрению в общественные правоотношения все новых и новых технологий. Вспомним, 100 лет назад удивительной и незаменимой была почта, процессы обмена информацией на значительные расстояния возлагались исключительно на нее. В дальнейшем ускорение коммуникативных процессов способствовало изобретению телеграфа. Следующим шагом в этой цепочке стало открытие А. Г. Белла, а именно телефон. Но с течением времени технологии проводной связи перестали удовлетворять потребности человечества в общении.

Идея сотовой телефонной связи появилась у компании AT&T Bell Labs еще в 1946 г. Тогда эта фирма создала первый в мире радиотелефонный сервис: это был гибрид телефона и радиопередатчика. Около десяти лет AT&T Bell Labs и Motorola вели исследования параллельно. Motorola сумела быстрее добиться успеха и победила. 6 марта 1983 г. был выпущен первый в мире коммерческий портативный сотовый телефон [1]. И, спустя почти 30 лет мобильная связь тесно вошла в нашу повседневную жизнь.

Всякое новаторство требует четкого урегулирования с помощью возможных регуляторов. Поскольку мы имеем дело с общественными отношениями по использованию технических средств удовлетворения потребностей человека возникает ряд пробелов, связанных с урегулированием использования мобильной связи, обусловленной удовлетворением интересов в обмене информацией. В этом контексте использование права, как одной из универсальных систем урегулирования общественных отношений, представляется наиболее целесообразным. Несмотря на все предпринятое развитие технических процессов мобильной связи, вопросы правового регулирования использования мобильной связи существенно отстают от современных потребностей в этой отрасли.

Современные государства избирают свой собственный путь правового регулирования отношений, связанных с использованием мобильной связи. С этой целью создаются специальные органы исполнительной власти, на плечи которых возлагаются вопросы подготовки нормативно-правовых актов в сфере регулирования деятельности субъектов, которые оказывают услуги мобильной связи. Так, в Украине Указом Президента Украины № 1067/2011 от 23 ноября 2011 г. создана Национальная комиссия, которая осуществляет государственное регулирование в сфере связи и информатизации [2].

Анализ законодательных и подзаконных нормативно-правовых актов позволяет прийти к выводу, что основное внимание уделяется регламентированию работы субъектов предпринимательской деятельности в сфере оказания услуг мобильной связи. К примеру, в разделе «Законодательство» официального сайта Национальной комиссии, которая осуществляет государственное регулирование в сфере связи и информатизации (далее – Комиссия) указано

13 законодательных актов, нормы которых определяют общие принципы деятельности в сфере телекоммуникаций. Процессам лицензирования деятельности провайдеров посвящено 2 постановления Кабинета Министров Украины и 6 нормативных документов Комиссии, в которых содержатся лицензионные условия. В то же время в разделе «Государственный надзор» указано 7 нормативно-правовых актов, а именно Кодекс Украины об административных правонарушениях, который содержит нормы, раскрывающие деяния, за которые предусмотрена административная ответственность. Здесь же указываются Законы Украины «Об обращениях граждан» (содержащие нормы о порядке обращения граждан), «О таможенном тарифе Украины» (представляет интерес исключительно для субъектов, которые занимаются предпринимательской деятельностью, связанной с перемещением товаров, услуг через таможенную территорию Украины). Все остальные нормативные документы – это решения Комиссии, посвященные вопросам государственного надзора за рынком телекоммуникаций, за использованием радиочастотного ресурса, взаимодействия Комиссии с другими государственными органами по вопросам предупреждения, выявления и прекращения нарушений в отрасли связи, а также измерениям параметров телекоммуникационных сетей [2].

Акцентируем внимание, что на официальном сайте вообще отсутствуют разделы законодательного регулирования вопросов защиты прав абонентов мобильной связи. Анализируя действующее законодательство о телекоммуникациях, связанное с регламентированием оказания услуг мобильной связи, отметим, что механизму защиты прав, свобод и интересов абонентов практически не уделяется внимания. Безусловно, нормы содержат декларации о том, что потребители услуг мобильной связи имеют определенные в законах и иных подзаконных нормативно-правовых актах права и интересы, но как их реализовать – этот вопрос остается за кадром законодательного регулирования. С одной стороны, это связано с существованием определенных лоббистских групп провайдеров мобильной связи. Как бы там ни было, на наш взгляд, основное внимание должно уделяться именно механизму охраны и защиты именно прав и интересов абонентов мобильной связи. В связи с этим хотим определить ряд актуальных вопросов, которые требуют решения в кратчайшие сроки, путем принятия новых или изменений действующих нормативно-правовых актов. Среди всего этого необходимо выделить вопросы, связанные с возможностью использования судебного способа защиты прав и интересов, а именно сбора доказательств. На данный момент провайдер мобильной связи имеет право сохранять информацию о звонках абонента на протяжении сроков исковой давности (до 3 лет). При этом для получения абонентом такой информации у провайдера, первому необходимо заплатить определенную сумму, тогда как провайдер пользуется этой информацией бесплатно. В результате стороны пребывают в неравных условиях. Также поднятый вопрос связан с исполнением отдельных следственных действий, а именно – со снятой информацией с каналов связи (ст. 187 УПК Украины [3]). Как правило, снятие информации с каналов связи имеет два направления – на будущее и в прошлое. Последнее

приобретает значение, когда интересуют вопросы места пребывания абонента в прошлом, его прошлых контактов.

В итоге считаем необходимым внесение изменений в действующее законодательство, связанных с предоставлением абонентам бесплатного доступа к информации, которая хранится у провайдера мобильной связи о данном абоненте, обеспечивая тем самым равные права абонента и провайдера.

Кроме того, на наш взгляд, целесообразно закрепить норму о том, что провайдер имеет право фиксировать содержание разговоров абонентов исключительно при наличии письменного согласия последнего. Вместе с тем такое согласие ни в коей мере нельзя вносить в содержание договора об оказании услуг мобильной связи, но такое соглашение может стать предметом дополнительного соглашения между провайдером и абонентом. Также информация о том, что провайдер будет хранить информацию о контактах абонента (информацию о номерах телефонов, IMEI-телефонов, на которые совершает звонки абонент), должна быть неотъемлемой составляющей договора об оказании услуг мобильной связи, где должна быть предусмотрена ответственность провайдера в случае необеспечения конфиденциальности такой информации. Таким образом, будет достигаться социальная ценность права (позитивного права), которая гарантирует равноправие участников правоотношений, связанных с предоставлением услуг мобильной связи.

Список использованных источников

1. История изобретения мобильного телефона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://proit.com.ua/mobile/2006/07/13/144440.html>. – Дата доступа: 05.09.2012.
2. Офіційний сайт Національної комісії, що здійснює державне регулювання у сфері зв'язку та інформатизації [Электронный ресурс]. – Режим доступа : – <http://www.nkrzi.gov.ua/uk/about/history/>. – Дата доступа : 05.09.2012.
3. Кримінально-процесуальний кодекс України від 28 грудня 1960 року [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/1002-05/print1343378171076294>. – Дата доступа : 05.09.2012 года.

О ПРАВЕ НА ДОСТУП К ПРИРОДНЫМ РЕСУРСАМ

Н. А. Шингель

*Белорусский
государственный университет*

О праве на доступ к природным ресурсам можно вести речь применительно к праву природопользования, особенно общего природопользования, которое предоставляется гражданам для удовлетворения их потребностей

безвозмездно без закрепления этих ресурсов за ними и без получения соответствующих разрешений (ст. 16 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» (далее – Закон об охране окружающей среды)) [1]. Это право не названо ни среди прав граждан в области охраны окружающей среды, предусмотренных в ст. 12 этого Закона, ни в ст. 16, устанавливающей виды и условия осуществления общего и специального природопользования. Закон об охране окружающей среды закрепляет только доступ к экологической информации (ст. 74-1).

Статья 53 Закона Республики Беларусь «О растительном мире» [2] закрепляет такое право пользователей объектов растительного мира, осуществляющих специальное пользование, как право доступа на земельный участок или водный объект, в границах которых расположены объекты растительного мира, предоставленные им в пользование. Механизм его реализации представляется достаточно спорным и неопределенным, так как взаимосвязь этого права с правом землепользования и водопользования других лиц требует закрепления соответствующих норм в земельном и водном законодательстве. Закон Республики Беларусь «О животном мире» [3] содержит аналогичное положение. Статья 40 Закона среди прав пользователей объектов животного мира называет право доступа в угодья, в которых обитают предоставленные им в пользование объекты животного мира. Указание в данной норме на предоставление в пользование объектов животного мира показывает, что речь идет также о специальном пользовании этим компонентом природной среды.

Природоресурсное законодательство трактует доступ к природным ресурсам достаточно узко и лишь как юридическую гарантию прав специальных природопользователей осуществлять разрешенные виды пользования. Правовые нормы, рассматривающие доступ к природным ресурсам, в экологическом законодательстве отсутствуют [4].

Отдельные положения, указывающие на формирование этого права, содержатся в нормативных правовых актах иных отраслей. Например, возможность доступа на земельные участки, находящиеся в государственной собственности Республики Беларусь, установлена ст. 263 ГК [5]. И хотя расшифровка термина «доступ», несвойственного земельным правоотношениям, в гражданском законодательстве не дается, мы можем соотнести его с общим землепользованием, которое не получило закрепления в земельном законодательстве.

Статья 13 Закона Республики Беларусь «О туризме» [6] закрепляет право участников туристической деятельности на свободный доступ к туристическим ресурсам с учетом принятых в стране (месте) временного пребывания ограничительных мер. К туристическим ресурсам этот закон относит также природные объекты, удовлетворяющие духовные потребности туристов, экскурсантов и (или) содействующие укреплению и восстановлению их здоровья, что вытекает из содержания данных правоотношений.

Таким образом, если рассматривать доступ к природным ресурсам как гарантию общего природопользования, то ее можно считать одной из мер по обеспечению устойчивого развития путем предоставления наиболее ущемленным слоям населения более широких возможностей в области природопользования.

Список использованных источников

1. Об охране окружающей среды : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2002 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс]. – ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
2. О растительном мире : Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 205-3 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс]. – ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
3. О животном мире : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2007 г., № 257-3 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс]. – ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
4. О Государственной программе по водоснабжению и водоотведению «Чистая вода» на 2011–2015 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 сент. 2011 г., № 1234 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс]. – ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
5. Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-3 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс]. – ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
6. О туризме : Закон Респ. Беларусь, 25 нояб. 1999 г., № 326-3: в редакции Закона Респ. Беларусь от 9 янв. 2007 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс]. – ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ УЧЕТА ВОД

И. М. Чиж

*Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь*

В юридической литературе в качестве одной из главных функций государственного управления водными ресурсами называют осуществление учета вод [1, с. 172]. Управление использованием и охраной вод как важного природного ресурса предполагает получение сведений об их состоянии, что достигается, прежде всего, путем учета.

Согласно ст. 90 Водного кодекса Республики Беларусь (далее – ВК) государственный учет вод и их использования осуществляется в целях обеспечения текущего и перспективного планирования рационального использования и охраны вод. Задачей государственного учета является получение данных о

количестве и качестве вод, данных об их использовании [2]. Государственному учету, в соответствии с ч. 3 ст. 90 ВК, подлежат все воды, составляющие водный фонд Республики Беларусь, а также использование вод водопользователями для питьевых, хозяйственно-бытовых, лечебных, оздоровительных и других нужд населения. Государственный учет вод и их использования осуществляется Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, его территориальными органами, органами государственного санитарного надзора.

В науке помимо государственного учета в области охраны окружающей среды выделяют учет, проводимый юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями при осуществлении ими хозяйственной и иной деятельности [3, с. 155]. Общие нормы о проведении данного учета закреплены в ст. 71 Закона «Об охране окружающей среды», согласно которой юридические лица и индивидуальные предприниматели при осуществлении хозяйственной и иной деятельности обязаны вести учет используемых природных ресурсов, выбросов и сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду, а также учет иных видов вредного воздействия на окружающую среду [4]. Подобной нормы в ВК нет.

Вопросы, касающиеся осуществления юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями учета использования вод, регулируются Инструкцией о порядке ведения первичного учета использования вод [5]. Согласно данной Инструкции первичному учету подлежит забор воды из поверхностных и подземных источников и сброс сточных вод в окружающую среду юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями (далее – водопользователи) с применением водохозяйственных сооружений и технических устройств.

Первичный учет использования вод осуществляется путем измерения с помощью средств измерения объемов забираемых вод из поверхностных и подземных источников и сбрасываемых сточных вод в окружающую среду, обработки и регистрации количественных и качественных характеристик забора воды из поверхностных и подземных источников и сброса сточных вод в окружающую среду. Результаты первичного учета использования вод фиксируются водопользователями в формах первичной учетной документации согласно приложениям 6–8 к постановлению Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 2 июня 2009 г. № 33 [6].

Помимо первичной отчетности по использованию вод в Республике Беларусь осуществляется государственная статическая отчетность в исследуемой области. При этом государственную статистическую отчетность по форме 1-вода (Минприроды) «Отчет об использовании воды» обязаны предоставлять лишь те водопользователи, которые забирают и используют значительные объемы воды, либо забирают минеральные воды из подземных источников,

либо отводят сточные воды при использовании приемников, относящихся к объектам окружающей среды.

Нормативными правовыми актами помимо государственного учета вод предусмотрен учет, проводимый юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Считаю целесообразным в главе 23 ВК установить нормы, регламентирующие учет вод и их использования, осуществляемый юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями при осуществлении ими хозяйственной и иной деятельности.

Список использованных источников

1. Калинин, И. Б. Правовое регулирование ресурсопользования / И. Б. Калинин. – Томск : Изд-во Научно-технической лит., 2001. – 314 с.

2. Водный кодекс Республики Беларусь : кодекс Респ. Беларусь, 15 июля 1998 г., № 191-З // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс]. – ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

3. Экологическое право : учеб. пособие / С. А. Балащенко [и др.] ; под ред. Т. И. Макаровой, В. Е. Лизгаро. – Минск : БГУ, 2008. – 495 с.

4. Об охране окружающей среды : Закон Респ. Беларусь, 26 нояб. 1992 г., № 1982-ХІІ: в редакции Закона Респ. Беларусь от 17.07.2002 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс]. – ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

5. Об утверждении Инструкции о порядке ведения первичного учета использования вод : постановление М-ва природных ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь, 21 сент. 2007 г., № 75 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс]. – ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

6. Об утверждении форм учетной документации в области охраны окружающей среды и Инструкции о порядке применения и заполнения форм учетной документации в области охраны окружающей среды: постановление М-ва природных ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь, 2 июня 2009 г., № 33 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс]. – ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

ОБЪЕКТЫ ПРАВА РЕКРЕАЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Л. А. Самусенко

*Белорусский
государственный университет*

Право рекреационного природопользования возникает в связи с использованием природной среды в рекреационных целях. В процессе рекреационного природопользования могут использоваться любые компоненты природной среды и природные объекты, относительно которых отсутствуют ограничения либо запрет по использованию в рекреационных целях.

Для специальных объектов права рекреационного природопользования рекреационная цель их использования является главной или равнозначной и означает возможность пользования ими для других целей только при условии, если это не противоречит основной цели, что дает основание отнести такие природные территории и ресурсы к рекреационным.

Наличие двух видов объектов права рекреационного природопользования прослеживается в законодательстве. Анализ нормативных правовых актов о природных территориях показывает, что практически все природные территории могут использоваться в рекреационных целях при условии, если это не противоречит основной цели их создания и функционирования.

Для отдельных видов природных территорий рекреационная цель их использования является главной либо равнозначной. Главной целью *туристических зон* является развитие туризма; *зон отдыха* – массовый отдых; *курортов* – лечение и профилактика заболеваний. В качестве равнозначной выступает рекреационная цель в *национальных парках*, создаваемых для восстановления или сохранения ценных природных комплексов или объектов и их использования в процессе рекреационной и иной деятельности; в *биосферных резерватах*, организуемых для рационального (устойчивого) использования природных ресурсов. *Населенные пункты* имеют необходимые условия для организации жизнедеятельности граждан, в том числе отдыха. *Зеленые зоны* выполняют защитные и санитарно-гигиенические функции и являются местом отдыха населения. *Пригородные зоны* предназначены для перспективного развития города, размещения объектов хозяйственного назначения, рекреации и улучшения санитарно-гигиенического состояния городской среды. Аналогичный подход имеет место и в природоресурсном законодательстве. Любые природные ресурсы могут быть объектами общего, в том числе рекреационного, пользования. Кодекс Республики Беларусь о земле в качестве объектов права общего землепользования называет только земли общего пользования, однако согласно ГК Беларусь ими могут быть любые земли.

Закреплен перечень природных ресурсов, для которых рекреационная цель использования является главной либо равнозначной. *Городские, курортные леса и лесопарковые части зеленых зон* используются преимущественно для отдыха; *лечебные водные объекты* – только для лечебных, курортных и оздоровительных целей, *места массового отдыха и спорта водных объектов* – для отдыха и спорта; *подземные лечебные минеральные воды* – для лечебных целей. *Земли оздоровительного назначения* предоставляются для размещения объектов санаторно-курортного лечения и оздоровления, а *рекреационного назначения* – объектов организованного массового отдыха и туризма. *Насаждения общего пользования* предназначены для организации различных форм массового отдыха.

Равнозначной является рекреационная цель при использовании *геотермальных ресурсов недр* для лечебных и оздоровительных целей; *подземных*

пространств – для размещения, строительства и (или) эксплуатации объектов социальной инфраструктуры; *диких животных, относящихся к объектам рыболовства*, – для любительского рыболовства; *охотничьих животных* – для охоты, в понятии которой рекреационный признак не отражен.

Выделяя рекреационную цель использования природной среды, законодательство в то же время недостаточно регулирует порядок такого использования, который установлен только в отношении участков лесного фонда и диких животных, но не в полном объеме.

В законодательстве закреплена возможность использования любых объектов природной среды в рекреационных целях (за исключением законодательства о недрах и земельного законодательства). Выделяются природные рекреационные территории и ресурсы, специально предназначенные для рекреации. Считаем необходимым закрепить термины «природные рекреационные территории» и «природные рекреационные ресурсы» в экологическом законодательстве, определить их состав; уточнить имеющийся порядок пользования участками лесного фонда и дикими животными, разработать порядок пользования объектами растительного мира, водными объектами, участками недр в рекреационных целях; установить порядок пользования землями рекреационного и оздоровительного назначения.

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н. А. Лопуть

*Белорусский
государственный университет*

Законодательное регулирование отношений в области государственного долга осуществляется Бюджетным кодексом Республики Беларусь [1], указами Президента Республики Беларусь от 30 июня 2008 г. № 359 «О некоторых вопросах предоставления гарантий Правительства Республики Беларусь по кредитам, выдаваемым банками Республики Беларусь» (далее – Указ № 359) [2] и от 18 апреля 2006 г. № 252 «Об утверждении Положения о внешних государственных займах и внешних займах, привлеченных под гарантии Правительства Республики Беларусь» (далее – Указ № 252) [3]. Положения данных нормативных правовых актов постоянно совершенствуются, вместе с тем существуют требующие устранения пробелы, кроме того, имеются следующие нуждающиеся в реализации предложения.

1. Цели привлечения государственных займов и займов, гарантированных государством, всегда рассматривались в контексте самой необходимости и воз-

возможности осуществления таких заимствований. Между тем, цели привлечения займов под гарантии Правительства Республики Беларусь определены только в отношении внешних займов. При этом суммы платежей, осуществляемых республикой в качестве гаранта, свидетельствуют о проблемах при выборе проектов и заемщиков, за которые ручается государство.

Считаем необходимым закрепить на уровне законодательного акта цели привлечения кредитов белорусских банков под гарантии Правительства Республики Беларусь.

2. При неисполнении обязательств по кредитному договору с белорусским банком, либо по внешнему займу, привлеченному под гарантию Правительства Республики Беларусь, основным должником государство исполняет обязательство по гарантии. При этом законодательством предусмотрено право на регресс по выполненным Правительством Республики Беларусь платежам – бесспорное списание средств со счетов кредитополучателя. Вместе с тем, решение о применении указанного способа по внутренним гарантированным займам принимается банком. В статье 68 Бюджетного кодекса Республики Беларусь до 1 января 2011 г. содержалось положение, согласно которому суммы средств республиканского бюджета, уплаченных в связи с исполнением Правительством Республики Беларусь гарантийных обязательств, взыскивались со счетов заемщиков в бесспорном порядке Министерством финансов. Данная норма противоречила подходу, закрепленному в Указе № 359. Законодателем, в итоге, был избран подход Указа № 359, и соответствующая норма была исключена из Бюджетного кодекса. Однако банк в указанных отношениях является кредитором, а от имени гаранта – Республики Беларусь – выступает Министерство финансов. Регрессное же требование подразумевает под собой требование лица, исполнившего обязательство за должника к должнику. Учитывая изложенное, целесообразно передать указанные полномочия Министерству финансов.

В Указе № 252 также необходимо закрепить, что взыскание средств со счетов заемщика (пользователя внешнего займа) в бесспорном порядке производится на основании решения Министерства финансов.

Кроме того, Министерству финансов целесообразно предоставить право на бесспорное списание платежей со счетов пользователя внешнего государственного займа (в отношении внешних займов, предоставленных под гарантии Правительства Республики Беларусь, такое право предоставлено именно Министерству финансов).

3. Необходимо четко разграничить компетенцию между субъектами, обладающими правом на привлечение внешних государственных займов. В соответствии с Указом № 252 государственные займы для предоставления пользователям внешних займов в целях реализации инвестиционных проектов вправе привлекать и непосредственно Беларусь, и Правительство Республики Беларусь. При отсутствии соответствующих критериев по одному и тому же вопросу возможно принятие разноуровневых правовых актов.

4. В соответствии с Указом № 252 при привлечении внешнего займа под гарантию Правительства Республики Беларусь заемщиком для предоставления пользователю внешнего займа обеспечением обязательства пользователя внешнего займа перед заемщиком является выданная в пользу кредитора гарантия Правительства Республики Беларусь. Вместе с тем, указанная гарантия обеспечивает исполнение конкретных обязательств (первоначального заемщика перед кредитором). В этой связи нельзя говорить о гарантировании государством исполнения обязательств указанным способом и перед кредитором, и перед заемщиком. Государство является гарантом только перед лицом, которому предоставляется гарантия.

В указанном акте необходимо закрепить порядок обращения за получением гарантии Правительства Республики Беларусь субъектов без ведомственной подчиненности. Это можно сделать по аналогии с порядком, установленным в Указе № 359 – через облисполкомы и Минский горисполком.

Список использованных источников

1. Кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 17 июня 2008 г.: одобрен Советом Респ. 28 июня 2008 г. : по состоянию на 1 сентября 2012 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс]. – ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

2. Об утверждении Положения о внешних государственных займах и внешних займах, привлеченных под гарантии Правительства Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 18 апр. 2006 г., № 252 : с изм. и доп. по состоянию на 1 сентября 2012 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

3. О некоторых вопросах предоставления гарантий Правительства Республики Беларусь по кредитам, выдаваемым банками Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 30 июня 2008 г., № 359 : с изм. и доп. по состоянию на 1 сентября 2012 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

НАЛОГОВОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО В СИСТЕМЕ НАЛОГОВОГО ПРАВА

Л. Е. Можаяева

*Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины*

Общая теория права выработала совокупность основных понятий, характеризующих строение системы права. При этом система предстает не просто вследствие фиксирования ее элементов, а в результате их взаимосвязи, образования и функционирования составных частей. В общей теории

права существуют такие категории, как «отрасль права», «подотрасль права», «правовой институт».

Налоговое право – сложное правовое образование. При определении места налогового права в системе права считаем необходимым согласиться с мнением относительно налогового права как подотрасли финансового права, которая выступает как сложное объединение норм, институтов и их образований по предметному признаку [1, с. 6; 2, с. 52; 3, с. 51].

В настоящее время до конца не решены вопросы выделения институтов налогового права. Систему налогового права необходимо рассматривать через призму его институционального строения. По мере становления и развития налогового права выделяются в особые группы нормативные положения, составляющие его структурные элементы.

Содержанием налогового права являются его нормы. Соответственно, систему налогового права представляют структурированные и взаимосвязанные друг с другом нормы налогового права. Нормы налогового права объединяются в более общее образование – правовые институты, а те, в свою очередь, в подотрасль финансового права – налоговое право. Налоговое право состоит из общей и особенной частей, каждая из которых расчленяется на сложившиеся институты. Налоговое обязательство входит в общую часть налогового права.

В юриспруденции термин «правовой институт» означает входящую в отрасль (подотрасль) права обособленную группу взаимосвязанных юридических норм, регулирующих определенную разновидность или сторону однородных общественных отношений [4, с. 259].

В. М. Сырых говорит о следующих признаках, служащих юридическим критерием обособления той или иной совокупности норм в конкретный правовой институт: 1) юридическое единство правовых норм; 2) полнота регулирования определенной совокупности общественных отношений; 3) обособление норм, образующих правовой институт, в главах, разделах, частях и иных структурных единицах законов, других нормативно-правовых актов [5, с. 237–238].

В отношении налогового обязательства прослеживаются все три указанных признака: налоговое обязательство характеризуется единством содержания, включает в себя различные виды правовых норм, которые в комплексе регулируют все аспекты соответствующей группы общественных отношений, большинство норм данного института помещены в главах 4–7 Налогового кодекса Республики Беларусь. Изложенное позволяет утверждать, что налоговое обязательство является институтом налогового права. Налоговое обязательство как правовой институт необходимо отнести к категории сложных или комплексных правовых институтов, поскольку он является относительно крупным институтом и имеет в своем составе более мелкие самостоятельные образования (субинституты).

Таким образом, налоговое обязательство представляет собой сложный институт общей части налогового права, объединяющий нормы и субинститу-

ты, регулирующие общие положения о налоговом обязательстве. Сюда входят нормы о понятии «налоговое обязательство», основаниях его возникновения, субъектах, об исполнении налогового обязательства, о способах обеспечения исполнения налогового обязательства, об ответственности за ненадлежащее исполнение или неисполнение налогового обязательства, о прекращении налогового обязательства. Данный правовой институт закрепился в 2002 г. в Общей части Налогового кодекса Республики Беларусь и продолжает развиваться.

Список использованных источников

1. *Верстова, М. Е.* К вопросу о месте налогового права в системе права / М. Е. Верстова // Законодательство и экономика. – 2007. – № 8. – С. 5–8.
2. *Чибинев, В. М.* Проблемы определения места налогового права в системе российского права / В. М. Чибинев // Налоги. – 2006. – № 2. – С. 50–55.
3. *Крохина, Ю. А.* Налоговое право : учебник / Ю. А. Крохина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт-Издат, 2009. – 429 с.
4. *Вишневский, А. Ф.* Общая теория государства и права: учебник / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский; под общ. ред. проф. В. А. Кучинского. – М. : Изд-во деловой и учеб. лит., 2004. – 640 с.
5. *Сырых, В. М.* Теория государства и права: учебник для вузов / В. М. Сырых. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ЗАО Юстицинформ, 2007. – 704 с.

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ РАССМОТРЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ НАЛОГОВОЙ ПРОВЕРКИ

Е. П. Ярмош

*Белорусский
государственный университет*

В соответствии с пунктом восьмым ст. 78 Налогового кодекса Республики Беларусь (Общая часть) от 19 декабря 2002 г. № 166-З (далее – НК Беларуси) [1] на основании акта проверки в течение тридцати рабочих дней со дня его вручения (направления) плательщику (иному обязанному лицу) или его представителю, а в случае подачи возражений – со дня вручения (направления) плательщику (иному обязанному лицу) или его представителю заключения по этим возражениям руководителем (его заместителем) налогового органа в пределах его компетенции выносятся решение по акту проверки и (или) требование (предписание) об устранении нарушений, установленных в ходе проведения проверки.

Рядом авторов справедливо указывается на незаконность заочного (в отсутствие проверяемого субъекта или его представителя) рассмотрения материалов налоговой проверки [2, с. 25–30]. Позиция об обязательном участии

проверяемого субъекта (его представителя) основывается на соблюдении ряда основополагающих процессуальных принципов [3, с. 33].

В России в соответствии с подп. 15 п. 1 ст. 21 Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (далее – НК России) [4] налогоплательщик имеет право на участие в процессе рассмотрения материалов проверки или иных актов налоговых органов в случаях, предусмотренных НК России. С 1 января 2007 г. ст. 101 НК России дополнена пунктом четырнадцатым, в соответствии с которым нарушение существенных условий процедуры рассмотрения материалов налоговой проверки является основанием для отмены вышестоящим налоговым органом или судом решения налогового органа о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения или решения об отказе в привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения. К таким существенным условиям относится обеспечение возможности лица, в отношении которого проводилась проверка, участвовать в процессе рассмотрения материалов налоговой проверки лично и (или) через своего представителя и обеспечение возможности налогоплательщика представить объяснения. Отметим, что в России сложилась противоречивая арбитражная практика по данному вопросу. В тоже время в литературе делается однозначный вывод о необходимости отмены решения в случае неучастия лица, в отношении которого проводилась проверка, в рассмотрении ее материалов [2, с. 29].

Налоговое законодательство Республики Беларусь не содержит нормы, позволяющей налогоплательщику участвовать в рассмотрении материалов налоговой проверки и вынесении решения. Если бы налогоплательщик лично присутствовал при рассмотрении материалов налоговой проверки руководителем (заместителем руководителя) налогового органа, у него была бы непосредственная возможность возразить на установленные обстоятельства в рамках комментирования материалов проверки. В случае заочного принятия решения по акту налоговой проверки можно вести речь о нарушении принципа презумпции невиновности проверяемого субъекта, предусмотренного п. 3 Положения о порядке организации и проведении проверок, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» [5].

На основании изложенного, представляется необходимым закрепить в НК Беларуси право налогоплательщика на участие в процессе рассмотрения материалов налоговой проверки и вынесения решения по акту. Данное правомочие возможно путем дополнения пункта первого ст. 21 НК Беларуси нормой следующего содержания: «плательщик имеет право участвовать в процессе рассмотрения материалов налоговой проверки». Также считаем необходимым дополнить пункт восьмой ст. 78 НК Беларуси частью второй следующего содержания: «Руководитель (его заместитель) налогового органа извещает о времени и месте рассмотрения материалов налоговой проверки

плательщика (иное обязанное лицо), в отношении которого проводилась налоговая проверка. Плательщик (иное обязанное лицо), в отношении которого проводилась налоговая проверка, вправе участвовать в процессе рассмотрения материалов налоговой проверки лично и (или) через своего представителя. Несоблюдение руководителем (его заместителем) налогового органа требования по обеспечению возможности плательщика (иного обязанного лица), в отношении которого проводилась налоговая проверка, участвовать в процессе рассмотрения материалов налоговой проверки лично и (или) через своего представителя, а также возможности плательщика (иного обязанного лица) представить объяснения является основанием для отмены решения по акту налоговой проверки вышестоящим налоговым органом или судом».

Список использованных источников

1. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть) : Кодекс Респ. Беларусь, 19 дек. 2002 г., № 166-З // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс]ю – ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
2. *Галияхметов, Р. Р.* Возможна ли «замена игрока» при принятии решения по материалам налоговой проверки? / Р. Р. Галияхметов // Налоговед. – 2009. – № 5. – С. 24–30.
3. *Лебедев, И. А.* Доказывание в налоговом споре : теория и судебная практика / И. А. Лебедев // Ваш налоговый адвокат. – 2006. – № 5. – С. 33–40.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая), 31 июля 1998 г., № 146-ФЗ // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2012.
5. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2009 г., № 510 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс]. – ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

РАЗДЕЛ V

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО, ХОЗЯЙСТВЕННОГО И ТРУДОВОГО ПРАВА

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНОМ ОБЫЧАЕ КАК ИСТОЧНИКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

И. П. Третьякова

*Белорусский
государственный университет*

Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) содержит норму права, которая допускает использование международного обычая в качестве источника права: право, подлежащее применению к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц либо осложненным иным иностранным элементом, определяется на основании Конституции Республики Беларусь, настоящего Кодекса, иных законодательных актов, международных договоров Республики Беларусь и не противоречащих национальному законодательству международных обычаев (п. 1 ст. 1093 ГК). При этом необходимо иметь в виду следующее:

1. Речь идет о коллизионно-правовом регулировании, так как норма этой статьи коллизионная. Она определяет право, подлежащее применению к гражданско-правовым отношениям, осложненным иностранным элементом. Выбор права может быть осуществлен только на основе коллизионной нормы. Речь идет о международных обычаях, устанавливающих коллизионные нормы права.

2. Речь идет о применении международного обычая. «Международный (международно-правовой) обычай, один из основных источников международного права, представляющий собой устоявшуюся в течение длительного времени практику международных отношений, применяемую государствами

и иными субъектами международного права с осознанием правовой необходимости такой практики» [1, с. 223]. Это термин международного публичного права и выражает он согласованную волю государств. Как справедливо было отмечено – «это соглашение между государствами, возлагающее юридические обязанности на государства» [2, с. 96]. Международный обычай равносителен международному договору. «Неписанное» соглашение также как и «писанное» в национальном законодательстве должно опосредоваться национальными правовыми формами.

3. Международный обычай не должен вступать в противоречие с законодательством Беларуси, иначе он не будет рассматриваться как источник, в соответствии с которым определяется право, применимое к возникшим правоотношениям.

В каком-то другом понимании законодательство Беларуси не признает обычай источником международного частного права. Все обычаи, которые не приобрели юридической силы, являются не обычаями, а обыкновениями. Обыкновение – это единообразное устойчивое правило, сложившееся в практике, но не имеющее юридической силы [2, с. 94]. На практике они чаще всего встречаются и применяются в международном деловом, коммерческом, торговом обороте между субъектами права разных государств. Исторически их стали называть торговыми обыкновениями, обычаями делового оборота, обычаями международной торговли или торговыми обычаями.

Ввиду терминологического сходства всех терминов может произойти заблуждение относительно правовой природы обычая и обыкновения. Йорк-Антверпенские правила об общей аварии 1974 г., измененные в 1990 г., разработанные Международным морским комитетом [3] – это обыкновения, но силой п. 2 ст. 285 Кодекса торгового мореплавания РФ [4] им придано значение норм права; они стали санкционированным обычаем. В Беларуси эти же правила будут рассматриваться как обыкновения.

Как источник международного частного права обыкновения (обычаи) могут рассматриваться только в следующих случаях: 1) если эти обычаи включены в договор как одно из его условий; 2) если обычай признан обязательным отдельным государством; 3) если обычай признан обязательным несколькими государствами в форме международного договора или международно-правового обычая.

Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [5] устанавливает, что применяться может только такой обычай, который стороны знали или должны были знать и который в международной торговле известен и постоянно соблюдается сторонами в договорах в соответствующей области торговли. Обычаи, противоречащие обязательным для участников соответствующего отношения положениям законодательства или договору, не применяются (ст. 26).

В постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 31 октября 2011 г. № 21 «О некоторых вопросах рассмотрения

хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц» установлено право хозяйственных судов применять обычаи международного делового оборота в том случае, когда участники сделки прямо об этом договорились (п. 29) [6].

Список использованных источников

1. Бровка, Ю. П. Международный (международно-правовой) обычай / Ю. П. Бровка // Белорусская юридическая энциклопедия: в 4 т. / редкол. : С. А. Балашенко [и др.]. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2009. – Т. 2. К-О. – 584 с.
2. Международное частное право : учебник / Л. П. Ануфриева, К. А. Бекашев, Г. К. Дмитриева [и др.]; отв. ред. Г. К. Дмитриева. – М. : ТК Велби, Проспект, 2004. – 688 с.
3. York-Antwerp. rules. Rules of Interpretation, 1974. – Mode of access : <http://www.comitemaritime.org/York-AntwerpRules/0,2754,15432,00.html>. – Дата доступа : 13.06.2012.
4. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации : Федеральный закон РФ, 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // Правовые ресурсы [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://www.consultant.ru/popular/shipping/>. – Дата доступа : 13.06.2012.
5. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь от 15 дек. 1998 г. № 219-З : в ред. от 30.12.2011 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
6. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2011. – № 130. – 6/1092.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТОРГОВЫЙ ОБЫЧАЙ: ЗНАЧЕНИЕ И ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ

Л. В. Царева

*Белорусский
государственный университет*

1. Заключая международные коммерческие договоры, включая в них арбитражные оговорки, пророгационные соглашения о рассмотрении дел в судах иностранных государств, белорусские субъекты хозяйствования все чаще сталкиваются с разрешением возникающих разногласий на основе «*lex mercatoria*» (обычного торгового права), «*soft law*» (мягкого права), общих принципов права, международного торгового (делового) обычая. Вопросы понятия, состава, правовой природы и места данного феномена в системе регуляторов международных коммерческих договоров дискутируются в доктрине и имеют важное практическое значение.

2. Возникновение международного обычного торгового права, обусловлено стремлением создать систему норм, регулирующую международные

коммерческие договоры. Отсутствует общепризнанный подход к определению понятия *lex mercatoria*. Диапазон позиций широк: от трактовки его в качестве самостоятельного автономного правопорядка, именуемого транснациональным правом, до полезного инструмента для сторон и суда, имеющего субсидиарный характер по отношению к применимому праву. Следует признать, что ядром данного регулятора является международный торговый (деловой) обычай, который определяется как единообразное устойчивое правило, сложившееся в практике, но не имеющее юридической силы.

3. Тенденция увеличения роли *lex mercatoria* наблюдается в связи с изданием международными организациями (МТП, УНИДРУА, ЮНСИТРАЛ) сводов, систематизирующих данные правила и обеспечивающих удобство их использования. Наиболее известными в Беларуси сводами являются: Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА), действующие в редакции 2010 г.; Правила толкования международных торговых терминов *Incoterms*, действующие в редакции 2010 г.; Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международных кредитовых переводах, утвержденный в 1992 г. и др. Сводо международных торговых обычаев имеют *различные названия*, отличаются *предметом регулирования*; характеризуются *разной степенью обобщения*. Общими признаками для их норм являются: возможность использования в коммерческом обороте; материальный характер; отсутствие юридической силы лишь по причине их включения в свод.

4. Основанием применения обычаев торгового оборота может выступать: соглашение сторон договора; предписание применимого к договору права; инициатива суда (арбитража).

Ряд государств закрепляют обязательное применение в качестве источника правового регулирования определенных торговых обычаев. Законодательство Беларуси предписывает сторонам руководствоваться УСР 600 в редакции, действующей на дату открытия аккредитива (п. 8 Инструкции о порядке совершения банковских документарных операций, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 29 марта 2001 г., № 67).

Возможность применения международных торговых обычаев арбитражами и национальными судами по собственной инициативе зависит от содержания источников, регулирующих их деятельность, и применимого права. Торговый обычай является основанием для вынесения многих арбитражных решений. По статистическим данным на 31.08.2011 г. из 55 арбитражных решений, разрешенных по существу на основании принципов УНИДРУА, при вынесении 40 из них Принципы были применены арбитражами *ex officio*.

Часть 2 ст. 26 ХПК Республики Беларусь позволяет применять хозяйственным судам Беларуси международные торговые обычаи при соблюдении условий: 1) стороны знали или должны были знать об этих обычаях; 2) они широко известны в международной торговле; 3) они постоянно соблюдаются

сторонами в договорах данного рода в соответствующей области торговли; 4) они не противоречат обязательным положениям законодательства и договору. Однако это право блокируется п. 29 постановления Пленума ВХС № 21 от 31.11.2011 г. «О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц», согласно которому суд вправе применять обычаи международного делового оборота только в случае, *«когда участники сделки прямо договорились об их применении»*.

В условиях развития международной торговли вопросы глобализации ее регулирования приобретают все большую актуальность. Использование международного торгового обычая представляет собой один из действенных способов универсального регулирования. В Беларуси целесообразными представляются популяризация в деловых кругах и допущение применения по инициативе суда международного торгового обычая.

К ДИСКУССИИ О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ НА ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА

С. И. Шимон

*Национальный педагогический
университет имени М. П. Драгоманова*

Условия современного гражданского оборота требуют переосмысления традиционной концепции права собственности. Это связано с расширением оборота имущественных прав. Поднимается вопрос о возможности признания имущественных прав объектами права собственности. Он обсуждается в украинской, российской и белорусской цивилистике (М. Брагинский, А. Бритвин, Н. Гадзюк и др.). Единства взглядов на этот вопрос учеными не достигнуто: есть и сторонники признания имущественных прав объектами права собственности (М. Брагинский, И. Гумаров, Д. Мурзин и др.), и оппоненты (В. Витрянский, А. Дзера, А. Яковлев и др.).

Камнем преткновения в данной проблеме является вопрос о возможности применения к имущественным правам классической триады полномочий. Наиболее спорным является вопрос о «владении», которое применимо к материальным объектам и считается невозможным в отношении бестелесных [1, с. 232–237], поскольку является «физическим господством над вещью» [2, с. 274]. Поиски новых решений приводят к оригинальным идеям, например, о том, что имущественные права принадлежат владельцу на праве «держания» [3, с. 70–73], что небезосновательно раскритиковано в науке [4, с. 60–67].

По мнению украинского ученого А. В. Дзеры, владением является юридически обеспеченная возможность удерживать имущество в сфере фактического хозяйственного влияния [5, с. 637]. Это невозможно в отношении

имущественного права, поэтому если и существует право собственности на него, правомочие владения не входит в его содержание.

Закон предусматривает существование права собственности на бестелесные объекты. Фактическое владение такими бестелесными объектами заменяется соответствующей учетной записью о собственнике бумаг в реестре хранителя. Закон говорит о «хранении» (бездокументарных ценных бумаг), что предполагает владение объектами. Современное законодательство допускает *фикцию владения* объектом права собственности, как зафиксированную в установленной законом форме принадлежность определенных объектов гражданских правоотношений определенному лицу.

Правомочие пользования в отношении бестелесных объектов тоже имеет свою специфику. Получение дивидендов по ценным бумагам возможно только в результате использования в гражданском обороте тех реальных имущественных ценностей, которыми обеспечены соответствующие ценные бумаги. Мы можем говорить о *фикции пользования*.

Бесспорным является правомочие распоряжения бестелесными объектами, которое прямо предусмотрено законом в нормах, признающих имущественные права предметом купли-продажи, мены, дарения, найма и пр. Это полномочие является определяющим в содержании права собственности.

Вопрос о признании имущественных прав объектами права собственности не лишен смысла, несмотря на то, что не вписывается в традиционное видение содержания этого права и традиционная триада полномочий неприменима к имущественному праву. Определяющим в этом случае является право распоряжения. Распространение на случаи оборота имущественных прав аналогии закона является невозможным. Единственным выходом в решении проблемы является применение юридических фикций, основы которых заложены в положении ст. 190 ГК Украины, которая признает имущественное право вещью.

Список использованных источников

1. Дозорцев, В. А. Принципиальные черты права собственности в Гражданском кодексе / В. А. Дозорцев / Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика : Сборник памяти С. А. Хохлова / Г. Е. Авилов [и др.] ; отв. ред. : А. Л. Маковский. – М. : Междунар. центра финансово-эконом. развития, 1998. – С. 228–271.

2. Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве / К. И. Скловский. – 4-е изд., перераб., доп. – М. : Статут, 2008. – 922 с.

3. Чеговадзе, Л. А. К вопросу о механизме перехода права (требования) / Л. А. Чеговадзе / Хозяйство и право. – 2002. – № 6 – С. 70–73.

4. Скловский, К. Механизм перехода права и последствия цессии / К. Скловский // Хозяйство и право. – 2002. – № 2. – С. 60–67.

5. Цивільне право України. Загальна частина : підручник / за ред. О. В. Дзери, Н. С. Кузнецової, Р. А. Майданика. – 3-тє вид., перероб. і допов. – Київ : Юрінком Інтер, 2010. – 976 с.

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СУБЪЕКТОВ ПРАВА НА ФИРМЕННОЕ НАИМЕНОВАНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Е. А. Салей, Д. Д. Ландо
*Белорусский
государственный университет*

1. Для индивидуализации юридического лица как самостоятельного субъекта права ГК (ст. 50) использует наряду с категорией «место нахождения» термин «наименование» юридического лица. Помимо «наименования» юридического лица в законодательстве используются такие термины, как «фирменное наименование» и «специальное наименование», соотношение между которыми является весьма дискуссионным.

Законом Республики Беларусь от 20 июня 2008 г. в ст. 50 ГК были внесены изменения, которые вряд ли можно признать верными с доктринальной точки зрения (исторически понятие «фирма» связывалось с субъектом, осуществляющим коммерческую (хозяйственную) деятельность) и целесообразными с точки зрения практического применения. Соглашаясь с тем, что правила о регистрации и использовании фирменных наименований, содержащиеся в ст. 50 ГК, были излишними в связи с наличием специального параграфа 1 «Фирменное наименование» главы 67 ГК «Средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг», исключение положения о том, что коммерческие организации обладают фирменным наименованием, привело к тому, что на уровне законодательных актов четко не определен субъект права на фирменное наименование. В данном параграфе субъектами права на фирменное наименование признаются юридические лица без конкретизации их организационно-правовой формы и (или) вида.

В рамках регулирования ГК отдельных видов коммерческих организаций такой термин, как «фирменное наименование», используется, в частности, в ст. 66 и 81 ГК применительно к хозяйственным товариществам (полным и командитным), в ст. 86, 94, 96 ГК – к хозяйственным обществам (ООО, ОДО, АО), в ст. 107 ГК – к производственным кооперативам, в ст. 113 ГК – к унитарным предприятиям. К таким организационно-правовым формам коммерческих организаций, как крестьянские (фермерские) хозяйства и государственные объединения, термин «фирменное наименование» не применяется. Относительно государственных объединений неприменение указанного термина можно объяснить их двойственным характером: в соответствии со ст. 123.1 ГК государственные объединения являются некоммерческими организациями, за исключением случаев принятия в соответствии с законодательством решений о признании их коммерческими организациями. Для индивидуализации некоммерческих организаций законодатель применяет исключительно термин «наименование» (ст. 116, 118, 121 ГК и др.).

В нормах ГК о фирменных наименованиях отдельных организационно-правовых форм и видов коммерческих организаций применяется термин «наименование». Наименование рассматривается как составная часть фирменного наименования (например, в соответствии с п. 2 ст. 96 ГК фирменное наименование акционерного общества должно содержать его наименование и указание на то, что общество является акционерным), что вступает в противоречие со ст. 50 ГК, закрепляющей общее правило о том, что наименование юридического лица должно содержать указание на его организационно-правовую форму. В содержании норм ГК о фирменных наименованиях отдельных организационно-правовых форм и видов коммерческих организаций речь идет о собственно наименованиях юридических лиц (а не о «наименованиях»), которые в соответствии с постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 5 марта 2009 г. № 20 «О согласовании наименований юридических лиц» именуются как специальные наименования.

Считаем целесообразным дополнить ст. 50 ГК указанием на то, что коммерческое юридическое лицо обладает фирменным наименованием, изложив предложение 1 п. 1 в следующей редакции: «Юридическое лицо имеет свое наименование (коммерческое юридическое лицо – фирменное наименование), содержащее указание на его организационно-правовую форму и специальное наименование». Легализация в указанной статье о наименованиях юридических лиц термина «специальное наименование» повлечет, в свою очередь, либо необходимость корректировки соответствующей терминологии в ст. 66, 81, 86, 94, 96, 107, 113 ГК, чтобы снять противоречие относительно содержания термина «фирменное наименование» отдельных коммерческих юридических лиц, либо отказ от соответствующих специальных норм применительно к отдельным организационно-правовым формам коммерческих организаций как дублирующих общее правило. Второй вариант, с нашей точки зрения, является более предпочтительным, поскольку снимает проблему оценки крестьянского (фермерского) хозяйства и государственных объединений, признаваемых коммерческими организациями, как субъектов права на фирменное наименование.

2. Определяя субъектный состав права на фирменное наименование как коммерческие юридические лица независимо от их организационно-правовой формы, обратим внимание на то, что право на фирменное наименование является одним из двух обязательных элементов лицензионного комплекса, составляющего предмет договора франчайзинга. Согласно п. 3 ст. 910 ГК сторонами договора франчайзинга могут быть не только коммерческие организации, но и индивидуальные предприниматели. В силу п. 1 ст. 18 ГК индивидуальный предприниматель участвует в гражданском обороте под своим именем, включающим фамилию, собственное имя и отчество, если иное не вытекает из законодательства. Диспозитивный характер нормы допускает отступление от общего правила индивидуализации участия физического лица – индивидуального предпринимателя в гражданском обороте, вместе с тем в

соответствии со ст. 1013 ГК исключительное право использовать фирменное наименование имеет только юридическое лицо. В литературе высказывались предложения по исключению индивидуального предпринимателя из числа первоначальных правообладателей применительно к фирменному наименованию. Целесообразно предусмотреть, что индивидуальный предприниматель вообще не может являться стороной договора франчайзинга.

О ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ УСТАВНОГО ФОНДА КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СВЕТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРИВАТИЗАЦИИ

Ю. А. Амельчя

*Академия управления
при Президенте Республики Беларусь*

Помимо общих норм, специальными нормами законодательства может устанавливаться особый правовой режим для отдельных субъектов права, касающийся имущественной составляющей их деятельности. Интерес представляют нормы законодательства о приватизации в контексте преобразования государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества.

При преобразовании государственного унитарного предприятия в открытое акционерное общество размер уставного фонда определяется исходя из балансовой стоимости активов и пассивов государственного унитарного предприятия либо нескольких государственных унитарных предприятий на 1 января года, в котором проводится преобразование, в порядке, установленном республиканским органом государственного управления по управлению государственным имуществом, а в случае участия другого учредителя – также исходя из стоимости вклада такого учредителя и не может быть ниже минимального размера, установленного законодательными актами (ч. 21 ст. 25 Закона Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2103-ХІІ «О приватизации государственного имущества и преобразовании государственных унитарных предприятий в открытые акционерные общества» в редакции от 16.07.2010 г., далее – Закон).

С точки зрения Закона для имущества, вносимого в качестве вклада в уставный фонд открытого акционерного общества, учредителем-государством, и другим, кроме государства, учредителем установлен различный режим определения стоимости: 1) для учредителя-государства: размер уставного фонда открытого акционерного общества определяется исходя из балансовой стоимости активов и пассивов государственного унитарного предприятия либо нескольких государственных унитарных предприятий на 1 января года, в котором проводится преобразование; 2) для другого, кроме государства, уч-

редителя также учитывается стоимость вклада, определенная в соответствии с актами законодательства.

Особенность процесса формирования уставного фонда открытых акционерных обществ состоит в том, что при определении размера уставного фонда открытого акционерного общества в стоимость активов включаются внеоборотные и оборотные активы, за исключением некоторых из них. Подобный подход к порядку формирования уставного фонда может повлечь некоторые вопросы, если речь идет о включении в уставный фонд открытого акционерного общества «проблемного» имущества по балансовой стоимости.

Поскольку активы реорганизованного юридического лица включены в состав уставного фонда, они положены в основу эмитированных открытым акционерным обществом акций. Если ОАО примет решение продать имущество, за счет которого сформирован уставный фонд, по рыночной цене, в несколько раз меньшей, чем его балансовая стоимость, положенная в основу при определении размера уставного фонда, правомерным ли будет подобное решение? Продажа имущества по меньшей цене, чем та, которая положена в основу для целей формирования уставного фонда, может повлечь уменьшение стоимости чистых активов, хотя правовые последствия уменьшения стоимости менее жесткие, чем для иных субъектов хозяйствования, поскольку к открытым акционерным обществам невозможно применить ч. 3 ст. 47-1 ГК.

Необходимо признать, что нынешний подход законодателя к порядку формирования уставного фонда ОАО нуждается в уточнении в части унификации подходов к порядку оценки имущества – неденежного вклада, вносимого в уставный фонд ОАО государством как учредителем ОАО и иными, кроме государства, учредителями, что обеспечит объективную оценку стоимости вклада с учетом его физического состояния и возможности использования в предпринимательской деятельности.

АВТОРСКИЙ ДОГОВОР ЗАКАЗА

Е. А. Свадковская

*Белорусский
государственный университет*

1. Впервые в Законе Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах» появилась статья, регулирующая отношения по договору о создании и использовании объекта авторского права или смежных прав. Согласно ч. 1 п. 1 ст. 46 Закона автор (исполнитель) может принять на себя по договору обязательство создать в будущем произведение (исполнение) и предоставить заказчику, не являющемуся его нанимателем, право использовать это произведение (исполнение).

В доктрине гражданского права этот вид договора известен как авторский договор заказа, выделяемый из числа остальных авторских договоров по степени готовности произведения науки, литературы, искусства. Используется данный термин и в законодательстве других стран СНГ. Так, в ст. 1288 ч. 4 ГК России 2006 г. соответствующие отношения опосредуются договором авторского заказа. Пункт 6 ст. 33 Закона Украины 1994 г. и ст. 33 Закона Республики Казахстан 1996 г. «Об авторском праве и смежных правах» называют этот вид договора авторским договором заказа.

Исходя из терминологии Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах», договор заказа не является авторским, что представляется нелогичным, ведь критерием выделения авторских договоров из числа всех договоров выступает субъектный состав. Только автор, выступающий в качестве лицензиара, заключает авторские договоры. Сторонами договора о создании и использовании объекта авторского права или смежных прав являются автор (исполнитель) и заказчик, не являющийся нанимателем автора. Автор как обязательная сторона авторского договора, и договора о создании и использовании объекта авторского права или смежных прав, выделяет данные виды договоров от всех иных, субъектом которых является правообладатель. В связи с вышеизложенным ст. 46 Закона следовало бы переименовать на «Авторский договор заказа».

2. Наибольшие научные споры вызывает вопрос о том, является ли авторский договор заказа разновидностью договора подряда и распространяемы ли на отношения по созданию произведений науки, литературы и искусства нормы ГК о договорах подряда. Сторонники концепции того, что договоры заказа носят подрядный характер, нивелируют разницу между обычной вещью и экземпляром произведения. Приверженцы противоположной точки зрения обосновывают совершенно иную правовую природу и сам характер отношений, возникающих между автором и заказчиком.

Различия между договорами подряда и договорами заказа следует искать в творческом характере труда автора. Если при подряде речь идет о выполнении чисто технической функции, то создание творческого результата должно опосредоваться договором заказа. Различаются эти договоры и по субъектам исполнения обязательств: одной из сторон договора заказа является автор, который может выполнить обязательства, принятые им по договору, только лично, в исключительных случаях автор вправе привлечь к исполнению данного договора третьих лиц только при условии получения письменного согласия заказчика. В подрядных договорах подрядчик вправе привлекать к исполнению своих обязанностей и других лиц.

Правильность позиции, согласно которой отношения, возникающие на основании авторского договора заказа, не сводимы к подрядным отношениям, сомнений не вызывает.

3. В литературе было высказано мнение, что поскольку автором может быть только гражданин, то один из участников договора авторского заказа

(исполнитель) всегда физическое лицо. Авторский договор заказа может быть заключен и между юридическими лицами, например, юридическое лицо (наниматель) является стороной договора, хотя созданием заказанного произведения занимается его работник – физическое лицо. Несмотря на субъектный состав, в приведенном примере речь идет именно об авторском договоре заказа. Полагаю, что правовая природа отношений, возникающих между сторонами, имеет приоритет перед формальным составом сторон.

К ВОПРОСУ О МОРАЛЬНОМ ДИСКРИМИНАЦИОННОМ ВРЕДЕ

С. М. Воробьев

*Академия Федеральной службы
исполнения наказаний России*

Возникающие в результате совершения дискриминации последствия могут быть нравственными либо физическими. Нравственные страдания связаны с обидой, страхом, горем, чувством утраты, а физические могут сопровождаться физиологическими изменениями работы организма человека. Приведенные разновидности страданий можно объединить одним термином – моральный вред, который для каждого человека является различным в зависимости от степени восприятия случившегося.

Нематериальные последствия совершенной дискриминации являются опасными. Они намного опасней других последствий преступлений или правонарушений по своим масштабам, так как они могут распространяться на различные сферы жизнедеятельности общества и личности.

Исходя из нашей гипотезы, последствия в виде морального вреда могут не замыкаться на нематериальной сфере одного человека, могут распространяться на группу людей, например при совершении актов дискриминации. Эти последствия являются ощущаемыми.

Полагаем, что *моральный дискриминационный вред* представляет собой дискомфортное состояние потерпевшего, обусловленное совокупностью неблагоприятных психофизических последствий, вызванных причинением ему нравственных или физических страданий в результате совершения в отношении лица акта дискриминации.

Любое преступление дискриминационного характера посредством нарушения нематериальных благ причиняет моральный вред. Особенность морального вреда заключается в следующем: 1) моральный вред является обязательным признаком преступного деяния; 2) моральный вред наличествует при причинении другого вида вреда, он сопряжен с любым вредом и одновременно самостоятелен в причинении; 3) моральный вред от дискриминации может причиняться

обществу опосредованно, через причинение вреда потерпевшему; 4) моральный вред ставит под угрозу разрыва системы общественных отношений посредством нарушения персонифицированных отношений, то есть ограничения быть участником этих отношений (инвалидность, обострение заболевания, потеря работы, общественного статуса); 5) моральный вред связан с внутренней стороной организма человека, с душевным или психическим расстройством человека; 6) моральный вред имеет персонифицированный характер.

Существование дискриминации в обществе влияет на дестабилизацию общественных отношений посредством нарушения равноправия граждан, создания в обществе предвзятых отношений к определенным слоям населения, применения ненависти и способствует распространению в обществе правового шовинизма, целью которого является обоснование права на дискриминацию и утнетение прав человека по какому-либо признаку.

Практическое применение института компенсации морального вреда потерпевшим от дискриминации способствует стабилизации равноправия граждан в обществе и будет являться одним из способов восстановления социальной справедливости.

Таким образом, любое государство максимальным образом должно обеспечивать надежную защиту нарушенных прав человека от любых дискриминационных проявлений. Компенсация морального вреда будет выступать средством восполнения социальной справедливости, так как при дискриминации происходит нарушение прав человека. А любой статус человека складывается из взаимосвязанных прав, обязанностей и мер юридической ответственности. В связи с дискриминацией человек лишается своих прав, либо испытывает ущемление в них. Соответственно эта особенность дискриминации как явления может способствовать дестабилизации развития общественных отношений и являться одной из причин развития массовых социальных конфликтов. Любое дискриминационное нарушение должно преследоваться по закону и граждане любого государства должны иметь юридические гарантии защиты нарушенных прав от этого явления.

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ НОВЫМ ПОРОДАМ ЖИВОТНЫХ В РАЗЛИЧНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ

Д. В. Иванова

*Белорусский
государственный университет*

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) называет среди объектов интеллектуальной собственности такую разновидность селекционных достижений, как порода животных (ст. 1003). Ввиду отсутствия за-

конодательства, которое на основании п. 2 ст. 1003 ГК должно определять требования, при которых возникает право на получение патента на породы животных, и порядок выдачи такого патента, правовая охрана породам животных в Беларуси не предоставляется. При моделировании системы правовой охраны пород животных в нашей стране необходимо изучить и зарубежный опыт предоставления охраны.

2. Правовая охрана новым породам животных во многих странах не предоставляется. К такому выводу приводят результаты анализа законодательства зарубежных государств. Законодательство о породах животных отсутствует в Бельгии, Великобритании, Германии, Дании, Индии, Испании, Канаде, Македонии, Новой Зеландии, Норвегии, Словении, США, Финляндии, Франции, Хорватии, Швейцарии.

В целом следует признать нехарактерным предоставление особых прав селекционерам пород животных в странах общего права. Чаще встречается правовая охрана пород животных средствами права интеллектуальной собственности в странах континентальной правовой системы.

3. Сравнительно-правовой анализ законодательства стран общего права показал отсутствие законодательства об охране новых пород животных в какой-либо из стран этой правовой семьи. В Великобритании, Индии, Канаде и др. охраняемые селекционные достижения представлены сортами растений. Предложения ввести охрану пород животных, учитывая значение пород сельскохозяйственных животных, не привели к принятию законодательства.

4. Правовая охрана новым породам животных предоставляется не во всех странах континентальной Европы. Законодательство о породах животных имеется в Болгарии, Венгрии, Румынии, Словакии. В Болгарии и Словакии нормы о правах на сорта растений и породы животных включены в один нормативный акт. Для Венгрии и Румынии характерно объединение в одном законе норм об изобретениях, сортах растений и породах животных. Сорта растений и породы животных не считаются изобретениями, однако патентная охрана тождественна для всех трех объектов. Главой о породах животных устанавливаются особенности правовой охраны породы животных, в остальном же применяются за соответствующими исключениями положения глав (разделов), которые регулируют предоставление патентной охраны изобретениям.

5. Анализ отдельных положений нормативных актов различных государств позволяет говорить о схожем правовом регулировании отношений, связанных с породами животных. Критерии патентоспособности породы животных в анализируемых законах близки. Порода животного должна обладать новизной, отличимостью, однородностью и стабильностью (аналогично критериям патентоспособности сортов растений). Такие положения содержит Патентный Закон Румынии № 64/1991 от 11 октября 1991 г. Согласно Закону Республики Болгария от 19 сентября 1996 г. «Об охране новых сортов растений и пород животных», экспертиза анализирует цели выведения породы, краткие ха-

рактические первоначальной породы, описание методов создания породы, продуктивные свойства и морфологические признаки, адаптивность и резистентность к болезням, область распространения породы.

Согласно ст. 110 Закона Венгерской Республики 1995 г. № XXXIII «Об охране изобретений патентами» порода животных патентоспособна, если она отличима, нова и ей дано название, подходящее для регистрации. Породе животных присваивается название, которое позволяет ее идентифицировать и соответствует требованиям закона.

При предоставлении особых прав в отношении породы животных патентным органом выдается охранный документ. В Венгрии и Румынии это патент, который действует в течение 20 лет с даты подачи заявки. В Болгарии и Словакии на породу животного выдается сертификат (селекционера), который в Болгарии действует 30 лет с даты его выдачи, а в Словакии – в течение срока существования породы. Обладателю охранного документа принадлежит исключительное право на породу животного.

О ПРИМЕНЕНИИ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ЗАЩИТЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (DRM)

Н. В. Шакель

*Белорусский
государственный университет*

Произведения в цифровой форме особенно уязвимы для широкомасштабного и бесконтрольного копирования в компьютерных сетях. Сегодня при реализации имущественных интересов правообладателей акцент сместился в сферу обеспечения контроля доступа, что реализуется путем использования технических средств защиты произведений в цифровой форме, связанных с управлением своими цифровыми правами (с англ. *digital rights management*, далее – DRM). Данные средства могут быть самым общим образом подразделены на технические меры защиты авторских прав и цифровую информацию об управлении правами. Применение DRM основывается на все более очевидном понимании того, что полноценная охрана объектов авторского права невозможна без активной деятельности в этой сфере самих правообладателей. Введение и усиление этих запретов может нарушить правомерные интересы пользователей. Перед создателями новых норм стоит вопрос о том, как сохранить и поддержать баланс интересов авторов, правообладателей, общества в целом.

Первым шагом к регламентации применения DRM на международном уровне стало включение соответствующих положений в Интернет-Договоры ВОИС в 1996 г. Государства-участники обязались обеспечить надлежащую правовую охрану и эффективные средства правовой защиты от обхода су-

ствующих технических средств; обязались предусмотреть эффективные средства правовой защиты в отношении любого лица, который будет поощрять, позволять, способствовать или скрывать нарушение прав, предусмотренных Договорами ВОИС, осуществляет устранение или изменение любой электронной информации об управлении правами без разрешения [1; 2]. Договоры ВОИС требуют, чтобы меры по защите интересов правообладателей препятствовали нарушению любых прав, предусмотренных Договорами ВОИС, но не ограничивали действия, которые разрешены авторами или допускаются законом.

В конце 2011 г. было открыто для подписания Торговое соглашение по борьбе с контрафактом 2011 г. (с англ. *The Anti-Counterfeiting Trade Agreement*, далее сокр. АСТА) [3]. Положения данного соглашения, касающиеся как вопросов применения технических мер защиты, так и проблематики модификации информации об управлении правами (ст. 27 АСТА), в целом соответствуют принципам, заложенным Договорами ВОИС.

Для технических мер защиты установлен минимальный стандарт охраны для государства-участника: 1) обеспечение защиты от несанкционированного обхода эффективных технологических средств; 2) обеспечение защиты от производства, ввоза или распространения устройств или продуктов, включая компьютерные программы. Для защиты информации об управлении электронными правами государства-участники обязуются принять эффективные средства против удаления или изменения любой информации об управлении электронными правами; а также распространения, ввоза с целью распространения, транслирования, сообщения или предоставления публике экземпляров произведений, исполнений или фонограмм, в отношении которых известно, что информация об управлении электронными правами была удалена или изменена без разрешения.

Принятые на себя по АСТА обязательства не должны наносить ущерба правам, ограничениям, исключениям или защите от нарушения авторских или смежных прав, которые закреплены в законодательстве государства-участника (п. 8 ст. 27 АСТА).

Можно отметить недостаток законодательства Беларуси, которое, регламентируя вопросы применения технических мер защиты и информации об управлении правами, ставит во главу угла наличие или отсутствие разрешения автора или иного правообладателя (ч. 2 ст. 39, ч. 3 ст. 55 Закона «Об авторском праве и смежных правах» 2011 г.) [4], не указывая случаи, когда нарушение мер DRM правомерно.

Список использованных источников

1. Договор ВОИС по авторскому праву : подписан в г. Женеве, 20 дек. 1996 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юр-Спектр». – Минск, 2012.

2. Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам: [подписан в г. Женеве, 20 дек. 1996 г.] // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

3. *Тарасов, Д. А.* Анти-Контрафактное Торговое Соглашение (АСТА). Русский перевод / Д. А. Тарасов // Lex Digital Blog [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://lexdigital.ru/2012/020/>. – Дата доступа : 11.03.2012.

4. Об авторском праве и смежных правах: Закон Респ. Беларусь, 17.05.2011, № 262-З // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

ОСОБЕННОСТИ МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ В НЕКОТОРЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

А. М. Терованесов

*Донецкий
национальный университет*

Одной из гарантий обеспечения права гражданина на охрану здоровья является медицинское страхование. В случае внедрения института обязательного медицинского страхования пациенты могут быть обеспечены необходимой медицинской помощью.

Одной из первых стран, где было введено медицинское страхование, является Германия. Основным принципом немецкой системы медицинского страхования является то, что правительство не берет на себя ответственность за финансирование здравоохранения. Главная функция правительства по отношению к медицинскому страхованию – обеспечение соответствия деятельности страховых касс нормам закона, выполнения страховых программ. Государство предоставляет медицинскому страхованию обязательный характер и определяет его главные условия – базовые ставки страховых взносов, схему финансирования и организации медицинской помощи, принимает участие в формировании цен на медицинские услуги [1].

Во Франции медицинское страхование было введено в 1910 г. сначала в виде фондов взаимопомощи, а начиная с 1928 г. эти фонды были преобразованы в страховые компании. В настоящее время во Франции существует единая иерархия страховых касс, действует вертикальная система медицинского страхования: мощная страховая организация – Национальная страховая организация [2, с. 11].

В Швеции страховые законы по медицинскому страхованию были изданы в 1898 г. всеобщее обязательное медицинское страхование введено в 1955 г. национальная система социального страхования – общая и обязательная для населения страны. Медицинское и стоматологическое страхование является ее

неотъемлемой частью. Управление всей системой выполняется региональными бюро социального страхования. Управление их деятельностью выполняет Национальный Совет социального страхования. Застрахованные передают к страховщикам свои юридические права по вопросам медицинского страхования [3, с. 34].

Система медицинского страхования должна охватывать несколько составных частей: 1) обеспечение бюджетного финансирования для предоставления необходимой бесплатной медицинской помощи для всех категорий населения; 2) можно предложить внедрение обязательного медицинского страхования за счет средств работодателей и субъектов предпринимательской деятельности; 3) часть страховой системы определяется добровольным медицинским страхованием лиц.

Для нашей страны лучшим подготовительным этапом к внедрению системы медицинского страхования является внедрение данной модели в отдельной отрасли и территории – в виде эксперимента, с последующим поэтапным расширением числа регионов (областей) участников – и поэтапное расширение категорий застрахованных по обязательному медицинскому страхованию. Этапное введение обязательного медицинского страхования позволит отработать нормативно-правовую базу, необходимую для функционирования системы обязательного медицинского страхования.

Список использованных источников

1. Медицинское страхование в Украине, Великобритании, Канаде, Германии, Бельгии [Электронный ресурс] // Режим доступа : http://www.kmu.gov.ua/control/uk/publish/popup_article?art_id=6230056.

2. *Стеценко, В.* Організаційно-правові засади медичного страхування: зарубіжний досвід і пропозиції для України / В. Стеценко // Підприємництво, господарство і право. – 2009. – № 1. – С. 10–13.

3. Медичне страхування та його особливості в зарубіжних країнах // Фінансовий ринок України. – 2008. – № 8. – С. 32–38.

ДОГОВОР НАЙМА В ПРАВЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО, РУССКОГО, ЖЕМОЙТСКОГО (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

В. И. Ермолович

*Белорусский государственный
экономический университет*

В Грамотах (хрисовулах) сербских королей и «Законнике Стефана Душана» нет правовых норм, регламентирующих условия договора найма вещи (аренды). Однако с древних времен у южных славян условия договора найма

вещи определялись на основе постановлений Дигестов Юстиниана (Кн. XIX, титул II), которые в средневековой сербской редакции известны как «Законы царя Юстиниана». С IX в. н. э. на территории Сербского государства получил распространение Восточноримский свод законов – «Эклога» и «Земледельческий закон». Они представляли собою правовые акты феодальной эпохи в основе которых лежали Законы Юстиниана. В этих источниках договор найма вещи трактовался как договор, в силу которого одна сторона уступает другой право временного пользования вещью за определенное вознаграждение. Договор заключался посредством простого соглашения сторон, без соблюдения какой-либо определенной формы. Согласно ст. 1 титула XIII «Эклоги» (Славянская «Эклога» титул XII ст. 1), договор найма не мог заключаться на срок более 29 лет.

Формирование феодальных отношений способствовало более широкому утверждению института найма (аренды) в сфере землепользования у южных славян. Поэтому в феодальной Сербии приобрел широкое влияние византийский «Земледельческий закон», который был использован наряду с «Законом царя Юстиниана» (ст. 13, 14) для регулирования отношений, связанных с землепользованием. Указанные источники права регламентировали два вида арендных отношений: ипольщину и мортитство. При ипольщине тот, кто взял внаем для обработки участок земли, должен был отдать наймодателю половину полученного урожая. Мортит возвращал наймодателю одну десятую урожая. Это дает основание полагать, что мортит работал со своим инвентарем, засеивал землю своими семенами и т. д.

Нормы, которые регулируют права и обязанности сторон по договору, защищают интересы наймодателя, который обычно был представителем господствующего класса. Арендатор был обязан заботиться о нанятом имуществе, как хороший хозяин. Славянская редакция «Земледельческого закона» предусматривала, что если ипольщик, который нанял для обработки поле, засеет его, не распахав предварительно, то он не получает ничего из урожая (ст. 12). Если же кто-либо возьмет в аренду земельный участок для обработки, когда хозяин этой земли находится в отсутствии, и, передумав, оставив землю без посевов, то он отдаст за это двойной урожай в соответствии с постановлением ст. 13 славянской редакции «Земледельческого закона».

В славянской редакции «Земледельческого закона» выказывалась забота о получении прибыли землевладельцем. Согласно ст. 8, если наниматель-мортит отмерит причитающуюся наймодателю часть урожая без ведома последнего, то он лишается всего урожая. Здесь санкцией является полное лишение нанимателя выгоды, связанной с заключенным договором.

Статья 1 «Земледельческого закона» дает возможность ипольщику делать некоторые отступления от заключенного договора. Он должен сделать заявление об этом до начала работы. Закон обеспечивал землевладельцу-най-

модателю возможность самому обрабатывать свой участок земли или сдавать его внаем другому лицу. Соблюдались государственные интересы, которые выражались в сборе налогов (десятины) и интересы самого землевладельца. На это указывает ст. 14 «Земледельческого закона» и ст. 13 славянской редакции данного Закона, которые гласят, что если ипольщик взял землю исполу у землевладельца, который находится в отсутствии, то этот ипольщик должен уплатить наемную плату в двойном размере. Следовательно, в отсутствии наймодателя ипольщик не имеет возможности отступить от условий договора найма.

Договоры о найме рабочей силы и подряда не были распространены в средневековой Сербии. Это объясняется тем, что господствующий класс феодалов в то время пользовался трудом зависимых (крепостных) крестьян, а государственная власть предпочитала устанавливать многообразные повинности на своих подданных, что обеспечивало ей возможность не прибегать к широкомасштабному использованию наемной рабочей силы.

На практике чаще применялся договор подряда. Сербские ремесленники во времена средневековья работали преимущественно по поручению заказчика, и договоры, которые определяли вид их деятельности, являлись договорами подряда. В пользу этого свидетельствует полная редакция «Закона Судного Людем», из содержания которого следует, что если портной испортит материал вследствие неумения шить или злонамеренности, то он должен быть избит и лишен вознаграждения.

Средневековое законодательство Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского (далее – ВКЛ) также располагает нормами о договоре найма имущества. Наем недвижимого имущества выступает в форме арендного соглашения. Добровольное обязательство (наем) человека «вольного похожего», данное им при переходе к другому феодалу на условиях аренды имущества, считалось законным, когда было письменно оформлено и подписано тремя пользующимися доверием шляхтичами. При личном найме свободный человек – наемный работник – по своему статусу приравнивался к категории зависимых людей, которых господин мог наказывать по своему желанию. Личный наем, который заключался в соответствии с договором об использовании труда, мог выражаться в виде домашней службы, сельскохозяйственных и ремесленных работ и т. д. Договор о домашней службе требовал ежегодного перезаключения.

Закон ограничивал личный наем для некоторых категорий населения: запрещалось служить представителям христианской конфессии у евреев и татар. Однако на практике этого не придерживались. Со временем при заключении договора личного найма в практику вводилось предъявление подтверждения от прежнего нанимателя о способностях нанимаемого работника исполнять те или иные обязанности. Данная мера способствовала защите интересов

нанимателя, предупреждая в некоторой степени заключение договора с недобросовестными работниками.

В городах наемные отношения регламентировались особыми правилами, которые были связаны с условиями цеховой ремесленной организации. Наемные отношения сводились к договору о найме между цеховым мастером и его учеником. Форма договора, условия и срок его реализации зависели от устава конкретной цеховой организации. При исполнении поручений заказчика ремесленники в ВКЛ, как и в средневековом Сербском государстве руководствовались нормами договора подряда.

Указанный вид договора в праве вышеназванных стран, как и в римском частном праве, был по своему содержанию консенсуальным соглашением.

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОГРАНИЧЕНИЙ (ОБРЕМЕНЕНИЙ) ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ

О. А. Хотько

*Белорусский
государственный университет*

На современном этапе существенное значение имеет как качественно новое земельное законодательство, так и эффективность правовых норм, соответствующих ожиданиям общества. Успешное проведение земельной политики зависит от выбора правовых средств. Одним из таких средств выступают ограничения (обременения) прав на земельные участки, которые впервые закреплены в законодательстве в качестве самостоятельного объекта правового регулирования Кодексом Республики Беларусь о земле 2008 г. (далее – КоЗ) и включены в систему объектов земельных отношений. Система правовых норм в отношении ограничений (обременений) прав на землю находится в состоянии формирования. Единства терминологии и четкого нормативного инструментария в области регулирования различных ущемлений гражданских прав не содержится и в международно-правовых документах, законодательстве зарубежных стран.

Проблемой для всех юридических наук является двойной смысл понятий, используемых в праве. «Для юридической науки точность понятийного аппарата и единообразное толкование терминов являются не просто условиями взаимопонимания среди научных работников, но и важнейшим фактором, обеспечивающим единую практику применения законодательства» [1]. Необходимо закрепить в КоЗ новые определения «ограничений» и «обременений» прав на землю. На законодательном уровне следует указать отдельные виды ограничений и

обременений прав на землю. Название ст. 18 КоЗ «Ограничения (обременения) прав на земельные участки» заменить на «Ограничения прав на земельные участки», так как видов обременений данная норма не предусматривает.

Необходимо установить место ограничений (обременений) в системе земельных отношений. Они не могут рассматриваться как самостоятельный объект земельных отношений. Ограничения и обременения являются неотъемлемым элементом правового режима земель, устанавливаются при предоставлении права на земельный участок либо при его наличии, их необходимо закрепить наряду с правами на земельные участки как целое и часть. «Юридическим содержанием правоотношений являются... соответствующие и должные, т. е. предусмотренные законом возможности» [2, с. 382]. Содержанием правоотношений в области установления ограничений или обременений прав на земельные участки выступают возможности совершения каких-либо действий на нем, воздержания от них либо терпение с целью обеспечения прав третьих лиц.

Пробелом в законодательстве является отсутствие четкой процедуры установления и прекращения ограничений (обременений) прав на земельные участки. Данные категории включают в себя различный правовой смысл, основаниями их возникновения не могут выступать одни и те же обстоятельства. Если ограничения прав на земельные участки могут быть установлены в императивном порядке, то обременения фиксируются в договоре, либо сам заключенный договор выступает обременением права на участок. По мнению Н. С. Губской, такие договоры в отличие от договоров в гражданском праве заключаются на предмет использования природных ресурсов [3]. Договор наделяется инструментом государственного регулирования отношений природопользования. На законодательном уровне не закреплены ни основания, ни порядок их установления, что требует доработки законодателем.

Таким образом, важным элементом совершенствования законодательства выступает вопрос надлежащего правового регулирования отношений, складывающихся в области установления и прекращения ограничений и обременений прав на земельные участки.

Список использованных источников

1. Лизгаро, В. Е. Терминология экологического права: проблемы единообразного понимания и подходов к унификации / В. Е. Лизгаро, Т. И. Макарова // Право и демократия: сб. науч. тр. / редкол. : В. Н. Бибило (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2006. – Спец. вып. – С. 164–173.

2. Дробязко, С. Г. Общая теория права : учеб. пособие для вузов / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – 5-е изд., исправл. и доп. – Минск : Амалфея, 2011. – 500 с.

3. Губская, Н. С. Понятие и правовая природа публично-правового договора в экологических отношениях / Н. С. Губская // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. Вып 6 / Нац. центр законодательства и правовых исследований ; редкол. : В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2010. – С. 319–323.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ССУДО-СБЕРЕГАТЕЛЬНЫХ ЖИЛИЩНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Р. Н. Машаров

*Академия управления
при Президенте Республики Беларусь*

Идея о внедрении ссудо-сберегательных жилищных механизмов особенно популярна в постсоветских государствах. Ссудо-сберегательные жилищные механизмы рассматриваются как одно из инновационных решений жилищной проблемы, прошедшее апробацию в Германии, Англии, Австрии, в странах Восточной Европы (Польше, Чехии и др.). Опыт развития последних лет показывает, что не везде они показывают свою эффективность. Причины этого кроются не только в проблемах экономического характера, но и в отсутствии тщательной проработки механизмов внедрения инноваций, в том числе и правового. Подтверждением этому может служить опыт Казахстана, который Законом от 7 декабря 2000 г. № 110-ІІ «О жилищных строительных сбережениях в Республике Казахстан» успешно внедрил систему жилищных строительных сбережений, однако не избежал того, что закон трижды изменялся, принималась его новая редакция. В Германии отдельный закон, регулирующий деятельность строительных сберегательных касс, был принят только в 1972 г. Во всех странах, где были приняты специальные законы о строительных сберегательных кассах, системе стройсбережений, оказывалась государственная поддержка в форме премий [1].

В. М. Полтерович, О. Ю. Старков предлагают разработать и внедрить программу государственной поддержки, предусматривающую предоставление государственных премий на сбережения, налоговых и кредитных льгот участникам строительно-сберегательных касс и строительно-сберегательных кооперативов [2, с. 62]. Исходя из этого, в качестве форм государственной поддержки инновационного механизма можно выделить: 1) государственные премии на сбережения; 2) налоговые льготы; 3) кредитные льготы.

Представляется, что использование термина «премия» не является оправданным, так как его нельзя отнести к формам государственной поддержки. В литературе премия рассматривается как мера поощрения за особые заслуги. В то же время премия рассматривается А. В. Малько как особая разновидность правовых стимулов наравне с льготами [3].

По содержанию и характеру этого определения в представленных выше случаях премия являлась по юридической сути субсидией – средствами, передаваемыми получателю из бюджета на безвозвратной и безвозмездной основе, на условиях участия в финансировании для частичного возмещения целевых расходов по улучшению жилищных условий. Жилищная субсидия, получаемая вкладчиком в механизме ссудо-сберегательных жилищных отношений, является

источником расходов бюджета; фискальная функция налогообложения в такой ситуации нивелируется. Освобождение от налога на накопленную сумму будет стимулировать развитие механизма ссудо-сберегательных жилищных отношений.

В Беларуси льготный характер кредита, как указывает Е. М. Шупегина, проявляется в более длительных сроках, на которые он предоставляется, более низких процентных ставках, в возможности погашать равными долями в течение всего срока погашения кредита [4]. Условия кредита совпадают с перечнем существенных условий кредитного договора, определенными ст. 140 Бюджетного кодекса. Можно согласиться с мнением Я. М. Макаровой, что к льготному кредитованию можно в первую очередь отнести льготные существенные условия кредитного договора [5]. В этом случае следует говорить о правовой конструкции кредитного договора с составляющими его элементами – правовыми льготами.

Правоотношения государственной поддержки в механизме ссудо-сберегательных жилищных отношений будут состоять из правовых конструкций жилищных субсидий, налоговых, кредитных льгот.

Список использованных источников

1. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О строительных сберегательных кассах» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» : [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».

2. *Полтерович, В. М.* Создание массовой ипотеки в России : проблема трансплантации / В. М. Полтерович, О. Ю. Старков // Научные доклады R2-2005. – СПб. : НИИ менеджмента СПбГУ. – 2005. – 68 с.

3. *Малько, А. В.* Стимулы и ограничения в праве / А. В. Малько // Правоведение. – 1998. – № 3. – С. 134–147.

4. *Шупегина, Е. М.* Правовое обеспечение улучшения гражданами жилищных условий / Е. М. Шупегина // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

5. *Макарова, Я. М.* Некоторые проблемы льготного кредитования / Я. М. Макарова // Закон. – 2004. – № 11. – С. 31–37.

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ю. А. Хватик

*Белорусский государственный
экономический университет*

В мировом масштабе наблюдается стремительное развитие сферы потребительского кредитования. Это обусловлено тем, что потребительский кредит является инструментом, который позволяет расширять и наращивать

объемы производства товаров и услуг. Он становится источником стимулирования спроса на товары и услуги, увеличивает количество рабочих мест и обеспечивает рост экономических показателей. Потребительское кредитование выступает как действенный экономический инструмент повышения уровня благосостояния населения и создания дополнительных возможностей для экономического развития страны. Исключительным правом на осуществление потребительского кредитования в Беларуси обладают банки и небанковские кредитно-финансовые организации.

Отношения в сфере потребительского кредитования широко распространены и в Беларуси. Рынок потребительских кредитов развивается ускоренными темпами. Рост объемов потребительского кредитования сталкивается с проблемой недостаточного правового регулирования отношений в этой сфере. Это характерно для стран, где отсутствует специальное правовое регулирование банковского потребительского кредитования. Таковыми странами являются практически все государства постсоветского пространства, включая и Беларусь.

Потребительское кредитование в Беларуси регламентируется общими нормами о банковском кредите, которые не учитывают специфику данного вида кредитования. Интересы физического лица как слабой стороны договорных отношений с банком оказываются зачастую недостаточно защищенными. Защита прав и интересов физических лиц, как клиентов банков, содействие урегулированию споров, возникающих между кредитными организациями и их клиентами, организация их взаимодействия должны являться приоритетной задачей банковской системы.

Изучение зарубежного опыта свидетельствует о необходимости специального правового регулирования потребительского кредитования, который содержит механизм защиты прав и законных интересов кредитополучателей – физических лиц. Этим укрепляется доверие граждан к банковской системе, повышается устойчивость финансовой системы, создаются условия для предотвращения недобросовестной конкуренции.

В современных условиях актуален целый ряд теоретических вопросов относительно сферы потребительского кредитования в Беларуси. В частности: является ли потребительский кредит видом кредита; каково место договора потребительского кредита в системе обязательственных отношений; определение договора потребительского кредита как вида кредитного договора и др.

С целью решения проблем теоретического и практического характера, возникающих в сфере гражданско-правового регулирования отношений в сфере потребительского кредитования в Беларуси предлагается авторская концепция правового обеспечения развития потребительского кредитования в Беларуси, включающая: 1) определение понятийного аппарата в сфере потребительского кредитования; 2) предложения о системе нормативного правового регулирования потребительского кредитования; 3) механизм правового регулирования потребительского кредитования.

Предложенная концепция позволит: 1) обеспечить гарантии реализации конституционного и гражданско-правового принципа равенства участников кредитных правоотношений в сфере потребительского кредитования; 2) повысить эффективность правового регулирования отношений в сфере потребительского кредитования; 3) создать гарантии защиты прав потребителей финансовых (банковских) услуг; 4) создать благоприятные условия для развития потребительского кредитования в Беларуси.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА РАБОТНИКОВ-НАДОМНИКОВ

Н. В. Тарасюк

*Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь*

Надомный труд, учитывая гибкость его организации и дополнительные возможности получения дохода, создает возможность быть экономически активными для лиц, вынужденных находиться дома в силу различных причин субъективного характера. Однако указание на отдельные группы работников, которым предоставляется преимущественное право на заключение трудового договора о выполнении работы на дому (ст. 305 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) [1]), не определяет общих тенденций заключения трудовых договоров с надомниками, поскольку в последнее время наметилась тенденция перехода от позиции «работать дома в связи с невозможностью работать в офисе» к позиции «работать дома в связи с отсутствием необходимости работы в офисе» [2].

В качестве основных признаков выполнения работы надомниками, закрепленных в определении, содержащемся в ст. 304 ТК, выделяют выполнение работы с использованием оборудования, предоставляемого нанимателем или приобретаемого за счет средств этого нанимателя. Статья 306 ТК допускает возможность использовать оборудование работника-надомника с выплатой нанимателем компенсации за его износ. Анализ международных актов (Конвенция МОТ № 177 «О надомном труде»), а также законодательства ряда зарубежных стран (например, ст. 310 ТК Российской Федерации, ст. 98 ТК Республики Армения, ст. 210 ТК Республики Казахстан, ст. 301 ТК Туркменистана) свидетельствует о практике закрепления в определении понятия «работники-надомники» возможности выполнения работы с использованием оборудования как нанимателя, так и самого работника.

Полагаем целесообразным закрепить в определении понятия работников-надомников, содержащемся в ст. 304 ТК и п. 1 Положения об условиях труда работников-надомников, возможность выполнения работы работниками-надомниками с использованием оборудования, в том числе приобретаемого надомниками за свой счет.

Особая правовая регламентация труда работников-надомников связана с местом выполнения ими трудовых обязанностей – «на дому» (ст. 304 ТК). Организация труда в надомных условиях допускается только для лиц, которые имеют «необходимые жилищно-бытовые условия» (ч. 1 ст. 306 ТК). Ряд ученых склоняется к мнению, что основным отличием работников-надомников от остальных является то, что они не обязаны выполнять порученные им работы в служебном или производственном помещении нанимателя, в связи с чем формулировку «на дому» следует трактовать шире – как выполнение работы по месту жительства работника или в других помещениях по его выбору, но не в производственных помещениях нанимателя [2; 5]. Более детального урегулирования требуют следующие вопросы: что является «необходимыми жилищно-бытовыми условиями»; должно ли это быть местом жительства работника либо иным жилым помещением; должна ли работа выполняться в жилом помещении или могут использоваться также хозяйственные постройки; есть ли ограничения в отношении количества проживающих в помещении, используемом работником-надомником для выполнения работы. Полагаем целесообразным позаимствовать опыт России в части запрещения предоставлять надомникам виды работ, создающие неудобства для соседей (п. 12 Положения об условиях труда надомников РФ) [6].

Урегулирование обозначенных вопросов в трудовом законодательстве устранил определенные сложности правоприменения и позволит более широко использовать такую гибкую форму занятости, как надомничество.

Список использованных источников

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 26 июля 1999 г., № 296-3 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
2. *Халимончик, Д. А.* Где же дом работника-надомника? / Д. А. Халимончик // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
3. Об утверждении Положения об условиях труда работников-надомников : постановление М-ва труда Респ. Беларусь, 11 апр. 2000 г., № 48 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
4. О надомном труде : Конвенция МОТ, 20 июня 1996 г., № 177, Женева / Консультативный совет региональных профсоюзов объединений [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : http://uraltradeunion.ru/acts/mezhdunarod/nadomn_trud.html. – Дата доступа : 01.06.2012.

5. Чичина, Е. В. О некоторых аспектах нестандартных видов занятости / Е. В. Чичина // Консультант Плюс : Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

6. Положение об условиях труда надомников : постановление Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС, 29 сент. 1981 г., № 275/17-99 // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2012.

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

И. А. Долголева

*Национальный центр з аконадательства
и правовых исследований Республики Беларусь*

Одним из важнейших направлений социальной политики Беларуси является организация пенсионной системы, позволяющей поддержать достойный уровень жизни граждан пенсионного возраста и нетрудоспособных. Особое внимание со стороны государства к вопросам совершенствования пенсионной системы объясняется тем, что последняя затрагивает интересы всего населения, поскольку трудовая пенсия зачастую оказывается единственным источником средств к существованию, и ее низкий размер может стать одной из острых социальных проблем.

Действующая система пенсионного страхования сложилась в результате длительного процесса ее становления еще в советский период. На современном этапе сложная демографическая ситуация в стране, которая проявляется в старении населения, ряд иных социально-экономических факторов оказывают неблагоприятное воздействие на пенсионную систему, построенную на распределительном принципе. Согласно статистическим данным за последнее десятилетие на фоне снижения общей численности населения отмечается тенденция уменьшения трудоспособного населения и увеличения лиц пенсионного возраста. Численность населения старше 60 лет к 2050 г. будет составлять 35 % (в 2011 г. – 22,8 %) [1, с. 22; 2, с. 65].

Демографические проблемы и неэффективность распределительной пенсионной системы вызвали необходимость ее реформирования. Была принята Концепция реформы системы пенсионного обеспечения в Республике Беларусь, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 апреля 1997 г. № 349 [3]. В результате ее реализации был введен персонализированный учет, предполагающий создание единой информационной базы о застрахованных лицах; установлены отдельные тарифы обязательных страховых взносов на пенсионное и иные виды социального страхования;

расширен круг лиц, подлежащих обязательному социальному и пенсионному страхованию; возникновение права на трудовую пенсию увязано с уплатой обязательных страховых взносов не менее 5 лет; льготное пенсионное обеспечение переведено в профессиональное пенсионное страхование. Помимо указанных мер дополнительно следует решить ряд практических вопросов.

Введение накопительных элементов формирования пенсионных сбережений и активное привлечение негосударственных структур в систему пенсионного страхования позволит существенно изменить состояние пенсионной системы и даст гражданам возможность реально влиять на размер будущей пенсии. Эта система предоставляет преимущества и нанимателям: повышает заинтересованность квалифицированных специалистов; является значительным фактором развития социального партнерства в организации; позволяет подчеркнуть социальную ориентированность организации. Рассматриваемый вид пенсионного страхования должен осуществляться посредством развития корпоративного (за счет взносов нанимателей) и индивидуального (за счет личных взносов граждан) пенсионного страхования.

Перспективным представляется вопрос привлечения лиц пожилого возраста к трудовой деятельности с целью снижения финансовой нагрузки на государственный внебюджетный фонд социальной защиты населения Беларуси, а также повышения материального обеспечения граждан пенсионного возраста. Труд для стареющего и старого организма при создании благоприятных условий является одним из способов увеличения продолжительности жизни [4].

Помимо указанных направлений целесообразно принять комплекс мер по совершенствованию законодательства в области медицинской помощи и лечения пожилых граждан, обеспечения приемлемых условий их жизни, просвещения, предоставления услуг гражданам пенсионного возраста, проживающим в сельской местности. Данные направления следует предусмотреть в рамках Государственной программы, реализация которой позволит, на наш взгляд, снизить нагрузку на распределительную пенсионную систему, повысить экономическую активность и материальное обеспечение граждан пенсионного возраста.

Список использованных источников

1. Word population prospects : The 2008 Revision // United Nations [Electronic resource]. – New York, 2008. – 71 p. – Mode of access : http://www.un.org/esa/population/publications/wpp2008/wpp2008_text_tables.pdf. – Date of access : 15.12.2011.
2. Население Республики Беларусь : статистический сб. / Нац. статистический комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2011. – 474 с.
3. О Концепции реформы системы пенсионного обеспечения в Республике Беларусь и плане первоочередных мер по реализации ее основных положений : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 17 апр. 1997 г., № 349 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
4. Экспертиза трудоспособности лиц пожилого и старческого возраста : методическое письмо № 19 ; одобрено Ученым советом ЛИЭТИНа ; сост. М. И. Хвиливицкая. – Ленинград : ЛИЭТИН, 1964. – 19 с.

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ПРИЕМНОЙ СЕМЬЕ

О. Г. Куделко

*Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь*

Законом Республики Беларусь от 7 января 2012 г. «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье» (далее – Закон) были внесены изменения в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье (далее – Кодекс о браке и семье).

С учетом практического применения существующих правовых норм были внесены изменения в основополагающие главы Кодекса о браке и семье. Отдельно следует отметить внесение изменений в главу 14 «Опека и попечительство» Кодекса о браке и семье. Они свелись к следующему.

1. Законом статьи 169–177 Кодекса о браке и семье были изложены в новой редакции. Изменилась последовательность изложения статей по важности их применения и целей, которые ставит перед собой Закон, направленных на обеспечение условий для реализации права каждого ребенка на жизнь и воспитание в семье. Как и ранее, приемная семья является формой устройства детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей. Причем данная форма обеспечивает реализацию семейного воспитания ребенка. Сейчас это прямо закреплено в ст. 170 Кодекса о браке и семье – приемная семья является формой устройства детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семью.

2. Изменился порядок создания приемной семьи. Ранее приемная семья образовывалась на основании договора о передаче ребенка (детей) на воспитание в приемную семью и трудового договора. Орган опеки и попечительства как равноправная сторона по договору о передаче (детей) на воспитание в приемную семью осуществлял свои права по контролю за выполнением возложенных на приемных родителей обязанностей по содержанию, воспитанию и образованию ребенка (детей) в рамках договорных отношений. Сейчас первоочередным при создании приемной семьи является решение органа опеки и попечительства о создании приемной семьи. Установлено, что только после решения органа опеки и попечительства можно заключить соответствующие договоры.

При передаче детей-сирот, и детей, оставшихся без попечения родителей, вместо договора о передаче ребенка (детей) на воспитание в приемную семью заключается договор об условиях воспитания и содержания детей. Условия указанных договоров в целом совпадают. Вместе с тем в ст. 171 Кодекса о браке и семье уточняются основания досрочного расторжения договора об условиях

воспитания и содержания детей, как по инициативе приемных родителей, так и по инициативе органов опеки и попечительства. Применению подлежат соответствующие нормы, определяющие основания освобождения опекунов и попечителей от выполнения ими своих обязанностей (ст. 167 Кодекса о браке и семье) и основания отстранения опекунов, попечителей в случае ненадлежащего выполнения ими своих обязанностей (ст. 168 Кодекса о браке и семье).

3. Согласно ст. 172 Кодекса о браке и семье приемными родителями могут быть дееспособные лица обоего пола. Опекунами и попечителями детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, являются приемные родители, к ним применяются правовые нормы, касающиеся прав и обязанностей опекунов и попечителей, закрепленные в Кодексе о браке и семье (ст. 158).

Нововведением Кодекса о браке и семье также является то, что приемными родителями не имеют права быть лица, лишённые права заниматься педагогической деятельностью или не имеющих права заниматься педагогической деятельностью в случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь.

Представляется значимым закрепление одного из условий назначения на должность приемного родителя – это освоение им соответствующей образовательной программы обучающих курсов дополнительного образования взрослых. В части третьей ст. 172 Кодекса о браке и семье данное положение закреплено императивно. Ранее орган опеки и попечительства лишь учитывал сведения о прохождении лицами, желающих принять детей на воспитание в приемную семью, обучающих курсов при подборе лиц, желающих принять детей на воспитание в приемную семью.

4. Приемные родители обязаны проживать совместно с переданными им на воспитание детьми-сиротами, детьми, оставшимися без попечения родителей. В данном случае к приемным родителям применены правовые нормы, содержащиеся в части пятой ст. 158 Кодекса о браке и семье.

5. В части четвертой ст. 172 Кодекса о браке и семье определено, что приемные родители на безвозмездной основе осуществляют права и выполняют обязанности опекуна, попечителя. Правовая норма отражает общие правила ст. 156 Кодекса о браке и семье по выполнению обязанности по опеке и попечительству безвозмездно. Указанное положение не согласуется с заключением трудового договора при помещении ребенка на воспитание в семью, так как согласно ст. 1 Трудового кодекса Республики Беларусь, трудовой договор – это соглашение между работником и нанимателем, в соответствии с которым наниматель обязуется работнику своевременно выплачивать заработную плату.

Исключена правовая норма о том, что в необходимых случаях для охраны имущественных интересов детей, находящихся на воспитании в приемных семьях, может быть назначен опекун над имуществом. При этом органы опеки и попечительства будут руководствоваться общими нормами семейного

законодательства, в частности, статьями 155, 165 Кодекса о браке и семье, Положением о порядке управления имуществом подопечных, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 октября 1999 г. № 1677. В части, не урегулированной Кодексом о браке и семье, будут применяться нормы гражданского права (ст. 35, 36 ГК).

ДОГОВОР КУПЛИ-ПРОДАЖИ В ПРАВЕ СТРАН СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

И. А. Ермолови

*Белорусский
государственный университет*

В период раннего средневековья во многих странах Европы наблюдалось господство натурального хозяйства. Договор купли-продажи утратил те значимые позиции, которыми он обладал в процессе регулирования товарообмена во времена Римской империи. На смену договору купли-продажи пришла мена. Исходя из сложившегося положения дел, становится актуальным вопрос о процессе эволюции договора купли-продажи в праве ряда крупных стран средневековой Европы.

Если, например, взглянуть на историю Франции второй половины I –го тысячелетия н. э., то становится понятным, что господствующее в раннесредневековой Франции натуральное хозяйство не стимулировало развитие хозяйственных отношений в стране. Длительный период только движимое имущество являлось предметом купли-продажи. Переход права собственности от одного лица к другому производился на основании обычая, т. е. неформальной передачи вещи, которая являлась следствием заключенного договора. Был известен и институт приобретательной давности сроком в один год (*Lex salica* титул XLVI, §1).

С развитием товарно-денежных отношений во Франции предметом купли-продажи становится недвижимое имущество, т. е. земля. Феодальное право Франции располагало институтом обратного выкупа проданного недвижимого имущества со стороны прежних владельцев и их родственников. Кроме того, до XII в. нельзя было отчуждать родовое имущество без согласия родственников. В XIII в. согласие родственников на совершение сделки с недвижимостью уже не требовалось, хотя за ними сохранялось право выкупа проданного имущества в течение одного года и одного дня.

Во избежание возможных споров относительно предмета купли-продажи недвижимой собственности, французским нотариусам было поручено требовать присутствия при оформлении договора продажи недвижимости членов семьи продавца, включая детей, достигших 14-летнего возраста. Относительно

предмета купли-продажи движимой собственности во французском средневековом праве ограничений в отношении сторон соглашений нам выявить не удалось.

Основным юридическим источником средневековой Германии, где мы находим законодательное закрепление правовых основ договора купли-продажи, является «Саксонское зеркало». Продавец, согласно закрепленным в «Саксонском зеркале» правовым нормам, считался поручителем за законность владения проданной вещи и обязан был защищать покупателя от притязаний со стороны третьих лиц, у которых купленная вещь могла быть украдена, получена путем обмана и т. д. Согласно Кн. 2, ст. 36 «Саксонского зеркала», добросовестным приобретателем признавался тот, кто открыто купил вещь, знал того, у кого он ее купил, мог сказать о том, где совершил сделку, и представить продавца [1, с. 64–65]. Если же он купил вещь на рынке и не знал у кого, то он мог очиститься от подозрения в краже присягой. Собственник имел право виндикации похищенной у него вещи и от добросовестного приобретателя [1, с. 208].

Договор купли-продажи на территории Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского (далее – ВКЛ) изначально был основан на нормах обычного права и осуществлялся посредством простого соглашения сторон. Он вступал в силу и порождал правовые последствия с момента достижения соглашения сторон. Вместе с тем, была известна и норма задатка при заключении договора купли-продажи. Это свидетельствует в пользу того, что заключение и исполнение договора купли-продажи не всегда совпадали во времени [2, с. 231]. Здесь, как и в средневековом французском праве, договор купли-продажи порождал обязательства сторон не в момент исполнения, а в момент заключения договора.

Форма, порядок реализации сделки, сроки исковой давности, способы исполнения обязательств регламентировались нормами права. При этом законодателя заботила формальная сторона исполнения обязательственных отношений, поэтому заключение договора осуществлялось в письменной форме. Особого оформления требовали сделки, касающиеся недвижимого имущества. Сделки, связанные с землей, требовали не только нотариального засвидетельствования, которое выражалось в их регистрации в судебных книгах, но и обязательного утверждения данного вида сделок со стороны высшей государственной власти, т. е. дозволения на совершение указанной сделки от лица Великого князя. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры из средневековых юридических документов, которые содержатся в Литовской метрике и Актах, издаваемых Виленской археографической комиссией [3; 4].

По древнему обычаю, сделки на территории ВКЛ заключались в присутствии заслуживающих доверия свидетелей («годных светков») и сопровождались исполнением определенных ритуальных действий (рукопожатие, распитие магарыча и т. д.), что свидетельствовало о вступлении в силу дого-

ворных отношений. Сделки, заключенные в результате обманных действий, считались недействительными [5, с. 101].

Правовые нормы, закрепленные в ст. 3 Раздела 10 Статута Великого княжества Литовского 1529 г., уже предусматривали обязательную письменную регистрацию всех сделок, как с движимым, так и недвижимым имуществом, заключенных на сумму свыше десяти коп денег. Первоначально данная регистрация осуществлялась в актовой книге, где фиксировались сделки частных лиц, жалобы, протесты, доклады ввозных (судебных должностных лиц) и другие документы в соответствии со временем их поступления в суд. Позже, с развитием правоотношений, возрастающим числом сделок и деловых документов, писари, которые вели актовые книги, начали систематизировать все имеющиеся записи и заносить их в специальные актовые книги для каждой категории дел. При этом за три дня до начала судебной сессии, а также за три дня после ее окончания заинтересованные лица могли внести дополнения в записи актовых книг или получить копии документов и выписки [5, с. 101].

Следовательно, несмотря на существующие определенные различия в нормах гражданского права средневековой Франции, Германии и ВКЛ, законодательство всех названных стран было в состоянии защищать интересы сторон в договоре купли-продажи. Законодатели выше названных стран предусматривали возможность расторжения и изменения договора по инициативе одной из его сторон, если другой стороной ущемлялись ее права. При том, что каждая из стран опиралась на специфически сформированные отечественным законодателем источники права. Проведенный нами анализ правового материала свидетельствует о том, что в праве средневековых стран Европы договор купли-продажи, как и в римском частном праве, был по своему характеру консенсуальным.

Список использованных источников

1. Саксонское зеркало. Памятник, комментарии, исследования / под ред. академика АН УССР В. М. Корецкого. – М. : Наука, 1985. – 272 с.
2. *Ермолович, В. И.* Договор купли-продажи в праве средневековой Сербии и Великого княжества Литовского (сравнительный анализ) / В. И. Ермолович // Теоретико-методологические и конституционные основы развития системы права Республики Беларусь : сб. ст. – Минск : Право и экономика, 2011. – 304 с.
3. Lietuvos metrika. – Kn. 8. – Vilnius : Mokslo ir enciklopedijis leidykla, 1995. – 708 p.
4. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссією / Я. Ф. Головацкий (предсѣдатель комиссіи) и др. – Вильна, 1874. – Т. VII : Акты Городненского гродскаго суда. – 614 с.
5. *Доўнар, Т. І.* Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях / Т. І. Доўнар. – Мінск : Пропілеі, 2000. – 224 с.

СПОРТИВНОЕ АГЕНТИРОВАНИЕ

С. Н. Ильич

*Ассоциация «Белорусская
федерация футбола»*

Законодательство Республики Беларусь не только не регулирует агентскую деятельность в профессиональном спорте, не закрепляет такого понятия, как «спортивный агент», и соответственно, не содержит норм, регламентирующих договорные отношения между спортивным агентом и его клиентами. Между тем в сфере профессионального спорта именно договор спортивного агентирования, в большей степени, отражает сущность посреднических услуг. Он является наиболее типичным для деятельности спортивного агента. Данный договор органично сочетает в себе элементы различных договоров (поручения и комиссии), отвечает регламентации международных спортивных организаций, учитывает специфику доверительного характера отношений между агентом и спортсменом.

Регламент ФИФА для агентов игроков дал следующее определение агента игроков: «агент игроков – физическое лицо, которое за вознаграждение налаживает взаимодействие между игроком и клубом для переговоров по заключению или перезаключению трудового договора или между двумя клубами – по заключению трансферного договора» [1].

Статья Н.5 Внутреннего регламента ФИФА определила, что «эти правила управляют действиями агентов игроков, которые обязуются совершать или помогать в международном трансфере игроков или тренеров» [2].

По нашему убеждению, определения спортивного агента в указанных выше источниках очень узко описывают деятельность спортивного агента. Деятельность спортивного агента в таком случае понимается лишь как деятельность посредника на рынке занятости, что не соответствует фактическим функциям, исполняемым спортивным агентом. Указанные определения рассматривают лишь одну сторону деятельности спортивного агента, который стремится помочь спортсмену найти спортивную организацию (работодателя) или, наоборот, спортивной организации (работодателю) – найти спортсмена.

По нашему мнению, указанные определения деятельности спортивного агента оставляют вне рамок правового регулирования, а значит, сохраняют потенциальную незащищенность субъектов спортивного агентирования, в том числе и по таким вопросам как: исследование «трансфертного» рынка; поиск новых талантливых молодых спортсменов для клубов (спортивных организаций); поиск клубов (спортивных организаций), нуждающихся в новых молодых перспективных спортсменах; контактирование между собой клубов (спортивных организаций), клубов (спортивных организаций) и спортсменов;

изучение и анализ рынка так называемых «свободных агентов», т. е. спортсменов, временно находящихся без правоотношений с соответствующей спортивной организацией (клубом), и т. п.

Юридические действия спортивного агента – заключение договоров от имени спортсменов-профессионалов с клубами (спортивными организациями) либо от имени клубов (спортивных организаций), а также совершение иных юридических действий в пользу спортсмена, спортивной организации в соответствии с условиями договора спортивного агентирования – достаточно редкое явление в спортивном праве. Необходимо подчеркнуть, что по сложившейся в спортивном агентировании практике, посредничество между спортивным агентом и его клиентом как раз таки опосредуется именно так называемыми «сопутствующими услугами» (фактическими действиями), которые зависят от соответствующих потребностей клиента спортивного агента.

Правильное законодательное урегулирование в Республике Беларусь указанных «фактических действий» спортивных агентов, по нашему мнению, позволит в большей степени защитить права и законные интересы лиц, участвующих в агентских правоотношениях в спорте.

В связи с этим, нами выдвигается предложение о необходимости дополнения Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. «О физической культуре и спорте» новой главой 41 «Спортивное агентирование» следующего содержания:

«Статья 34¹. Статус спортивного агента

1. В своей деятельности спортсмены, организации физической культуры и спорта могут использовать услуги спортивных агентов.

2. Деятельность спортивного агента осуществляется исключительно физическими лицами, аккредитованным в качестве спортивных агентов соответствующими федерациями (союзами, ассоциациями) по виду (видам) спорта.

Статья 34². Договор спортивного агентирования

1. Спортивный агент осуществляет свою деятельность на основании договора спортивного агентирования.

2. По договору спортивного агентирования одна сторона (спортивный агент) обязуется по поручению другой стороны (спортсмена, организации физической культуры и спорта), лично, за вознаграждение, совершить от имени и за счет спортсмена, организации физической культуры и спорта юридические, а также фактические действия либо только фактические действия.

Статья 34³. Действия, совершаемые спортивным агентом

1. В соответствии с договором спортивного агентирования спортивный агент может совершать юридические и/или фактические действия.

2. К юридическим действиям спортивного агента, указанным в пункте 2 статьи 34² настоящей главы, относятся: заключение договора (договоров) от имени спортсмена, организации физической культуры и спорта; совершение

юридически значимых действий при представлении их интересов, в частности, в соответствующих организациях физической культуры и спорта, арбитражных, дисциплинарных инстанциях и др.

К фактическим действиям спортивного агента, указанным в пункте 2 статьи 34² настоящей главы, в частности, относятся: обеспечение трансферных переходов спортсменов; исполнение совершенных договоров; консультирование спортсмена, организации физической культуры и спорта по вопросам спортивной деятельности; информирование спортсмена, организации физической культуры и спорта о потенциальных контрагентах (спортсменах, организациях физической культуры и спорта), с которыми возможно вступить в договорные отношения; представление спортсмена – организации физической культуры и спорта, соответственно, организации физической культуры и спорта – спортсмену; ведение переговоров от имени спортсмена, организации физической культуры и спорта, соблюдение интересов спортсмена, организации физической культуры и спорта, в том числе подбор выгодных предложений о сотрудничестве со стороны спонсоров и рекламодателей для спортсмена, организации физической культуры и спорта, обеспечение спонсорских соглашений, соглашений по использованию коммерческих прав спортсмена, организации физической культуры и спорта и др.

3. Договором спортивного агентирования на спортивного агента могут быть возложены все или часть действий, указанных в пункте 2 настоящей статьи.

Статья 34⁴. Отчеты спортивного агента

1. В ходе исполнения договора спортивного агентирования спортивный агент обязан представлять спортсмену (организации физической культуры и спорта) отчеты о деятельности (совершенных действиях) в порядке и в сроки в соответствии с договором спортивного агентирования. При отсутствии в договоре спортивного агентирования соответствующих условий отчеты представляются спортивным агентом по мере исполнения им договора и по окончании действия срока договора спортивного агентирования. Спортсмен (организация физической культуры и спорта), имеющий возражения по отчету спортивного агента, должен сообщить о них ему письменно в течение тридцати дней со дня получения отчета, если соглашением сторон не установлен иной срок. В противном случае, отчет считается принятым спортсменом (организацией физической культуры и спорта).

2. Непредставление спортивным агентом спортсмену (организации физической культуры и спорта) отчетов о деятельности (совершенных действиях) лишает спортивного агента права требовать вознаграждение.

Статья 34⁵. Вознаграждение спортивного агента

Спортсмен (организация физической культуры и спорта) обязан уплатить спортивному агенту вознаграждение в размере и в порядке, установленных в

договоре спортивного агентирования. Если в договоре спортивного агентирования размер агентского вознаграждения не предусмотрен, и он не может быть определен исходя из условий договора, вознаграждение подлежит уплате в размере, определяемом в соответствии с пунктом 3 статьи 394 Гражданского кодекса Республики Беларусь. При отсутствии в договоре спортивного агентирования условий о сроках уплаты вознаграждения, спортсмен (организация физической культуры и спорта) обязан уплачивать вознаграждение в течение десяти дней с момента представления ему спортивным агентом отчета за прошедший период, если из существа договора не вытекает иной порядок уплаты вознаграждения.

Список использованных источников:

1. FIFA's Regulations Players' Agent – 2010/ Fédération Internationale de Football Association [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : http://www.fifa.com/mm/document/affederation/administration/51/55/18/players_agents_regulations_2008.pdf – Дата доступа : 29.11.2010.

2. FIBA's Internal regulations 2010 Rules governing players, coaches, support officials, and players' agents – 2010/ **Fédération Internationale de Basketball** [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : http://www.fiba.com/downloads/training/agents/Eligibility_Players_Agents.pdf. – Дата доступа : 29.11.2010.

РАЗДЕЛ VI

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

О ПРЕДМЕТЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА

А. В. Шидловский

*Белорусский
государственный университет*

Уголовное право, будучи одной из отраслей национальной системы права, характеризуется признаками, присущими праву в целом (нормативность, общеобязательность, системность, обеспеченность исполнения государством и др.). От других отраслей права оно отличается прежде всего *предметом*, т. е. кругом общественных отношений, им регулируемых. Однако по этому вопросу в юридической литературе до сих пор ведутся дискуссии.

В нормах уголовного права определяется, какие общественно опасные деяния являются преступлениями и каким мерам уголовной ответственности подлежат лица, их совершившие. Основное назначение уголовного права состоит в охране общественных отношений от преступных посягательств. Охрана общественных отношений не означает, что уголовно-правовые нормы содержательно регулируют данные отношения. Уголовное право устанавливает под угрозой уголовной ответственности запрет на совершение такого поведения, которое представляет серьезную опасность для человека, общества или государства. Уголовное право участвует в регулировании общественных отношений путем обозначения пределов дозволенного поведения. Запрещая определенные виды опасного поведения, т. е. определяя круг преступлений, уголовно-правовые нормы играют роль пограничного «забора», которым установлена граница преступного поведения и соответственно дозволенного поведения.

Содержательно предмет позитивного правового регулирования присущ иным отраслям права и общепринятым правилам человеческого общежития. Так, конституционное право регулирует отношения, связанные с социальным статусом человека, его правами и обязанностями, с государственным устройством, с функционированием политической и экономической системы общества и т. д. Уголовное право охраняет эти отношения, признавая преступлениями посягательства на права и свободы человека, конституционный строй, кредитную и финансовую системы.

Особенность уголовного права заключается в том, что оно охраняет от преступных посягательств позитивные общественные отношения, которые регулируются нормами других отраслей права. Совокупность общественных отношений, охраняемых от общественно опасных посягательств, составляет внешний предмет уголовного права (*общеохранные уголовно-правовые отношения*).

Внутренний предмет уголовного права образуют *конфликтные уголовно-правовые отношения*, которые порождаются фактом совершения общественно опасных посягательств и возникают между виновным и государством. В этом смысле предмет уголовного права есть совокупность общественных отношений, возникающих в связи с совершением общественно опасных деяний, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК Беларуси), и применением уголовно-правовых мер воздействия за их совершение.

Можно выделить три разновидности общественных отношений, образующих в совокупности предмет уголовного права:

1) общеохранные (в юридической литературе – общепредупредительные) уголовно-правовые отношения, которые связаны с удержанием лица от совершения преступления под угрозой наказания, установленной в уголовно-правовых нормах. Возникают общие охранительные правоотношения непосредственно из уголовного закона с момента введения его в действие. Уголовный запрет возлагает на граждан обязанность воздержаться от совершения преступления и тем самым регулирует поведение людей в обществе. Такие отношения складываются между государством и гражданами по поводу соблюдения уголовно-правовых запретов. В рамках этих отношений реализуется целый комплекс взаимных прав и обязанностей, важных для их субъектов.

2) конфликтные уголовно-правовые отношения, возникающие в связи с совершением преступления либо общественно опасного деяния. Это отношения между лицом, совершившим запрещенное уголовным законом деяние, и государством в лице суда, органов следствия, прокуратуры, дознания. Субъекты таких отношений обладают определенными правами и несут соответствующие им обязанности. Так, первый обязан претерпеть неблагоприятные последствия, предусмотренные уголовным законом за совершенное преступление (общественно опасное деяние): понести наказание

или иную меру уголовной ответственности, подвергнуться принудительной мере безопасности и лечения. Другой субъект – суд – (наряду с органами следствия, прокуратуры, дознания и органами, исполняющими меры уголовной ответственности, учреждениями здравоохранения) вправе принудить первого к исполнению этой обязанности. Однако это право сопровождается обязанностью тех же государственных инстанций привлекать к уголовной ответственности либо подвергать иным мерам уголовно-правового воздействия в строгом соответствии с законом. Объектом конфликтных уголовно-правовых отношений являются реализация уголовной ответственности (от установления ее основания и условий, назначения (избрания) и исполнения соответствующей меры до погашения или досрочного снятия судом судимости), решение вопросов освобождения от уголовной ответственности и наказания, а также применение принудительных мер безопасности и лечения (в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии уменьшенной вменяемости, лиц, совершивших запрещенные уголовным законом деяния в состоянии невменяемости, и лиц, заболевших психической болезнью после совершения преступления).

3) регулятивные уголовно-правовые отношения, возникающие на основе регулятивных (управомочивающих) норм, которые регламентируют правомерное и социально полезное поведение субъекта правоотношения. Складываются они, например, в связи с осуществлением права на необходимую оборону и выполнением правомерных действий при иных обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Регулятивные (управомочивающие) нормы наделяют граждан правами на активную защиту от общественно опасных посягательств, причинение вреда при задержании преступника и исполнении приказа. Такие отношения по своей природе обусловлены общими охранительными правоотношениями и существуют в тесной связи с последними.

Регулятивные отношения специфичны по своему содержанию и субъектному составу. Так, при необходимой обороне – это с одной стороны обороняющийся (причинитель правомерного вреда), с другой – посягающий (источник общественно опасного посягательства) и с третьей – компетентные государственные органы (дают оценку правомерности причинения вреда при защите от опасного посягательства). Осуществляя свое право на необходимую оборону, гражданин вступает в отношения как с посягающим, так и с государством. Установление юридических фактов (совершение посягающим общественно опасного посягательства и встречное причинение ему вреда со стороны обороняющегося), реализация своих прав субъектами указанных отношений и выполнение ими корреспондирующих правом обязанностей регулируются в строго определенном законом порядке.

По своей природе регулятивные уголовно-правовые отношения являются, скорее, правоотношениями второго порядка, т. е. производными от охранительных правоотношений, и вместе с тем дополняют предмет уголовного права.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И КРИТЕРИИ ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В. В. Марчук

*Белорусский
государственный университет*

Многие ученые в иерархии правовых принципов в пределах отдельной правовой системы выделяют, в частности, институциональные принципы [1, с. 32]. В теории квалификации преступлений на институциональном уровне в последнее время стали выделять специальные принципы, характеризующие эту стадию правоприменительной деятельности. Однако определенности относительно количества и содержания соответствующих принципов квалификации преступлений не наблюдается. Критическое осмысление существующих позиций относительно специальных принципов квалификации преступления приводит к заключению о том, что с научной точки зрения сформировать эту группу принципов можно только при условии выделения критериев, позволяющих определить на особом уровне соответствующий принцип. Выявить их можно при использовании следующих критериев: за основу должно быть взято положение, которое отражает природу и сущность квалификации преступления; это положение должно иметь сквозное значение для всего процесса квалификации преступлений; оно должно быть самостоятельным по своему функциональному предназначению; направлять деятельность правоприменителя при осуществлении профессиональных обязанностей по уголовно-правовой оценке совершенного преступления.

По природе процесс квалификации преступления имеет большое сходство с процессом идентификации. Это сходство просматривается в определениях авторов, которые в качестве предиката дефиниции «квалификация преступлений» используют понятие «тождество». Изучение литературы показывает, что в доктрине квалификацию преступления ученые не рассматривают в русле требований идентификационного процесса. Видимо, это связано с тем, что слишком уж разнородны сопоставляемые объекты: с одной стороны – деяние, совершенное при определенных фактических обстоятельствах, а с другой стороны – норма УК.

В русском языке суть процесса квалификации преступления отражается в слове «сличение», корреспондирующем с глаголом «сличать», который означает «сопоставлять, сравнивать кого-либо, что-либо с кем-либо, чем-либо для проверки, установления сходства и т. п.» [2, с. 138]. По сути, квалификация преступления выступает сличением признаков совершенного преступления с признаками состава преступления, описанного в уголовно-правовой норме.

Установление круга фактических обстоятельств дела обусловлено толкованием смысла уголовно-правовой нормы. В ином случае правоприменитель

не сможет определить, какие фактические данные имеют уголовно-правовое значение, и какая норма подлежит применению в этой ситуации. В предметно-практическом смысле лицо, квалифицирующее преступление, постигает смысл уголовно-правовой нормы с точки зрения конкретного преступления. Таким образом, вести речь о специальных принципах квалификации преступления следует в контексте требований, характеризующих процесс сличения (сравнения, сопоставления) и интерпретации.

Специальный принцип квалификации преступления должен отражаться в положении, имеющем сквозное значение. Он должен пронизывать весь процесс квалификации и не ограничиваться требованиями относительно только результативного аспекта квалификации. Положение, претендующее на специальный принцип квалификации преступления, должно иметь самостоятельное значение. В этом смысле специальный принцип не должен совпадать с принципом уголовного права либо быть его частью. Видимо, не совсем верно рассматривать специальные принципы в качестве производных от принципа законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости и гуманизма. Конечно, специальные принципы квалификации преступлений должны находиться в ракурсе действия принципов уголовного права. При этом они должны обладать самостоятельным функциональным предназначением, подчиненным достижению правильной уголовно-правовой оценки преступления.

Специальный принцип квалификации преступлений должен направлять деятельность правоприменителя при осуществлении профессиональных обязанностей по правовой оценке совершенного преступления. Принципы квалификации преступления должны «удерживать» правоприменителя в русле процесса сличения (сопоставления) интерпретируемых объектов квалификации преступления и привести его, в конечном итоге, к правильному выводу относительно уголовно-правовой оценки.

Таким образом, *специальным принципом квалификации преступления есть основания признавать имеющее сквозное и самостоятельное для уголовно-правовой оценки совершенного преступления положение, которое характеризует порядок сличительного и интерпретационного процесса, соблюдение которого способствует правильному установлению правоприменителем статьи (статей) Уголовного кодекса.*

Список использованных источников

1. Дробязко, С. Г. Принципы в праве / С. Г. Дробязко // Проблемы развития юридической науки и совершенствования правоприменительной практики : сб. науч. тр. / редкол. С. А. Балащенко (гл. ред.) [и др.]. – Минск, БГУ, 2005. – С. 27–32.
2. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Т. 4. – М. : Сов. Энциклопедия, 1988. – 520 с.

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРОФИЛАКТИКА КАК КОМПОНЕНТ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Д. В. Шаблинская

*Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь*

Профилактика преступлений, принятие всех необходимых мер к тому, чтобы общественно опасные деяния не были совершены, является главным направлением в системе мер борьбы с преступностью. Предупреждение преступности не ограничивается воздействием на ее детерминанты – криминологической профилактикой, в интересах борьбы с преступностью необходимо использовать все возможные средства, в том числе и механизм государственного принуждения.

Предупреждение преступлений пронизывает большинство составных элементов реализации уголовной ответственности от выявления и расследования преступлений, осуществления правосудия по уголовным делам до исполнения уголовного наказания и устранения негативных последствий совершенных преступлений.

Реализация уголовно-правовых мер предупреждения преступности имеет отличительный признак: оно связано с правоприменением. Привлечение к юридической, в том числе и к уголовной, ответственности – одна из форм правоприменения. Правоприменительной профилактикой является деятельность властных органов, реализующих уголовную ответственность, направленная на устранение детерминант преступности, опирающаяся на возможности частной и общей превенции, основанная на применении или угрозе применения уголовного наказания.

Специфика правоприменительных мер предупреждения преступлений заключается в следующем: для их реализации необходим факт совершения преступления; данные меры сопряжены с применением государственного принуждения, направлены на недопущение рецидива или повторного совершения преступления, реализуются на уровне индивидуальной профилактики и связаны с воздействием на личность преступника, их применение сопровождается вынесением соответствующего акта.

Непосредственными объектами профилактического воздействия при подобном рода профилактике являются лица, совершившие преступление. Особым объектом правоприменительной профилактики будут являться адресаты общей превенции.

Правоприменительное предупреждение реализуется посредством функционирования субъектов, обеспечивающих поэтапное прохождение объектов профилактического воздействия. В первую очередь это органы предварительного расследования. Профилактический эффект обеспечивается за счет выявления преступлений и лиц, их совершивших, и применения к ним мер пресечения. Органы прокуратуры следует включить в круг субъектов правоприменительного предупреждения. Главными субъектами такого рода профилактики выступают суды, используя профилактическую роль и значение уголовного и уголовно-процессуального законодательства. К субъектам уголовно-правовой профилактики можно относить органы и учреждения уголовно-исполнительной системы, однако целесообразно выделять уголовно-исполнительную и социально-реабилитационную профилактику в качестве самостоятельных видов предупреждения.

Важнейшей мерой уголовно-правового правоприменительного предупреждения является наказание. Однако предупредительная правоприменительная деятельность должна включать в себя не только меры по воздействию на преступника. Речь идет о вынесении специальных актов органами предварительного расследования, прокурором, судом, направленных на устранение причин и условий преступлений и иных правонарушений. В случае совершения преступления должны быть приняты меры, которые исключали бы для преступника возможность уклониться от следствия и суда, продолжать свою противоправную деятельность, скрыть следы преступления.

Таким образом, можно предложить следующий возможный перечень мер правоприменительной профилактики преступлений: применение наказания, обеспечивающего достижение целей уголовной ответственности; принятие мер, направленных на возмещение потерпевшему, иному лицу вреда, причиненного преступлением; установление обстоятельств, уже повлекших совершение преступлений конкретным лицом, с тем, чтобы исключить возможность совершения новых преступлений как этим лицом, так и иными лицами, находящимися под воздействием тех же негативных условий; устранение причин и условий, способствовавших совершению правонарушений путем внесения представлений, частных определений, правовой пропаганды и иных как процессуальных, так и непроцессуальных средств; своевременное пресечение противоправной деятельности и недопущение возможности ее продолжения, выбор правильных мер процессуального принуждения; обеспечение гласности уголовного судопроизводства; обеспечение воспитательно-профилактического воздействия при производстве судебного разбирательства.

ДА ПЫТАННЯ АБ ТРЫВАЛЫМ ЗЛАЧЫНСТВЕ

С. А. Сілаеў

Кемераўскі
дзяржаўны ўніверсітэт

Адным з дыскусійных пытанняў сучаснай тэорыі крымінальнага права з'яўляецца трывалы характар цэлага шэрагу злачынстваў. Разглядаючы гэтую разнавіднасць складаных адзінкавых злачынстваў, навукоўцы звычайна цытуюць адпаведныя палажэнні пастановы 23-га Пленума Вярхоўнага Суда СССР ад 4 сакавіка 1929 г. «Аб умовах прымянення даўнасці і амністыі да трывалых і працяглых злачынстваў» і прыводзяць два-тры прыклады такіх злачынстваў. Сярод навукоўцаў і практычных работнікаў не назіраецца адзінства поглядаў на закранаемую намі праблему, няма аднастайнай правапрымяняльнай практыкі.

Падчас правядзення канкрэтна-сацыялагічнага даследавання намі было апытана 230 суддзяў з 15 суб'ектаў Расіі. У спецыяльнай анкеце апрача іншага прапанавалася адзначыць тыя з прыведзеных злачынстваў, якія на думку рэспандэнтаў маюць трывалы характар. Вынікі дадзенага анкетавання аказаліся даволі нечаканымі. Злачынствы, звязаныя з пасяганнем на асабістую свабоду пацярпелага (выкраданне чалавека, незаконнае пазбаўленне свабоды, незаконнае змяшчэнне ў псіхіятрычны стацыянар і інш.), палічылі трывалымі 112 рэспандэнтаў (48,7 %); ухіленне ад выплаты падаткаў, збораў ды мытаў – 151 (65,7 %); незаконнае прадпрымальніцтва – 121 (52,6 %); самавольнае пакіданне часці або месца службы і дэзерцірства – 102 (44,3 %); ухіленне ад праходжання вайскавай або альтэрнатыўнай грамадзянскай службы – 121 (52,6 %); укрывальніцтва злачынстваў – 65 (28,3 %); уцёкі з месцаў зняволення, з-пад арышту або з-пад варты – 66 (28,7 %); бандытызм і ўдзел у іншых злачынствах аб'яднаннях (злачыннай супольнасці, незаконным узброеным фарміраванні, экстрэмісцкай супольнасці, экстрэмісцкай арганізацыі або аб'яднанні, што пасягае на асобу і правы грамадзян) – 51 (22,2 %). Нават такія «хрэстаматычныя» прыклады трывалых злачынстваў, як ухіленне ад выплаты аліментаў ды незаконнае хаванне, нашэнне або перавозка зброі, шмат каму здаліся простымі аднамомантнымі: як трывалыя іх адзначылі адпаведна 193 (83,9 %) і 140 (60,1 %) рэспандэнтаў. Не падлягае разумнаму тлумачэнню і той факт, што ў некаторых анкетах дэзерцірства прызнавалася трывалым злачынствам, а ўцёкі з месцаў зняволення – не, або наадварот: канструкцыі дадзеных складаў злачынстваў цалкам ідэнтычныя.

Вырашаючы пытанне аб трывалым характары таго ці іншага злачынства, трэба зыходзіць з таго, што так званы «злачынны стан» – гэта ўласцівасць самога грамадска небяспечнага ўчынку. Бесперапыннасць дзеяння або бяздзейнасці

як асновы аб'ектыўнага боку надае ўсяму злачынству трывалы характар: учыняючы такое злачынства, вінаватая асоба на працягу пэўнага часу пастаянна не выконвае ўскладзены на яе абавязак ці парушае ўстаноўленую для яе забарону, маючы магчымасць дзейнічаць правамерна або спыніць «злачынны стан», хача б і падвергшы сябе крымінальнай адказнасці. Трывалае злачынства ёсць рэальна існуючая з'ява, а не юрыдычная фікцыя, таму трывалы характар учынку не абумоўліваецца выключна спецыфікай дыспазіцыі нормы Асаблівай часткі крымінальнага закона. Патлумачым сваю думку на некалькіх прыкладах.

Асоба, якая не заплаціла ва ўстаноўлены тэрмін падатак шляхам непадання пры гэтым падатковай дэкларацыі або занясення ў яе заведама ілжывых звестак, учыніла трывалае злачынства, бо са сканчэннем адпаведнага тэрміну падатковы абавязак не знікае. Трывалае злачынства ўчыняе і асуджаны, які ўцёк з турмы або калоніі, бо, пакінуўшы адпаведную крымінальна-выканаўчую ўстанову, ён увесь час парушае свае абавязкі, вынікаючыя з факта прызначэння яму пакарання ў выглядзе пазбаўлення волі, пакуль не будзе затрыманы органамі ўлады, не прыйдзе з пакаяннем або не памрэ. Гэта мае месца ва ўсіх учынках, якія можна апісаць як «ухіленне», «хаванне» або «ўтрыманне». Пры гэтым вельмі важна не перакруціць волю заканадаўцы.

Нельга лічыць трывалым злачынствам удзел у процізаконных аб'яднаннях. Перад намі тыповае зборнае злачынства, якое ўключае ў сябе цэлы шэраг разнастайных актыўных дзеянняў, скіраваных да дасягнення мэт адпаведнай групы або супольнасці. Абгрунтаваць трывалы характар таго ж бандытызму можна толькі разглядаючы яго як нейкае абстрактнае «адлучэнне» ад пануючых каштоўнасцей. Укрывальніцтва злачынстваў мае трывалы характар, калі яно заключаецца ў хаванні прадметаў, прылад злачынства або калі ў дзяржаве ўстаноўлена крымінальная адказнасць за неданясенне.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

О. Г. Никитенко

*Белорусский
государственный университет*

Полагаем, что Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента от 9 ноября 2010 г. № 575, должна не только предопределять национальную уголовно-правовую политику и конкретизировать направления уголовно-правовой борьбы и ее методы, но и служить базисом, на основе которого будут осуществляться теоретические разработки уголовно-правовой доктрины, в том числе в отношении терроризма.

Уголовно-правовая политика Беларуси в сфере борьбы с терроризмом сталкивается с рядом проблемных аспектов, наиболее актуальными из которых являются следующие.

1. Отсутствие единого общепринятого легального определения терроризма. Законодатель закрепил в ч. 1 ст. 289 УК Беларуси дефиницию терроризма в узком смысле; в широком смысле определение терроризма раскрыто в абз. 8 ч. 1 ст. 3 Закона Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-3 «О борьбе с терроризмом» (далее – Закон № 77-3) и состоит из ряда «блоков», представляющих собой дефиниции преступления «терроризм» и некоторых преступлений террористической направленности: ч. 1 ст. 290 УК Беларуси «Угроза совершением акта терроризма», ч. 1 ст. 359 УК Беларуси «Террористический акт», ст. 126 УК «Международный терроризм». Законодатель не был последователен и не включил в Закон № 77-3 дефиниции всех преступлений террористической направленности, в частности, ст. 124 УК Беларуси «Террористический акт против представителя иностранного государства», ст. 290¹ УК Беларуси «Финансирование террористической деятельности».

2. Смещение терроризма и таких сходных понятий, как террористический акт, акт терроризма, террор и экстремизм. Проведем отграничение на примере акта терроризма, легальная дефиниция которого закреплена в абз. 10 ч. 1 ст. 1 Закона № 77-3 и складывается из деяний, составляющих объективную сторону состава преступления «терроризм» в узком смысле и/или какого-либо из преступлений террористической направленности. Данное определение утрачивает во многом свою теоретическую и практическую значимость, так как законодателем не были указаны цели, которые не только определяют суть терроризма и преступлений террористической направленности как таковых, но и составляют неотъемлемую часть субъективной стороны данных преступных деяний. Законодатель не был последователен при формулировании состава ст. 359 УК Беларуси и допускает смещение преступления террористической направленности и преступления против жизни и здоровья конкретного лица.

3. «Разбросанность» преступлений террористической направленности по главам УК, а именно: глава 27 содержит общую норму в ст. 289 «Терроризм», ряд специальных норм закреплены в главах 17 (ст. 124, 126), 27 (ст. 290, 290¹) и 32 (ст. 359).

Отсутствие единой стройной системы, складывающейся собственно из терроризма (терроризм в узком смысле), преступлений террористической направленности (терроризм в широком смысле) и преступлений с признаками терроризирования в доктрине уголовного права. К последней категории уголовно наказуемых деяний, например, относятся ст. 207 «Разбой», ст. 208 «Вымогательство», ст. 286 «Бандитизм» УК Беларуси. Считаю целесообразным принятие самостоятельной концепции по борьбе с терроризмом, которая должна явиться комплексным документом, разрешающим вышеприведенные теоретические и прикладные проблемы.

СТАНАЎЛЕННЕ КРЫМІНАЛЬНА-ПРАВАВОЙ НАВУКІ Ў БССР

С. А. Гур'ёў

*Беларускі
дзяржаўны ўніверсітэт*

Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі на тэрыторыі Беларусі да 1919 г. не існавала прафесійных устаноў, якія б займаліся навуковымі даследаваннямі ў галіне крымінальнага права, бо ўсе вышэйшыя навучальныя ўстановы былі ліквідаваны ў XIX ст. па рашэнні кіраўніцтва Расійскай імперыі.

З абвяшчэннем Беларускай ССР 5 студзеня 1919 г. ствараецца Народны камісарыят юстыцыі БССР (НКЮ), якому ў далейшым належала вялікая роля ў развіцці ўласнага беларускага савецкага заканадаўства, крымінальнага ў прыватнасці. Створаны пры НКЮ заканадаўча-кадыфікацыйны аддзел папярэдне разглядаў праекты заканадаўчых актаў наркаматаў і іншых цэнтральных устаноў і ведамстваў, накіроўваў ім свае меркаванні, займаўся пытаннямі апублікавання законаў і іх кадыфікацыяй і інш. [1, с. 18–19].

Для вучоных-юрыстаў першачарговай задачай была падрыхтоўка неабходных праектаў законаў, якія прымаліся органамі ўлады і кіравання. Нацыянальнае заканадаўства ў цэлым паўтарала расійскае, але ў БССР паступова ўзнікала ўсе большая патрэба ва ўласных крымінальна-прававых распрацоўках. У гэты перыяд пачынаецца фарміраванне юрыдычных навуковых і законатворчых цэнтраў.

Стварэнне рэспубліканскага заканадаўства побач з саюзным прывяло да развіцця беларускай прававой навукі і стварэння юрыдычных навуковых устаноў, у тым ліку і першага юрыдычнага факультэта ў гісторыі сучаснай Беларусі ў складзе Белдзяржуніверсітэта. Адкрыццё ў 1921 г. БДУ, які складаўся з трох факультэтаў – рабочага, медыцынскага і грамадскіх навук, а ў складзе апошняга функцыяніравала прававое аддзяленне, стала самым важным фактарам развіцця айчынай юрыдычнай навукі [2, с. 3].

Вялікі ўклад у развіццё беларускай крымінальна-прававой навукі ўнес прафесар В. М. Шыраеў, які з 1924 г. працаваў у Белдзяржуніверсітэце, дзе чытаў курс крымінальнага права і гісторыі права. У сваіх працах навуковец паслядоўна адстойваў асноўныя прававыя прынцыпы, нормы і каштоўнасці правасуддзя [3, с. 2–18; 4, с. 3–64; 5, с. 1–40].

Прыкладам цеснай сувязі навукі і практыкі ў той час стала выдадзеная у 1929 г. кніга М. М. Гуткоўскага «Сістэматычны паказчык (спроба сістэматыкі) заканадаўства Беларускай ССР за 1919–1928 гг.» [2, с. 4]. М. М. Гуткоўскі займаўся вывучэннем крыніц крымінальнага заканадаўства БССР, праблемамі яго сістэматызацыі [6].

Асобным крымінальна-прававым пытанням былі прысвечаны навуковыя працы іншых даследчыкаў крымінальнага заканадаўства БССР. А. Быкаў і

Г. Юнгерц разглядалі такое пашыранае ў першыя гады савецкай улады злачынства, як кантрабанда. Е. Казлоў засяродзіўся на праблеме хабарніцтва. Пытаннімі барацьбы са злачынствамі і фактарамі злачыннасці займаліся А. Ленц, С. Слупскі, М. Хаўкін і інш. Даследаваннямі ў галіне крымінальнага права, аказаўшымі ўплыў на развіццё заканадаўства БССР, займаліся С. Вольфсан, Ф. Жукаў, С. Каценбоген, І. Барышаў і інш. [1, с. 175–183].

Такім чынам, абвяшчэнне Беларускай ССР і надзяленне яе заканадаўчымі паўнамоцтвамі прывяло да стварэння ўласнабеларускай крымінальна-прававой навукі, развіцця крымінальнага права і заканадаўства, з’яўлення прафесійных устаноў, якія займаліся крымінальна-прававымі даследаваннямі, а таксама да фарміравання кола таленавітых навукоўцаў, якія плённа працавалі на ніве крымінальна-прававой навукі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Развитие уголовного права Белорусской ССР : сб. ст. / под ред. И. И. Горелика И. С. Тишкевича. – Минск : БГУ, 1973. – 184 с.
2. Доўнар, Т. І. Зараджэнне айчынай гісторыка-прававой навукі і яе развіццё ў Беларускім дзяржаўным універсітэце / Т. І. Доўнар // Веснік БДУ. – 2010. – № 3. – С. 3–9. – Серыя 3. Права.
3. Шириев, В. Н. Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик / В. Н. Шириев. – Минск, 1926. – 18 с.
4. Шириев, В. Н. Дисциплинарная ответственность служащих / В. Н. Шириев. – М. :Право и жизнь, 1926. – 64 с.
5. Шириев, В. Н. Участие общества в борьбе с преступностью / В. Н. Шириев. – Минск : БГУ, 1926. – 40 с.
6. Гуткоўскі, М. М. Утварэнне законаў у БССР / М. М. Гуткоўскі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. – Мінск : Беларуская Акадэмія Навук, 1929. – Т. 1. – С. 212–228.

О ПОСТРОЕНИИ САНКЦИЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Е. А. Бритова

*Академия МВД
Республики Беларусь*

Изменения и дополнения, вносимые в УК Беларуси, связанные с корректировкой санкций некоторых статей, показывают несовершенство законодательной техники построения санкций, могут привести к нарушению системности и комплексности в построении уголовно-правовых санкций. В отечественной науке уголовного права вопросы справедливого построения верхних и нижних пределов санкций уголовно-правовой нормы рассматривались лишь в общих чертах.

Необходимость в выработке четких правил построения санкций обусловлено наличием в санкции одной статьи различных по степени карательного воздействия видов наказаний. При назначении штрафа одному лицу, совершившему преступление, и лишения свободы другому (ст. 150, ч. 1 ст. 157, ч. 1 ст. 184 УК Беларуси) очевидно, что виновные лица будут претерпевать различные негативные ограничения прав. Даже с учетом обстоятельств, предусмотренных статьями 62 УК, не всегда возможно в достаточной мере их учесть, и избрать вид и размер санкции, должным образом отвечающие принципу справедливости. Несовершенство конструкции уголовно-правовой санкции может повлечь назначение несправедливого наказания. Как верно отмечает Э. А. Саркисова, подобное положение может не только ожесточить осужденного, но и свести на нет эффективность исправительного воздействия¹.

Важным является вопрос выбора различных по степени карательного воздействия видов и размеров наказания лицам, совершившим тождественные по степени общественной опасности преступления, и имеющие схожие характеристики. Возникает проблема единообразного применения законодательства при выборе вида и размера наказания с учетом принципа справедливости. Подобных недостатков не лишен и УК России.

Необходимость выработки правил построения уголовно-правовых санкций обусловлена не только отсутствием монографических исследований по вопросу построения санкций уголовного закона в Беларуси, но и потребностями практики.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ КАК УСЛОВИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В НЕКОТОРЫХ СЛУЧАЯХ ПРИНУЖДЕНИЯ К ВЫПОЛНЕНИЮ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

И. И. Лапцевич

*Белорусский
государственный университет*

Административная преюдиция в уголовном праве – это закрепленная специальной конструкцией состава преступления преюдициальная связь между несколькими аналогичными правонарушениями, совершенными в течение года после применения к виновному мер административного взыскания за одно из правонарушений, в силу которой содеянное оценивается как преступление и к виновному применяются меры уголовной ответственности [1, с. 7].

¹ Саркисова, Э. А. О справедливости назначенного судом наказания // Юстиция Беларуси-си. 2002. № 2. С. 52–54.

Поступок, повлекший административную ответственность, и совершенное после этого деяние, являющееся основанием уголовной ответственности, – это, по сути дела, «такие же деяния» только лишь по внешним признакам. Что касается субъективной стороны, то она по своему содержанию в этих правонарушениях различается, из чего следует, что различаются и деяния, образующие административное правонарушение, с одной стороны, и преступление – с другой. При повторном нарушении закона меняются как интеллектуальный, так и волевой моменты умысла. Содержание умысла выражает более отрицательное, чем прежде отношение к охраняемым законом социальным ценностям, и таким образом влияет на повышение общественной опасности содеянного в целом [2, с. 20–21].

Принуждение к выполнению обязательств может совершаться любыми лицами и при любых обстоятельствах. Значительное количество таких преступлений совершается самим кредитором. При этом виновные не осознают преступность своих действий, поскольку полагают, что требуют вернуть «свое». Общественная опасность некоторых подобных деяний не достигает уровня общественной опасности преступления и целесообразно было бы сначала привлекать виновных к административной ответственности.

Правовое воздействие на правонарушителя вначале средствами административного и лишь после этого мерами уголовного права обеспечивает устойчивый процесс праворегулирования общественных отношений и сочетание различных по интенсивности средств убеждения и принуждения в зависимости от поведения виновного [1, с. 2]. Последовательное применение мер административного и уголовного воздействия является оправданным при совершении виновным преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 384 УК Беларуси.

В соответствие со ст. 32 УК Беларуси, административная преюдиция может быть предусмотрена законодателем в уголовно-правовых нормах Особенной части УК только в том случае, если преступление относится к категории не представляющих большой общественной опасности. Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 384 УК Беларуси, относится к менее тяжким преступлениям. Предлагаем внести изменения в санкцию ч. 1 ст. 384 УК Беларуси, «переведя» преступление из категории менее тяжких в категорию не представляющих большой общественной опасности, а в диспозиции предусмотреть административную преюдицию: «совершенное в течение года после наложения мер административного взыскания за такие же действия».

Список использованных источников

1. *Грунтов, И. О.* Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / И. О. Грунтов ; БГУ им. В. И. Ленина. – Минск, 1985. – 22 с.
2. *Мустафаев, Ч. Ф.* Административная преюдиция в советском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ч. Ф. Мустафаев ; АН СССР, Ин-т государства и права. – М., 1986. – 25 с.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ВОПРОСЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

С. В. Варихов

*Академия МВД
Республики Беларусь*

Актуальность проблемы экстремизма мы находим на уровне Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция) [1]. Так, в п. 5 гл. 1 разд. 2 Концепции говорится об актуальности мировой угрозы экстремизма. Кроме того, в п. 27 гл. 4 разд. 3 некоторые проявления экстремизма отнесены к одним из основных угроз национальной безопасности Беларуси. В положениях Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» (далее – Закон) впервые были систематизированы основные аспекты противодействия, закрепленные в иных нормативных правовых актах, указан перечень экстремистских деяний, полномочия субъектов противодействия экстремизму в нашей стране [2].

Законом Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 98-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам уголовной и административной ответственности» внесены изменения в административное законодательство страны, установлена административная ответственность за такие экстремистские действия, как демонстрационное, изготовление нацистской символики (ст. 17.10, 17.11).

Большинство действий экстремистской направленности содержат в себе признаки уголовно-наказуемых деяний. Действующий УК Беларуси не оперирует понятием «экстремизм». В его положениях не содержится статей, прямо предусматривающих наказание за совершение экстремистских деяний, при этом имеется ряд самостоятельных статей, определяющих уголовные наказания за такие действия. Это ст. 127 – геноцид; ст. 130 – разжигание расовой, национальной или религиозной вражды или розни; ст. 190 – нарушение равноправия граждан и т. д. Однако перечень действий, отнесенных к экстремистским, не в полной мере отражен в УК Беларуси.

С целью более эффективного противодействия экстремизму в Законе «О противодействии экстремизму» было бы правильным отграничить экстремистскую деятельность от схожих с ней проявлений общественно-политической активности граждан, расширить круг субъектов противодействия экстремизму. Целесообразно закрепить право граждан на участие в противодействии экстремизму, что дало бы возможность мгновенно реагировать на нарушения законов в данной сфере и пресекать такие проявления.

В УК Беларуси, по нашему мнению, следует выделить преступления экстремистской направленности в отдельный блок, отграничить их от иных

преступлений, разграничить такие преступления от иных форм политической активности граждан, ввести ряд норм, содержащих полный и исчерпывающий перечень деяний, подлежащих наказанию.

Список использованных источников

1. Об утверждении концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноябр. 2010 г. № 575 // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

2. О противодействии экстремизму : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2007 г. № 203-3 (в редакции Законов Респ. Беларусь от 21.07.2008 № 417-3, от 28.12.2009 № 78-3, от 03.06.2011 № 275-3) // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

ОСОБЕННОСТИ МЕДИЦИНСКОГО КРИТЕРИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В СЛУЧАЕ ПСИХИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА (ЗАБОЛЕВАНИЯ)

Е. С. Бородулькина

*Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь*

В соответствии с ч. 1 ст. 92 УК Беларуси «лицо, заболевшее после вынесения приговора психическим расстройством (заболеванием), лишаящим его возможности сознавать фактический характер и значение своих действий или руководить ими, освобождается судом от отбывания наказания. Такому лицу суд может назначить принудительную меру безопасности и лечения». Законодательная формулировка позволяет утверждать, что для освобождения от наказания в случае психического расстройства необходимо одновременное наличие двух критериев: медицинского и юридического. Медицинский критерий выражается в самом наступлении психического расстройства. Юридический раскрывается посредством указания на то, каким образом возникновение заболевания отражается на сознании и поведении осужденного.

Один из признаков медицинского критерия – время наступления психического расстройства. Это период после вынесения приговора, то есть когда заболевание наступило в процессе отбывания наказания либо когда оно наступило после вынесения приговора, но до обращения приговора к исполнению. Позиция законодателя видится правильной, поскольку исполнение наказания в отношении психически нездоровых лиц нецелесообразно, так как они не

в состоянии воспринимать принудительный характер и воспитательное воздействие применяемых к ним мер государственного принуждения [1].

В части 1 ст. 81 УК России закреплено положение о том, что «лицо, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, лишающее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, освобождается от наказания, а лицо, отбывающее наказание, освобождается от дальнейшего его отбывания». Аналогичная позиция закреплена в ч. 1 ст. 73 УК Казахстана. Законодатели указанных стран рассматривают в качестве освобождения от наказания случаи, когда лицо заболело после совершения преступления, но до вынесения приговора.

Важным признаком медицинского критерия освобождения от наказания является характеристика самого заболевания. Законодатель не закрепляет в ст. 92 УК Беларуси характер психического заболевания, как это сделано, например, в ст. 28 «Невменяемость» [1]. Однако исчерпывающий перечень психических расстройств (заболеваний), при наличии которых лицо может быть освобождено от отбывания наказания, содержится в Приложении к постановлению Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 16 февраля 2011 г. № 54/15 (далее – Постановление).

Обоснованной выглядит необходимость закрепления перечня заболеваний лишь в Постановлении, без отражения его в УК Беларуси, поскольку очевидно, что перечень со временем может претерпевать изменения с учетом прогрессивных исследований в медицине.

Дискуссионным является вопрос о том, должен ли быть существующий перечень исчерпывающим. Сторонники полного перечня оправдывают его тем, что он дает врачам конкретные ориентиры, без которых их заключения могут стать произвольными. Вторая точка зрения указывает на необходимость учета разнообразия психических расстройств, в силу которого невозможно охватить все возможные формы заболеваний, препятствующих отбыванию наказания [2]. Пожалуй, последняя обозначенная позиция выглядит более гуманной.

Таким образом, стоит обратить внимание на возможность корректировки обозначенных недостатков законодательного регулирования медицинского критерия освобождения от наказания в случае психического расстройства.

Список использованных источников

1. Освобождение от наказания в связи с болезнью [Электронный ресурс] // Режим доступа : <http://vse-uchebniki.com/ugolovnoe-pravo-rossii/osvobozhdenie-nakazaniya-svyazi.html>. – Дата доступа : 07.04.2012.
2. Освобождение от дальнейшего отбывания наказания осужденных, заболевших тяжёлым психическим расстройством [Электронный ресурс] // Режим доступа : <http://yurist-online.com/uslugi/yuristam/literatura/stati/psihiatriya/017.php>. – Дата доступа : 29.02.2012.

РАЗДЕЛ VII

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И СУДОУСТРОЙСТВА

ZUR VERFASSUNGSMÄSSIGKEIT DER SICHERUNGSVERWAHRUNG IN DEUTSCHLAND

Gilbert Gornig

Philipps-Universität Marburg

A. Einführung

Die Sicherungsverwahrung ist aufgrund einiger höchstrichterlicher Entscheidungen in Deutschland in den Mittelpunkt nicht nur des juristischen Interesses geraten. Freigelassene Sicherungsverwahrte stellen eine Gefahr für das Leib und Leben der Kinder dar und veranlassen die Eltern zu Protesten, die im Großen und Ganzen von den Medien und der Öffentlichkeit unterstützt werden, wird doch das Leben Unschuldiger höher gewertet als die Freiheit von unverbesserlichen Straftätern. Im Mittelpunkt der folgenden Erörterung steht das Urteil des Bundesverfassungsgerichts vom 4. Mai 2011. Es soll zudem gezeigt werden, welchen Weg der Schwerverbrecher M. gehen musste, um in Freiheit zu gelangen.

I. Definition und Abgrenzung

Die Sicherungsverwahrung hat eine Präventivfunktion. Sie soll die Allgemeinheit vor Tätern schützen, die beispielsweise aufgrund einer psychischen Krankheit schuldunfähig sind oder die trotz Strafe vor keiner Tat zurückschrecken und aus diesem Grunde als besonders gefährlich gelten. Die Sicherungsverwahrung wird neben der Strafe angeordnet und ist größtenteils unabhängig von der Strafe und

der damit verbundenen Schuld. Wird Sicherungsverwahrung angeordnet, hat der Täter auch nach dem Verbüßen seiner Freiheitsstrafe im staatlichen Gewahrsam zu bleiben.

Im Gegensatz zur Freiheitsstrafe knüpft die Sicherungsverwahrung an die Gefährlichkeit des Straftäters für die Allgemeinheit an. Diese Gefährlichkeit muss im Wege einer Prognose festgestellt werden und sich zuvor in einer besonders schweren Straftat geäußert haben.

II. Formen

Es bestehen folgende Formen der Sicherungsverwahrung:

die zwingend anzuordnende Sicherungsverwahrung gemäß § 66 Abs. 1 StGB,
die im Ermessen des Gerichts stehende Sicherungsverwahrung gemäß § 66 Abs. 2, 3 StGB,

die im Urteil vorbehaltene Sicherungsverwahrung gemäß § 66a StGB und § 106 Abs. 3 S. 2 JGG,

die nachträglich angeordnete Sicherungsverwahrung gemäß § 66b StGB,
die nachträglich angeordnete Sicherungsverwahrung im Jugendstrafrecht.

III. Vollzug

Der Vollzug der Sicherungsverwahrung soll getrennt vom Vollzug einer normalen Freiheitsstrafe erfolgen (§ 140 Abs. 1 StVollzG). Um dies zu ermöglichen, können entweder eigenständige Anstalten oder abgetrennte Abteilungen innerhalb einer Justizvollzugsanstalt eingerichtet werden. In der Praxis wird häufig die Sicherungsverwahrung wie die Strafhaft in allgemeinen Justizvollzugsanstalten vollzogen. Den Sicherungsverwahrten werden jedoch Hafterleichterungen gewährt, da für sie der Aufenthalt nicht an ihre Schuld anknüpft. Vielmehr befindet sich der Sicherungsverwahrte in Verwahrung, um die Allgemeinheit vor ihm zu schützen. Er erbringt insoweit ein Sonderopfer für die Allgemeinheit, da er durch die Strafhaft seine Strafe vor Antritt der Sicherungsverwahrung bereits vollständig verbüßt hat.

IV. Dauer

Die Unterbringung in der Sicherungsverwahrung ist grundsätzlich unbefristet. Mindestens alle zwei Jahre, beginnend mit dem ersten Tag der Unterbringung, muss geprüft werden, ob weiterhin die Gefahr besteht, dass der Täter außerhalb des Vollzugs rechtswidrige Taten begehen wird (§ 67e Abs. 1 und 2 StGB). Wird dies verneint, dann wird die weitere Vollstreckung zur Bewährung ausgesetzt und es tritt Führungsaufsicht (maximal fünf Jahre) ein.

B. Urteile

I. Entscheidungen des EGMR

Der Europäische Gerichtshof für Menschenrechte (EGMR) gab am 17. Dezember 2009 im Gegensatz zum Bundesverfassungsgericht einer Individualbeschwerde

wegen rückwirkender Streichung der Höchstfrist der Sicherungsverwahrung im Jahr 1998 recht und bestätigte einen Verstoß gegen Art. 5 Abs. 1 und Art. 7 Abs. 1 EMRK. Aufgrund dieser unterschiedlichen Entscheidungen kann man die Schlussfolgerung ziehen, dass das Grundgesetz Eingriffe rechtfertigt, die nach dem Europäischen Gerichtshof für Menschenrechte als menschenrechtswidrig gelten. Maßgebend ist die Auffassung des Europäischen Gerichtshofs, dass eine Sicherungsverwahrung als „Strafe“ anzusehen sei. Der EGMR begründete diese damit, dass sie sich in ihrer Vollstreckung nur unmaßgeblich von der Haftstrafe unterscheide. Nach dieser Argumentation ist eine nachträgliche Sicherungsverwahrung ausnahmslos menschenrechtswidrig, weil sie verhängt wird, ohne dass eine neue Straftat vom Inhaftierten begangen wurde. Am 13. Januar 2011 hat der EGMR in einer weiteren Entscheidung einstimmig beschlossen, dass auch die im Jahre 2004 eingeführte nachträgliche Sicherungsverwahrung gegen Art. 5 Abs.1 EMRK (Recht auf Freiheit und Sicherheit) verstoße.

Als nächstes widmete sich der Gerichtshof dem gerügten Verstoß gegen Art. 7 Abs. 1 EMRK, dem „nulla poena sine lege“-Grundsatz. Zunächst stellte der EGMR fest, dass die Sicherungsverwahrung gleich der Freiheitsstrafe eine Freiheitsentziehung zur Folge habe. Diese finde, abgesehen von den verschiedenen Abteilungen, in normalen Strafvollzugsanstalten statt. Über den geringfügigen Unterschied könnten auch nicht die Erlaubnis, eigene Kleidung zu tragen, sowie die ein wenig besser ausgestatteten Zellen hinweg täuschen. Darüber hinaus hätten im Strafvollzugsgesetz nur wenige Vorschriften die Sicherungsverwahrung zum Gegenstand. Vielmehr würden die Regelungen über die Freiheitsstrafen entsprechend angewendet. Das Verfahren sowie der Vollzug hierfür werden ebenfalls von Organen der Strafrechtspflege, dem Strafgericht und dem Vollstreckungsgericht angeordnet. Zuletzt könne, wie der Gerichtshof konstatiert, nie definitiv festgestellt werden, ob ein Täter einmal rückfällig wird oder nicht. Diese Unsicherheit führe dazu, dass man die Sicherungsverwahrung als eine der schwersten Strafen, wenn nicht gar als die schwerste Strafe, die nach dem Strafgesetzbuch beschlossen werden kann, ansehen kann. Alles in allem zeigen die obig genannten Ausführungen, dass der EGMR die Sicherungsverwahrung als Strafe i.S.d. Art. 7 EMRK ansieht. Aus diesem Grunde stellt nach Auffassung des Gerichtshofs die nachträglich angeordnete Sicherungsverwahrung eine zusätzliche Strafe aufgrund eines Gesetzes dar, welches erst nach dessen Straftat erlassen wurde. Dies verletze damit das Rückwirkungsverbot des Art. 7 Abs. 1 EMRK.

Die EMRK, die gemäß Art. 59 Abs. 2 GG innerstaatlich nur den Rang eines einfachen Bundesgesetzes einnimmt und somit keinen Verfassungsrang hat, wird zur Auslegung des deutschen Rechts herangezogen, um im Falle der Anrufung des EGMR infolge des dann vorliegenden Vorrangs des Völkerrechts nicht zur Aufhebung der nationalen Maßnahme verpflichtet zu sein. Allerdings wird dabei keine „schematische Parallelisierung“ verlangt. Auch wenn das Urteil nur inter partes-Wirkung hat, ist Deutschland gemäß Art. 46 EMRK verpflichtet, den

Rechtsverstoß schnellstmöglich zu beseitigen und dies auch in Zukunft in ähnlich gelagerten Fällen zu berücksichtigen.

II. Entscheidung des Bundesverfassungsgerichts

Das Urteil des Europäischen Gerichtshofs im Jahr 2009 sorgte für großes Aufsehen in Deutschland, sodass augenblicklich Reaktionsbedarf bestand. Das Bundesverfassungsgericht erklärte in seinem daraufhin ergangenen Urteil vom 4. Mai 2011 die Normen über die Sicherungsverwahrung im Jugend- und Erwachsenenstrafrecht mit dem Freiheitsgrundrecht aus Art. 2 Abs. 2 S. 2 GG i. V. m. Art. 104 Abs. 1 GG aufgrund der nicht hinreichenden Gewährleistung des Abstandgebotes als unvereinbar. Dieses Gebot verlange eine deutliche Unterscheidung zwischen Freiheitsentzug im Rahmen der Sicherungsverwahrung und der Freiheitsstrafe. Laut Bundesverfassungsgericht müsste dieses Gesamtkonzept folgende Aspekte beinhalten: Das ultima ratio-Prinzip verlangt, dass die Sicherungsverwahrung als letztes Mittel angeordnet wird und dort alle Möglichkeiten genutzt werden, um die Gefährlichkeit des Täters zu verringern.

Einen Eingriff in das Freiheitsgrundrecht des Art. 2 Abs. 2 S. 2 GG i. V. m. Art. 20 Abs. 3 GG stellt auch für die nachträgliche Anordnung dar. Eine fortdauernde Unterbringung oder eine nachträgliche Anordnung nur unter strikter Verhältnismäßigkeit sowie zum Schutze höchster Verfassungsgüter zulässig.

Das Urteil des Bundesverfassungsgerichts vom 4. Mai 2011 veränderte in Deutschland das Sanktionssystem des Strafrechts grundlegend. Im Jahr 2011 erklärte das Bundesverfassungsgericht die bisherigen Regelungen der schärfsten Sanktion des deutschen Strafrechts für verfassungswidrig. Jedoch gelten diese Vorschriften trotz der Unvereinbarkeit mit dem Grundgesetz erst einmal bis zum 31. Mai 2013 fort, um ein „rechtliches Vakuum“ zu vermeiden. Schließlich würde es sonst an einer Rechtsgrundlage für die Sicherungsverwahrung fehlen, was dazu führen würde, dass alle Sicherungsverwahrten sofort freigelassen werden müssten. Nun kämpfen Justiz und Politik für eine klare Linie mit dem Umgang von freigelassenen Sicherungsverwahrten, die als gefährlich gelten, und um eine Neuregelung, die die bisherige verworrene Rechtslage beseitigt und mit der Verfassung im Einklang steht.

C. Ausblick

Abschließend lässt sich sagen, dass das Urteil vom 4. Mai 2011 endlich ein Zeichen setzt. Der unaufhörlichen Ausweitung der Sicherungsverwahrung durch zum Teil voreilige gesetzgeberische Reaktionen ist nun ein Ende gesetzt worden. Schwierig, wenn nicht gar unmöglich ist es aber, eine gerechte Lösung zu finden, um sowohl der Freiheit der Gefangenen als auch der Sicherheit der Gesellschaft gerecht zu werden. Klar ist, dass es eine vollkommene Sicherheit mit den in einem Rechtsstaat vorhandenen Mitteln nicht geben kann. Die Sicherungsverwahrung stellt eines der heikelsten Sanktionen in Deutschland dar, da ein genaues Ende nie in Sicht ist und zudem die Unterbringung lediglich auf einer Prognose-Entscheidung

beruht. Die Ängste der Bevölkerung sind berechtigt, da eine „Rund-um-die-Uhr-Überwachung“ der Freigelassenen nicht verwirklicht ist. Es muss aber jeder Mensch als Subjekt und nicht als Objekt angesehen werden und deswegen die Möglichkeit haben, sich in die Gesellschaft einzugliedern. Allerdings sind nach der Freilassung aufgrund der konventions- sowie verfassungswidrigen Normen auch die ersten Täter schon wieder rückfällig geworden. Aber rechtfertigt der Rückfall nur einer Person, der Tod nur eines Kindes, die Sicherungsverwahrung aller? Immerhin haben die Sicherungsverwahrten bereits schwere Straftaten zu verantworten! Viele Menschen würden diese Frage bejahen. Jedenfalls muss die zur Verfügung stehende Zeit genutzt werden, um Maßnahmen zur Wiedereingliederung durchzuführen. Gesteigerte Resozialisierungsarbeit könnte zu einer Steigerung der Sicherheit führen und weitere Opfer durch Rückfälltäter vermeiden. Die Bundesrepublik muss nun die Chance zu einem Neuanfang nutzen und tun, was sie imstande ist, gesetzlich zu leisten. Letztendlich können wir jedoch nur hoffen, dass sie in der kurzen Zeit ein Konzept entwickeln kann, welches Sicherheit für die Bürger bietet, aber dennoch dem Recht auf Freiheit der Sicherungsverwahrten Rechnung trägt.

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННОСТИ ПРЕВЕНТИВНОГО ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В ГЕРМАНИИ¹

Гилберт Горниг

Филиппс-университет г. Марбург

А. Введение

Превентивное ограничение свободы находится в Германии из-за ряда решений высших судебных инстанций не только в сфере юридических интересов. Освобожденные лица, свобода которых была превентивно ограничена, представляют опасность для здоровья и жизни детей и вызывают протесты родителей, которые поддерживаются средствами массовой информации и общественностью, но при этом жизнь невиновного ценится выше, чем свобода неисправимых преступников. В центре последующего изложения находится решение Федерального конституционного суда ФРГ от 4 мая 2011 г. Кроме того, необходимо показать, каким образом должен был поступить совершивший тяжкое преступление М., чтобы обрести свободу.

1. Определение и отграничение

Превентивное ограничение свободы обладает функцией предупреждения. Оно должно ограждать общество от преступников, которые, например, не подлежат уголовной ответственности из-за психического заболевания либо

¹ Перевод к. ю. н., доцент В. И. Самарин

не могут быть устрашены никаким наказанием за совершение преступления и поэтому являются особенно опасными. Превентивное ограничение свободы назначается лицу одновременно с наказанием и в значительной степени не зависит от него и связанной с ним виновностью. При назначении превентивного ограничения свободы преступник остается в заключении даже после отбытия наказания в виде лишения свободы.

В противовес лишению свободы превентивное ограничение свободы исходит из опасности преступника для общества. Эта опасность должна быть определена путем прогнозирования и выражаться в совершении особо тяжкого преступления.

II. Формы

Существуют следующие формы превентивного ограничения свободы:

- обязательное назначение превентивного ограничения свободы в соответствии с абз. 1 § 66 УК;
- превентивное ограничение свободы, зависящее от усмотрения суда, в соответствии с абз. 2, 3 § 66 УК;
- оговоренное в приговоре превентивное ограничение свободы в соответствии с § 66а УК и предложением вторым абз. 3 § 106 Закона о ювенальной юстиции;
- последующее назначение превентивного ограничения свободы в соответствии с § 66b УК;
- последующее назначение превентивного ограничения свободы уголовным судом для несовершеннолетних.

III. Исполнение

Исполнение превентивного ограничения свободы должно происходить отдельно от отбытия обычного лишения свободы (абз. 1 § 140 Закона об исполнении наказания). Чтобы сделать это возможным, могут создаваться либо самостоятельные учреждения, либо отделения в исправительных учреждениях. На практике зачастую превентивное ограничение свободы, как и лишение свободы, отбывают в общем исправительном учреждении. Тем не менее лицам, свобода которых превентивно ограничена, гарантируется смягчение режима при нахождении в таком учреждении, так как их пребывание в нем уже не связано с их виновностью. Напротив, данное лицо содержится под охраной для того, чтобы оградить общество от него. Тем самым он представляет собой особую жертву перед обществом, так как он в процессе отбытия лишения свободы уже полностью отбыл свое наказание до применения превентивного ограничения свободы.

IV. Срок

Применение превентивного ограничения свободы сроком, как правило, не ограничено. Не реже одного раза в два года, начиная с первого дня применения, должно проверяться, наличествует ли и далее угроза, что преступник

за пределами исправительного учреждения будет совершать противоправные деяния (абз. 1 и 2 § 67е УК). В случае отсутствия такой угрозы дальнейшее отбывание заменяется пробацией и устанавливается надзор за поведением осужденного (максимально на 5 лет).

В. Решения судебных органов

1. Решения ЕСПЧ

В отличие от Федерального конституционного суда ФРГ Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) 17 декабря 2009 г. удовлетворил индивидуальную жалобу на имеющую обратную силу отмену предельного срока превентивного ограничения свободы в 1998 г. и подтвердил нарушение абз. 1 ст. 5 абз. 1 ст. 7 ЕКПЧ. На основе различных решений можно сделать вывод, что Конституция ФРГ оправдывает меры, которые Европейский суд по правам человека считает нарушающими права человека. Определяющим является понимание Европейским судом превентивного ограничения свободы в качестве «наказания». ЕСПЧ обосновал свою позицию тем, что его отбывание в незначительной степени отличается от лишения свободы. В соответствии с данным обоснованием последующее превентивное ограничение свободы нарушает без каких-либо исключений права человека, так как оно приводится в исполнения без совершения осужденным нового преступления.

В другом своем решении от 13 января 2011 г. ЕСПЧ единогласно постановил, что примененные в 2004 г. последующие превентивные ограничения свободы также являются нарушением абз. 1 ст. 5 ЕКПЧ (право на неприкосновенность личности).

Далее суд уделил внимание указанному в жалобе нарушению абз. 1 ст. 7 ЕКПЧ, т. е. принципу «*nulla poena sine lege*». Прежде всего ЕСПЧ установил, что превентивное ограничение свободы, как и наказание в виде лишения свободы, имеет своим следствием содержание под стражей. Оно осуществляется, несмотря на отдельное отделение, в обычном уголовном исправительном учреждении. Не должна вводить в заблуждение и незначительная разница: разрешение носить собственную одежду, а также немного лучше оборудованные камеры. Кроме того, немногие нормы Закона об исполнении наказания имеют своим предметом превентивное ограничение свободы. Более того, применялись соответствующие предписания о лишении свободы. Процесс и исполнение осуществляются также органами уголовной юстиции (уголовным судом и судом по вопросам исполнения наказаний). Наконец невозможно, как констатировал суд, никогда определенно установить совершил ли преступник повторно преступление или нет. Эта неопределенность приводит к тому, что можно рассматривать превентивное ограничение свободы в качестве одного из суровых наказаний, если не самого сурового, которое может быть применено в соответствии с Уголовным кодексом. В целом, выше упомянутые аргументы показывают, что ЕСПЧ рассматривает превентивное ограничение свободы в

качестве наказания в смысле ст. 7 ЕКПЧ. По этой причине, по мнению суда, последующее назначение превентивного ограничения свободы представляет собой дополнительное наказание в соответствии с законом, который был принят уже после совершения преступления. Это противоречит запрету обратного действия закона, содержащегося в абз. 1 ст. 7 ЕКПЧ.

ЕКПЧ, которая в соответствии с абз. 2 ст. 59 Конституции ФРГ в иерархии национального законодательства занимает уровень простого федерального закона и в соответствии с этим не находится на уровне Основного закона, используется для толкования немецкого права, чтобы в случае обращения в ЕСПЧ в связи с наличием в таком случае примата международного права не вести к необходимости ликвидации национальных мер. Тем не менее, в этом случае не требуется «схематическая корреляция». Даже если решение имеет силу лишь *inter partes*, Германия согласно ст. 46 ЕКПЧ обязана устранить нарушение права в кратчайшие сроки и учесть это в будущем в подобных случаях.

II. Решение Федерального конституционного суда ФРГ

Решение Европейского суда 2009 г. вызвало большие дискуссии в Германии, поэтому возникла необходимость в безотлагательной реакции. Федеральный конституционный суд признал в связи с этим в своем решении от 4 мая 2011 г. несогласованными нормы о превентивном ограничении свободы в уголовном праве для несовершеннолетних и совершеннолетних с правом на неприкосновенность личности (предложение второе абз. 2 ст. 2 Конституции в связи с абз. 1 ст. 104 Конституции) из-за недостаточной гарантии разграничения (*Abstandgebot*¹). Такое предписание требует четкого разграничения между превентивным ограничением свободы и наказанием в виде лишения свободы. Согласно Федеральному конституционному суду данная концепция должна включать следующие аспекты: принцип *ultima ratio* требует, чтобы превентивное ограничение свободы применялось как самое последнее средство и при этом использовались все возможности для уменьшения опасности преступника.

Нарушение права на неприкосновенность личности (предложение второе абз. 2 ст. 2 Конституции в связи с абз. 3 ст. 20 Конституции) представляет собой также последующее назначение. Продолжительное содержание под стражей или последующее назначение допускаются только при строгой соразмерности, а также для защиты больших конституционных ценностей.

¹ *Abstandgebot* (дословно – «разграничительное предписание») термин, созданный Федеральным конституционным судом ФРГ и применяемый в отношении четкого разграничения ограничения свободы в качестве превентивной меры и лишения свободы как уголовного наказания (пер.).

Решение Федерального конституционного суда от 4 мая 2011 г. коренным образом изменило систему санкций в уголовном праве Германии. В 2011 г. Федеральный конституционный суд признал существовавшие правила строгих наказаний в немецком уголовном праве неконституционными. Однако, несмотря на несогласованность с Основным законом, данные предписания применяются до 31 мая 2013 г., чтобы избежать «правового вакуума». В конечном счете, в противном случае пришлось бы из-за отсутствия правового основания для превентивного ограничения свободы освободить всех лиц, к которым применяется данная мера. В настоящий момент система юстиции борется с политиками за четкую линию поведения в отношении освобожденных лиц, свобода которых ограничена и которые являются опасными, а также за новые правила, которые устранят существующую неясную правовую ситуацию и будут соответствовать Конституции.

С. Заключение

В заключении следует отметить, что решение от 4 мая 2011 г. оставит свой след. Беспреданное расширение превентивного ограничения свободы частично посредством поспешных законодательных реакций закончится. Трудно, если вообще возможно, найти справедливое решение, чтобы соотнести свободу осужденного и безопасность общества. Понятно, что полная безопасность не может быть обеспечена средствами, имеющимися в правовом государстве. Превентивное ограничение свободы является самой деликатной санкцией в Германии, так как ее точного окончания нельзя предвидеть и, кроме того, содержание под стражей основывается исключительно на прогнозном решении. Опасение населения обоснованно, так как «круглосуточное наблюдение» освобожденного не может быть реализовано. Однако человек должен рассматриваться как субъект, а не объект и, следовательно, он должен иметь возможность интегрироваться в общество. Хотя отпущенные из-за признания норм не соответствующими Конвенции, а также Конституции совершили вновь преступления. Но оправдывает ли повторное совершение преступления одним лицом, убийство лишь одного ребенка, применение превентивного ограничения свободы в отношении всех? Все же такие лица уже понесли наказание за особо тяжкие преступления! Многие утвердительно ответили бы на этот вопрос. В любом случае предоставленное время должно использоваться для осуществления мер реинтеграции. Увеличение работы по ресоциализации может привести к увеличению безопасности и предотвращению появления жертв повторных преступлений. Германия должна использовать шанс для нового старта и сделать то, что она в состоянии сделать на законодательном уровне. В конечном счете, мы можем лишь надеяться, что она сможет в ближайшее время разработать концепцию, которая обеспечит безопасность гражданам, а также примет в расчет право на неприкосновенность личности лиц, свобода которых превентивно ограничена.

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ В ПРАВОСУДИИ

В. Н. Бибило

*Белорусский
государственный университет*

Общество устанавливает определенную модель правосудия. Судебная деятельность регулируется социальными нормами, к которым относятся правовые, моральные, религиозные, экономические, идеологические, политические, эстетические и др. Социальные нормы выполняют особое предназначение: выступают как регуляторы социализации личности, элементы общественного сознания, отображаются индивидуальным сознанием судьи и включаются в его деятельность.

Социальное регулирование правосудия означает, что суду предписывается определенный параметр поведения, т. е. задается способ выражения отношения к разрешаемому делу, но при этом зависящий от конкретных исторических условий, от социально-экономического состояния общества. Причем в одни эпохи намечались лишь направления, в которых должно осуществляться правосудие, а в другие деятельность суда жестко регулировалась.

Участники правосудия выступают как «носители» тех или иных социальных норм. Принимая и реализуя определенную систему социальных норм, они оказываются включенными в особые социальные группы, условно образованные по этому нормативному признаку. Состав суда при рассмотрении конкретного дела организационно оформлен и образует свою социальную группу, в основе деятельности которой должна лежать общая нормативно-ценностная ориентация.

При выявлении социальных норм, действующих в сфере правосудия, за основу надо брать именно их положение в нормативно-ценностной иерархии. На этом основании можно выделить основные и дополнительные нормы. Следует, однако, учитывать, что ни один из этих видов не сможет обеспечить функционирования правосудия. Они выступают сообща. Ведь общественные отношения многообразны и разнообразно им в обществе, государстве формируется система социальных, экономических, идеологических и политических норм, отдельные аспекты которых концентрируются в правовых нормах. Но, кроме этого, эти нормы действуют при осуществлении правосудия и без правового опосредования.

Идеологические нормы влияют на все сферы общественных отношений, общественное сознание, в целом систему социальных норм. Другое дело, что в правовом государстве происходит борьба различных идеологических настроений, в отличие от тоталитарного, где какая-то одна идеология является

господствующей и находится в основе всех социальных норм. Вырабатываясь различными политическими институтами и партиями, идеологические нормы трансформируются в политические. Свойством правосудия является стремление сохранить политическую нейтральность. Но абсолютизация данного положения невозможна в силу того, что судьи при осуществлении правосудия должны подчиняться закону, который принимается законодательной властью и поэтому всегда имеет политическую окраску. Определенной гарантией реализации независимого правосудия является требование непринадлежности судей к какой-либо из политических партий. И все-таки судья не может находиться в условиях полной изоляции от общественных событий. Информация политического характера влияет на его сознание при рассмотрении конкретных дел, особенно если участниками процесса являются лидеры либо представители политических партий, высшие должностные лица государства, придерживающиеся определенной политической линии, выраженной в их деятельности. В этом смысле при осуществлении правосудия остается «свободное место» для реализации политических норм, значительная часть которых все-таки вырастает в моральные и правовые.

Особенностью религиозных норм является их глубокое проникновение в нравы, обычаи, обряды, стереотип поведения и в целом определение образа жизни человека. Существенно также влияние религиозных норм на представления людей о должном, желаемом и предпочитаемом. Религиозные нормы связаны с мироощущением и мировосприятием человека. Возможно поэтому на протяжении длительного времени в истории культуры моральные кодексы формировались в рамках религиозных систем, что вызывало доверие к такой морали.

Правовые нормы являются основным, фундаментальным регулятором правосудия и занимают особое место в системе других социальных регуляторов. Право в наибольшей мере вторгается в деятельность по осуществлению правосудия, упорядочивает поведение субъектов как носителей общественных отношений. Его система самая четкая, формальная в социальном регулировании. Конечно, сами правовые нормы по степени их общности и значимости в регулятивных процессах неоднородны. Но здесь важно подчеркнуть, что их система образует каркас правосудия. Правовые нормы, закрепленные в нормативно-правовых актах, более статичны, чем динамичны. Кроме того, человеческие знания по своему содержанию никогда не совпадают полностью с реальными предметами, т. е. не могут отражать их во всей полноте. Воспроизведение общественных отношений в сфере законодательства лишь частичное. Однако такая деформация ограничена и не имеет ничего общего с отставанием правовых норм от существующей действительности в силу субъективного фактора, например нарушения правил законодательной техники, неправильного использования правовых понятий, умышленного торможения правотворческой деятельности и т. д.

Правосудие неравномерно подвергнуто правовому регулированию: те его стороны, которые оказались вне правовых норм, регулируются иными социальными нормами. При выборе же правовых норм, пригодных для регулирования правосудия, не следует преувеличивать значимость ни одного из способов правового регулирования. Соотношение их отражает лишь тенденции в развитии прав и свобод участников судебного процесса, а также статус самого суда.

В сфере правосудия особо важное место занимают этические нормы (нормы морали и нормы нравственности). Этика как наука (т. е. сфера общественного сознания) включает большой объем знаний об этих типах норм.

Моральное регулирование в сфере правосудия выполняет особую функцию: воздействует на поведение человека, его внутренние мотивы, обладает универсальностью, проникает во все сферы общественных отношений. Моральные нормы выражают типичные ситуации во взаимоотношениях людей и складываются в сфере их сознания. Они обеспечиваются общественным мнением и ориентируют на добровольное применение в качестве внутренних побуждений к совершению определенных социальных поступков или воздержанию от них.

При комплектовании судейского корпуса надо учитывать уровень морального сознания кандидата на должность судьи. В науке должны быть выработаны соответствующие критерии, позволяющие на практике определять уровень нравственности человека. Конечно, выявление состояния морали человека представляет определенные трудности, тем более что значение имеет не столько само по себе моральное сознание индивида, сколько его реализация. Различие между судьями по степени моральности обусловлено, по крайней мере, наличием у индивида двух параметров: сферы осознаваемого (качества социализации личности) и неосознаваемого (биологического, того, что дается человеку природой, с рождения и не подлежит изменению либо может быть преобразовано в незначительной мере).

Индивидуальное моральное сознание судьи формируется, во-первых, путем усвоения норм, установок общества, являясь при этом объектом воздействия социума в целом; во-вторых, судья становится носителем моральных ориентаций в зависимости от того, насколько им усвоены нормы общественного морального сознания; в-третьих, сам судья активно развивает свое моральное сознание в процессе осуществления правосудия. В связи с тем, что все эти компоненты взаимообусловлены и действуют одновременно, возникает проблема социализации и индивидуализации морального сознания судьи. Общество социализирует судью. Судья усваивает социальные нормы, ценностные ориентации, действуя избирательно, исходя из своего индивидуального морального сознания, которое не просто воспринимает те или иные стороны общественного сознания, а реализует нормы, ставшие его убеждением.

Правосудие – это та область человеческой деятельности, где право и мораль сочетаются наиболее гармонично. Судебная деятельность едина, моральная и правовая ее стороны переплетаются между собой.

По механизму воздействия на правосудие к моральным нормам близки эстетические, реализация которых также основана на внутреннем рациональном и эмоциональном отношении к ним личности. Но эстетические нормы в отличие от моральных воздействуют на поведение субъектов еще более опосредованно. В них нет даже той определенности требований, которая так или иначе все же присуща моральной норме. Они воздействуют на внутренний мир человека, а значит, и на его поведение, другими способами и прежде всего через такие эстетические феномены, как красота, стремление к прекрасному в трудовой деятельности, в общении. В то же время через эстетическое отношение преломляются проблемы общества, а навыки эстетического видения мира приобретаются людьми на основе жизненного опыта.

Социальные нормы – важнейшее средство регуляции деятельности государственных органов, общественных формирований, общества в целом. Социальные группы, вырабатывающие эти нормы, предъявляют требования, которым должна соответствовать деятельность суда, что приводит к осуществлению социального контроля и оценке поведения судей при рассмотрении ими юридических дел.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОРЯДКА ИСПОЛНЕНИЯ СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ И АКТОВ НЕСУДЕБНЫХ ОРГАНОВ В ГРАЖДАНСКОМ И ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ

О. Н. Здрок

*Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь*

Отечественная процессуальная школа последовательно рассматривает исполнительное производство как неотъемлемую часть отрасли гражданского процессуального права, поскольку эффективность судебной защиты напрямую зависит от максимального обеспечения реального исполнения судебных постановлений. Вопрос о выделении исполнительного производства в качестве самостоятельной отрасли права либо отрасли законодательства и об изменении системы источников правового регулирования данной сферы общественных отношений не ставится. Перспективы развития исполнительного производства определяются в плоскости совершенствования действующих нормативных правовых актов. Основной вектор состоит в том, чтобы максимальным образом оптимизировать действующие правила, отказаться от балластных норм, ввести новые прогрессивные меры исполнения. Все мероприятия осуществляются в рамках сохранения парадигмы публично-правовой (государственной, бюджетной) организации принудительного исполнения юрисдикционных актов.

Значимые изменения в правовом регулировании сферы исполнительного производства связаны с принятием Закона Республики Беларусь от 4 января 2012 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь» [1], а также с подготовкой во исполнение Указа Президента Республики Беларусь от 9 января 2012 г. № 21 «Об утверждении плана подготовки законопроектов на 2012 год» [2] проектов Законов Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь по вопросам исполнительного производства» (далее – Проект 1) и «О внесении изменений и дополнений в Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь» (далее – Проект 2). Из числа новелл необходимо отметить: 1) переход от традиционной схемы возбуждения исполнительного производства, в соответствии с которой исполнительный лист выдавался на руки взыскателю для последующей передачи его судебному исполнителю, к новой системе, в соответствии с которой суд по своей инициативе направляет исполнительные листы для исполнения, за исключением случаев, когда от взыскателя поступило ходатайство о выдаче ему исполнительного листа (ст. 463 ГПК); 2) расширение системы мер по обеспечению исполнения путем предоставления суду права применять временное ограничение прав должника на выезд из Беларуси, на охоту, на управление механическими транспортными средствами, маломерными судами, судами с подвесными двигателями и гидроциклами (п. 7-1 и 7-2 ст. 482 ГПК) с установлением особого порядка их применения; 3) расширение полномочий судебного исполнителя за счет передачи ему права решения ряда вопросов исполнительного производства, находившихся ранее в ведении суда; 4) расширение возможностей судебного исполнителя по инициированию перед судом вопроса о совершении необходимых процессуальных действий, в частности, предоставление ему права наряду со взыскателем ходатайствовать о выдаче нескольких исполнительных листов (ст. 464 ГПК); о возобновлении производства в связи с оформлением правопреемства, о выдаче дубликата судебного приказа, о применении мер по обеспечению исполнения, о разъяснении способа и порядка его исполнения (Проект № 2); 5) возложение на должника (Проект № 1 и Проект № 2) обязанности по требованию судебного исполнителя предоставить по установленной форме сведения об имеющемся у него имуществе, об источниках дохода.

Указанные направления совершенствования гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства Беларуси соответствуют мировым тенденциям развития исполнительного производства. Независимо от формы организации службы судебных исполнителей, в большинстве зарубежных государств наблюдается существенное изменение идеологии исполнительного производства. Современный подход базируется на идее о том, что принцип состязательности в исполнительном производстве должен быть дополнен принципом содействия в защите прав взыскателя как стороны,

права которой подтверждены вступившим в законную силу решением суда. Поэтому суд начинает принимать активное участие в возбуждении исполнительного производства; становится допустимым существенное ограничение прав должника; усиливается статус судебного исполнителя за счет предоставления ему полномочий по совершению ряда действий, которые ранее совершались исключительно судом и сторонами исполнительного производства.

Список использованных источников

1. О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь от 04.01.2012 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2012. – № 8. – 2/1889.

2. Об утверждении плана подготовки законопроектов на 2012 год : Указ Президента Республики Беларусь от 09.01.2012 № 21 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2012. – № 7. – 1/13236.

НОВЕЛЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВРЕМЕННЫХ ПРЕРЫВОВ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ

В. П. Скобелев

*Белорусский
государственный университет*

1. Гражданское процессуальное законодательство предусматривает три формы временных прерывов в судебном разбирательстве гражданских дел: отложение разбирательства дела, перерыв в судебном заседании, приостановление производства по делу. Закон Республики Беларусь от 4 января 2012 г. № 337-З (далее – Закон № 337-З) внес в регулирование данных вопросов весьма существенные изменения, оправданность которых требует самого серьезного доктринального осмысления.

2. Закон № 337-З исключил из ГПК такое основание для отложения разбирательства дела, как «невозможность рассмотрения дела в данном заседании», сохранив за судом право откладывать разбирательство дела лишь «в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом» (ч. 1 ст. 159 ГПК). Одобрить подобную новеллу едва ли возможно. Во-первых, она не согласуется с иными нормами ГПК, которые, не указывая прямо на отложение разбирательства дела, подразумевают это имплицитно. Например, в ч. 4 ст. 334-1 ГПК сказано, что при изменении истцом предмета или основания иска, увеличении размера исковых требований суд не вправе рассматривать дело в данном судебном заседании в порядке заочного производства. Очевидно, что разбирательство дела здесь нужно откладывать, однако нынешняя редакция ч. 1 ст. 159 ГПК

сделать это не позволяет. Во-вторых, анализируемая новелла игнорирует тот факт, что нормы об отложении разбирательства дела могут содержаться в иных, нежели ГПК, нормативных правовых актах. В частности, немало подобных предписаний сейчас имеется на уровне постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. Наконец вызывает возражения сама по себе идея ограничить право суда на отложение разбирательства дела кругом каких-то конкретных нормативно установленных случаев. Ведь исчерпывающий перечень таких ситуаций заранее предусмотреть невозможно и даже более того – не нужно: суд должен иметь право откладывать разбирательство дела всегда, когда, по его мнению, рассмотрению и разрешению дела в данном судебном заседании препятствуют какие-либо обстоятельства. Поэтому, полагаем, есть все основания для того, чтобы вернуться к первоначальной редакции ч. 1 ст. 159 ГПК. А чтобы предупреждать злоупотребления или своевременно исправлять ошибки со стороны суда при столь широкой законодательной формулировке, предлагаем предусмотреть возможность обжалования (опротестования) в кассационном порядке определений об отложении разбирательства дела.

3. В результате принятия Закона № 337-З в ГПК были введены нормы общего плана о перерывах в судебном заседании (см. ч. 2 ст. 159 ГПК). Данный факт можно только приветствовать, так как ранее регулирование указанного вопроса в Кодексе носило фрагментарный и несистемный характер: упоминание о перерыве можно было найти лишь применительно к частному случаю в ч. 2 ст. 299 ГПК. Вместе с тем законодательное воплощение и данной новеллы вызывает определенные возражения. Во-первых, ч. 2 ст. 159 ГПК предусматривает закрытый и очень узкий перечень оснований для объявления судом перерывов (необходимость отдыха, а также предоставления дополнительных доказательств), который, конечно же, не в состоянии покрыть все многообразие жизненных ситуаций, объективно требующих прерывания судебных заседаний. Во-вторых, все различие между перерывом в судебном заседании и отложением разбирательства дела законодатель фактически свел к дифференциации оснований для применения данных институтов, в то время как это различие, на наш взгляд, следовало проводить в плоскости временной продолжительности соответствующих приостановок процесса (при аналогичности оснований для их использования): отложение разбирательства дела должно представлять собой более продолжительную паузу в развитии процесса, нежели перерыв в судебном заседании. В связи со сказанным представляется целесообразным предложить следующую редакцию ч. 2 ст. 159 ГПК: «Суд объявляет перерыв для отдыха, а также в иных случаях невозможности продолжения судебного заседания, если для устранения соответствующего препятствия потребуется не более трех дней» (понятно, что если возникает потребность в большем количестве времени, суду нужно будет обращаться к институту отложения разбирательства дела). Столь незначительная временная

продолжительность перерыва снимает вопрос о кассационном обжаловании (опротестовании) соответствующего определения суда.

4. Законом № 337-3 ст. 161 ГПК была дополнена двумя новыми основаниями для факультативного приостановления производства по делу: в случае «направления судом судебного поручения в соответствии со статьей 238 настоящего Кодекса» (п. 7 ст. 161 ГПК), а также «обращения заинтересованного лица с возражением или жалобой в Апелляционный совет при патентном органе либо заявлением в антимонопольный орган» (п. 8 ст. 161 ГПК). Если первое из этих оснований представляется совершенно оправданным (ведь выполнение судебного поручения может занять достаточно продолжительный период времени), то второе вызывает весьма серьезные сомнения. Во-первых, описанная в п. 8 ст. 161 ГПК ситуация должна всегда, на наш взгляд, влечь обязательное, а не факультативное приостановление производства по делу. Во-вторых, указанный в п. 8 ст. 161 ГПК случай фактически охватывается содержанием одно из уже имеющихся оснований для обязательного приостановления производства по делу – п. 4 ч. 1 ст. 160 ГПК. Поэтому в дополнении ст. 161 ГПК восьмым пунктом не было никакой необходимости. Помимо этого, Закон № 337-3 внес существенные изменения в процедуру решения вопроса о возобновлении производства по делу (теперь данный вопрос подлежит разрешению без проведения судебного заседания), а также исключил возможность кассационного обжалования (опротестования) определений о возобновлении производства по делу. Вряд ли подобные новеллы можно считать оправданными: они значительно снижают уровень процессуальных гарантий для юридически заинтересованных в исходе дела лиц и фактически переносят возможность исправления ошибок, допущенных судьей при возобновлении производства по делу, на тот этап процесса, когда сделать это можно будет только путем отмены судебного решения.

НЕДОСТАТКИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА КАК ПРИЧИНА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ

О. Л. Кравцов

*Харьковский национальный
университет внутренних дел*

Совершенство или недостатки процессуального законодательства имеют огромное значение для того, смогут ли стороны спора защитить свои права и реализовать свое право на справедливый суд. Как определяет О. Ф. Скакун [1, с. 352], субъективное юридическое право – вид и мера возможного поведения субъекта права, которые установлены юридическими нормами для

удовлетворения его интересов. Злоупотребление правом – особый вид правового поведения, который состоит в использовании лицом своих прав запрещенными способами, которые противоречат назначению права, вследствие чего причиняется ущерб обществу, государству, отдельному лицу [1, с. 427]. Статья 13 ГК Украины [2] запрещает злоупотребление правом в любых формах.

Согласно ст. 124 Конституции Украины правосудие в Украине осуществляется судами [3]. В Украине существует несколько видов судопроизводства по спорам сторон, каждый из которых регулируется своим процессуальным кодексом: гражданское, хозяйственное и административное. Главная задача любого из них – справедливое, беспристрастное и своевременное решение дел с целью защиты нарушенных, непризнанных или оспариваемых прав, свобод или интересов физических и юридических лиц и государства [4, ст. 1; 5, ст. 2]. Хозяйственный процессуальный кодекс Украины не содержит подобного утверждения.

Главный принцип любого судебного процесса – равенство и состязательность сторон. Следует учесть, что процессуальный кодекс регулирует публичные правоотношения, главными из которых являются отношения между государством в лице суда и сторонами спора. Суд, как и любой государственный орган, может действовать исключительно в порядке и способом, предусмотренным законом [3, ст. 19]. Поэтому недоработки составителей кодекса могут поставить суд в положение, когда он не сможет защитить интересы одной стороны из-за процессуальных злоупотреблений другой. Наибольшее количество таких возможностей дает действующий Хозяйственный процессуальный кодекс Украины (ХПК).

Недостатки хозяйственного судопроизводства наиболее видны в сравнении с гражданским судопроизводством и начинают проявляться уже с момента подачи иска.

Статья 120 Гражданского процессуального кодекса Украины (ГПК) обязывает истца вместе с иском подать копии иска для рассылки ответчикам и копии всех приложенных к нему материалов. Статья 56 ХПК возлагает обязанность рассылки иска и приложений к нему на истца, который предоставляет суду доказательства рассылки (п. 2 ст. 57 ХПК). Уже стало нормой практики, хотя и противозаконной, что истец отправляет ответчику только иск, не прикладывая материалов – приложений к иску. Но встречаются также случаи, когда истец отправляет ответчику только первый лист иска. Суд не может проверить полноту доказательств рассылки иска, а установив нарушение, обнаруживает, что ХПК не предусматривает наказания за это – и суд вынужден «проглотить» обман.

Статья 62 ХПК предусматривает несколько причин для возврата искового заявления без рассмотрения, в частности, п. 5 ч. 1 ст. 62 определяет такую причину, как нарушение правил объединения требований, что может суще-

ственно затруднить решение спора. Часть 3 ст. 62 ХПК предусматривает, что истец может в общем порядке снова обратиться с этим иском, но только после ликвидации допущенного нарушения. Аналогичное положение содержится и в ч. 5 ст. 121 ГПК. Однако, что будет, если истец подаст то же заявление, но без ликвидации нарушений, а суд по какой-то причине все же примет дело к рассмотрению? Пункт 8 ч. 1 ст. 207 ГПК определяет, что в этом случае заявление остается без рассмотрения. Однако ст. 81 ХПК не предусматривает такой причины оставления иска без рассмотрения, поэтому суд, приняв дело, относительно которого есть определение суда о недопустимости такого иска, должен тем не менее доводить его до конца – и снова суд и ответчик вынуждены «проглотить» обман. В то же самое время суд не имеет возможности проверить наличие подобного обмана до открытия дела.

Аналогичные злоупотребления допускаются сторонами и при апелляционной или кассационной стадиях процесса. Статьи 95, 111¹ ХПК обязывают сторону, которая подает апелляционную или кассационную жалобу, выслать другой стороне копию жалобы и приложенных к ней документов, которые отсутствуют у другой стороны. На практике же все «считают», что у другой стороны есть все документы и не высылают их.

Несмотря на то, что другая сторона вынуждена действовать «вслепую», что нарушает ее права и принцип равенства сторон, ХПК не предусматривает никаких последствий за подобные нарушения. Суды вынуждены исходить из того, что сторона, права которой нарушены, имеет право ознакомиться с материалами дела. Однако следует заметить, что хозяйственные суды находятся в областных центрах, а апелляционные – один на несколько областей, что затрудняет ознакомление с делом стороны, которая находится не по месту нахождения суда.

Таким образом, нами показано, как даже элементарное несовершенство процессуального закона приводит к нарушению основных принципов судопроизводства, таких, например, как равенство сторон, и затрудняет принятие судом справедливого решения по делу.

Список использованных источников

1. Скакун, О. Ф. Теорія держави і права : підручник / О. Ф. Скакун ; пер. з рос. – Харків : Консум, 2001. – 656 с.
2. Цивільний кодекс України. – Харків :Одіссей, 2012. – 384 с.
3. Конституція України. – Харків : Одіссей, 2011. – 56 с.
4. Цивільний процесуальний кодекс України. – Харків : Одіссей, 2011. – 184 с.
5. Кодекс адміністративного судочинства України. – Харків : Одіссей, 2012. – 160 с.
6. Господарський процесуальний кодекс України. – Харків : Одіссей, 2011. – 72 с.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ ПРИ БЕСПОРНОМ СПИСАНИИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

О. А. Прохорчик

*Высший Хозяйственный
Суд Республики Беларусь*

В настоящее время белорусским законодательством предусмотрена возможность беспорного списания денежных средств субъектов хозяйствования, полученных за счет средств бюджета в качестве оплаты за товары, услуги, работы. Такая возможность предусмотрена действующей редакцией Бюджетного кодекса Республики Беларусь [1], в соответствии с которой средства бюджета, незаконно полученные либо использованные не по целевому назначению или с нарушением законодательства, взыскиваются в беспорном порядке. Взыскание в таких случаях осуществляется на основании исполнительного документа – приказа Министерства финансов, его территориального органа либо местного финансового органа или предписания органа Комитета государственного контроля Республики Беларусь. Следует отметить, что дискуссии по вопросу наличия и функционирования института беспорного списания существуют уже достаточно давно, начиная с момента включения этих норм в БК.

Понятие «беспорное списание» применяется к тем видам банковских операций, которые осуществляются по требованию государственных органов и в пользу государства. Такое изъятие денежных средств осуществляется безвозмездно и беспорно в самом прямом смысле слова, т. е. плательщик изначально лишен возможности каким-либо образом выразить свое отношение к данной операции в процессуальных формах [2]. Конечно, такое определение является абсолютно точным с точки зрения банковских правил и обычаев, однако на наш взгляд, понятие «беспорное списание» в равной мере должно включать в себя действия, связанные со списанием денежных средств только в случае явного отсутствия возможного спора в правоотношениях.

Важным моментом, на который следует обратить внимание при изучении института беспорного списания, является то, что списание денежных средств со счета владельца без его согласия – это серьезное ограничение права владельца счета самостоятельно распоряжаться своими средствами (имуществом). В данной ситуации небезосновательной может быть точка зрения о возможном нарушении конституционных норм при беспорном списании.

В первую очередь, на конституционном уровне следует детально проанализировать норму ст. 26 Конституции Республики Беларусь, в соответствии с которой никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда [3].

По мнению Г. А. Василевича речь идет о презумпции невиновности аналогичный подход должен быть обеспечен и при вменении в вину административного, трудового и иного правонарушения, например, в сфере налоговых отношений, хотя здесь и возможны некоторые изъятия в силу специфики складывающихся отношений [4]. Аналогичный подход должен распространяться и на иные экономические правоотношения.

В данной же ситуации финансовые органы, субъективно установив виновность лица, самостоятельно определяют размер (предел) имущественной ответственности и безапелляционно исполняют свое решение, связанное с лишением имущественных прав, тем самым возлагая на себя функции судебной власти, что, как представляется, не совсем соотносится с их компетенцией.

На наш взгляд, в этом видится существенное противоречие статье 6 Конституции Республики Беларусь, установившей, что государственная власть осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную, каждая из которых самостоятельна [3]. Принцип разделения властей означает, что по вопросам, отнесенным к сфере определенной ветви власти, не может принимать решения другая ветвь. Дело в том, что юридическая ответственность в виде изъятия имущества (лишения имущественных прав), применяемая от имени государства, имеет определенную правовую природу. В соответствии с правилами и принципами хозяйственного оборота, развивающими конституционные нормы о праве на судебную защиту и юридическую помощь, для применения мер юридической ответственности, тем более воздействующих на сферу имущественных отношений, необходимо анализировать наличие оснований возложения ответственности. Такой анализ может осуществляться только в процессе осуществления правосудия, которое призвано установить наличие оснований ответственности: противоправного поведения, причиненного ущерба, вины и их причинной связи. Только на основании анализа этих обстоятельств можно вынести решение о возможности наложения ответственности в виде изъятия имущества (лишения имущественных прав).

В соответствии с этим представляется, что решение о наложении такой меры ответственности, как бесспорное (принудительное) списание денежных средств должно приниматься в судебном порядке, в соответствии с основными принципами хозяйственного судопроизводства, такими как законность судопроизводства, равенство перед законом, равноправие и добросовестность сторон, гласность разбирательства дела и т. д. [5, гл. 2]. Только в таком порядке принятия решения реализуются основные конституционные принципы экономического правосудия.

Список использованных источников

1. Бюджетный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп. по состоянию на 30.12.2011 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2012.

2. *Алейник, О. М.* Основы банковского права: курс лекций / О. М. Алейник. – М.: Юристъ, 1997. – 424 с.

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24.11.1996 г. и 17.10.2004 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 05.01.1999. – № 1. – 1/0.

4. *Василевич, Г. А.* Научно-практический комментарий к Конституции Республики Беларусь / Г. А. Василевич // Консультант Плюс : Версия Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

5. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп. по состоянию на 29.08.2011 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2011.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС ПРОКУРОРА В ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОЦЕССЕ

С. В. Песенко

*Белорусский
государственный университет*

Теория и практика процессуального права исходит из того, что процессуальный статус каждого участника судопроизводства должен быть четко определен и соответствовать той роли, которую лицо выполняет в процессе [1, с. 74].

Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ХПК) определяет процессуальный статус субъектов судопроизводства и закрепляет определенный комплекс процессуальных прав и обязанностей. Правовое положение прокурора в хозяйственном процессе является несхожим с правовым статусом других лиц, поскольку он является должностным лицом правоохранительного органа – прокуратуры Республики Беларусь.

Как отмечал В. Н. Муравьев, прокуратура есть постоянное государственное установление правительственного характера, состоящее из должностных лиц, призванных по долгу службы быть в отведенной им преимущественно судебной области блюстителями закона, представителями публичных интересов и органами правительства [2, с. 2]. Прокуратура не должна быть жестко «привязана» ни к одной из ветвей власти, а действовать в системе «сдержек и противовесов» [3, с. 97]. Президент страны подчеркнул важность и неизменность роли прокуратуры в жизни общества и государства, отметив, что прокуратура – та система, которая является основным защитником прав и законных интересов государства и граждан [4].

Прокурор обращается в хозяйственный суд в целях защиты государственных и общественных интересов, интересов юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, организаций, не являющихся юридическими лицами и граждан [5, ст. 6]. Прокурор, предъявивший иск (заявление), – это

самостоятельный субъект хозяйственного процесса, наделенный правами и обязанностями истца (процессуальный истец), за исключением права на заключение мирового соглашения, который при обращении в хозяйственный суд с иском освобожден от уплаты государственной пошлины и на него не распространяется требование о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора [5, ст. 66].

В процессуальной литературе уделено много внимания определению правового положения прокурора в процессе, в частности по линии разграничения его с процессуальной фигурой истца [1, с. 79].

Ряд авторов полагают, что прокурор, предъявивший иск, является стороной в процессе, так как участвует в разбирательстве дела, предъявляет суду доказательства, добивается признания правильности своих требований. Другие – большинство – считают прокурора, предъявившего иск, истцом только в процессуальном смысле этого слова. По мнению третьих, прокурор всегда занимает положение представителя государства, так как имеет в деле не гражданско-правовую, а государственную заинтересованность. Четвертые считают прокурора истцом в процессуальном смысле, который одновременно выполняет и функцию надзора за законностью [6, с. 79]. Прокурор всегда является истцом, но не в материально-правовом, а в процессуальном смысле. В его пользу не присуждается ничего и с него ничего нельзя взыскать, т. е. материально-правовые последствия судебного решения на прокурора не распространяются [6, с. 87].

Если сторона в хозяйственном споре через совокупность процессуальных прав реализует свой материально-правовой интерес, то прокурор непосредственного материально-правового интереса по делу не имеет, процессуальный интерес прокурора обусловлен только спецификой его государственных функций. Никаких иных полномочий или преимуществ по сравнению с другими участвующими в деле лицами прокурор не имеет.

Список использованных источников

1. Юдин, А. В. Проблемы совпадения и совмещения процессуальных статусов участников арбитражного и гражданского процесса / А. В. Юдин // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 8. – С. 74–87.
2. Муравьев, В. Н. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности / В. Н. Муравьев. – М. : Университетская типография, 1889. – 552 с.
3. Мартыненко, И. Э. Судебная защита прокурором прав предприятий, государственных и общественных интересов: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И. Э. Мартыненко. – Гродно, 1997. – 97 с.
4. Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Александр Лукашенко провел совещание по вопросам деятельности прокуратуры Республики Беларусь. – Минск, 2009.

5. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г.: текст Кодекса по состоянию 16 июля 2010 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2010. – 272 с.

6. Ковалев, А. А. Участие прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами в Российской Федерации: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.11 / А. А. Ковалев. – Екатеринбург, 2004. – 217 л.

О ДОСУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ ПРИ ЗАЩИТЕ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

Е. Н. Гацук

*Барановичский
государственный университет*

Статья 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) к объектам гражданских прав причисляет материальные и нематериальные блага. В силу ст. 151 ГК к нематериальным благам помимо всего прочего отнесены достоинство личности, честь и доброе имя, деловая репутация [1]. Субъектами права на нематериальные блага являются как физические, так и юридические лица [2, с. 411–412]. В качестве одного из нематериальных благ выступает деловая репутация.

Действующее законодательство приводит несколько определений термина «деловая репутация». В пункте 1 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 26 апреля 2005 г. № 16 «О применении хозяйственными судами законодательства при рассмотрении дел о защите деловой репутации» (далее – Постановление № 16), указано, что «под деловой репутацией в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, защита которой в хозяйственном суде возможна посредством предъявления иска об опровержении не соответствующих действительности сведений, порочащих деловую репутацию, либо посредством обращения с заявлением о признании порочащих деловую репутацию сведений не соответствующими действительности, понимается оценка участника отношений в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности другими участниками этих отношений, умаление (дискредитация) которой может негативно повлиять на осуществление этим участником указанной деятельности» [3].

Деловой репутации как нематериальному благу корреспондирует право на деловую репутацию, однако действующий ГК не разделяет два этих понятия и содержит указание только на деловую репутацию как на нематериальное

благо. Содержание права на деловую репутацию составляют право на формирование, обладание, использование и распоряжение деловой репутацией, право на защиту деловой репутации [4, с. 78–84].

Указанное право на защиту деловой репутации заинтересованное лицо вправе реализовать как в судебном, так и во внесудебном порядке. В рамках данного исследования мы будем анализировать особенности защиты субъектами хозяйствования деловой репутации в судебном порядке.

Применительно к ст. 153 ГК, ст. 47 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) субъект хозяйствования вправе требовать по суду опровержения сведений, порочащих его деловую репутацию в сфере предпринимательской и иной хозяйственной деятельности, без предварительного соблюдения досудебного порядка обращения с таким требованием к лицу, распространившему эти сведения. До 1993 г. соблюдение претензионного порядка при разрешении данной категории споров являлось обязательным. Целесообразно возратить данный претензионный порядок. В силу содержания Приложения к ХПК, лицо, чьи права или законные интересы нарушены, обязано предъявить ему претензию. Постановление № 16 к законодательным актам не относится, что косвенно подтверждает нашу точку зрения.

Соответственно, необходимо абз. 1 п. 4 Постановления № 16 изложить в следующей редакции: «Применительно к статье 153 ГК, статье 47 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) юридическое лицо, организация, не являющаяся юридическим лицом, индивидуальный предприниматель или гражданин вправе требовать по суду опровержения сведений, порочащих их деловую репутацию в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, после предварительного предъявления претензии к лицу, распространившему эти сведения, в том числе в случае, когда иск о защите деловой репутации предъявлен к юридическому лицу, на которое возложены функции редакции средства массовой информации (далее – редакция средства массовой информации)». Данная новелла, на наш взгляд, позволит уменьшить количество исков, рассматриваемых в хозяйственных судах, и будет способствовать развитию новых цивилизованных форм делового общения между субъектами хозяйствования.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.; одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: текст Кодекса по состоянию на 3 июня 2011 г. – Минск : Амалфея, 2011. – 684 с.
2. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / В. Ф. Чигир [и др.] ; под общ. ред. В. Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2000. – Ч. 1. – 812 с.
3. О применении хозяйственными судами законодательства при рассмотрении дел о защите деловой репутации : постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Респ. Беларусь, 26 апр. 2005 г., № 16 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология

3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

4. Волков, С. Защита деловой репутации от порочащих сведений / С. Волков, В. Булычев // Российская юстиция. – 2003. – № 8. – С. 78–84.

ПРАВОВОЕ РЭГУЛЯВАННЕ ІНСТЫТУТА ПРЫВАТНАГА НАТАРЫЯТА ў РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ

У. М. Ангельскі

*Беларускі
дзяржаўны ўніверсітэт*

Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь у арт. 2 замацавала, што «чалавек, яго правы, свабоды і гарантыі іх рэалізацыі з’яўляюцца вышэйшай каштоўнасцю і мэтай грамадства і дзяржавы» [1]. У прававой сістэме беларускай дзяржавы асаблівае месца ў абароне правоў і законных інтарэсаў грамадзян і юрыдычных асоб, дзяржаўных інтарэсаў належыць натарыяту.

У Беларусі ў 2011 г. аказвала паслугі насельніцтву 815 дзяржаўных натарыусаў і 47 прыватных. Колькасць здзейсненых натарыяльных дзеянняў у 2011 г. склала больш за 1,2 млрд [2, с. 8]. Прыватны натарыят значна саступае дзяржаўнаму. З 1999 г. колькасць прыватных натарыусаў змяншаецца. Такая тэндэнцыя тлумачыцца тым, што ў 1997 г. была прыпыненая выдача спецыяльных дазваляў (ліцэнзій) на здзяйсненне прыватнай натарыяльнай дзейнасці на адзін год, а потым да адпаведнага рашэння Прэзідэнта Беларусі [3], якое да цяперашняга моманту так і не прынята; дзеючыя прыватныя натарыусы спыняюць сваю дзейнасць па розных прычынах.

У такой сітуацыі непрыняцце мер па павелічэнні колькасці прыватных натарыусаў прывядзе да знікнення прыватнага натарыята як грамадскага інстытута ў Беларусі. Гэта будзе сведчыць аб тым, што як беларуская дзяржава, так і беларускае грамадства, на дадзеным этапе свайго развіцця не падрыхтаваны да існавання «вольнага» натарыята, які мае месца ў большасці краін Еўропы, у Расіі і Казахстане.

Узнікненне прыватнага натарыята ў Беларусі было выклікана аб’ектыўнымі прычынамі: пераходам да рыначных адносін і прадпрыемства, ростам маёмаснага абароту, працэсам прыватызацыі. Савет Міністраў Беларусі у 1992 г. прыняў захады па павелічэнні колькасці супрацоўнікаў дзяржаўных натарыяльных кантор [4]. Тым не менш, наведвальнікі дзяржаўных натарыяльных кантор вымушаны былі кругласутачна дзяжурыць і стаяць у бясконцых чэргах. Дзяржаўным натарыусам прыходзілася працаваць па 16–18 гадзін за адносна невялікую зароботную плату [5, л. 1–2]. Адным з мерапрыемстваў па выхадзе з крызісу ў натарыяльнай сферы стала пастанова Вярхоўнага Савета

Рэспублікі Беларусь ад 26 лістапада 1992 г. «Аб арганізацыі ў горадзе Мінску (з 1994 г. у рэспубліцы) прыватнай натарыяльнай практыкі». Савет Міністраў Рэспублікі Беларусь даручыў Міністэрству юстыцыі забяспечыць здзяйсненне ў краіне эксперыменту прыватнай натарыяльнай практыкі. 5 студзеня 1994 г. Міністр юстыцыі зацвердзіў Палажэнне аб выдачы ліцэнзій на права заняцця прыватнай натарыяльнай дзейнасцю і правядзення эксперыменту гэтага віда дзейнасці ў Беларусі. Да ўдзелу ў эксперыменце былі дапушчаны найбольш вопытныя дзяржаўныя натарыусы, якія атрымалі ліцэнзій. У 1993 г. працавала 15 прыватных натарыусаў, у 1994 г. – 36, у 1995 г. – 61, у 1996 г. – 106, у 1997 г. – 108, у 2003 г. – 67 [6, с. 27].

Правы статус прыватнага натарыуса фарміраваўся паступова. У 1992 г. было ўстаноўлена, што прыватныя натарыусы валодаюць роўнымі з дзяржаўнымі натарыусамі правамі і абавязкамі і ўчыненыя імі натарыяльныя дзеянні маюць аднолькавую юрыдычную сілу. Канстытуцыйны Суд Рэспублікі Беларусь замацаваў, што прыватная натарыяльная дзейнасць не з'яўляецца прадпрымальніцкай, прыватны натарыус, як і дзяржаўны, дзейнічае ад імя Рэспублікі Беларусь. Акты заканадаўства прадугледжвалі і прадугледжваюць асаблівасці ажыццяўлення прыватнай натарыяльнай дзейнасці. Гэта гарантыі таго, што прыватны натарыят паспяхова выконвае ўскладненыя на яго задачы.

Прыватны натарыят па сваёй сутнасці мае больш пераваг, чым дзяржаўны натарыят. Узровень сучаснага заканадаўства аб прыватным натарыяце ў Беларусі дазваляе арганізаваць эфектыўнае рэгуляванне прыватнай натарыяльнай дзейнасці, забяспечыць належную прававую ахову правоў юрыдычных і фізічных асоб, дзяржаўных інтарэсаў. Тым не менш на сучасным этапе для развіцця прыватнага натарыята неабходна, каб вышэйшыя службовыя асобы краіны прынялі адпаведнае рашэнне.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.
2. Работа органов юстиции в 2011 году // Юстиция Беларуси. – 2012. – № 2. – С. 3–5.
3. О некоторых мерах по совершенствованию адвокатской и нотариальной деятельности в Республике Беларусь (с изм. и доп.) : Декрет Президента Республики Беларусь, 3 мая 1997 г., № 12 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
4. Вопросы деятельности государственных нотариальных контор Республики Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 3 марта 1992 г., № 113 // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
5. Национальный архив Республики Беларусь. Фонд 99. Народный комисариат юстиции Белорусской ССР (Министерство юстиции Республики Беларусь). – Оп. 11., 1992–2000. – Д. 45. Организация частной нотариальной деятельности. – 112 л.
6. Емельянова, Т. Частный нотариат : 10 лет эксперимента / Т. Емельянова // Юстиция Беларуси. – 2003. – № 2. – С. 25–27.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ И ЛЕГАЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РЕТРОСПЕКТИВЕ

А. В. Верещагина

*Институт права и управления
Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса*

Право как способ формализации желательных правил поведения защитило социум от самоистребления. Соотношение частного и публичного начал права варьируется в зависимости от задач, которые решаются на определенном этапе социального развития.

Теоретическое осмысление и нормативное закрепление назначения уголовного судопроизводства в России начинается с XVIII в. В Кратком изображении процессов или судебных тяжб под назначением процесса понималось рассмотрение дела судом и принятие по нему решения на основании собранных доказательств [1, с. 388]. И. Т. Посошков сущность деятельности суда видел в справедливом разрешении спора и ограждении личности от необоснованного уголовного преследования [2, с. 55]. Эта формулировка сопоставима с закрепленным в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) 2001 г. назначением уголовного судопроизводства. Такое понимание уголовного судопроизводства было свойственно и другим исследователям того периода [3, с. 146; 4, с. 292–332].

В основе представлений о назначении уголовного судопроизводства в XIX в. также лежит двойственная природа права, на которую указывали зарубежные и российские ученые и политические деятели [5, с. 42; 6, с. 42; 7, с. 3, 4]. В трудах российских процессуалистов второй половины XIX – начала XX в. означенная выше точка зрения на задачи уголовного судопроизводства превалирует [8, с. 1, 2; 9, с. 6, 7]. В советский период появилось иное понимание назначения уголовного судопроизводства. Можно выделить два этапа его формирования и две – политическую и собственно правовую – составляющие, реализовывавшиеся через самостоятельные организационные структуры – соответственно, трибунал и суд.

На первом этапе (1917–1922 гг.) задачи уголовной юстиции преимущественно формулировались в политических документах. Они четко увязывались с первоочередными проблемами, разрешавшимися государством посредством трибуналов.

На втором этапе (с 1922 г. до конца 80-х гг. XX в.) в связи с укреплением Советской власти «вовне и внутри» трибуналы упразднялись, была унифицирована судебная система, и борьбу с нарушением законов возложили на

суды. Начинают появляться теоретические рассуждения о многозначности решаемых уголовным судопроизводством задач, в том числе борьбы с преступностью [10, с. 53; 11, с. 95, 100, 106; 12, с. 61, 62; 13, с. 44].

В период развитого социализма борьба с преступностью как основная цель уголовного судопроизводства не подвергалась сомнению. Квинтэссенция такого подхода содержится в работе П. С. Элькинд, посвященной целям уголовного судопроизводства [14, с. 39, 40, 57, 58]. Теоретические, политически выверенные выводы о назначении уголовного судопроизводства до конца 50-х гг. XX в. регламентировались в конституционных, а с принятием Основ уголовного судопроизводства 1958 г. [15, ст. 154] – и в уголовно-процессуальных актах.

По мере удаления от дореволюционного периода в законах и подзаконных актах, детализирующих конституционные положения, политическая составляющая усиливается и становится доминантой. Ограждение прав и свобод личности, в отношении которой осуществляется уголовное преследование, как назначение уголовного судопроизводства носит фоновый характер. Идея использования уголовного судопроизводства для борьбы с преступностью получает легальное закрепление. Теоретическое и легальное искажение назначения уголовного судопроизводства привело к кризису уголовной юстиции, выразившемуся в гипертрофированном обвинительном уклоне и деградации оперативно-розыскной деятельности, которые до настоящего времени не преодолены.

Список использованных источников

1. Краткое изображение процессов или судебных тяжб // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 г. – СПб. : Типография II отделения Собственной Его Императорского Величия Канцелярии, 1830. – Т. 5 (1713–1719). – № 3006. – 782 с.
2. *Посошков, И. Т.* Книга о скудости и богатстве / И. Т. Посошков ; ред. и коммент. Б. Б. Кафенгауза. – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – 408 с.
3. *Фонвизин, Д. И.* Избранное / Д. И. Фонвизин ; сост., вступ. ст., с. 5–22, и примеч. Ю. В. Стенника ; худож. П. А. Савицкий. – М. : Сов. Россия, 1983. – 135 с.
4. *Десницкий, С. Е.* Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской Империи / С. Е. Десницкий // Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века : в 3 т. – М. : Госполитиздат, 1952. – Т. 1. – С. 292–332.
5. *Сперанский, М. М.* Проекты и записки / М. М. Сперанский. – М. ; Л., 1961. – 243 с.
6. *Баршев, Я. И.* Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я. И. Баршев. – М. : ЛекстЭст, 2001. – 240 с.
7. *Бентам, И.* О судоустройстве / И. Бентам. – СПб. : Типография Правительствующего Сената, 1860. – 224 с.
8. *Фойницкий, И. Я.* Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / И. Я. Фойницкий – Петроград : Двигатель, 1915. – Т. 2. – 608 с.

9. Михайловский, И. В. К вопросу об уголовном суде. По поводу предстоящей судебной реформы / И. В. Михайловский. – Нежин : Тип.-Лит. М. В. Глезера, 1899. – 92 с.

10. Тагер, А. О предмете и пределах науки об уголовном суде / А. Тагер // Право и жизнь. – 1924. – № 1. – С. 50–74.

11. Строгович, М. Принципы советского уголовного процесса / М. Строгович // Советское право. – 1927. – № 1 (25). – С. 92–111.

12. Полянский, Н. Н. Советский суд / Н. Н. Полянский // Советское государство и право. – 1947. – № 1. – С. 61–72.

13. Перлов, И. Д. К проекту уголовно-процессуального кодекса Союза ССР / И. Д. Перлов // Советское государство и право. – 1947. – № 7. – С. 43–52.

14. Элькинд, П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П. С. Элькинд. – Л. : ЛГУ, 1976. – 143 с.

15. Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (вместе с Основами законодательства) : закон СССР от 25 дек. 1958 г. // Ведомости ВС СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 15.

СТАНОВЛЕНИЕ И НОРМАТИВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ

О. Ю. Ширинский

*Академия управления
при Президенте Республики Беларусь*

Презумпция невиновности впервые упоминается в папских декретах, например в декрете кардинала Бурхарда Вормского (*Burchard von Worms, Decretum Burchardi*) 1010 г. Идея о презумпции невиновности как одного из принципов уголовного процесса сформировалась в XII веке в Англии, но она не была закреплена ни в Великой хартии вольностей 1215 г., ни значительно позже в *Habeas Corpus Amendment Act* 1679 г. В Западной Европе презумпция невиновности, начиная со второй половины XVIII в., стала общепризнанной составной частью процессуальных прав свободных граждан. В качестве основного права она была впервые ясно сформулирована в ст. 9 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г.: «Поскольку каждый считается невиновным, пока его вина не установлена, то в случаях, когда признается нужным арест лица, любые излишние суровые меры, не являющиеся необходимыми, должны строжайше пресекаться законом».

Отношение к презумпции невиновности как к естественному праву свободных граждан привело к тому, что ее нормативное закрепление и в современных правовых системах демократических государств происходит фрагментарно. В США презумпцию невиновности содержит единственный акт законодательства – конституция штата Род-Айленд 1842 г. В Основном законе ФРГ не имеется никакого однозначного указания на презумпцию не-

виновности. Она была включена только в тексты ряда земельных конституций. Федеральный Конституционный Суд ФРГ видит обоснование презумпции невиновности в самом принципе правового государства и относит ее к сфере действия конституционного права.

На универсальном уровне презумпция невиновности закреплена в ч. 1 ст. 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты». Схожую формулировку содержит ч. 2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.: «Каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону».

Презумпция невиновности вследствие ее закрепления в многочисленных международных документах (например, ч. 2 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека) приобрела статус одного из основных прав человека. Действие презумпции невиновности не зависит от ее закрепления в национальных системах права.

Опровержение презумпции невиновности возможно только в ходе судебного разбирательства, где действуют максимальные процессуальные гарантии обвиняемого, и сторона защиты имеет наилучшие возможности для опровержения доказательств стороны обвинения. Вряд ли можно говорить о полном фактическом равенстве сторон. При заявлении ходатайства о проведении экспертизы, суды часто удовлетворяют ходатайства стороны обвинения и отклоняют ходатайства стороны защиты как нецелесообразные. Подобные решения принимаются по соображениям экономии средств.

На практике уголовный суд может гарантировать соблюдение процессуальных прав обвиняемого и обязан воздерживаться от действий, которые могут быть истолкованы как обвинительные. Согласно решению Конституционного суда РФ судья по собственной инициативе не вправе выносить постановление о возбуждении уголовного дела, когда прокурор от предъявления обвинения отказался. Противовесом фактического материального неравенства сторон обвинения и защиты выступает презумпция невиновности.

Основу презумпции невиновности, по мнению большинства ученых, составляет принцип *in dubio pro reo* (при сомнении – в пользу обвиняемого). Этот принцип содержит правило распределения бремени доказывания. Так, при наличии невыясненных обстоятельств дела запрещается возложение на обвиняемого обязанности доказывать свою невиновность. Неустранимые же сомнения в виновности обвиняемого толкуются по следующей формуле: недоказанные утверждения обвинения, например, наступление последствий преступного деяния, участие обвиняемого в совершении преступления, а также любые отягчающие обстоятельства не принимаются во внимание. В то

же время, все не опровергнутые факты, оправдывающие обвиняемого или смягчающие его вину, необходимо рассматривать в качестве установленных. Юридические последствия безрезультатности судебного следствия согласно принципу *in dubio pro reo* фактически означают оправдание обвиняемого.

Существуют и альтернативная точка зрения, разграничивающая принцип *in dubio pro reo* и презумпцию невиновности. Согласно мнению части ученых принцип *in dubio pro reo* требует от судьи, чтобы он после всестороннего и полного исследования всех представленных доказательств невыясненные обстоятельства дела истолковал в пользу обвиняемого. Этот принцип действует только в конце судебного следствия, когда закончены сбор и оценка доказательств. Тем самым принцип *in dubio pro reo* отличается от презумпции невиновности, действующей на всех стадиях уголовного процесса.

Принцип *in dubio pro reo* может вступать в противоречие с другими принципами справедливого уголовного процесса. Например, всякую попытку принуждения судьи толковать все спорные моменты в пользу обвиняемого можно рассматривать и как покушение на его независимость.

Единство мнений достигнуто в отношении следующего подхода – риск принятия неверного решения *всегда* должен возобладать над усилиями стороны обвинения по сбору доказательств. В случае неустранимых сомнений и суд, и сторона обвинения должны отдавать предпочтение снятию обвинения, а на заключительной стадии процесса оправдательному или соответственно более мягкому приговору.

POSSIBLE VIOLATION OF THE PRINCIPLE OF MUTUAL INTERROGATION OF THE PARTIES IN LEGAL PROCEEDINGS

Vladimir Boranijašević

*University of Priština
with Temporary Headquarters
in Kosovska Mitrovica, Republic of Serbia*

The principle of mutual interrogation of the parties (*audiatur et altera pars*) represents one of the basic process principles legal proceedings are based upon. This principle, as one of the oldest and elementary principles [5, s. 224] provides the parties equal position in a litigation with the possibility of declaring on the allegation and predication of their litigation opponent. According to the regulation from the article 5 of the Law on Legal Proceedings of the Republic of Serbia the court will offer each party a possibility to declare upon claims, suggestions and allegations of the opponent party and cannot base their decision on the facts that the parties have not been offered an opportunity to declare upon, except if regulated by law in

a different manner¹. By putting the parties in equal position court creates preconditions for objective and just trial since the parties are given the equal right to declare during the whole procedure and therefore affect the collection of process material.

In the function of realizing the principle of mutual interrogation of the parties special significance is devoted to the system of rules on delivery by which the party is informed about the process activities of their opponent and the actions of court with the aim of providing the party an opportunity of appropriate declaring [2, s. 125; 3, s. 148]. One litigant cannot declare about the claims and declarations of the other party if they have not been delivered the writing. Delivery has the aim of informing the litigants and other participants in the procedure about the contents of the writing directed to them as well as about the place and time of taking the civil actions [7, s. 367]. By the very act of delivering the writing, the addressee has an opportunity to be informed about the allegations of the litigation opponent and declares upon them according to the rules of the procedure.

A possible violation of the principle of mutual interrogation of the parties can be recognized in the rules about personal delivery. According to the regulation from the article 141, paragraph 2 of the Law on Legal Proceedings of the Republic of Serbia if the person who is supposed to be delivered a writing in person does not happen to be at the place where the delivery should take place, providing the address is correct, the deliverer will leave a notification that the writing can be taken at the court within 30 days from the day of delivery attempt. It is evident that the aim of the legislator was to try to eliminate every possibility of unsuccessful delivery in case the person the writing is designed for is not in the place where the delivery is supposed to be performed.

When the person who has to be delivered the writing in person does not happen to be in the place where the delivery is supposed to be performed, and when the deliverer leaves a notification that the addressee of the writing can take the writing at the court within 30 days from the day of the attempted delivery, a copy of the writing is also put on the bulletin board at the court. By putting the writing on the bulletin board at the court starts the expiry of the deadline for this kind of delivery, and after the expiry of this deadline the delivery is considered performed.

A delivery is considered performed if the person that the writing was designed for does not take the writing within 30 days and by means of delivery by the bulletin board at the court. Therefore this kind of delivery by the bulletin board is in this case a subsidiary way of delivery since it is enforced only in case the personal delivery has been unsuccessful and the person has not taken the writing at the court. In the literature of the process law this kind of delivery is considered illegal, unjust, causing

¹ The essence of the rule is not that the court will not be able to bring a decision if one party has not declared upon suggestions and claims of the other, but the accent is put on the fact that the court is obliged to offer each party an opportunity to claim their attitude about the claims of the other party [4, s. 141].

legal uncertainty and insecurity especially in case of personal delivery and at the same time it can be a factor of protraction of legal proceedings [6, s. 63]. In this regard there is a possible situation in which a delivery will be regarded performed and the addressee of the writing has not in fact been informed with the contents of the writing. By proscribing this fiction the legislator has deferred towards endeavors to conduct legal proceedings with as little protraction as possible and to offer the parties effective legal protection. However, it will certainly represent violation of the principle of mutual interrogation of the parties since the addressee of the writing will not be able to declare upon the claims, allegations and declarations of the litigation opponent.

In the first written reactions of scientific writers it is emphasized that this kind of legal decision can cause a lot of problems in practical use [6, s. 61]. It is considered that the addressee will not be able to find out about the notification that the writing can be taken at the court if they have a formally registered address but has not lived there for a longer period of time or has been away for a longer period for treatment, for stay abroad, for stay in a different town. As a result, it can lead to the fact that the addressee misses the deadlines for restoring to previous state, that they will have to protect their rights in the procedure to legal remedies and that they will be exposed to costs because of impossibility to find out that the delivery to their address has been attempted and has been unsuccessful. Moreover, if the legislator's only concern is that the addressee who has not been found at the place of delivery has been left the notification that they can take the writing at the court and that it is not significant whether the addressee can actually get informed about the notification out of different reasons, it is considered a violation of the right to just trial because of denying the addressee the right to declare in court [6, s. 62].

What kind of effect this new legal decision will have in the court practice will be known when courts and other authorities of delivery actively carry out the new rules of delivery.

Literatura

1. Zakon o parničnom postupku Republike Srbije od 26. septembra 2011. godine/ Službeni glasnik Republike Srbije, br. 72/2011.
2. Keča, R. Građansko procesno pravo / Ranko Keča. – 4 izdanje. – Beograd : Pravni fakultet Univerziteta u beogradu i Javno preduzeće Službeni Glasnik, 2011. – 125 s.
3. Palačković, D. Parnično procesno pravo / Dušica Palačković. – Kragujevac : Pravni fakultet, 2004. – 148 s.
4. Poznić, B. Građansko procesno pravo/Borivoje Poznić, Vesna Rakić-Vodinelić. – 15. izmenjeno i dopunjeno izdanje. – Beograd : Savremena administracija, 1999. – 141 s.
5. Stanković, G. Građansko procesno pravo / G. Stanković. – Knj. 1: Parnično procesno pravo. – 8. izmenjeno i dopunjeno izdanje. – Niš : Pravni fakultet, 2010. – 224 s.
6. Stanković, G. Predgovor za Zakon o parničnom postupku / Gordana Stanković. – 2. izdanje. – Beograd : Službeni glasnik, 2012. – 61 – 63 s.
7. Triva, S. Građansko parnično procesno pravo / Siniša Triva, Mihajlo Dika. – 7. dopunjeno i izmenjeno izdanje. – Zagreb : Narodne novine, 2004. – 367 s.

О ПРИНЦИПАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ НА ОСНОВЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВЕНСТВА СТОРОН И ВСЕСТОРОННЕГО, ПОЛНОГО И ОБЪЕКТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

О. В. Петрова

*Белорусский
государственный университет*

Принцип осуществления правосудия по уголовным делам на основе состязательности и равенства сторон стал основополагающей новеллой ныне действующего Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК). Успех в претворении в жизнь принципа состязательности связан с его правильным соотношением с иными принципами, в частности, с принципом всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела (ст. 18 УПК).

Состязательность предполагает, что функции обвинения, защиты и осуществления правосудия отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган. Обязанность доказывания в судебном разбирательстве предъявленного лицу обвинения лежит на органе уголовного преследования, а в судебном разбирательстве – на государственном или частном обвинителе (ч. 2 ст. 102 УПК). Принцип состязательности, таким образом, предполагает, что суд разрешает уголовное дело по общему правилу на основании доказательств, представленных сторонами.

Согласно ч. 2 ст. 18 УПК суд, сохраняя объективность и беспристрастность, обеспечивает сторонам обвинения и защиты условия для реализации их прав. Решение о виновности обвиняемого суд выносит на основе достоверных доказательств, подвергнутых всестороннему, полному и объективному исследованию и проверке.

Возникает вопрос, как же суд должен поступать в том случае, если стороны не реализовали все возможности для обоснования своей позиции и обстоятельства в соответствии с представленными доказательствами не могут быть установлены всесторонне, полно и объективно.

В первую очередь, если исходить буквально из правила о разделении уголовно-процессуальных функций, суд в таком случае должен принять решение на основании собранных доказательств, т. е. установить истину процессуальную, заранее осознавая, что решение может и не соответствовать объективной действительности. Когда суд является пассивным наблюдателем, такая задача, как привлечение к уголовной ответственности каждого виновного в совершении общественно опасного деяния лица, может быть не исполнена ввиду недостаточной компетентности представителей стороны обвинения,

либо к ответственности может быть привлечен невиновный, если он не смог опровергнуть данные стороны обвинения.

Для недопущения подобного нарушения законности уголовный процесс Беларуси представляет собой модель состязательного процесса с возможностью активного участия суда в собирании доказательств, так как стремится обеспечить одновременно с реализацией состязательности процесса и реализацию задач, указанных в ст. 7 УПК, и принципа всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела (ст. 18 УПК). Согласно ч. 2 ст. 103 УПК суд по собственной инициативе вправе собирать по делу доказательства. В соответствии с ч. 1 ст. 334 УПК суд вправе назначать экспертизу по делу. Норма ч. 2 ст. 348 УПК предусматривает, что если суд, находясь в совещательной комнате, придет к выводу, что для правильного разрешения уголовного дела необходимо дополнительное исследование его обстоятельств, он возвращается в зал судебного заседания и возобновляет судебное следствие. Суд в этом случае исследует доказательства непосредственно по собственной инициативе.

Собирая доказательства, суд, с одной стороны, способствует всестороннему, полному и объективному установлению всех обстоятельств дела, а с другой, получая уличающие или оправдывающие доказательства, невольно выполняет функцию стороны защиты и обвинения.

Справедливо, что в тех случаях, когда закон прямо указывает на необходимость выяснения некоторых обстоятельств дела, в объективности суда сомневаться не следует. Законно предусмотрены случаи обязательного производства экспертизы (ст. 228 УПК). Представляется, что на уровне постановления Пленума Верховного Суда должны быть определены условия, при которых следует признавать необходимым собирание доказательств по инициативе суда.

Обеспечивает принцип всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела, но затрудняет реализацию принципа состязательности также норма п. 1 ч. 1 ст. 388 УПК, т. е. такое основание к отмене и изменению приговора, как односторонность и полнота судебного следствия. Посланием Президента Республики Беларусь «О совершенствовании деятельности общих судов» от 4 октября 2011 г. № 454 в этой связи закреплена необходимость исключить такое основание из закона.

Ответственность за качество исследования доказательств должна лежать не на суде, а на участниках процесса, в первую очередь на государственном (частном) обвинителе. С реализацией таких новаций стороны будут более добросовестно подходить к выполнению своих процессуальных функций, а суд сможет в более полной мере проявить себя как беспристрастный арбитр.

В целом важность обоих рассматриваемых принципов для уголовного процесса несомненна. Однако ответственность судьи за качество судебного следствия и его активная роль в процессе собирания доказательств, необходимы для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, должны быть ограничены с целью строгого соблюдения принципа осуществления правосудия на основе состязательности.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОТВОРЧЕСТВА

О. В. Рожко

*Академия МВД
Республики Беларусь*

На протяжении последних нескольких лет наблюдается активная деятельность законодателя по корректировке уголовно-процессуального законодательства Беларуси. Совершенствование порядка деятельности органов уголовного преследования и суда обусловлено динамизмом и мобильностью уголовно-процессуальных отношений, потребностью в дальнейшем повышении эффективности правосудия. Более детальный анализ как предлагаемых, так и принятых поправок в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК) заставляет усомниться в понимании нормотворцами специфики отраслевых правовых связей уголовно-процессуального законодательства. В качестве иллюстрации приведем наиболее спорные моменты одного из последних изменений УПК, связанного с созданием в Беларуси Следственного комитета [1].

Одной из новелл принятых поправок стало исключение из полномочий органов дознания производства предварительного расследования за исключением выполнения неотложных следственных и других процессуальных действий по возбужденным ими уголовным делам в течение десяти суток до их передачи следователю. Новая редакция ч.1 ст. 186 УПК не в полной мере корреспондирует с общими положениями УПК и порождает больше вопросов, чем способствует ее единообразному применению. При наличии признаков преступления орган дознания передает заявление или сообщение с собранными материалами проверки по подследственности, определенной статьей 182 УПК, или возбуждает уголовное дело. Не совсем ясны критерии, которыми должен руководствоваться данный орган при выборе одного из возможных вариантов. Рассматриваемое правовое предписание не согласуется с п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК и ч. 1 ст. 27 УПК предусматривающими обязанность органа дознания принять решение о возбуждении уголовного дела в каждом случае обнаружения признаков преступления. Результатом такого дефекта системной связи уголовно-процессуальных норм явились возникшие споры между органом дознания и следователем по поводу принятия решения о возбуждении уголовного дела. Следуя «Правилам подготовки проектов нормативных правовых актов» [2] указанные негативные последствия не только могли, но и обязаны были предвидеть разработчики законопроекта.

Еще одна новелла, призванная, по мнению разработчиков, усовершенствовать уголовный процесс заключается в исключении из п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК слов «по делам частного обвинения». Изъяв всего четыре слова из текста нормы, законодатель коренным образом изменил концептуальный подход к пониманию публичных и частных начал в уголовном судопроизводстве. Теперь примирение сторон является императивным и безусловным основанием прекращения производства по уголовному делу вне зависимости от тяжести и др. обстоятельств совершенного преступления. Нельзя не согласиться с И. В. Данько в том, что негативными последствиями такого «совершенствования» могут стать диссонанс уголовной и уголовно-процессуальной отраслей, ухудшение криминогенной обстановки, большее возрастание власти денег, создание стереотипа вседозволенности [3].

Последовательный анализ внесенных на протяжении 2003–2011 гг. поправок свидетельствует об определенном игнорировании субъектами нормотворческого процесса требований стабильности законодательства. Совершенствование правовой отрасли должно быть обеспечено последовательной реализацией принципа научности нормотворческой деятельности, что включает апробацию результатов научных исследований в практической деятельности; прогнозирование экономических, финансовых, социальных, экологических и иных последствий принятия нормативных правовых актов; системный подход к решению правовых задач [4]. Реализация данных положений возможна при условии обязательного участия в нормотворческом процессе квалифицированных ученых.

Список использованных источников

1. О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам образования Следственного комитета Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 13 дек. 2011 г., № 325-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 140. – 2/1877.

2. О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности (вместе с «Правилами подготовки проектов нормативных правовых актов») : Указ Президента Респ. Беларусь, 11 авг. 2003 г., № 359 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2003. – № 92. – 1/4856.

3. *Данько, И. В.* Примирение как обстоятельство, исключающее производство по уголовному делу / И. В. Данько // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 5 апр. 2012 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, УО «Акад. МВД Респ. Беларусь» ; редкол. В. Б. Шабанов [и др.]. – Минск, 2012. – С. 146

4. О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2002. – № 46. – 1/3636

КОНЦЕПЦИЯ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ О МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ВОЕННЫХ СУДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. А. Петраш

*Белорусский
государственный университет*

В апреле 2012 г. исполнилось 20 лет со дня принятия Концепции судебно-правовой реформы (далее – Концепция), которая положила начало проведению судебно-правовой реформы в Беларуси. Согласно Концепции одной из главных целей судебно-правовой реформы признано утверждение самостоятельной и независимой судебной власти. Большое внимание в Концепции уделено построению судебной системы Беларуси, в том числе единственной специализированной системы судов общей юрисдикции – военных судов.

Как указано в Концепции (п. 2.3.8), военные суды входят в систему судов общей юрисдикции и действуют в Вооруженных Силах. К подсудности военных судов следует отнести: дела о воинских преступлениях; рассмотрение жалоб военнослужащих на неправомерные действия и решения воинских должностных лиц и органов военного управления; дела о всех преступлениях, совершенных военнослужащими и военнообязанными во время прохождения учебных сборов; дела об административных правонарушениях военнослужащих. Система военных судов должна основываться на общих началах организации и осуществления судебной власти с учетом специфики построения Вооруженных Сил [1].

Большинство положений Концепции, направленных на совершенствование системы военных судов, реализованы путем воплощения их в законодательство. В законодательстве о судостроительстве и статусе судей определена компетенция военных судов; в Уголовно-процессуальном кодексе и Гражданском процессуальном кодексе определена подсудность уголовных и гражданских дел военным судам; в законодательстве о статусе военнослужащих гарантировано право военнослужащих на судебную защиту в случае необоснованного ограничения их прав и свобод. В рамках реализации Концепции немаловажное значение имели документы, которыми определялась организационная структура и порядок обеспечения деятельности военных судов.

Незадолго до принятия Концепции, в соответствии с постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 16 января 1992 г. № 1432-XII, военные трибуналы были включены в систему судов Республики Беларусь [2]. Этим же постановлением (п. 1–2) была образована Военная коллегия Верховного Суда Республики Беларусь.

Постановлением Президиума Верховного Совета Республики Беларусь от 23 сентября 1992 г. № 1832-ХІІ [3] было определено, что финансирование и материально-техническое обеспечение военных трибуналов возложено на Министерство обороны Республики Беларусь. Этим же постановлением для судей военных трибуналов было сохранено правовое положение военнослужащих (п. 2–3). В мае 1993 г. военные трибуналы были переименованы в военные суды.

Указом Президента Республики Беларусь от 19 февраля 1996 г. № 81 «О реорганизации военных судов Республики Беларусь» [4] военные суды, которые ранее именовались «Военный суд – войсковая часть», были переименованы в межгарнизонные военные суды и этим же Указом было определено новое территориальное устройство военных судов, которое действует до настоящего времени. Стали функционировать Бобруйский, Борисовский, Брестский, Витебский, Гродненский и Минский межгарнизонные военные суды (п. 1–3). Не все положения Концепции применительно к военным судам были реализованы. Военным судам до настоящего времени не подсудны дела об административных правонарушениях, совершенные лицами, на которых распространяется статус военнослужащих.

Судебно-правовая реформа в Беларуси и реализация положений Концепции в настоящее время продолжают. Об этом свидетельствует Послание о перспективах развития системы общих судов Беларуси, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454, в котором предлагается расширить подсудность военных судов [5, п. 2]. Концепция положила начало совершенствованию всей системы юстиции в Беларуси, в частности, – сыграла большую роль в модернизации военных судов, которая продолжается и в настоящее время.

Список использованных источников

1. О Концепции судебно-правовой реформы : постановление Верховного Совета Респ. Беларусь, 23 апреля 1992 г., № 1611-ХІІ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
2. О включении военных трибуналов в систему судов Республики Беларусь : постановление Верховного Совета Респ. Беларусь, 16 янв. 1992 г., № 1432-ХІІ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
3. О военных трибуналах и вопросах реорганизации военной прокуратуры : постановление Президиума Верховного Совета Респ. Беларусь, 23 сентября 1992 г., № 1832-ХІІ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
4. О реорганизации военных судов Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 19 февраля 1996 г., № 81 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.
5. О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 окт. 2011 г., № 454 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология-3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2012.

О ПРАВЕ ПОТЕРПЕВШЕГО НА ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИЧИНЕНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

М. А. Кравцова

*Академия МВД
Республики Беларусь*

Вопрос о праве предъявления потерпевшим доказательств неоднократно рассматривался в научных исследованиях отечественных и зарубежных ученых. Неоднозначность и спорность данной проблемы требуют ее дальнейшего научного изучения в рамках доказывания факта причинения морального вреда преступлением.

В соответствии с положения п. 2 ч. 1 ст. 50 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), потерпевшему дано право представлять доказательства. Согласно ч. 1 ст. 88 УПК доказательствами являются любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, виновность лица, совершившего это деяние, либо его невиновность и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела. Из нормативного определения доказательства следует, что относящиеся к уголовному делу фактические данные, в том числе сведения о причинении морального вреда, могут быть допущены в качестве доказательств только в случае признания их таковыми компетентными органами и должностными лицами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность.

Считаем неправомерным рассматривать в качестве доказательств представленные документы и предметы, свидетельствующие о причинении потерпевшему морального вреда. Следует вести речь о представлении материалов, являющихся составной частью досудебного и судебного производства либо представленные для приобщения к ним, которые являются источниками доказательств. Наиболее корректным определением рассматриваемого права потерпевшего будет являться представление письменных документов и предметов. В научной литературе считается общепризнанным мнение юристов, что доказывание осуществляется только властными субъектами уголовного судопроизводства [1–3].

Представляется верным утверждение, согласно которому потерпевший не может представить доказательств в силу особенностей социальной формы движения материи, связанной с тем, что доказательств в готовом виде ни в природе, ни в обществе не существуют [4, с. 6]. Представить следователю можно только то, что физически уже существует, например, предмет, документ. Прежде, чем признать представленные материалы в качестве вещественных

доказательств, следовательно должен оценить полученные сведения с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Применительно к доказыванию факта причинения морального вреда, особенность собирания такого рода доказательств обусловлена особенностями психического восприятия субъектов, которым преступлением причинены физические и (или) нравственные страдания. Особенности являются определяющими и оказывают влияния на содержательное наполнение сведений, касающихся причинения морального вреда.

Считаем, что п. 2 ч. 1 ст. 50 УПК не соответствует (противоречит) ч. 1 ст. 88 УПК и нуждается в совершенствовании процессуального регулирования его положений в части права потерпевшего «представлять доказательства». Все изложенные выше концептуальные суждения относятся к иным участникам уголовного процесса, которым законом предоставлено право предъявлять доказательства. В момент представления потерпевшим и иными участниками уголовного процесса различного рода объектов, касающихся причинения морального вреда, таковые доказательствами не являются. В этой связи нами предлагается внести изменения в п. 2 ч. 1 ст. 50 УПК, заменив слово «доказательства» словосочетанием «письменные документы и предметы».

Список использованных источников

1. Данилова, Л. С. К вопросу об источниках доказательств в уголовном судопроизводстве / Л. С. Данилова, Н. А. Громов // Уголовное судопроизводство. – 2006. – № 1. – С. 20–23.
2. Нечаева, В. А. Некоторые проблемы представления доказательств в уголовном процессе / В. А. Нечаева // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. Междунар.-практ конф. – Минск, 2011. – С. 179–180.
3. Багаутдинов, Ф. Н. Регламентация вещественных доказательств по новому УПК РФ / Ф. Н. Багаутдинов // Прокурорская и следственная практика. – 2002. – № 1–2. – С. 124–132.
4. Доля, Е. А. Источник доказательства в уголовном судопроизводстве / Е. А. Доля // Законность. – 2011. – № 12. – С. 3–8.

К ВОПРОСУ О ДОГОВОРНОМ ХАРАКТЕРЕ ЗАЛОГА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Т. Л. Щерба

*Академия МВД
Республики Беларусь*

В литературе широко представлено мнение, что залог как мера пресечения по сущности является договором или сделкой [1; 2, с. 20; 3, с. 177]. В уголовном процессе концепция заключения договора между органом уголовного пресле-

дования и подозреваемым, обвиняемым, в особенности в рамках применения мер принуждения, достаточно нова. Договор издавна считается традиционным гражданско-правовым институтом. В. В. Иванов, Ю. А. Тихомиров и др. [4, с. 7–10; 5, с. 180] обосновывают выход договора за рамки гражданского права и успешное использование его в иных отраслях. Ими были сформулированы комплексные концепции теории договора, подразумевающие их применение и вызывающие необходимость их исследования за рамками узкоотраслевой принадлежности. Ю. А. Тихомиров предложил дефиницию договора: «соглашение сторон, выражающее их волю к установлению, изменению и прекращению их прав и обязанностей, к совершению либо воздержанию от совершения юридических действий» [5, с. 180]; выделил признаки договора: добровольность заключения; равенство сторон как партнеров; согласие сторон по всем существенным аспектам договора; эквивалентный, чаще всего возмездный, характер; взаимная ответственность сторон за невыполнение или ненадлежащее исполнение принятых обязательств; законодательное обеспечение договоров, придающее им юридическую силу [5, с. 180].

Сущность договорных начал залога в уголовном процессе В. А. Михайлов видит в том, что залогодатель (подозреваемый, обвиняемый или другое физическое лицо) добровольно берет на себя обязанность внести залог и приобретает право получить его обратно при исполнении данной обязанности; орган уголовного преследования или суд берет на себя обязанность по окончании производства по уголовному делу возвратить залог или обратиться в доход государства и применить более строгую меру пресечения в случае невыполнения взятых на себя залогодателем обязательств [3, с. 146]. В. А. Михайлов рассматривает договор как своеобразное соглашение.

Рассмотрим данные признаки применительно к уголовно-процессуальному залого. При его применении свобода подозреваемого, обвиняемого значительно ограничена, так как он изначально ставится в такие условия, при которых применение к нему меры пресечения является неизбежным и которые вынуждают его делать выбор только между залогом и заключением под стражу. Равноправие сторон при применении залога отсутствует, так как орган, ведущий уголовный процесс, обладает властными полномочиями и может в одностороннем порядке изменить залог на другую меру пресечения (ч. 4 ст. 119 УПК), а подозреваемый, обвиняемый такого права не имеет. Если подозреваемый, обвиняемый несет ответственность за неисполнение обязанностей, связанных с залогом, то для органа, ведущего уголовный процесс, за невозвращение залога при правомерном поведении подозреваемого обвиняемого, ответственности не предусмотрено. Единственный признак договора, который, несомненно, характерен для залога в уголовном процессе – это согласие о применении именно этого вида меры пресечения и о размере залога.

В связи с тем, что залог в уголовном процессе не обладает всеми необходимыми признаками, характерными для договора в общетеоретическом понимании, можно утверждать, что он не является сделкой или договором.

Список использованных источников

1. *Вершинина, С. И.* Залог в системе мер пресечения / С. И. Вершинина // Уголовный процесс [Электронный ресурс] – 1999. – Режим доступа : http://kalinovsky-k.narod.ru/b/vershinina_1999/index.html. – Дата доступа : 04.01.2011.
2. *Колоколов, Н. А.* Залог, домашний арест : становление практики (Статья 2) / Н. А. Колоколов // Российский следователь. – 2011. – № 12. – С. 19–21.
3. *Михайлов, В. А.* Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве : учеб. пособие / В. А. Михайлов. – М. : Акад. МВД СССР, 1991. – 189 с.
4. *Иванов, В. В.* Общие вопросы теории договора / В. В. Иванов. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 157 с.
5. *Тихомиров, Ю. А.* Публичное право / Ю. А. Тихомиров – М. : БЕК, 1995. – 485 с.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИЗДЕРЖЕК ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ИСТОЧНИКАХ ПРАВА ФЕОДАЛЬНОЙ БЕЛАРУСИ XV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВВ.

Н. А. Суховенко

*Академия МВД
Республики Беларусь*

«Неабходна перанесіцца ў сівую старажытнасць, каб належным чынам ацаніць поспехі сучаснага заканадаўства» [1, с. 3]. Так ясно и выразительно историк правовед Игнат Данилович раскрыл значение историко-правового анализа. Свою актуальность он не теряет и в области изучения становления и развития нормативно-правового регулирования процессуальных издержек по уголовным делам. Исследования норм источников права Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ), регламентирующих правоотношения в обозначенной области, не проводились. Представляется целесообразным рассмотреть нормативное закрепление процессуальных издержек в правовых актах феодальной Беларуси до принятия Статуты ВКЛ.

До XVI в. праву ВКЛ были присущи такие правовые формы, как грамоты (привилеи) – общеземские, областные, городские и волостные [2, с. 76]. Их анализ позволяет сделать вывод о том, что в них не содержались нормы, регламентирующие размеры и порядок внесения платы за рассмотрение судебных дел должностными лицами государственной власти. В областных грамотах законодатель частично уделял внимание данному вопросу. В ходе рассмотрения областных привилеев Витебской земли 1503 г., Смоленской земли 1505 г., Полоцкой земли 1511 г. выявлены нормы, устанавливающие обязанность

выплаты «децкованья» в размере «от рубля по чотыри грошы» [1, с. 66–77]. Наряду с «децкованьем» этими же статьями предусматривалось возмещение децкому расходов на дорогу: «а на мило по грошу». Нормами этих грамот закреплялась обязанность внесения платы за примирение посредством децкого сторон судебного процесса: «нам куница шерстью зьмирычины» (ст. 18 грамоты Витебской земли), «а куницы змирские» (ст. 25 грамоты Смоленской земли), «намъ куница шерстью з миршчыны» (абзац 30 грамоты Полоцкой земли). В каждом случае регламентации внесения платы децкому не конкретизировалась сторона процесса, на которую возлагалась данная обязанность.

Первой попыткой систематизации норм права на территории ВКЛ стал Судебник Казимира 1468 г. [1, с. 101]. Статья 2 Судебника Казимира гласит: «А пак ли злодеи не имають будеть чим заплатити, но и лица у двор не имати, воротити истью, у кого украдено, а просоки половину вернути; а злодея на обещенье, а просока по-старому» [3, с. 429]. В приведенной норме закреплялась обязанность «злодея», т. е. виновного лица, заплатить «просоку», которая являлась одним из видов судебных выплат за осуществление «соком» (должностным лицом, относящимся к низшим врядникам) своих функциональных обязанностей по так называемому «сочинню», а именно выявлению следов преступника, его отысканию и выдаче. Закрепляя обязанность выплаты «просоки», законодатель избегал указаний на ее конкретные размеры, обозначая их словосочетанием «а просока по-старому», что можно объяснить тем, что нормы, которые регулировали выплаты «просоки», происходили из обычного права и были настолько известными, что исключалась необходимость в их уточнении.

Несмотря на относительно незначительную регламентацию в изученных источниках права феодальной Беларуси XV – первой половины XVI вв. правоотношений, складывающихся по поводу возмещения расходов, связанных с рассмотрением уголовных дел, следует признать, что данные правовые акты все же определили эволюционно-прогрессивный вектор дальнейшего развития законодательства в обозначенной области, что в последующем нашло свое отражение в нормах Статутов ВКЛ.

Список использованных источников

1. *Вішнеўскі, А. Ф.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытных часоў да нашых дзен) : вучэб. дапаможнік / А. Ф. Вішнеўскі, Я. А. Юхо ; пад агул. рэд. праф. А. Ф. Вішнеўскага. – 2-е выд., дап. – Мінск : Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. – 320 с.
2. *Вішнеўскі, А. Ф.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапаможнік / А. Ф. Вішнеўскі. – Мінск : ВП Экаперспектыва, 2000. – 319 с.
3. Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя / рэдкал. : Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. З. Э. Герасімовіч. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2010. Т. 3 : Дадатак. – А–Я– 696 с.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Д. С. Ястреб, О. Л. Калина

*Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова*

Целью исследования является анализ существующих механизмов предоставления бесплатной юридической помощи и совершенствование модели оказания бесплатной юридической помощи в Беларуси. На выбор модели оказания бесплатной юридической помощи влияют такие факторы, как особенности процессуального законодательства, объем и структура юридических потребностей граждан, тип предоставляемых услуг и др.

Организация финансируемой государством юридической помощи в странах зависит от культурных и исторических особенностей, которые различаются, в том числе ввиду разных систем права: романо-германской и англосаксонской. В США и Великобритании разные механизмы даже при наличии похожих систем общего права. Американская система шире использует адвокатов, работающих в штате в службах юридической помощи, и государственных защитников. В английской системе доминируют частнопрактикующие юристы. В Центральной и Восточной Европе традиции отличаются, что влечет за собой различия в объеме доступных ресурсов, приоритетах юридической помощи и формах ее предоставления. В Финляндии она оказывается адвокатами или специально уполномоченными на то советниками. В Швеции введен институт правового страхования.

Исторически выделяются следующие модели предоставления юридической помощи: 1) оказание услуг частнопрактикующими адвокатами, получающими плату за каждое дело отдельно (система JUDICARE); 2) дежурные адвокаты – штатные адвокаты, непосредственно привлекаемые органом по предоставлению юридической помощи, ответственные за предоставление юридических услуг, с обязанностью «дежурного» представительства; 3) назначение адвокатов под руководством независимого административного или контрольного органа; 4) государственные защитники – адвокаты, состоящие в штате государственных органов для оказания юридической помощи, которые берут на себя представительство обвиняемых.

Среди моделей бесплатной юридической помощи иногда упоминают «юридические клиники», действующие при юридических вузах. В тех странах, где прохождение практики по гражданским и уголовным делам является обязательным элементом юридического образования, делаются специальные исключения из квалификационных требований, чтобы позволить студентам

оказывать юридические услуги определенным категориям клиентов по отдельным видам дел под руководством профессиональных юристов.

При выборе того или иного механизма оказания юридической помощи также следует учитывать возможность реализации следующих положений: высококачественные услуги требуют высокого уровня финансирования, наилучший механизм позволяет регулировать или предотвращать избыточную нагрузку на адвокатов, достижение лучших результатов требует сотрудничества между финансирующим органом и «поставщиками» услуг.

Для реализации этих положений адвокатуре Беларуси необходимо повысить заинтересованность адвокатов в улучшении качества оказываемых бесплатных юридических услуг, активизировать работу юридических клиник, что создаст конкуренцию адвокатскому сообществу в предоставлении бесплатной юридической помощи, а также ввести механизм правового страхования.

РАЗДЕЛ VIII

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУИРОВАНИЯ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

Ю. П. Бровка

*Белорусский
государственный университет*

В специальной литературе уже неоднократно высказывались сомнения относительно уместности словосочетания «Союзное государство» в качестве наименования проектируемого белорусско-российского межгосударственного объединения. Доктор экономических наук М. В. Мясникович обратил внимание на одно важное обстоятельство. В его монографии, посвященной проблемам СГ, мы читаем: «С точки зрения теории права термин “союзное государство” эквивалентен термину “федерация”. В связи с этим белорусской стороной выдвигалось предложение об исключении данной терминологии как противоречащей суверенному статусу участников СГ. Российской стороной данная инициатива поддержана не была»¹. М. В. Мясникович не пишет о том, на какой стадии переговоров белорусской стороной поднимался вопрос о необходимости отказа от термина «союзное государство». В зависимости от того, когда это произошло, следует избрать тот или иной международно-правовой механизм, с помощью которого наименование формируемого межгосударственного объединения можно было бы привести в соответствие с теми

¹ Мясникович, М. В. Союзное государство: создание и перспективы развития. Минск : НИЭИ Минэкономики Республики Беларусь, 2006. С. 44.

принципами, которые положены в основу его конструкции и четко обозначены в Договоре о создании Союзного государства 1999 г.

В любом случае на сегодня «Союзное государство» – это всего лишь межгосударственное объединение, которое может быть когда-либо трансформируется в своеобразную конфедерацию.

Обратимся еще раз к тексту Договора 1999 г. В пункте 2 ст. 6 сказано:

«2. Государства-участники сохраняют свое членство в ООН и других международных организациях. Возможность единого членства в международных организациях, других международных объединениях определяется государствами-участниками по взаимной договоренности».

Как видно из приведенного текста, членами ООН и других международных межправительственных организаций универсального и регионального характера остаются как Республика Беларусь, так и Российская Федерация. При этом, разумеется, Российская Федерация сохраняет свой статус постоянного члена СБ ООН.

После опубликования Совместного заявления и Декларации Республики Беларусь и Российской Федерации от 25 декабря 1998 г. в научных кругах имела место дискуссия о целесообразности постановки вопроса о вхождении создаваемого СГ в ООН в качестве ее государства – члена и о степени вероятности наделения его статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН. Высказывались сомнения в реальности подобных планов. Отмечалось, что ситуация в мировом сообществе на рубеже XX и XXI вв. коренным образом отличается от той, которая существовала весной 1945 г., когда было принято решение включить в первоначальный список государств-членов ООН наряду с СССР также БССР и УССР, которые в тот момент входили в состав СССР, но обладали конституционным правом на членство в международных межправительственных организациях. Иной была и ситуация в конце 1991 г., когда после распада СССР Российская Федерация с согласия членов ООН – Республики Беларусь и Украины, при поддержке государств – членов СНГ, при молчаливом согласии всех государств – членов ООН заняла место СССР во всех органах ООН, включая СБ ООН.

Таким образом, в Договоре 1999 г. было найдено разумное решение – оставить вопрос о едином членстве в международных организациях на усмотрение государств – участников СГ. Очевидно, что в каждом конкретном случае должны будут учитываться интересы как Союза, так и образующих его государств, в том числе и чисто практические соображения. Вряд ли следует ожидать, что в нынешних условиях ООН и другие межправительственные организации охотно согласятся с введением своеобразного «множественного членства», т. е. предоставят СГ и двум его государствам-участникам по одному решающему голосу каждому. Отказ же Республики Беларусь (и/или Российской Федерации) от членства в ООН или в какой-либо иной международной организации в пользу СГ недопустим по соображениям как политического,

так и юридического порядка, так как он противоречил бы положениям ст. 6 Договора 1999 г., где подчеркивается, что Республика Беларусь и Российская Федерация *сохраняют* свое членство в ООН и других международных организациях.

На наш взгляд, следует решительным образом отвергнуть разного рода псевдодемократические предложения, направленные на ослабление, а тем более устранение «блокирующих механизмов», подлежащих применению в необходимых случаях в руководящих органах СГ. Не исключено, что такие предложения могут появиться в процессе доработки Конституционного Акта, принятие которого предусмотрено Договором 1999 г. Лишь наличие реализуемого в достаточно жесткой форме правила «одно государство – один голос», применяемого на завершающей стадии принятия решений в руководящих органах СГ, может обеспечить сохранение суверенитета и международной правосубъектности как Республики Беларусь, так и Российской Федерации в составе СГ. Устранение самой возможности применения «блокирующего механизма», повсеместного внедрения принципа «один человек – один голос» превратит формируемое СГ в классическую федерацию. В подобной белорусско-российской федерации, если она будет создана без применения «блокирующих механизмов», российская сторона по вполне понятным причинам будет обладать абсолютным превосходством при принятии любых решений. Именно сохранение «на крайний случай» блокирующего механизма обеспечивает суверенное равенство Республики Беларусь и Российской Федерации и подтверждает добровольность вхождения Республики Беларусь в состав СГ.

ЕДИНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Д. А. Лагун

*Белорусский
государственный университет*

Единое экономическое пространство (далее – ЕЭП) – экономическое пространство, объединяющее таможенные территории государств, на котором функционируют механизмы регулирования экономик, основанные на единых принципах, обеспечивающих свободное движение товаров, услуг, капитала и рабочей силы, и проводится единая внешнеторговая и согласованная, в той мере и в том объеме, в каких это необходимо для обеспечения равноправной конкуренции и поддержания макроэкономической стабильности, налоговая, денежно-кредитная и валютно-финансовая политика [1].

В истории становления и развития ЕЭП можно выделить 5 периодов:

- Подготовительный период ЕЭП (1993–1999 гг.). Этот период связан с попытками выработать стратегию и тактику дальнейшего экономического развития государств СНГ после распада СССР. Основным правовым документом данного этапа, регулирующим взаимодействие государств в рамках СНГ в экономической сфере, является Договор о создании Экономического союза от 23 сентября 1993 г. [2], вступивший в силу 14 января 1994 г. Участниками данного Договора стали: Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. Экономический союз создается путем поэтапного углубления интеграции через: межгосударственную (многостороннюю) ассоциацию свободной торговли; таможенный союз; общий рынок товаров, услуг, капиталов и рабочей силы; валютный (денежный) союз.

- Период возникновения ЕЭП (1999–2003 гг.). В этот период Единое экономическое пространство в рамках СНГ впервые юридически оформляется путем заключения Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г. [3], вступившего в силу для Республики Беларусь 23 декабря 1999 г. Участниками Договора выступили: Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан, которые взяли на себя обязательство завершить формирование ТС и создать на его основе Единое экономическое пространство. Предусмотрено, что ЕЭП формируется поэтапно. Первый этап имеет целью завершение формирования ТС и единой таможенной территории. Второй этап предполагает создание Единого экономического пространства, включающего формирование общего (внутреннего) рынка товаров, услуг, капитала и труда, проведение общей экономической политики и создание единой инфраструктуры, завершение гармонизации законодательства Сторон, обеспечивающего функционирование Единого экономического пространства. На последующих этапах экономического сотрудничества Стороны будут стремиться к согласованию параметров основных макроэкономических показателей.

- Период формирования ЕЭП (2003–2009 гг.). Данный период характеризуется началом формирования ЕЭП. Юридической основой стало Соглашение о формировании Единого экономического пространства от 19 сентября 2003 г. [1], вступившее в силу 20 мая 2004 г. Участники Договора: Беларусь, Казахстан, Россия и Украина – выработали Концепцию формирования Единого экономического пространства, представляющую собой программу мер по формированию ЕЭП с целью углубления многостороннего экономического сотрудничества. Проблемным вопросом данного этапа стала позиция Украины, которая определила для себя основной идеей Евроатлантическую интеграцию (вступления в Евросоюз и НАТО) и неоднократно высказывалась за пересмотр базового Соглашения о формировании ЕЭП от 19 сентября 2003 г. Украина рассматривала свое участие в ЕЭП только в формате создания зоны

свободной торговли и условий для перемещения капитала, услуг и рабочей силы и возражала против образования наднационального тарифного органа и таможенного союза.

- Период трансформации и активного развития ЕЭП (2010–2011 гг.). В этот период вступили Беларусь, Казахстан и Россия, подписав 09.12.2010 г. и ратифицировав весь пакет документов по созданию Единого экономического пространства [4]. Этот период можно рассматривать как переходный, в течение которого государства-участники ЕЭП предпринимают меры, направленные на устранение изъятий и преференций, которыми пользовались государства до создания ЕЭП. С 01.01.2010 г. на территории Беларуси, Казахстана и России создано единое таможенное пространство, которое действует как полноценный ТС в трехстороннем формате с 1 июля 2011 г.

- Период действия ЕЭП (с 2012 г.). ЕЭП начало функционировать в полном объеме без изъятий и исключений на территории Беларуси, Казахстана и России.

Создание зоны свободной торговли без изъятий и ограничений является первоочередной и базовой задачей формирования ЕЭП, что предполагает неприменение во взаимной торговле антидемпинговых, компенсационных и специальных защитных мер на базе проведения единой политики в области тарифного и нетарифного регулирования, единых правил конкуренции, применения субсидий и иных форм государственной поддержки.

Государствами – участниками ЕЭП на современном этапе выступают Беларусь, Казахстан, Россия. Само ЕЭП рассматривается как более тесная экономическая интеграция в рамках СНГ и ЕврАзЭС.

Спецификой ЕЭП выступает возможность участвовать в нем на условиях разноскоростной и разноразностной интеграции. Разноскоростная интеграция означает, что каждое государство самостоятельно определяет момент присоединения к тому или иному международному договору, что приводит к разноразностной интеграции, когда государства-участники находятся на разных уровнях интеграционного взаимодействия. Каждое государство-участник самостоятельно, по мере готовности, определяет, в каких из направлений развития интеграции или отдельных интеграционных мероприятиях оно будет принимать участие и в каком объеме.

Переход от одного этапа формирования ЕЭП к другому осуществляют те государства-участники, которые выполнили мероприятия, предусмотренные в предыдущем этапе. Более поздние сроки присоединения какого-либо государства-участника к отдельным направлениям развития интеграции или отдельным интеграционным мероприятиям не меняют его статуса участника ЕЭП. Республика Беларусь принимает активное участие в Едином экономическом пространстве.

Список использованных источников

1. О ратификации Соглашения о формировании Единого экономического пространства : Закон Респ. Беларусь от 14 мая 2004 г.: текст по состоянию на 15 июня 2012 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 77. – 2/1025.
2. О ратификации Договора о создании Экономического союза : постановление Верх. Совета Респ. Беларусь от 18 нояб. 1993 г. №2566-ХП : текст по состоянию на 15 июня 2012 г. – Ведамасці Вярх. Савета Рэсп. Беларусь. – 1994. – № 1. – Ст. 6.
3. О ратификации Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве : Закон Респ. Беларусь от 9 нояб. 1999 г. № 303-3: текст по сост. на 15 июня 2012 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2000. – № 30. – 2/78.
4. О ходе выполнения Плана действий по формированию Единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации : решение Межгос. Совета ЕврАзЭС от 9 дек. 2010 г. № 65 // Эталон. банк данных правовой информ. Респ. Беларусь : Версия 6.1 [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – Дата доступа : 15.06.2012.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЕВРАЗИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

О. И. Чуприс

*Белорусский
государственный университет*

Активно развивающиеся процессы евразийской интеграции, связанные с созданием ТС, ЕЭП, формированием обеспечивающих их деятельность специальных органов, непосредственно влияют на законодательство и право.

Одной из задач интеграционных преобразований является ведение работы по синхронному приведению в соответствие с принятыми соглашениями в рамках ТС и ЕЭП национального законодательства государств – членов ЕврАзЭС, разработка унифицированных подходов в этой сфере, формирование системы наднационального евразийского законодательства и в перспективе – евразийского права.

Существующие в рамках Сообщества проблемы реализации достигнутых договоренностей, вытекающие из наличия значительного количества расхождений в национальных законодательствах стран – членов ЕЭП и использования в договорно-правовых отношениях отсылочных норм к ним, отсутствия выработанных соглашений в бюджетной сфере, мер контроля по реализации бюджетных требований государств-членов, а также ответственности в связи с их нарушениями, неразработанности правил администрирования в сферах

взаимодействия и другие, могут быть преодолены путем формирования и последующего развития системы евразийского законодательства.

В настоящее время пространство ЕврАзЭС, как и более обширное постсоветское пространство, «загружено» огромным количеством нормативных правовых актов (национальным законодательством, правом СНГ, Союза Беларуси и России, ЕврАзЭС). Это, как отмечено выше, затрудняет их гармонизацию и, как следствие, – правоприменение. В качестве выхода видится необходимость кардинального сокращения правового массива, одним из путей которого является кодификация (национальная и в рамках ЕврАзЭС) с одновременным обеспечением такого качества вновь разрабатываемых нормативных правовых актов, которое бы способствовало этому сокращению.

При ведении работы по созданию и систематизации евразийского законодательства потребуется значительный интеллектуальный ресурс. Основная масса лучших специалистов – экспертов в области права сосредоточена в традиционных, мощных своей зрелостью юридических школах, представленных в классических университетах России, Беларуси, Казахстана, а также в таких научно-исследовательских центрах, как Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, **Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации**. Именно они обладают той достаточной долей комплексного юридического сопровождения, охватывающего все отрасли, которая позволяет в сжатые сроки и с меньшей степенью стороннего влияния обеспечить качество, грамотность, а значит, юридическую чистоту решения поставленных вопросов. Собранные в этих учреждениях юридические кадры могут также реализовать процесс обучения и юридического сопровождения деятельности кадров евразийских органов, реализуя не только обозначенные роли экспертов, консультантов и преподавателей, но и осуществляя активное влияние в этом процессе на специалистов наднациональных структур путем инициирования обсуждения и принятия значимых вопросов в области права, организации компетентных дискуссий и выработки формулировок продуктивных решений.

В условиях евразийской интеграции, активизации деятельности органов Сообщества и, как следствие, усиливающейся миграции трудовых ресурсов, свободы передвижения остро будет стоять вопрос об унифицированной подготовке юридических кадров, способных качественно обеспечивать процессы евразийского сотрудничества, прежде всего в области совершенствования и применения евразийского права. В связи с этим просматривается необходимость открытия подготовки специалистов по новой специальности «Евразийское право» и вытекающих из этого задач разработки унифицированных стандартов, планов, программ, интегрированной межгосударственной подготовки.

МЕХАНИЗМ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРНЫХ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ДОГОВОРА О ЗОНЕ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ ОТ 18 ОКТЯБРЯ 2011 Г.

А. П. Малашко

Экономический Суд СНГ

К числу целей Содружества Независимых Государств согласно ст. 2 Устава СНГ относятся экономическое и социальное развитие государств-членов в рамках общего экономического пространства, межгосударственная кооперация и интеграция. В Стратегии экономического развития Содружества на период до 2020 года среди приоритетных направлений взаимодействия государств-участников СНГ названы завершение формирования и функционирование зоны свободной торговли в рамках СНГ в соответствии с нормами и правилами Всемирной торговой организации, формирование предпосылок для создания общего экономического пространства, развитие общих рынков отдельных видов продукции, в первую очередь сельскохозяйственной, создание эффективных механизмов валютно-финансового сотрудничества.

18 октября 2011 г. восемь государств – участников СНГ (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Украина), на долю которых приходится свыше 90 % взаимной торговли стран Содружества, подписали Договор о зоне свободной торговли, полностью базирующийся на принципах ГАТТ/ВТО. 20 сентября 2012 г. данный Договор вступил в силу для Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины. Для Республики Армения, которая также ратифицировала Договор о зоне свободной торговли, он вступит в силу 17 октября 2012 г. Еще четыре государства, подписавшие данный международный договор, внутригосударственных процедур пока не выполнили.

Государствами – участниками Содружества ведется многосторонний переговорный процесс по оформлению присоединения Республики Узбекистан до конца 2012 г. к Договору о зоне свободной торговли.

Договор о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г. (ст. 19) предусматривает разрешение спорных вопросов, связанных с выполнением обязательств по данному Договору, посредством консультаций. В случае недостижения согласия по итогам консультаций возможны:

обращение в Экономический Суд СНГ, если обе стороны спора являются государствами – участниками Соглашения о статусе Экономического Суда Содружества Независимых Государств от 6 июля 1992 г., или

передача спора комиссии экспертов в соответствии с процедурой разрешения споров, предусмотренной приложением 4 к настоящему Договору, являющимся его неотъемлемой частью.

Кроме того, споры между государствами – членами ВТО по вопросам, которые в Договоре от 18 октября 2011 г. регулируются путем ссылки на положения соглашений ВТО, могут разрешаться в порядке, предусмотренном соответствующими соглашениями ВТО.

В настоящее время членами ВТО являются такие государства – участники СНГ, как Республика Армения, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Украина. Таким образом, споры между указанными государствами, связанные с выполнением обязательств по Договору о зоне свободной торговли, могут разрешаться в порядке, установленном Договоренностью о правилах и процедурах разрешения споров (Приложение 2 к Соглашению об учреждении ВТО 1994 г.). Однако следует подчеркнуть, что использование государствами – участниками СНГ, являющимися также членами ВТО, указанной процедуры не имеет обязательного характера. В соответствии с п. 3 ст. 19 Договора от 18 октября 2011 г. государства – члены ВТО имеют право использовать процедуры урегулирования споров в Экономическом Суде СНГ или посредством комиссии экспертов.

Для использования судебного механизма разрешения разногласий, связанных с применением Договора от 18 октября 2011 г., принципиальное значение имеет участие государств – сторон спора в Соглашении о статусе Экономического Суда СНГ.

Кроме того, Договор от 18 октября 2011 г. предусматривает в определенной части администрирование Экономическим Судом СНГ работы комиссии экспертов. Председатель Экономического Суда СНГ назначает члена комиссии экспертов и ее председателя, если член комиссии экспертов не назначен государством – участником СНГ либо государства – участники СНГ не достигают согласия относительно председателя комиссии в установленные сроки (Приложение 4 к Договору от 18 октября 2011 г.). По нашему мнению, данное обстоятельство также актуализирует вопрос о целесообразности расширения круга государств – участников СНГ, представленных в Экономическом Суде СНГ.

Государствами – участниками действующего Соглашения о статусе Экономического Суда СНГ от 6 июля 1992 г. являются Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан и Республика Узбекистан. На уровне экспертных групп согласован и направлен в государства новый проект Соглашения о статусе Экономического Суда Содружества Независимых Государств. Надеемся, что с принятием данного документа количество государств – участников Соглашения о статусе Экономического Суда Содружества Независимых Государств увеличится.

Полагаем, участие государства в Договоре о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г. может рассматриваться как дополнительный аргумент в пользу участия этого же государства в Соглашении о статусе Экономического Суда СНГ.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРАВЕ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

М. А. Цебрук

*Академия управления
при Президенте Республики Беларусь*

Современный мир характеризуется такими процессами, как глобализация, взаимосвязь и взаимозависимость стран и их правовых систем. Дальнейшее существование человечества требует дополнить политическую и экономическую интеграцию правовой. Это позволит получить более глубокое представление о новых чертах и тенденциях развития как основных правовых систем современности, так и в целом права как общественного института. Значительное время существовала точка зрения, что интеграционные процессы в мире происходят в силу необходимости экономического сотрудничества. Тем не менее, многолетний опыт мировой интеграции показал, что право также выступает в качестве инструмента глобализации и одновременно средства управления ее процессами. Правовое сближение представляется как устранение различий в национальном регулировании посредством договоренностей между государствами, на основе которых устанавливаются единообразные условия использования различных ресурсов во всех государствах.

Правовую интеграцию можно определить как процесс формирования новой, общемировой системы норм, организующих и обеспечивающих глобальное межгосударственное взаимодействие и взаимопроникновение в различных сферах жизни современного общества и государства. Характер правовой интеграции определяется, с одной стороны, участием государств в делах мирового сообщества, а с другой – степенью восприятия странами тех или иных аспектов права других государств.

Следует отметить, что правовая интеграция в мировом масштабе характеризуется с одной стороны возрастанием роли отдельных международных правовых институтов, с другой стороны – стремлением подчинить международные нормы внутреннему праву и своей национальной правовой системе, и это касается практически каждого государства. Единообразные законы на основе международных соглашений все же видоизменяются в процессе его применения в отдельных странах. Правовая интеграция находит свое выражение в интернационализации национального права: рецепции, гармонизации, унификации и стандартизации. Необходимо отметить, что от состояния внутреннего права каждой страны зависит нормальное функционирование международной системы в целом. Его отставание от требований времени может породить серьезные международные последствия.

Сейчас прослеживается устойчивая тенденция к более высокому уровню взаимодействия международного и внутреннего права на всех стадиях их существования. Это взаимодействие характеризуется нарастающей взаимосвязью и взаимозависимостью государств в области охраны прав человека, борьбы с международным терроризмом, укрепления всеобщей безопасности. К проблемам глобального масштаба можно также отнести: распространение оружия массового уничтожения, средств его доставки и технологии их изготовления; расползание и укоренение транснациональных преступных сетей; наркобизнес, голод и нищета; угроза обеднения продовольственных и пресноводных ресурсов, незатухающих вооруженных конфликтов и возникновение новых.

Общими правовыми ценностями государств, на основе которых происходит их правовая интеграция, являются: сохранение суверенного равенства государств, недопустимость применения силы или угрозы силой, невмешательство во внутренние дела, уважение прав человека, международное сотрудничество и др. Так, международная защита прав человека представляет собой осуществление сотрудничества государств по двум основным направлениям: создание универсальных и региональных международно-правовых норм в области прав человека; создание и действие специальных механизмов контроля за их соблюдением. Что касается борьбы с терроризмом, то здесь необходимо отметить деятельность государств в области координации мер по предотвращению и пресечению террористических актов, установление юрисдикции над преступлениями и преступниками, оказание правовой помощи по уголовным делам и выдача преступников и т. д. Укрепление всеобщей безопасности осуществляется на основе международных соглашений и договоров, деятельности международных организаций, дипломатического взаимодействия, развития межкультурных взаимосвязей и др. Принимаемые совместными усилиями различных государств декларации, пакты и резолюции фактически содержат готовую систему прогрессивных идей и ценностей в области права.

Одновременно в мире значительное распространение получают процессы «обратной» глобализации. Наиболее заметными в этом плане сохраняются различия между западным и восточным мышлением, образом жизни и национальными правовыми системами соответствующих государств. Восток все еще не приемлет западного образа жизни, потрясающего его собственные устои, и решение этой проблемы не найдено. При попытке наложения западноевропейской модели на другие культурные, социальные и экономические условия зачастую возникает эффект несовместимости с менталитетом народов, сформировавшихся в иных культурных, религиозных или общинных традициях. Необходимо помнить, что право не является определяющим социальным регулятором в тех правовых системах, где приоритет принадлежит религии, традициям, обычаям.

Таким образом, в современных экономических социальных условиях правовые системы различных государств должны быть совместимы и способны взаимодействовать друг с другом. Однако при сближении национальных

правовых систем особую значимость приобретает необходимость сохранения цивилизационных различий. Важнейшими условиями сохранения правовых традиций и качественного развития права в целом являются недопустимость механистического и буквального копирования чужих государственно-правовых идей. Внедрение оригинальных, обработанных, трансформированных норм представляется наиболее правильным для национального законодательства, что позволяет сохранить сбалансированность правовой политики нашей страны.

ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СТРАНАХ СНГ

Т. С. Масловская

*Белорусский
государственный университет*

Практика стран СНГ последних двадцати лет свидетельствует о динамичности развития избирательного законодательства. На сегодняшний день можно выделить несколько тенденций его эволюции, предопределенных развитием общественной и политической жизни.

- *Тенденция систематизации* избирательного законодательства в государствах СНГ выражается, в том числе, и в его кодификации. В настоящее время во многих государствах постсоветского пространства принимаются кодифицированные нормативные правовые акты, комплексно регулирующие наиболее важные вопросы организации и проведения выборов. На сегодня день избирательные кодексы действуют в Беларуси, Армении, Кыргызстане, Грузии, в отдельных субъектах России (г. Москва, Приморский край и др.). В России с февраля 2012 г. высказываются предложения о необходимости принятия избирательного кодекса. Проект Избирательного кодекса России, представленный депутатами фракции «Справедливая Россия» в Государственную Думу Федерального собрания России, направлен на систематизацию действующего избирательного законодательства и законодательства о референдуме, устранение в нем противоречий, пробелов и положений, допускающих неоднозначное толкование, а также устранение дублирования норм в разных законах. В Беларуси Избирательный кодекс был принят в 2000 г., за прошедшее время он претерпел изменения, направленные на упорядочение, гармонизацию, приведение в соответствие противоречий и совершенствование избирательного законодательства. Избирательное законодательство Беларуси, в отличие, например, от законодательства о выборах Грузии, России характеризуется определенной стабильностью.

- *Тенденция глобализации* проявляется в отражении в национальном законодательстве международных избирательных стандартов не только путем

ратификации международных договоров, содержащих указанные стандарты, но и посредством включения основополагающих принципов в конституцию (например, в Беларуси). Отражением глобализации в избирательном праве является создание международных избирательных стандартов (универсальных и региональных), их учет при формировании и совершенствовании национального избирательного законодательства. В рамках постсоветского пространства в 2002 г. была принята Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках СНГ, которая объединила международно-правовые нормы, действующие в области организации и проведения выборов, относящиеся к международным избирательным стандартам. В целом Конвенция СНГ как содержит общепризнанные элементы международно-правового регулирования организации и проведения выборов (в частности, международные стандарты), так и закрепляет ряд новшеств, к числу которых, например, можно отнести учреждение в рамках СНГ специального органа – Межгосударственного избирательного совета, который призван содействовать подготовке и проведению наблюдения за выборами в государствах – участниках Конвенции. Данный документ свидетельствует о дальнейшей демократизации избирательного процесса в рамках СНГ.

Беларусь на сегодня день не является участницей Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках СНГ 2002 г. Вместе с тем, вышеперечисленные стандарты нашли отражение в Конституции и Избирательном кодексе Беларуси.

Тенденция демократизации. Данная тенденция проявляется в расширении гарантий реализации прав участников избирательного процесса (избирателей, наблюдателей, кандидатов на выборные должности). Наблюдается расширение прав кандидатов на всех стадиях избирательного процесса. В частности, Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам проведения выборов и референдумов и о признании утратившим силу Закона Республики Беларусь “О Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов”» ввел в Избирательный кодекс Республики Беларусь 2000 г. ряд новелл. Некоторые из них стимулируют участие политических партий в выборах, касаются повышения роли политических партий в избирательном процессе. Так, отныне кандидаты в депутаты могут выдвигаться политическими партиями вне зависимости от того, имеется ли на территории соответствующего избирательного округа созданная в установленном порядке организационная структура политической партии, выдвигающей кандидата в депутаты, или нет.

Законом Республики Беларусь от 04.01.2010 г. несколько скорректирован подход к составу избирательных комиссий. Отныне в состав избирательных комиссий должно входить не менее трети представителей политических партии и других общественных объединений. Расширены возможности кандидатов осуществлять предвыборную агитацию: предусмотрена возможность проведения

кандидатами в Президенты Республики Беларусь, в депутаты, их доверенными лицами массовых мероприятий (собраний вне помещений, митингов, пикетирования) в уведомительном порядке, введены новые формы предвыборной агитации – дебаты, иные совместные агитационные мероприятия.

Указанные тенденции демонстрируют, что модернизация избирательного законодательства в странах СНГ во многом обусловлена последовательным обеспечением стабильности политического развития в свете совершенствования международных избирательных стандартов.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

С. К. Лещенко

*Белорусский
государственный университет*

1. В условиях глобализации хозяйственной деятельности, развития процессов региональной интеграции ключевую роль играет совершенствование правового регулирования налоговых отношений. Единое экономическое пространство Евразийского экономического сообщества (далее – ЕЭП), созданное с целью функционирования общего (внутреннего) рынка товаров, услуг, капитала и труда, предполагает, согласно Договору о таможенном союзе и едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г. (далее – Договор о ТС и ЕЭП), *проведение согласованной налоговой политики* [1, ст. 3, ст. 25].

2. Система норм, создающих правовую основу для сближения налогового законодательства в ЕЭП, включает: применение *единой системы взимания косвенных налогов* [1, ст. 9, ст. 28] и единый порядок *косвенного налогообложения внешнеторговых операций с третьими странами* [1, ст. 12, ст. 16], реализацию принципа *недискриминации в налоговых отношениях* [1, ст. 4], устранение административных, *фискальных препятствий*, затрудняющих нормальное функционирование режима свободной торговли [1, ст. 10], реализацию положений *соглашений об устранении двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов на доход и капитал* [1, ст. 47]. Правовую основу сближения налогов могут формировать статьи Договора о ТС и ЕЭП, регламентирующие реализацию *четырёх фундаментальных свобод* (свободы движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы) в ЕЭП.

3. Опыт европейской интеграции показывает, что изначально происходит гармонизация законодательства в сфере *косвенного налогообложения*, без чего невозможно создать условия для свободной торговли [2, с. 11]. Поддерживая

высказанную в литературе точку зрения о необходимости формирования в ЕЭП полностью унифицированной системы взимания косвенных налогов [3, с. 3], отметим, что более целесообразно принятие единого консолидирующего акта не в виде Основ законодательства о косвенном налогообложении ЕврАзЭС, а международного Договора о налоге на добавленную стоимость и акцизах таможенного союза по аналогии с Договором о таможенном кодексе таможенного союза от 27.11.2009 г. и действующими в ЕС директивами о НДС и акцизах [4; 5].

4. Развитие внешнеэкономической деятельности в ЕЭП требует создания благоприятных условий *прямого налогообложения* доходов, полученных в результате ее осуществления. Для реализации принципов недискриминации, а также устранения фискальных препятствий реализации четырех фундаментальных свобод в ЕЭП налоговое законодательство Республики Беларусь необходимо совершенствовать в части правового регулирования налоговых отношений с иностранным элементом, получивших в теории налогового права название «международные налоговые отношения». В настоящее время налоговые нормы, регулирующие налогообложение доходов и имущества нерезидентов, а также налогообложение доходов, полученных налоговыми резидентами из источников за пределами Республики Беларусь, не приведены в единую систему, имеют место пробелы правового регулирования. Детальная правовая регламентация международных налоговых отношений позволит устранить двойное налогообложение доходов, создаст необходимые условия для использования международных договоров об избежании двойного налогообложения и реализации положений ст. 47 Договора о ТС и ЕЭП.

5. Предлагаем принять Закон Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Налоговый кодекс Республики Беларусь» и ввести новый раздел НК – «Особенности международного налогообложения», включающий шесть глав. Глава «Общие положения» должна закрепить основные принципы международного налогообложения, понятия «резидент», «нерезидент», «постоянное представительство нерезидента», определение доходов нерезидента из источников в Республике Беларусь. Отдельные главы нового раздела НК должны регулировать налогообложение доходов организаций-нерезидентов, осуществляющих деятельность через постоянное представительство в Республике Беларусь; налогообложение доходов организаций-нерезидентов, не осуществляющих деятельность через постоянное представительство в Республике Беларусь; налогообложение доходов физических лиц-нерезидентов; налогообложение доходов нерезидентов от внешнеэкономической деятельности. Заключительная глава раздела «Специальные положения по международным договорам» должна регламентировать следующие отношения, не урегулированные в действующем налоговом законодательстве: условия применения международных договоров об избежании двойного налогообложения; ограничения в применении положений договоров в интересах лиц, не являющихся

резидентами договаривающихся государств; методы отнесения к затратам управленческих и общеадминистративных расходов организации-нерезидента при налогообложении прибыли в Республике Беларусь; порядок применения освобождения от налогообложения доходов нерезидентов из источников в Республике Беларусь согласно международному договору; особенности перечисления налога с доходов нерезидента в бюджет и возврата из бюджета излишне уплаченного (взысканного) налога нерезидента; документальное подтверждение резидентства, суммы доходов, полученных из источников в Республике Беларусь, и уплаченных (удержанных) сумм налогов.

Реализация данного предложения позволит сформировать прозрачные, понятные условия международного налогообложения посредством упорядочения и приведения в единую систему норм, регламентирующих налоговые отношения с иностранным элементом, устранения пробелов правового регулирования, что будет способствовать реализации основных принципов, создающих правовую основу для сближения налогового законодательства в ЕЭП.

Список использованных источников

1. Договор о таможенном союзе и едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г. // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
2. *Terra, B. European Tax Law* / B. Terra, P. Wattel. – Fifth edition. – Netherlands : Kluwer Law International, 2008. – 862 p.
3. Налоговое право Евразийского экономического сообщества : правовой режим налога на добавленную стоимость / под ред. Д. В. Винницкого. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 304 с.
4. Council Directive 2006/112/EC of 28 November 2006 on the common system of value added tax // Official Journal. – 2006. – L. 347. – P. 1–118.
5. Council Directive 2008/118/EC of 16 December 2008 concerning the general arrangements for excise duty and repealing Directive 92/12/EEC // Official Journal. – 2009. – L. 9. – P. 12–30.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СБЛИЖЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СОЦИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ

Т. А. Постовалова

*Белорусский
государственный университет*

Для правового сближения национального законодательства в рамках интеграционных объединений необходимо, чтобы правовые нормы любого интеграционного объединения обладали верховенством и прямым действием.

Межгосударственная координация в сфере сближения права на основе создания унифицированного правового пространства сегодня является важнейшей составляющей мировых интеграционных процессов [1].

Унификация предполагает создание единообразного правового режима в соответствующей области отношений. Процесс унификации терминологии затрагивает правовые нормы по социальному обеспечению в рамках ООН, МОТ, Совета Европы, Европейского Союза, СНГ, Евразийского Экономического Сообщества и др. Правовая унификация в области социального обеспечения на мировом уровне осложняется разным уровнем экономического развития, различиями в формировании и функционировании систем социального обеспечения, уровне представляемых выплат и т. д. Унификация упорядочивает правовой материал, обеспечивает его компактность (уменьшает объем), содействует более точному пониманию и единообразному применению правовых предписаний.

Унификация терминологии в законодательстве о социальном обеспечении имеет свою специфику, связанную с терминологической базой. Осуществление деятельности по унификации предполагает выработку и закрепление в нормативных правовых актах наиболее приемлемых, адекватных и компактных терминов. Развитие науки права социального обеспечения будет приводить к появлению новых определений фундаментальных и иных понятий. Сохранение единообразия применяемой терминологии предполагает формирование единого понятийного аппарата в отраслевом законодательстве.

Работа по унификации терминологии в области социального обеспечения имеет не только специфические, но и общие черты, которые позволяют использовать подходы, разработанные в общей теории права. Потребности современного развития права социального обеспечения позволяют утверждать, что актуальной проблемой является познание отраслевых особенностей осуществления этой деятельности, накопление научных знаний и обучение специалистов, которые по роду своей профессиональной деятельности занимаются нормотворчеством в области социального обеспечения.

Унификация терминологии на международном уровне не позволит установить взаимное тождество понятий, если в национальном законодательстве будет сохраняться неоднозначность и дублирование основных терминов и понятий. В Европейской конвенции о социальном обеспечении (Париж, 14 декабря 1972 г.), Европейской конвенции о правовом статусе трудящихся-мигрантов (Страсбург, 24 ноября 1977 г.), Европейском кодексе социального обеспечения (Страсбург, 16 апреля 1964 г.), Конвенции МОТ № 102 даны основные термины и их определения.

В рамках таких региональных международных организаций, как СНГ и ЕврАзЭС, разработаны единые правовые дефиниции в некоторых институтах социального обеспечения. В Модельном законе о государственном социальном страховании от 6 декабря 1997 г., принятом на десятом пленарном заседании

Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ, даны следующие термины: объекты государственного социального страхования, субъекты государственного социального страхования, страховщики, страхователи, застрахованные лица, социальный (профессиональный) страховой риск, страховой случай, страховой взнос, страховой тариф, страховая выплата, обеспечение по государственному социальному страхованию, бюджет социального страхования, страховой стаж, индивидуальный (персонифицированный) учет [2]. Тем не менее, например, понятие страхового стажа, данное в ст. 1 Модельного закона, не идентично понятию, закрепленному в Европейской конвенции о социальном обеспечении от 14 декабря 1972 г.

Терминология и понятийный аппарат права социального обеспечения Республики Беларусь в основном унифицированы в соответствии с основными актами СНГ и ЕврАзЭС по социальному обеспечению. Однако, используя международный опыт, необходимо вводить определения терминов, обозначающих объемные, устойчивые словосочетания.

Список использованных источников

1. *Миронова, Т. К.* К вопросу об унификации терминологии в международном и российском законодательстве о социальном обеспечении / Т. К. Миронова // Международное, российское и зарубежное законодательство о труде и социальном обеспечении: современное состояние (сравнительный анализ) : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. К. Н. Гусова. – М. : Проспект, 2011. – С. 662–668.

2. Модельный закон о государственном социальном страховании : Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, 6 дек. 1997 г., № 10-4 // Модельные законы и кодексы, принятые МПА СНГ [Электронный ресурс] – 2012. – Режим доступа : <http://www.iacis.ru/html/?id=22&pag=61&nid=1>. – Дата доступа : 30.05.2012.

ПРАВОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Ж. В. Хацук

*Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы*

В целях развития национальной системы юстиции, обеспечения прав граждан и организаций за рубежом в Беларуси развивается международное сотрудничество. В последние годы были подписаны международные договоры в правовой сфере с Венесуэлой, Египтом, Болгарией и Сирией. Активизируется работа на новых для Беларуси направлениях – со странами Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Обращаясь к истории последних десятилетий, следует отметить в первую очередь интеграционные процессы в Западной

Европе, где создание юридического механизма Европейского союза привело к формированию европейского права.

Унификация в сфере международного гражданского процесса – заключение Брюссельской конвенции по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения решений в отношении гражданских и коммерческих споров от 27 сентября 1968 г. – стала основой для принятия конвенций с участием государств, не входящих в Европейский союз, – Луганской (Параллельной) конвенции по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения решений в отношении гражданских и коммерческих споров от 16 сентября 1988 г. и разработки новой Конвенции о юрисдикции и иностранных судебных решениях по гражданским и торговым спорам, предварительный вариант которой был принят 30 октября 1999 г.

Много заняла правовая интеграция на американском континенте. Начав в конце XIX в. с попыток достичь результатов в вопросах кодификации права, латиноамериканские страны во второй половине XX в. приняли более прагматичную практику. На межамериканских конференциях предпочтение отдавалось специализированным конвенциям, применение которых оказалось эффективным.

Процессы правовой интеграции являются элементом развития СНГ. В этой сфере следует отметить сочетание двух подходов: разработка государствами-участниками единообразных законов (кодексов) и заключение международных соглашений. В рамках СНГ были приняты Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 20 марта 1992 г.), Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.) и Протокол к ней от 28 марта 1997 г., а также подписано Соглашение о порядке взаимного исполнения решений арбитражных, хозяйственных и экономических судов на территориях государств – участников Содружества (Москва, 6 марта 1998 г.).

Особое место в международной интеграции по вопросам процесса занимает отношения США с другими странами, и в первую очередь с государствами Европейского союза и Европы в целом. При высоком уровне экономической, политической, гуманитарной интеграции США и европейских государств, США не участвует в Луганской конвенции. Было бы несправедливым не заметить позитивного взаимодействия судебных систем этих стран, хотя данный факт не означает, что стороны споров, проходящих в незнакомых условиях или в чужой стране, чувствуют себя достаточно комфортно и уверенно.

Анализ существующих положений международных соглашений по вопросам международного гражданского процесса свидетельствует о том, что они преследуют достаточно скромные цели: установить правила международной подсудности, порядок взаимодействия судов при оказании правовой помощи,

взаимно признавать и исполнять выносимые решения и унифицировать основания отказа в признании и принудительном исполнении.

При этом содержание процесса в каждой стране сохраняет свои особенности. Существующие конвенции не приводят к созданию унифицированного процессуального права, в то время как уменьшение расхождений в процессуальных системах могло бы стать важным фактором в достижении большей справедливости и предсказуемости в международных судебных процессах.

В практическом плане отечественному законодателю и судебной системе следует ориентироваться на два наиболее важных обстоятельства: 1) на европейское видение процесса интеграции законодательства, поскольку при всех особенностях белорусского процессуального права оно принадлежит к европейской правовой семье; 2) на реалистическую оценку возможности (пределов) интеграции. Реформа судопроизводства зависит не только от нового процессуального права, но и от материально-технического обеспечения судебной системы.

Такое развитие отношений еще раз подтверждает необходимость для Беларуси играть активную роль в разработке новых договоров по вопросам юрисдикции, признания и исполнения иностранных судебных решений. Для нашей страны представляется также целесообразным реформировать законодательство, ориентируясь на договорные процессы, происходящие в Европе. В этой связи наиболее оптимальной видится модель правовой интеграции, где процессуальное право государств – участников СНГ будет частью системы, строящейся на общеевропейских принципах.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ИНТЕГРАЦИИ НА ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЕЭП

Н. Н. Хиль

*Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь*

На современном этапе становления национальной экономики значимую роль в ее развитии играет процесс интегрирования в мировую экономику. Одним из главных направлений такого сотрудничества является формирование нового межгосударственного образования: Единого экономического пространства, в которое входят Беларусь, Россия и Казахстан.

В своем послании белорусскому народу и Национальному собранию Главы государства отметил следующее: «Беларусь заинтересована не просто в спокойных отношениях с ближними и дальними соседями, а в самой тесной

интеграции по всем возможным направлениям. Ставка на интеграцию – наш сознательный выбор. Сегодня ясно вырисовывается модель нашей интеграции. Вместе с Россией и Казахстаном, я уверен, не за горами и другие страны, мы создали Таможенный союз и затем Единое экономическое пространство с единым рынком в 170 млн человек» [1].

При имеющем место стремительном формировании международно-правовой базы ЕЭП, стороны не обошли такую важную сферу, как государственные закупки. В этой связи Правительствами стран – участниц Единого экономического пространства 9 декабря 2010 г. в г. Москве подписано Соглашение о государственных (муниципальных) закупках [2] (далее – Соглашение).

Осуществление государственных и муниципальных закупок происходит за счет бюджетных средств. Сторонам Соглашения необходимо гармонизировать внутреннее законодательство с целью выработки единых подходов правового регулирования общественных отношений. Это позволит оптимизировать процедуры государственных закупок, применяемых в каждом из государств – сторон Соглашения. Единая система осуществления государственных закупок на территории стран – участниц Единого экономического пространства создаст предпосылки для повышения конкуренции между потенциальными поставщиками.

Соглашение ратифицировано соответствующими законами сторон, в связи с чем возникла необходимость приведения национального законодательства в соответствие с положениями Соглашения. Сторонами осуществляется обновление внутреннего законодательства в области государственных закупок.

На рассмотрении Парламента Беларуси находится проект Закона Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)». Схожий процесс имеет место в России и Казахстане. Подлежит корректировке Закон Республики Казахстан от 21 июля 2007 г. № 303-III «О государственных закупках». После принятия сторонами обновленных законов изменения и дополнения должны быть внесены в подзаконные нормативные правовые акты.

Скорейшая реализация международных обязательств, принятых на себя странами – участницами Единого экономического пространства по гармонизации национального законодательства в области государственных закупок будет способствовать выработке единых подходов правового регулирования, что в значительной степени упростит процесс проведения торгов.

Список использованных источников

1. Послание Президента Александра Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.president.gov.by/press129510.html>. – Дата доступа : 01.06.2012.
2. О государственных (муниципальных) закупках : Соглашение, 9 дек. 2010 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «Юр-спектр». – Минск, 2012.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ БЕЛАРУСИ И РОССИИ В РАМКАХ МИРОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е. А. Побережнюк

*Белорусский
государственный университет*

СССР, прекратив свое существование как субъект международного права, породил становление целого ряда независимых государств. Как свидетельствует история, процесс суверенного строительства проходил по большей части с элементами национализации. На наш взгляд, причиной этого стала начавшаяся еще в начале 80-х гг. XX в. борьба народов, входивших в состав СССР, за свои национальные и этнокультурные интересы, которые хоть и формально провозглашались в советском государстве, однако на практике игнорировались центральными органами государственной власти. Идея независимости, этнокультурной национализации, выбора совершенно новой ориентации и способов ее достижения породили определенные межгосударственные недопонимания и конфликты, которые мы имеем возможность наблюдать и сейчас. В первую очередь это энергетические и продовольственные войны, нарушение прав граждан на пребывание и работу на территории государств, входивших ранее в союз, на медицинское и пенсионное обслуживание и т. д. Но проблемой является то, что данные конфликты решаются главным образом путем экономических санкций и рыночных регуляторов, и лишь потом – нормами международного права.

Построение СНГ, целью которого являлось поддержание государств, ставших на путь суверенного строительства, не дало желаемых и запланированных результатов. Причин этому множество. Совершенно очевидно, что ряд государств пытаются найти свою экономическую и политическую независимость на основе новых связей и западного рынка. Однако долгое существование и развитие советской модели экономики и формы государственного устройства не позволяют этим государствам без потерь для себя и своей экономической независимости принимать те предложения и правила, которые навязываются им государствами с совершенно иной формой экономического и политического развития.

Беларусью был выбран путь более тесного сотрудничества с Россией, и как следствие – интеграция в Союзное государство Беларуси и России, чему содействовали и исторические, и этнокультурные связи, и территориальное расположение двух государств, а также одновременное становление и развитие

новой нормативно-правовой базы, экономики. Анализ межгосударственных правовых актов, являющихся учредительными актами Союзного государства, позволяет сделать вывод о том, что данная интеграция в первую очередь выступает не как гарантия экономической и военной безопасности, а как решение важнейшей задачи для любого современного государства – обеспечение социального благополучия, безопасности общества и личности.

Многие ученые спорят относительно формы государственного устройства Союзного государства Беларуси и России. Часть из них утверждает, что данное явление можно рассматривать как конфедерацию, так как оно отвечает признакам подобного рода государственного устройства, иные же настаивают на той точке зрения, что Союзное государство является федеративным. На наш взгляд, правильным будет согласиться с мнением тех ученых, которые считают, что Союзное государство является совершенно новой формой государственного устройства, которая уже переросла собой конфедерацию, но по отдельным признакам не стала федерацией. Данное государство в настоящее время приобретает все большую значимость на Востоке ввиду постоянного расширения ЕС на Западе. Для наиболее полноценного функционирования Союзного государства, на наш взгляд, необходимо создание наиболее унифицированной нормативно-правовой базы. Понятно, что создать единую правовую базу, весьма проблематично и затратно, да это и нецелесообразно, но необходимо как можно сильнее ее гармонизировать во избежание определенного ряда коллизий в административно-правовом регулировании. Относительно области, необходимой для первоочередной проработки и анализа, можно выделить социальную сферу, включающую в себя как право граждан на выбор места пребывания и постоянного жительства, так и право на труд, образование, медицинское и иное социальное обслуживание, и другие. Отметим, что наднациональными органами Союзного государства ежегодно реализуется большое количество проектов по улучшению жизни и культурных связей как народов Беларуси и России в целом, так и отдельных регионов данных стран. Однако имеются и существенные недоработки в союзном законодательстве в данной области.

Принимая во внимание, что Союзное государство создано по принципам построения государства социального, важнейшим фактором его полноценного функционирования является проведение согласованной политики, в первую очередь, социальной. В связи с этим необходима планомерная и постепенная унификация определенных частей законодательной базы Союзного государства. В целом же интеграционные процессы Беларуси и России приобретают все большую значимость и занимают немалое место в мировой глобализации, которая за последние три десятка лет приобретает все больший характер.

СПЕЦИФИКА КОНТРОЛЬНОГО МЕХАНИЗМА ОТКРЫТЫХ КОНВЕНЦИЙ СОВЕТА ЕВРОПЫ С УЧАСТИЕМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О. В. Гришкевич

*Национальный центр законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь*

Беларусь присоединилась к шести конвенциям и одному дополнительному протоколу, открытым для государств – нечленов Совета Европы (далее – СЕ). Это Европейская культурная конвенция от 19 декабря 1954 г., Европейская конвенция об информации относительно иностранного законодательства от 7 июня 1968 г., Дополнительный протокол к Европейской конвенции об информации относительно иностранного законодательства от 15 марта 1978 г., Конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в европейском регионе, от 11 апреля 1997 г., Конвенция против применения допинга от 16 ноября 1989 г., Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 г., Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г.

Проведенный анализ вышеуказанных правовых инструментов позволяет выделить следующие особенности их контрольного механизма:

1. Каждый из рассмотренных правовых инструментов СЕ закрепляет внутригосударственные меры по его реализации, а также международно-правовые меры. Ряд документов предусматривает создание специального органа по мониторингу выполнения соответствующих конвенций государствами-участниками, а именно: Комитета Конвенции о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию, в европейском регионе, Группы по рассмотрению действия Конвенции против применения допинга, Группы государств против коррупции (ГРЕКО).

2. Контрольный механизм по реализации конвенций СЕ зависит от сферы регулируемых международных отношений. Европейская культурная конвенция не предусматривает создания специального контрольного органа, что объясняется самим характером и целями документа – содействием согласованным действиям по поощрению культурной деятельности. Участие в данной Конвенции позволяет государствам – нечленам СЕ без специального приглашения Комитета Министров СЕ стать участниками определенных европейских конвенций и соглашений.

Республика Беларусь может активизировать свое участие в договорной базе СЕ по данному направлению. Сотрудничество в рамках Европейской конвенции об информации относительно иностранного законодательства и Дополнительного протокола к ней осуществляется на межведомственном уровне.

3. Полномочия специальных органов по мониторингу не идентичны, а обусловлены целями и задачами той или иной конвенции и оптимальным

механизмом их достижения. Предусматриваемые внутригосударственные и международно-правовые меры с учетом специфики конкретной конвенции обеспечивают необходимые правовые основания для наиболее эффективного и результативного ее выполнения государствами-участниками.

4. В рамках совершенствования механизма реализации договорных инструментов СЕ предусмотрена возможность принятия дополнительных протоколов, которые расширяют сферу применения соответствующих конвенций, а также функции контрольного механизма за их выполнением (Дополнительный протокол к Европейской конвенции об информации относительно иностранного законодательства, Дополнительный протокол к Конвенции против применения допинга от 12 сентября 2002 г.).

5. В системе мониторинга выполнения конвенций СЕ можно выделить общий мониторинг, который осуществляется соответствующими органами СЕ в рамках их полномочий, и специальный мониторинг, выполняемый отдельными органами (комитетами, группами и т. п.), создание которых предусматривается в соответствии с положениями конкретных конвенций в целях контроля за их реализацией государствами-участниками.

РОЛЬ ООН В СТАНОВЛЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Т. Г. Николаевич

*Национальный центр правовой
информации Республики Беларусь*

Для общего понимания международных процессов построения информационного общества необходимо рассмотреть деятельность в этой сфере международных организаций, в первую очередь ООН. В данной организации есть ряд структур, непосредственно связанных с его построением [1]. Из них хотелось бы выделить Международный союз электросвязи (далее – МСЭ) и ЮНЕСКО.

МСЭ является специализированным ведущим учреждением ООН в области информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) и всемирным координационным центром для правительств и частного сектора в развитии сетей и служб. Основные сферы компетенции МСЭ в областях ИКТ – преодоление разрыва в цифровых технологиях, международное и региональное сотрудничество, управление использованием радиочастотного спектра, разработка стандартов и распространение информации – имеют решающее значение для построения информационного общества. ЮНЕСКО является специализированным учреждением ООН по вопросам образования, науки и культуры, которое проводит работу, направленную на обеспечение мира во

всем мире и международного взаимопонимания, в том числе в рамках одной из своих основных сфер – коммуникации и информации. Вся деятельность ЮНЕСКО в области коммуникации и информации призвана сократить существующий сегодня цифровой разрыв между развитыми и развивающимися странами. На пути к строительству общества знания и сокращению разрыва в области цифровых технологий данная организация делает акцент на человеческий фактор: культурное и языковое разнообразие информации, доступ к ней и использование обществом [1].

В процессе развития информационного общества МЭС и ЮНЕСКО сталкиваются с проблемами. Существенным вопросом является использование возможностей сети Интернет и ИКТ. Происходит разделение общества на тех, кто имеет возможность активно пользоваться компьютером, Интернетом и другими ресурсами, и тех, кто не обладает ни техникой, ни соответствующими навыками. В развитых странах Европы, Азии, США доля активных пользователей компьютеров и Интернета значительно выше, чем в остальных государствах. В странах Африки (за исключением ЮАР) доля активных пользователей не превышает нескольких процентов.

Успешность решения проблем остается одним из факторов, влияющих на развитие глобального информационного общества. Проводились международные саммиты «Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества». Разработанные и подписанные в Женеве (2003 г.) и Тунисе (2005 г.) документы служат ориентиром для национальных стратегий построения информационного общества [2].

Страны строят национальные стратегии по их реализации, основываясь на документах всемирных саммитов, в которых определены 11 направлений действий или движения по построению информационного общества: 1) роль органов государственного управления и всех заинтересованных сторон в содействии применению ИКТ в целях развития; 2) информационная и коммуникационная инфраструктура – необходимый фундамент информационного общества; 3) доступ к информации и знаниям; 4) наращивание потенциала; 5) укрепление доверия и безопасности при использовании ИКТ; 6) благоприятная среда; 7) приложения на базе ИКТ: преимущества во всех аспектах жизни: е-правительство, е-занятости, е-бизнесе, е-экологии, е-иных приложениях; 8) культурное разнообразие и культурная самобытность, языковое разнообразие и местный контент; 9) средства массовой информации; 10) этические аспекты информационного общества; 11) международное и региональное сотрудничество [2].

Объединенным институтом проблем информатики НАН Беларуси совместно с Департаментом информатизации Минсвязи Республики Беларусь была подготовлена Стратегия развития информационного общества в Беларуси на период до 2015 г. и план первоочередных мер по реализации Стратегии раз-

вития информационного общества в Беларуси на 2010 год. В основу данной Стратегии положены руководящие принципы и методологические основы построения информационного общества, принятые в документах Всемирных встреч на высшем уровне по вопросам информационного общества (Женева, 2003 г.; Тунис, 2005 г.).

Список использованных источников

1. Мелюхин, И. С. Информационное общество : истоки, проблемы, тенденции развития / И. С. Мелюхин. – М. : Моск. ун-та, 1999. – 208 с.
2. Информационное общество // М-во связи и информатизации Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : http://www.giprosvjaz.by/ru/inf_society/. – Дата доступа : 08.06.2012.

КОМПЛЕКСНЫЙ ХАРАКТЕР ПРАВА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

О. А. Ластовская

*Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы*

В настоящее время термин «право международных организаций» широко используется в теории международного права, однако вопрос об определении его системной принадлежности является нерешенным. Существующие подходы к выяснению места права международных организаций в системе права можно рассматривать в рамках трех основных направлений.

1. Право международных организаций – отрасль современного международного права в узком смысле. Раздел, посвященный праву международных организаций, традиционно включается в структуру учебной литературы по дисциплине «Международное право», что является отражением подхода авторов к системе международного права. Право международных организаций выходит за рамки, регулируемые международным публичным правом. Внутренним правом международных организаций могут регулироваться отношения частноправового характера с такими субъектами, как юридические и физические лица.

2. Право международных организаций – самостоятельная правовая система, функционирующая наравне с международным публичным и международным частным правом. Т. Н. Нешатаева приходит к выводу о том, что возможно существование такого комплекса, как международное право в широком смысле, включающее международное частное право, международное публичное право и право международных организаций [1, с. 57–58]. В. И. Маргиев также

рассматривает международное право в широком смысле и называет его структурные элементы – международное публичное право, международное частное право, международное уголовное право и внутреннее право международных организаций [2, с. 38].

3. Право международных организаций – комплексная отрасль права, которая включает как нормы международного публичного права, так и нормы международного частного права. С. А. Малинин отмечает, что право международных организаций – комплексная отрасль права, предмет правового регулирования которой неоднороден. Он вбирает в себя группу международных отношений, регулируемых международным публичным правом, и группу международных отношений, регулируемых международным частным правом [3, с. 176].

Вопрос о комплексных образованиях в праве является дискуссионным и не имеет единого решения. Ученые выступают как за комплексные отрасли права, так и против них. С. С. Алексеев отмечает, что комплексные отрасли – это особая юридическая целостность. Нормы комплексной отрасли или института можно и нужно распределять по основным отраслям, но «замкнуть» их только в рамках основных отраслей нельзя [4, с. 198]. В качестве комплексных отраслей часто рассматриваются хозяйственное право, международное частное право и международный гражданский процесс, морское право, банковское право и др.

Право международных организаций нельзя рассматривать в отрыве от международного публичного права. Это вытекает из следующего: ММПО – это в первую очередь субъект публичного права, учреждаемый в соответствии с нормами международного публичного права для осуществления публично-правовых функций. «Первичные» источники правового регулирования статуса международных организаций – это положения международных договоров, содержащих, как правило, нормы публичного права.

В своей деятельности ММПО вступает в отношения, регулируемые нормами частного права, и принимает акты, содержащие частно-правовые нормы. Увеличение количества ММПО неизбежно приводит к увеличению случаев вступления организаций в отношения, регулируемые частноправовыми нормами. Данную составляющую права международных организаций нельзя «отсекать» от публично-правового статуса ММПО. Частноправовые нормы «пронизывают» многие институты права международных организаций, что обусловлено особым двойственным статусом ММПО. Таким образом, право международных организаций представляет собой комплексное образование, включающее совокупность принципов и правовых норм, лежащих как в плоскости международного публичного, так и международного частного права, регулирующих отношения в сфере создания и деятельности международных организаций.

Список использованных источников

1. *Нешатаева, Т. Н.* Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании / Т. Н. Нешатаева. – М. : Дело, 1998. – 272 с.
2. *Маргиев, В. И.* Внутреннее право международных организаций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / В. И. Маргиев ; Казанский гос. ун-т. – Казань, 1999. – 42 с.
3. *Малинин, С. А.* О правотворческой деятельности межгосударственных организаций / С. А. Малинин // Сов. ежегодник междунар. права. – М. : Наука, 1973. – С. 173–187.
4. *Алексеев, С. С.* Теория права / С. С. Алексеев. – М. : БЕК, 1995. – 320 с.

О МЕЖГОСУДАРСТВЕННОМ ОБМЕНЕ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ

В. Н. Тевелева

*Национальный центр правовой
информации Республики Беларусь*

Законом Республики Беларусь от 14 ноября 2005 г. № 60-З «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» [1] в качестве основных направлений внешней политики нашего государства закреплены: обмен информацией и технологиями, использование международных глобальных информационных сетей в интересах ускоренного экономического развития, содействие интеграции Республики Беларусь в мировое информационное пространство, поддержка взаимовыгодного международного сотрудничества в области информации и информатизации и др. Беларусь последовательно реализует внешнюю политику в правовой сфере, развивая сотрудничество с иностранными государствами и международными организациями в области обмена правовой информацией.

Концепция совершенствования законодательства Беларуси [2] закрепила в качестве одной из целей правовую интеграцию национального законодательства с законодательством других государств, включая унификацию и гармонизацию законодательства Беларуси с законодательством России, государств – участников ЕврАзЭС, СНГ.

Наиболее тесное сотрудничество по вопросам обмена правовой информацией осуществляется в рамках региональных интеграционных образований: ЕврАзЭС, СНГ, Союзного государства. В связи с развитием экономического сотрудничества между Беларусью, Россией и Казахстаном в последнее время существенно повысилось значение обмена правовой информацией в рамках Таможенного союза. С доступом к законодательству России сложности возникают редко. В Беларуси российское законодательство содержится в эталонном банке данных правовой информации информационно-поисковой

системы «Эталон», который доступен государственным и иным органам и организациям, а также гражданам.

Однако с законодательством Казахстана ситуация несколько иная. Базы данных казахского законодательства доступны только в некоторых государственных органах. В связи с этим представляется рациональным разработать и сформировать в Беларуси банк данных, содержащий законодательство Казахстана как партнера по Таможенному союзу. В более отдаленной перспективе – законодательство стран, которые будут присоединяться к Таможенному союзу, т. е. иных государств – участников ЕврАзЭС (Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан). Зачастую оперативность и эффективность получения необходимой информации и ее применения значительно затрудняется языковым фактором.

Свободный доступ к официальной, достоверной и актуальной правовой информации является необходимым условием развития всех фундаментальных процессов в государстве, непосредственной основой международного сотрудничества в различных сферах: экономической, социальной, политической, научной, культурной и др.

Таким образом, совершенствование национального законодательства в рамках межгосударственных региональных образований по направлениям гармонизации и унификации необходимо проводить с учетом правовой информации иностранных государств и межгосударственных образований на основе неуклонного соблюдения суверенитета и национальных интересов.

Список использованных источников

1. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь, 14 ноября 2005 г., № 60-3 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

2. О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь, 10 апреля 2002 г., № 205 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012.

Организационный комитет выражает искреннюю благодарность за помощь в проведении конференции:

Евдокимову Василию Петровичу, директору юридической фирмы «Small and Partners UK Limited» (Лондон, Великобритания), аспиранту кафедры теории и истории государства и права (1984–1987 гг., научный руководитель профессор С. Г. Дробязко), преподавателю кафедры теории и истории государства и права (1987–1990 гг.);

ООО «ЮрСпектр»;

ОАО «Мобильные ТелеСистемы»;

ООО «Степановский, Папакуль и Партнеры»;

ООО «Власова, Михель и Партнеры»;

ООО «Компания «Юридические технологии»;

ЧП «ЛексКонсалт»;

ОДО «Сысуев, Бондарь, Храпуцкий»;

ООО «Международный центр экспертизы»;

Минской городской коллегии адвокатов;

ИП «Кока-Кола Бевриджис Белоруссия»;

ИП «Алвеста-М»;

Дьячкову Игорю Владимировичу (выпуск юридического факультета БГУ 1996 г.);

Кривцову Андрею Владимировичу (выпуск юридического факультета БГУ 1996 г.);

Кравцовой Елене Ивановне (выпуск юридического факультета БГУ 2008 г.);

Калабаевой Елене Александровне (выпуск магистратуры юридического факультета БГУ 2010 г.);

Янкив Наталье Ярославовне (выпуск юридического факультета БГУ 2008 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ

<i>Доўнар Т. І.</i> Прававыя ідэі Андрэя Волана ў кнізе «Пра палітычную або грамадзянскую свабоду	3
<i>Васілевіч Г. А.</i> Место и роль программных законодательных актов в белорусском праве	6
<i>Сільчанка М. У.</i> Мадыфікаваныя крыніцы беларускага права	8
<i>Чиркин В. Е.</i> Некоторые современные вопросы разделения властей и совершенствование национального законодательства	12
<i>Вітушко В. А.</i> Основы событийного права	16
<i>Демичев Д. М.</i> Конституционно-правовые институты: содержание, признаки, специфика	18
<i>Годунов В. Н.</i> Преддоговорная стадия в заключении договора и преддоговорная ответственность	20
<i>Каменков В. С.</i> Реализация конституционных норм и принципов в экономическом правосудии	23
<i>Кравцова Т. Н.</i> Кодификация хозяйственного законодательства в Украине: опыт и пути совершенствования	28
<i>Ефремова Н. Н.</i> Судебная организация в контексте формирования единого правового пространства России и Беларуси: исторические параллели	30

Раздел I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: ИСТОРИЯ И НОВАЦИИ

<i>Калинин С. А.</i> Цивилизационный контекст в изучении государства и права	32
<i>Павлов В. И.</i> Об основаниях юридической персонологии: переосмысление личностного начала в праве	35

<i>Матарас В. Н.</i> Теория государства и права и естественные науки	38
<i>Зыбайло А. И.</i> Человек как субъект модели устойчивого развития	40
<i>Вершок И. Л.</i> О познании социально-правовой действительности	42
<i>Макарова Т. И.</i> Некоторые вопросы методологии экологического права	44
<i>Атрушкевич М. М.</i> Глобализация как исторический процесс	46
<i>Голубева Л. Л.</i> Да пытання аб перадыдацыі гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі	48
<i>Орловская Е. И.</i> Философия Иоганна Готфрида Гердера как метафизическая основа самоопределения славян	49
<i>Бочков А. А.</i> Характеристика права у Н. М. Коркунова.....	51
<i>Назмутдинов Б. В.</i> Понятие права в трудах классиков евразийства.....	53
<i>Шылінская А. У.</i> Кансерватыўная плынь у палітыка-прававой думцы Беларусі ў першай палове XIX стагоддзя.....	54
<i>Землянинова Е. А.</i> Институциональные предпосылки реализации интегративного потенциала права	56
<i>Калинина Э. А.</i> Правовая культура молодежи – главная цель образовательного процесса в Международном университете «МИТСО»	59
<i>Демидова И. А.</i> О системных исследованиях правовой культуры.....	62

Раздел II. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

<i>Тихина В. Г.</i> Инновационные нормы права в законодательстве Республики Беларусь: состояние и перспективы.....	65
<i>Антонова О. А.</i> О реализации гражданами права законодательной инициативы.....	68
<i>Будаев А. М.</i> Непосредственное правотворчество народа на местном уровне в России и Беларуси.....	69
<i>Сидорчук И. П.</i> Кодификация как важнейшая форма совершенствования отраслей законодательства	71
<i>Василевич С. Г.</i> Правовые принципы как основа нормотворчества и правоприменения.....	73
<i>Арушаньянц А. Н.</i> Планирование в правотворческой деятельности: стратегия и тактика	75
<i>Левко П. И.</i> Специфика использования государственных программ в социальном проектировании.....	77
<i>Иванова Т. В.</i> Высшие судебные инстанции общей и хозяйственной юрисдикции Республики Беларусь как субъекты законодательной инициативы	79

<i>Дмитриев В. В.</i> Регламентированность как принцип правотворческой деятельности.....	81
<i>Гуйда Е. П.</i> О правовом мониторинге в Республике Беларусь	83
<i>Поляцук Н. А.</i> Роль правового мониторинга в совершенствовании законодательства	85
<i>Ханевский А. А.</i> Об общественной экспертизе проектов нормативных правовых актов	87
<i>Данисевич А. Н.</i> Особенности проведения криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов, направленных на регулирование правовых отношений в финансово-экономической сфере.....	89
<i>Янкив Н. Я.</i> Об обязательной лингвистической экспертизе проектов нормативных правовых актов в Республике Беларусь	90
<i>Касияненко Н. В.</i> Оценочные понятия в нормотворчестве: сравнительно-ретроспективный анализ	92
<i>Гарбузова Е. В.</i> Инструментальность как качество систематизации национального законодательства	94
<i>Журавлева Т. В.</i> Адаптивный спорт в системе законодательства	95
<i>Вечорко В. Ю.</i> О структурном совершенствовании национального законодательства	97
<i>Саблин И. В.</i> Современное состояние и способы совершенствования сотрудничества органов военного управления Республики Беларусь и религиозных организаций.....	98
<i>Скоробогатая М. К.</i> Некоторые аспекты юридической обработки правовой информации	102
<i>Гончарова Д. А.</i> О системах правовой информатизации зарубежных стран	103
<i>Фионов А. Н.</i> Правовая культура и правосознание как механизм совершенствования национальной правовой системы.....	105

Раздел III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

<i>Chen Guang.</i> Impacts of the development of urban agglomerations on chinese legislative system.....	107
<i>Лиу Игонг.</i> О совершенствовании системы собраний народных представителей в КНР	109
<i>Пугачев А. Н.</i> Механизмы конституционализации правового порядка	112
<i>Сажина В. В.</i> Источники современного конституционного права: к проблеме конвергенции	114

<i>Шавцова А. В.</i> О теоретико-правовых аспектах исследования гражданского общества Республики Беларусь	116
<i>Кондратович Н. М.</i> О конституционных процессах на постсоветском пространстве: содержание и пути реализации	119
<i>Боголейко А. М.</i> Процессуальные вопросы привлечения к конституционно-правовой ответственности	121
<i>Балыкина Л. И.</i> Становление парламентаризма в Украине и Республике Беларусь в контексте концепции бикамерализма	124
<i>Сивец С. М.</i> Вопросы правового регулирования сферы здравоохранения как один из основных векторов проведения социальной политики государства	130
<i>Григоренко Е. И.</i> О реализации прав военнослужащих в Украине	132
<i>Орехова Е. П.</i> Сущность конституционного права на труд	134
<i>Григорьев А. А.</i> Перспективные направления деятельности ассоциаций местных советов депутатов	136
<i>Артёмьев С. Ю.</i> О проблеме определения государственно-правового режима в Республике Беларусь	137

Раздел IV. ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО, ЭКОЛОГИЧЕСКОГО, ФИНАНСОВОГО И НАЛОГОВОГО ПРАВА

<i>Охрименко З. А.</i> Развитие электронного правительства в Республике Беларусь	140
<i>Тимошенко М. В.</i> Практические аспекты подчиненности, подконтрольности и подотчетности в системе органов местного управления	142
<i>Червякова Т. А.</i> Об основаниях приостановления действия лицензии	144
<i>Дуля Е. Н.</i> Надзор и контроль в агропромышленном комплексе: новое в законодательстве Республики Беларусь	146
<i>Квятович А. А.</i> Контрольные функции таможенных органов Республики Беларусь	148
<i>Короткевич М. П.</i> Актуальные вопросы привлечения к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства	150
<i>Самбор Н. А.</i> О правовом регулировании и обеспечении прав и интересов абонентов мобильной связи	151
<i>Шингель Н. А.</i> О праве на доступ к природным ресурсам	154
<i>Чиж И. М.</i> К вопросу о правовом регулировании учета вод	156
<i>Самусенко Л. А.</i> Объекты права рекреационного природопользования	158
<i>Лопуть Н. А.</i> О совершенствовании законодательства, регулирующего государственный долг Республики Беларусь	160

<i>Можяева Л. Е.</i> Налоговое обязательство в системе налогового права.....	162
<i>Ярмош Е. П.</i> Дискуссионные вопросы рассмотрения материалов налоговой проверки.....	164

Раздел V. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО, ХОЗЯЙСТВЕННОГО И ТРУДОВОГО ПРАВА

<i>Третьякова И. П.</i> К вопросу о международном обычае как источнике международного частного права Республики Беларусь.....	167
<i>Царева Л. В.</i> Международный торговый обычай: значение и основания применения.....	169
<i>Шимон С. И.</i> К дискуссии о праве собственности на имущественные права.....	171
<i>Салей Е. А., Ландо Д. Д.</i> Об определении субъектов права на фирменное наименование в Гражданском кодексе Республики Беларусь.....	173
<i>Амельчяна Ю. А.</i> О правовом режиме уставного фонда коммерческих организаций в свете законодательства о приватизации.....	175
<i>Свадковская Е. А.</i> Авторский договор заказа.....	176
<i>Воробьев С. М.</i> К вопросу о моральном дискриминационном вреде.....	178
<i>Иванова Д. В.</i> Предоставление правовой охраны новым породам животных в различных правовых системах.....	179
<i>Шакель Н. В.</i> О применении технических средств защиты произведений (DRM).....	181
<i>Терованесов А. М.</i> Особенности медицинского страхования в некоторых европейских странах.....	183
<i>Ермолович В. И.</i> Договор найма в праве средневековой Сербии и Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского (сравнительный анализ).....	184
<i>Хотько О. А.</i> Проблемы нормативного закрепления ограничений (обременений) прав на земельные участки.....	187
<i>Машиаров Р. Н.</i> Государственная поддержка в механизме правового регулирования ссудо-сберегательных жилищных отношений.....	189
<i>Хватик Ю. А.</i> Концепция правового обеспечения развития потребительского кредитования в Республике Беларусь.....	190
<i>Тарасюк Н. В.</i> Отдельные аспекты организации труда работников-надомников.....	192
<i>Долголева И. А.</i> Актуальные направления совершенствования пенсионной системы Республики Беларусь.....	194
<i>Куделко О. Г.</i> Новое в законодательстве о приемной семье.....	196
<i>Ермолович И. А.</i> Договор купли-продажи в праве стран средневековой Европы (сравнительный анализ).....	198
<i>Ильич С. Н.</i> Спортивное агентирование.....	201

Раздел VI. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

<i>Шидловский А. В.</i> О предмете регулирования уголовного права	205
<i>Марчук В. В.</i> Специальный принцип квалификации преступлений и критерии его определения.....	208
<i>Шаблинская Д. В.</i> Правоприменительная профилактика как компонент системы предупреждения преступлений.....	210
<i>Сілаеў С. А.</i> Да пытання аб трывалым злачынстве.....	212
<i>Никитенко О. Г.</i> Проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь по борьбе с терроризмом	213
<i>Гур'еў С. А.</i> Станаўленне крымінальна-прававой навукі ў БССР	215
<i>Бритова Е. А.</i> О построении санкций уголовного закона.....	216
<i>Лапцевич И. И.</i> Административная преюдиция как условие уголовной ответственности в некоторых случаях принуждения к выполнению обязательств.....	217
<i>Варихов С. В.</i> Противодействие экстремизму в условиях глобализации: вопросы реформирования белорусского законодательства	219
<i>Бородулькина Е. С.</i> Особенности медицинского критерия освобождения от наказания в случае психического расстройства (заболевания).....	220

Раздел VII. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И СУДОУСТРОЙСТВА

<i>Gilbert Gornig.</i> Zur verfassungsmässigkeit der sicherungsverwahrung in Deutschland	222
<i>Гилберт Горниг.</i> К вопросу о конституционности превентивного ограничения свободы в Германии	226
<i>Бибилу В. Н.</i> Реализация социальных норм в правосудии	231
<i>Здрок О. Н.</i> Совершенствование правового регулирования порядка исполнения судебных постановлений и актов несудебных органов в гражданском и хозяйственном процессе.....	234
<i>Скобелев В. П.</i> Новеллы правового регулирования временных прерывов в судебном разбирательстве гражданских дел	236
<i>Кравцов О. Л.</i> Недостатки процессуального права как причина злоупотребления правом	238
<i>Прохорчик О. А.</i> Реализация конституционных принципов при бесспорном списании денежных средств	241
<i>Песенко С. В.</i> Процессуальный статус прокурора в хозяйственном процессе.....	243

<i>Гацук Е. Н.</i> О досудебном порядке урегулирования споров при защите деловой репутации.....	245
<i>Ангельскі У. М.</i> Правовое рэгуляванне інстытута прыватнага натарыята ў Рэспубліцы Беларусь	247
<i>Верещагина А. В.</i> Теоретическое обоснование и легальное закрепление назначения уголовного судопроизводства в ретроспективе	249
<i>Ширинский О. Ю.</i> Становление и нормативное содержание презумпции невиновности.....	251
<i>Boranijašević Vladimir.</i> Possible Violation of the Principle of Mutual Interrogation of the Parties in Legal Proceedings.....	253
<i>Петрова О. В.</i> О принципах осуществления правосудия на основе состязательности и равенства сторон и всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела	256
<i>Рожко О. В.</i> Уголовно-процессуальное законодательство: проблемы правотворчества	258
<i>Петраш А. А.</i> Концепция судебного-правовой реформы о модернизации системы военных судов в Республике Беларусь	260
<i>Кравцова М. А.</i> О праве потерпевшего на предъявление доказательств причинения морального вреда.....	262
<i>Щерба Т. Л.</i> К вопросу о договорном характере залога в уголовном процессе	263
<i>Суховенко Н. А.</i> Регламентация процессуальных издержек по уголовным делам в источниках права феодальной Беларуси XV – первой половины XVI вв.....	265
<i>Ястреб Д. С., Калина О. Л.</i> Совершенствование механизмов предоставления бесплатной юридической помощи	267

Раздел VIII. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

<i>Бровка Ю. П.</i> Некоторые вопросы конституирования Союзного государства	269
<i>Лагун Д. А.</i> Единое экономическое пространство: становление и развитие.....	271
<i>Чуприс О. И.</i> О некоторых проблемах формирования системы евразийского законодательства	274
<i>Малашко А. П.</i> Механизм разрешения спорных вопросов, связанных с применением договора о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г.....	276
<i>Цебрук М. А.</i> Международные интеграционные процессы в праве: тенденции развития	278
<i>Масловская Т. С.</i> Тенденции эволюции избирательного законодательства в странах СНГ.....	280

<i>Лещенко С. К.</i> Совершенствование налогового законодательства в условиях региональной интеграции	282
<i>Постовалова Т. А.</i> Особенности правового сближения законодательства о социальном обеспечении.....	284
<i>Хацук Ж. В.</i> Правовая интеграция в международном гражданском процессе.....	286
<i>Хиль Н. Н.</i> Государственные закупки как одно из направлений интеграции на пути формирования ЕЭП.....	288
<i>Побережнюк Е. А.</i> Интеграционные процессы Беларуси и России в рамках мировой глобализации.....	290
<i>Гришкевич О. В.</i> Специфика контрольного механизма открытых конвенций Совета европы с участием Республики Беларусь	292
<i>Николаевич Т. Г.</i> Роль ООН в становлении информационного общества.....	293
<i>Ластовская О. А.</i> Комплексный характер права международных организаций: «за» и «против».....	295
<i>Тевелева В. Н.</i> О межгосударственном обмене правовой информацией.....	297

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

**Материалы международной
научно-практической конференции,
посвященной 90-летию профессора С. Г. Дробязко
Минск, 11–12 октября 2012 г.**

В авторской редакции
Ответственный за выпуск
Художник обложки *Т. Ю. Таран*
Технический редактор *Т. К. Раманович*
Компьютерная верстка *О. Н. Сырель*
Корректор *Т. В. Атрошкевич*

Подписано в печать 00.12.2011. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 8,83. Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 200 экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
ЛИ № 02330/0494425 от 08.04.2009.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
ЛП № 02330/0494178 от 03.04.2009.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.